

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 0130-3864

В НОМЕРЕ:

ПОГРАНИЧНЫЙ ВОПРОС И «БОЛЬШАЯ ИГРА»
В ДОНЕСЕНИЯХ Р. КОББОЛЬДА В 1898–1899 годах

АНАРХИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАННЕМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В КОРее (1919–1924)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-АФГАНСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ
1921 года В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МИЛИТАРИЗМ» И «ДОКТРИНА МОНРО»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВЕТСКОГО И БРИТАНСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА (середина 1920-х годов)

МЕТАМОРФОЗЫ ПРЕВОСХОДСТВА: ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННЫЕ
МИССИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА
КАК (ПОСТ)ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЭКСПАНСИИ

ВОКРУГ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА:
АМЕРИКАНСКАЯ РАЗВЕДКА И ИНФОРМАТОРЫ, 1945–1949 годы

ЗАПАДНОГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕРМАНСКОЙ
ИМПЕРИИ КАК ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

СОЮЗНИКИ ПОНЕВОЛЕ: СССР, КОМПАРТИЯ АРГЕНТИНЫ
ПЕРЕД ЛИЦОМ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ (1976–1983)

КОСМИЧЕСКАЯ «НИТЬ АРИАДНЫ»
ДЛЯ ФРАНЦИИ И ЕВРОПЫ В СЕРЕДИНЕ XX–XXI веков

4
2024

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

№ 4
ИЮЛЬ–АВГУСТ

2024

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Одд Арне Вестаг (США), А.Б. Давидсон (Россия), Штефан Карнер (Австрия),
Николаус Катцер (Германия), Доминик Ливен (Великобритания), Г.Ф. Матвеев (Россия),
В.С. Мясников (Россия), В.В. Наумкин (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), А.О. Чубарьян (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), Л.С. Белоусов (Россия), Д.М. Бондаренко (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), Владислав Зубок (Великобритания), Суви Кансикас (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), М.А. Липкин (Россия), Леонид Люкс (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), Мари-Пьер Рей (Франция),
Дональд Рейли (США), Л.П. Репина (Россия), И.М. Савельева (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), В.В. Согрин (Россия), Грегори Фриз (США), Б.Л. Хавкин (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), Франтишек Штелльнер (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 4
JULY –AUGUST
2024

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL OF EDITORS

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Nikolaus Katzer (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

Кимленко Е.А. Об источниках по истории Римской курии 1860–1870-х годов	5
Матвеева А.Г. Западногерманская историография Германской империи как пример реак- лизации исторической политики	18
Митрофанов А.А. Концепция «народного роялизма» в новейшей историографии Фран- цузской революции и эпохи Наполеона: за и против	31

НОВОЕ ВРЕМЯ

Бухарин М.Д. Пограничный вопрос и «Большая игра» в донесениях Р. Коббольда в 1898–1899 годах	46
Кузина Н.А. Роль церкви в конструировании каталонского национализма на рубеже XIX–XX веков	57

XX ВЕК

Дамье В.В. Анархистские тенденции в раннем социалистическом движении в Корее (1919–1924)	71
Тихонов Ю.Н. Заключение советско-афганского Договора о дружбе 1921 года в контексте но- вых архивных источников	88
Сергеев Е.Ю. «Коммунистический милитаризм» и «доктрина Монро» в интерпретации советского и британского политического руководства (середина 1920-х годов)	102
Ланник Л.В. Метаморфозы превосходства: германские военные миссии межвоенного периода как (пост)травматический опыт экспансии	115
Мельникова Н.В. Вокруг советского атомного проекта: американская разведка и информато- ры, 1945–1949 годы	133
Щелчков А.А. Союзники поневоле: СССР, компартия Аргентины перед лицом военной диктатуры (1976–1983)	145
Клинова М.В. Космическая «нить Ариадны» для Франции и Европы в середине XX – XXI веков	159

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Дудайти А.К. Геополитика на Южном Кавказе: динамика регионального соперничества Тур- ции и Ирана после Второй карабахской войны	173
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Дашенко П.А. К вопросу о роли российской дипломатии в урегулировании германского кризи- са 1850 года. Переписка П.К. Мейендорфа с МИД об Ольмюцком соглашении 29 но- ября 1850 года	186
---	-----

СООБЩЕНИЯ

Сагомонян А.А. Евгений Петрович Новиков (1826–1903) — дипломат «горчаковской школы»	198
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Богомолов И.К. Нейтралитет в годы Первой мировой войны (М. Abbenhuis, I. Tames. Global War, Global Catastrophe. Neutrals, Belligerents and the Transformation of the First World War. London, 2022)	217
Артамошин С.В. На пути к установлению дипломатических отношений: большевики и кай- зеровская Германия в 1918 году (Берлинская миссия полпреда Иоффе 1918 г. До- кументы / авт.-сост. А.Ю. Ватлин, Л.В. Ланник, Т. Пентер. М., 2023)	220

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 70-летию Сергея Васильевича Мазова	222
--	-----

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Kimlenka K.A. On the sources for the history of the Roman Curia, 1860–70s.....	5
Matveeva A.G. West German Historiography of the German Empire as an Example of the Implementation of Historical Policy	18
Mitrofanov A.A. The Concept of “Popular Royalism” in the Latest Historiography of the French Revolution and the Napoleonic Era: Pro and Contra	31

MODERN HISTORY

Bukharin M.D. The Great Game and the Border Issue in the Pamirs in the Reports of Ralph Cobbold, 1898–1899	46
Kuzina N.A. The Role of the Church in the Construction of Catalan Nationalism at the Turn of the 19th–20th Centuries.....	57

TWENTIETH CENTURY

Damier V.V. Anarchist Tendencies in the Early Socialist Movement in Korea, 1919–1924	71
Tikhonov Yu.N. The Conclusion of the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship” in the Context of New Archival Sources.....	88
Sergeev E.Yu. “Communist Militarism” and the “Monroe Doctrine” in the Interpretation of Soviet and British Political Leadership, mid-1920s.....	102
Lannik L.V. Metamorphoses of Superiority: German Military Missions in the Interwar Period as a (Post) Traumatic Experience of Expansion	115
Melnikova N.V. The Soviet Atomic Program: American Intelligence and Informants, 1945–1949	133
Schelchkov A.A. Unwilling Allies: The USSR, the Communist Party of Argentina, and the Military Dictatorship in Argentina, 1976–1983	145
Klinova M.V. The “Ariadne’s Space Thread” for France and Europe in the Mid-Twentieth and Twenty-First Centuries.....	159

CONTEMPORARY HISTORY

Dudayti A.K. Geopolitics in the South Caucasus: The Dynamics of Regional Rivalry Between Turkey and Iran After the Second Karabakh War	173
---	-----

ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS

Datsenko P.A. On the Role of Russian Diplomacy in Resolving the Autumn Crisis of 1850: Diplomatic Correspondence between Peter von Meyendorff and the Ministry of Foreign Affairs on the Punctuation of Olmütz, 29 November 1850	186
---	-----

MESSAGES

Sagomonyan A.A. Evgeny Petrovich Novikov (1826–1903) – Diplomat of the Gorchakov School.....	198
---	-----

REVIEWS

Bogomolov I.K. Neutrality During the Great War (M. Abbenhuis, I. Tames. Global War, Global Catastrophe. Neutrals, Belligerents and the Transformation of the First World War. London, 2022).....	217
Artamoshin S.V. On the Way to Establishing Diplomatic Relations: the Bolsheviks and the Kaiser’s Germany in 1918 (Berlin Mission of Plenipotentiary Ioffe 1918. Documents / author is the compiler A.Y. Vatlin, L.V. Lannick, T. Penter. Moscow, 2023).....	220

ACADEMIC LIFE

In Honour of the 70th Anniversary of Sergey Vasilyevich Mazov	222
---	-----

DOI: 10.31857/S0130386424040016

© 2024 г. Е.А. КИМЛЕНКО

ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ РИМСКОЙ КУРИИ 1860–1870-х годов

Кимленко Екатерина Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: k.kimlenko@gmail.com

Scopus Author ID: 58504552900; ORCID: 0009-0005-7793-2249; Researcher ID: KIC-0153-2024

Аннотация. В центре трудов по истории папства XIX в. традиционно находится деятельность понтификов. Роль Римской курии, административного органа Святого престола, на протяжении долгого времени либо вовсе не привлекала внимания исследователей, либо относилась к числу второстепенных сюжетов. В связи с изученностью основных событий большинства понтификатов и реформой Курии 2022 г. историки начали проявлять интерес к функционированию данного института Святого престола, а также участию его иерархов в процессе принятия решений. Вследствие этого стал весьма актуальным вопрос об источниках, на которых должны основываться исследования, посвященные Курии. На примере материалов 1860–1870-х годов становится понятным, что изучение роли Курии в истории папства предполагает использование писем и записок кардиналов, эго-документов их современников, а также дипломатической корреспонденции и материалов прессы. Именно эти источники, а не только акты куриальных ведомств, позволяют реконструировать картину происходившего в Курии в период адаптации Святого престола к новым реалиям, связанным с секуляризацией, стремлением государств к пересмотру взаимоотношений с Католической церковью и утратой понтификом светских прерогатив. Отказ от изучения исключительно актов ведомств Курии позволяет увидеть, что использование исследователями категории «Римская курия» требует оговорок, поскольку за этим безличным термином стояли разные люди, влиявшие на принятие решений духовного или политического толка. В статье продемонстрировано, что основные материалы по истории Курии сосредоточены в Ватикане и Италии, ряд неопубликованных источников по этой теме хранится в архивах других государств, включая Россию.

Ключевые слова: Святой престол, Италия, Ватикан, Римская курия, Папское государство, архивы, исторические источники, источниковедение, папство, Пий IX.

K.A. Kimlenka

On the sources for the history of the Roman Curia, 1860–70s

Katsiaryna Kimlenka, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: k.kimlenko@gmail.com

Scopus Author ID: 58504552900; ORCID: 0009-0005-7793-2249; Researcher ID: KIC-0153-2024

Abstract. Studies on the history of the Papacy in the nineteenth century have traditionally focused on the activities of the Pontiffs. The role played by the Roman Curia, the administrative body of

the Holy See, has long been either overlooked or regarded as a secondary subject. As the major events of most pontificates have been studied, and with the 2022 reform of the Roman Curia, historians have become increasingly interested in the functioning of this institution and the participation of its officials in the decision-making process. Consequently, the question of sources on the history of the Roman Curia is of great relevance. The author of the article, taking the case of documents from the 1860s–70s as an example, demonstrates that the study of the role of the Curia in the history of the Papacy requires recourse to letters and notes of Cardinals, correspondence and diaries of their contemporaries, as well as diplomatic correspondence and press reports. These sources allow one to see a more complex picture of what was happening in the Roman Curia during the period of the Holy See's adaptation to the new realities associated with secularisation, the tendency of states to revise the model of relations with the Catholic Church, and the Pontiff's loss of temporal authority. The author points out that sources on the history of the Roman Curia are concentrated in the Vatican and Italy, but a number of unpublished materials on the role of the administrative body of the Holy See are preserved in the archives of other countries, including Russia.

Keywords: Holy See, Italy, Vatican, Roman Curia, Papal States, archives, primary sources, source study, papacy, Pius IX.

Третья четверть XIX столетия вошла в историю Католической церкви как время ослабления политической роли папства, секуляризации и поиска новой формулы отношений между церковью и государством. Положение Святого престола претерпевало существенные изменения. Объединение итальянских земель вокруг Сардинского королевства привело к резкому сокращению территории Папского государства. После вступления итальянских войск в Рим 20 сентября 1870 г. папа Пий IX (1846–1878) утратил светские прерогативы. Понтифик и Римская курия, административный орган Святого престола, были вынуждены определить принципы своего поведения в новых реалиях. В этот период Курия находилась на службе понтифика и функционировала в соответствии с конституцией *Immensa Aeterni Dei* Сикста V 1588 г. Некоторые из ее ведомств занимались вопросами, связанными с существованием Папского государства, а в ведении других было управление Католической церковью.

Источники, касающиеся вышеперечисленных событий и процессов 1860–1870-х годов, достаточно хорошо изучены. На их основе написано значительное количество работ, посвященных истории понтификата Пия IX¹ и отношениям между Святым престолом и различными государствами². Однако еще в 1968 г. Л. Бедески, автор монографии о Курии в годы понтификата Пия X (1903–1914)³, отметил, что история папства – это не только история пап, но и история Курии⁴.

В последнее десятилетие интерес к изучению роли Курии в формировании политики Святого престола усилился⁵, что связано с подготовкой и проведением реформы этого института в 2022 г. Теперь Римская курия является институтом церковной администрации,

¹ Наиболее важные из них: *Pirri P.* Pio IX e Vittorio Emanuele II dal loro carteggio privato. Vol. 3. Roma, 1961; *Martina G.* Pio IX (1846–1850). Roma, 1974; *Idem.* Pio IX (1851–1866). Roma, 1986; *Idem.* Pio IX (1867–1878). Roma, 1990; *Aubert R.* Il Pontificato di Pio IX (1846–1878). Torino, 1976; *Veca I.* Il mito di Pio IX. Storia di un papa liberale e nazionale. Roma, 2018.

² См., например: *Tedeschi M.* Francia e Inghilterra di fronte alla questione romana: 1859–1860. Milano, 1978; *De Leonardis M.* L'Inghilterra e la questione romana, 1859–1870. Milano, 1980; *Meneguzzi Rostagni C.* La crisi del potere temporale e la diplomazia europea 1859–1860. Padova, 1983; *Castagnino Berlinghieri U.* Diplomazia senza Stato: Santa Sede e potenze europee. Milano, 2013.

³ *Bedeschi L.* La Curia romana durante la crisi modernista. Episodi e metodi di governo. Parma, 1968.

⁴ *Ibid.* P. XIII–XVII.

⁵ См., например: *Rosa M.* La Curia romana nell'età moderna. Istituzioni, cultura, carriere. Roma, 2013; *Marotta S.* L'evoluzione del dibattito sul “non expedit” all'interno della Curia romana tra il 1860 e il 1888 // Rivista di storia della Chiesa in Italia. 2014. № 1. P. 95–164; *Les cardinaux entre Cour et Curie: Une élite romaine (1775–2015)* / eds F. Jankowiak, L. Pettinaroli. Rome, 2017; *Visceglia M.A.* International Politics, Factions and Parties in the Roman Curia During the Late 16th Century // A Europe of Courts, a Europe of Factions. Leiden, 2017. P. 64–87; *Regoli R.* Ordini, controordini e disordini. Riforma della Curia e dello Stato // Governo della Chiesa, Governo dello Stato. Il tempo di Leone XII. Ancona, 2019. P. 29–51.

который находится на службе не только понтифика, но и епископов⁶. Внимание к истории административного органа Святого престола объясняется и тем, что основные события большинства понтификатов уже реконструированы с высокой степенью детализации. По этой причине исследователи стремятся задать хорошо известным материалам новые вопросы, в том числе касающиеся роли Курии в истории папства.

В связи с тем, что Курия становится самооценным предметом исследования, достаточно остро стоит вопрос источниковой базы. Сложность изучения ее истории 1860–1870-х годов заключается в том, что энциклики⁷, бреве⁸, аллокуции⁹, к составлению которых иерархи Курии имели непосредственное отношение, не отражают их роли в функционировании Святого престола. Акты куриальных ведомств¹⁰ создают представление о Курии как о монолитном сообществе. Наиболее важные документы конгрегаций¹¹, секретариатов¹² и трибуналов Курии¹³ публиковались с 1865 г. в бюллетене *Acta Sanctae Sedis*. Хотя акты Курии понтификата Пия IX четко показывают, что до утраты папой светских прерогатив в сентябре 1870 г. административный орган Святого престола совмещал функции института церковной и светской администрации, они не позволяют говорить о взаимодействии понтифика и иерархов Курии, борьбе за власть и атмосфере, которая царила в куриальном сообществе¹⁴. То же самое можно сказать о материалах, опубликованных в альманахе *Civiltà Cattolica*, который с 1850 г. издавался Обществом Иисуса под контролем Государственного секретариата Святого престола, и газете *Osservatore romano*. Материалы этих изданий отражают официальную позицию Святого престола, реакцию на захват территорий Папского государства и Рима, отношение к объединительным процессам в Европе, к распространению либеральных принципов и проблеме управления Католической церковью в условиях

⁶ *Costituzione Apostolica “Praedicate Evangelium” sulla Curia Romana e il suo servizio alla Chiesa e al Mondo*, 19.03.2022 // La Santa Sede. URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2022/03/19/0189/00404.html> (дата обращения: 01.03.2024).

⁷ Энциклики занимают первое место в иерархии папских документов. Преимущественно представляют интерес с точки зрения изложения вопросов доктрины веры, но иногда в них находят отражение оценки политических событий.

⁸ Вид краткого официального послания папы.

⁹ Речь понтифика, обращенная к Священной коллегии кардиналов. Произносится в ходе консистории.

¹⁰ К ведомствам Курии относились конгрегации, секретариаты, трибуналы, а также Апостольская канцелярия, Апостольская палата и Апостольская датария.

¹¹ Конгрегации часто сравнивают с министерствами в светском государстве. Каждую из конгрегаций, как правило, возглавлял префект, кардинал, назначенный папой. В некоторых случаях сам папа являлся префектом. Упразднены в 2022 г.

¹² Государственный секретариат являлся ключевым ведомством Курии, начиная со второй половины XVII в. Его глава помогал папе в осуществлении как светской, так и духовной миссии, а также координировал деятельность куриальных ведомств. В ведении Государственного секретариата находились внешнеполитические вопросы. Секретариат бреве занимался составлением папских документов, а Секретариат бреве государям — писем, адресованных монархам. Секретариат прошений уведомлял понтифика о входящих запросах и отправлял ответы на них.

¹³ Институты, зародившиеся в конце XII—XIII в. в связи с увеличением количества спорных вопросов, в решении которых папы не успевали принимать участие. Согласно реформе 1834 г., Трибунал Священной Римской роты и Верховный трибунал апостольской сигнатуры выступали в качестве апелляционного и верховного судов Папского государства соответственно. Компетенции Апостольской пенитенциарии не ограничивались Папским государством и были связаны с вопросами внутренней судебной ответственности.

¹⁴ В деятельности ведомств Курии принимали участие как священнослужители, так и миряне. Это касалось и функционирования конгрегаций, которые традиционно занимались управлением Католической церковью. По данным *Civiltà Cattolica* (см.: *L'inerzia del Governo Pontificio. Articolo estratto dall'Osservatore romano num. 256. Roma, 1862. P. 13*), в Курии миряне преобладали над священнослужителями: в 1862 г. насчитывалось 317 мирян и 158 представителей духовенства. Тем не менее власть была сосредоточена в руках кардиналов, возглавлявших куриальные ведомства.

отсутствия светских прерогатив понтифика¹⁵. При этом Курия выступает на страницах этих изданий в качестве единого сообщества.

Цель данной статьи — показать на примере материалов 1860–1878 гг., что, помимо официальных документов куриальных ведомств и изданий Святого престола, для изучения истории Курии важно использовать письма и записки кардиналов, переписку и дневники их современников, а также дипломатическую корреспонденцию и материалы прессы. Эти источники позволяют увидеть более сложную картину происходившего в куриальном сообществе.

Переписка кардиналов позволяет говорить о вариативности мнений иерархов Курии и различиях в восприятии событий 1860–1870-х годов. Письма кардиналов и прелатов помогают реконструировать их формальные и неформальные связи как в рамках этого института Святого престола, так и вне его. В наиболее концентрированном виде письма иерархов Курии представлены в фонде 1143A (Segr. Stato, Spogli Curia) Апостольского архива Ватикана (Archivio Apostolico Vaticano, AAV). Каждому крупному иерарху Курии посвящен ряд дел (buste). В целом материал фонда недостаточно систематизирован. В большинстве случаев отсутствует нумерация листов. Дела, посвященные кардиналам, значительно различаются по объему и, как правило, содержат не только письма, но и другие документы. Была тем не менее предпринята попытка тематически разделить материалы самых больших папок. Дела, касающиеся деятельности двух государственных секретарей Пия IX — Дж. Антонелли и Дж. Симеони, а также тех иерархов Курии, которые на определенном этапе являлись нунциями, отличаются большей упорядоченностью материалов. Например, это касается документов кардинала А. де Лука, который до возведения в кардинальское достоинство был нунцием в Мюнхене и Вене¹⁶. Возможно, это связано с традиционным вниманием историков к внешней политике Святого престола и большей изученностью этих документов.

Письма кардиналов Курии хранятся также в Личном архиве Пия IX и Архиве государственного секретаря, которые являются составными частями Апостольского архива Ватикана. Фонд 1131 (Arch. part. Pio IX, Sovrani e particolari) содержит переписку Пия IX с монархами и кардиналами. Ее содержание позволяет говорить об отношении иерархов Курии к последствиям провозглашения Итальянского королевства для Святого престола и другим ключевым событиям 1860–1870-х годов. Поскольку адресатом писем иерархов Курии являлся сам папа, то кардиналы и прелаты, вероятно, были заинтересованы в том, чтобы продемонстрировать лояльность понтифику. По этой причине сведения, содержащиеся в их письмах, адресованных Пию IX, требуют дополнительной верификации. Фонд 1089 (Segr. Stato. Parte moderna) за период с 1860 по 1878 г. содержит входящую и исходящую переписку кардиналов и государственного секретаря Святого престола. Например, в нем находится переписка государственного секретаря кардинала Дж. Антонелли с кардиналами С. Риарио Сфорца¹⁷ и Д. Карафа¹⁸, в которой обсуждается положение архиепархий

¹⁵ *Origini della sovranità temporale dei Papi* // *La Civiltà Cattolica* (далее — CC). 1861. Ser. IV. Vol. X. P. 48–67; *Il regno della Città Leonina* // *Ibid.* P. 18–32; *La sovranità temporale del Papa ed il regno d'Italia* // *Ibid.* Vol. XII. P. 513–526; *Chiesa libera in libero stato* // *Ibid.* 1862. Ser. V. Vol. III. P. 257–275; *Il diavolo e i liberali* // *Ibid.* 1864. Ser. V. Vol. IX. P. 555–676; *La guerra combattuta ultimamente in Italia* // *Ibid.* 1866. Ser. VI. Vol. VII. P. 385–401; *L'unità italiana e l'intervento straniero* // *Ibid.* 1871. Ser. VIII. Vol. II. P. 145–156.; *Napoleone e il capitale di cristianesimo* // *Ibid.* P. 412–417.

¹⁶ Archivio Apostolico Vaticano (далее — AAV). Segr. Stato. Spogli Curia. De Luca Card. Antonio Saverio. Busta 3A.

¹⁷ Архиепископ Неаполя. Выслан из города 21 сентября 1860 г. за отстранение священнослужителей, поддержавших Дж. Гарibaldi. Кардинал получил разрешение вернуться в Неаполь, но был вновь вынужден его покинуть в июле 1861 г. Начал принимать участие в функционировании ведомств Курии после переезда в Рим в начале 1862 г. В конце понтификата Пия IX современники считали С. Риарио Сфорца одним из основных претендентов на папскую тиару, поскольку он был известен и как хороший администратор, управлявший важным диоцезом, и как иерарх, имевший опыт работы в Курии. Кардинал, однако, скончался раньше Пия IX.

¹⁸ Архиепископ Беневенто. Переехав в Рим, стал принимать участие в работе нескольких конгрегаций Курии.

Папского государства и Королевства обеих Сицилий. Представляет интерес переписка между государственным секретарем и кардиналом К.А. фон Райзахом¹⁹ о политическом положении в Европе в 1864 г.

Разнообразные письма куриальных кардиналов хранятся в фонде 1132 (Arch. Part. Pio IX, Ogg. Vari). Они были адресованы главам ведомств Курии. Содержание документов фонда позволяет выявить оценку, которую давали иерархи Курии переменам, происшедшим в жизни Католической церкви в 1860-е годы. Особый интерес представляет письмо кардинала Ф. Гуиди²⁰ от 2 июля 1870 г., в котором он пояснил свою позицию по догмату о папской непогрешимости, озвученную на одном из заседаний I Ватиканского собора. Фонд также содержит черновик письма кардинала — викария Рима К. Патрици²¹, в котором этот могущественный иерарх Курии охарактеризовал ситуацию после захвата города итальянскими войсками 20 сентября 1870 г. Он обратил внимание на то, что в Вечном городе стала стремительно распространяться светская культура, а это, по его мнению, плохо сочеталось с ролью Рима как центра католического мира.

Некоторые письма иерархов Курии оказались в локальных итальянских архивах, как государственных, так и епархиальных. Примером тому служит переписка одного из ключевых кардиналов С. Риарио Сфорца, архиепископа Неаполя. Оригиналы его писем хранятся в фондах Государственного архива Неаполя (Archivio di Stato di Napoli) и Историческом архиве архиепархии Неаполя (Archivio storico diocesano di Napoli). Они отразили отношение кардинала к захвату территорий Папского государства пьемонтскими войсками в 1859—1860 гг., присоединению земель Королевства обеих Сицилий к Сардинскому королевству, политике святительства Виктора Эммануила II, а также представления Риарио Сфорца о поведении священнослужителей и мирян в новых обстоятельствах. Среди корреспонденции в основном представлена переписка с главами куриальных ведомств, епископами Юга Италии, представителями итальянских властей и другими современниками событий. Более 150 писем кардинала опубликованы Дж. Руссо в томах «Кардинал Систо Риарио Сфорца и объединение Италии (сентябрь 1860 г. — июль 1861 г.)» и «Политическая и религиозная деятельность кардинала Систо Риарио Сфорца от возвращения в епархию (1866) до I Ватиканского собора»²². Другим примером такого рода является переписка кардинала П. Катерини, префекта Конгрегации Собора²³, с епископами Бергамо и Брешии. Одна ее часть хранится в фонде Spogli Curia Апостольского архива Ватикана, а другая — в архивах соответствующих епархий. Э. Камоцци опубликовал 46 писем кардинала Катерини²⁴. В большинстве из них затрагивается тема изменений, происшедших в сфере образования в 1860—1870-е годы.

Примечательно, что небольшое количество писем иерархов Курии 1860—1870-х годов хранится в коллекции 2 (картон 91) Западноевропейской секции Научно-исторического

¹⁹ В 1861—1869 гг. являлся префектом Конгрегации образования.

²⁰ Архиепископ Болоньи в 1863—1871 гг. В 1872—1879 гг. — префект Конгрегации церковного иммунитета, которая занималась урегулированием споров, касавшихся церковных привилегий.

²¹ К. Патрици был префектом Конгрегации обрядов и Конгрегации епископов, президентом Конгрегации апостольской визитации и секретарем Конгрегации римской и вселенской инквизиции. В начале 1870-х годов он также занимал и другие должности (президента Конгрегации апостольской визитации, префекта Конгрегации резиденции епископов, Конгрегации по Священным обрядам и Конгрегации церемониала).

²² Russo G. Il Cardinale Sisto Riario Sforza e l'Unità d'Italia (settembre 1860 — luglio 1861). Napoli, 1962; *Idem*. L'azione politico-religiosa del Card. Sisto Riario Sforza dal ritorno in diocesi (1866) al Concilio Vaticano I. Parte Prima. Estratto da "Asprenas". Napoli, 1967.

²³ В XVI—XVIII вв. Конгрегация Собора занималась интерпретацией решений Тридентского собора. Бенедикт XIV включил в ее компетенцию контроль за положением епархий и деятельностью различных епархиальных институтов.

²⁴ Prove di un difficile dialogo. Corrispondenza do Pierluigi Speranza Vescovo di Bergamo, dell'Ausiliare Alessandro Valsecchi e di altre personalità col Card. Propsero Caterini / Documentazione e note di E. Camozzi. Presentazione di A. Sana. Bergamo, 2004.

архива Санкт-Петербургского института истории РАН. В 1936 г. они поступили в Архив Ленинградского отделения Института истории в составе коллекции Н.П. Лихачёва²⁵. Документы кардиналов сгруппированы по такому же принципу, что и в Апостольском архиве Ватикана: каждой значимой фигуре в Курии посвящено отдельное дело, объем которого, однако, как правило, не превышает нескольких листов. Несомненный интерес представляют поздравительные письма иерархов Курии, адресованные кардиналу Филиппо де Анджелису²⁶, архиепископу Фермо, которого власти Сардинского королевства вывезли в Турин в 1860 г. В них кардиналы затрагивают проблему положения папы как светского государя. Коллекция также содержит письмо А. Франки, секретаря Конгрегации чрезвычайных церковных дел в 1860—1868 гг., нунция в Мадриде в 1868—1869 гг., с 1874 г. — префекта Конгрегации пропаганды веры, своему брату. Этот документ посвящен особенностям выстраивания успешной карьеры в Курии.

К важным источникам по истории Курии также следует отнести так называемые *voti*, в которых кардиналы перед заседаниями Священной коллегии письменно излагали свою позицию по вопросам духовного и политического характера. Как и многие письма иерархов Курии, они хранятся в фонде *Spogli Curia* Апостольского архива Ватикана. Например, подобного рода документы можно найти в составе дела²⁷, посвященного деятельности кардинала Дж. д'Андреа²⁸. Они позволяют говорить об отношении кардиналов как к политическим взглядам этого иерарха Курии, так и прерогативам папы. Документы такого рода, посвященные проблеме созыва Вселенского собора Католической церкви и догмату о папской непогрешимости, хранятся в архиве I Ватиканского собора (*Conc. Vat. I*) Апостольского архива Ватикана. Кардиналы были обязаны в письменной форме изложить свое видение необходимости проведения собора в обстоятельствах, сложившихся к середине 1860-х годов, а также выделить ряд наиболее серьезных препятствий, которые могли бы помешать его проведению.

Представления иерархов Курии о власти и взаимоотношениях церкви и государства нашли отражение в написанных ими брошюрах и трудах. Кардиналы, которые являлись авторами подобных работ, понимали, что материалы предназначены для публикации. Иерархи Курии не могли открыто подвергать критике действия папы, его отношение к современному обществу, позицию по проблемам, связанным с объединением Италии. Кардиналы Ж.-М.

²⁵ Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории / отв. ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1958. С. 13—16.

²⁶ Ф. де Анджелис находился в Турине до 1866 г. Стал своеобразным «мучеником» за права церкви и папы. Некоторые церковные иерархи называли его «благородным примером тех добродетелей, которые напоминают самые славные времена христианства» (D. Card. Lucciardi Vescovo di Senigallia, C.L. Card. Morichini Vescovo di Jesi, G. Card. Brunelli Vescovo di Osimo e Cingoli, A.B. Card. Antonucci Vescovo di Ancona all'E.mo Sig. Cardinal De Angelis, 25 gennaio 1861 // *Giornale di Roma*. Num. 31. 7 febbraio 1861. P. 121). В 1867—1877 гг. возглавлял Апостольскую палату, т.е. являлся камерленго Святой Римской церкви.

²⁷ См., например: *Voti degli E.mi relativi al Cardinale D'Andrea. Relazione a Sua Santità per la Udienda di 22 Maggio 1867 della Cong. Cardinalizia tenutasi nel Palazzo Apostolico Vaticano Venerdì 17 detto mese ed anno dopo il Concistoro Segreto* // AAV. Segr. Stato. *Spogli Curia*. D'Andrea. Busta 13B. Fasc. D.

²⁸ Префект Конгрегации Индекса в 1853—1861 гг. Являлся единственным курialesным кардиналом, который публично заявил о своем радикальном несогласии с линией Святого престола в отношении правительства Итальянского королевства и поддержал объединение Италии.

Матте²⁹, Г. Грасселлини³⁰, Б. д'Аванцо³¹ стремились обосновать необходимость сохранения светских прерогатив понтифика. Кардинал К.Л. Морикини³² писал о своевременности проведения реформ в Папском государстве накануне его исчезновения³³. Труд кардинала К. Тарквини³⁴ был посвящен соотношению между нормами канонического и гражданского права³⁵. Исключением являлись брошюры кардинала д'Андреа, который открыто поддерживал становление единого либерального государства на Апеннинском полуострове, что противоречило взглядам Пия IX³⁶. Выводы, сделанные на основе изучения брошюр и более объемных трудов кардиналов, требуют сопоставления с данными других источников, так как кардиналы не всегда были полностью свободны в своих высказываниях.

Учитывая политизацию той части понтификата Пия IX, которая совпала по времени с завершающим этапом объединения Италии (1859—1870), сведения о Курии и ее иерархах нашли отражение в переписке итальянских государственных деятелей и дипломатов. Они делились информацией о тех кардиналах и прелатах, на чью помощь могло рассчитывать правительство в случае переговоров с понтификом, отмечали наличие влияния на коллег по Курии и понтифика, указывали на роль тех иерархов, которые являлись наиболее последовательными критиками правительства короля Италии. В документах итальянских дипломатов 1870-х годов политические взгляды кардиналов Курии также получили широкое освещение. Это связано с изучением итальянским правительством биографий кардиналов и оценкой перспективы избрания «либерального» папы после смерти Пия IX. Оригиналы этих документов хранятся преимущественно в фондах Центрального государственного архива в Риме (L'Archivio centrale dello Stato) и Историко-дипломатического архива Министерства иностранных дел (L'Archivio storico diplomatico del Ministero degli Affari Esteri). Часть из них опубликована в сборнике «Итальянские дипломатические документы» (*Documenti diplomatici italiani*)³⁷.

Дипломатическая переписка может считаться ценным источником сведений о Курии в понтификат Пия IX. Депеши российских дипломатов на имя А.М. Горчакова и донесения дипломатических представителей Австрии, Британии и Франции при Святом престоле содержат информацию о политических взглядах куриальных кардиналов и прелатов, а также атмосфере в Курии. В Риме дипломаты наблюдали за поведением высших иерархов Католической церкви, стремясь определить направление политических маневров Святого престола в будущем.

²⁹ Roma appartiene ai Pontefici dell'Illustre ed E.mo Sig. Cardinale Mathieu / traduzione dal francese di F. Gigli. Roma, 1863.

³⁰ Grassellini G. Des rapports du pouvoir temporel avec la souveraineté spirituelle des Pontifes Romains par S.E. le Cardinal Grassellini traduit de l'italien et dédié à Sa Majesté la reine la Reine D'Espagne. Paris, 1865.

³¹ D'Avanzo B. La Quistione sul dominio temporale della S. Sede. È temporale? Si può difendere con armi spirituali? Lettera di Mons. Vescovo di Castellaneta ad un parroco. Napoli, 1860; *Idem*. Roma capitale d'Italia // Archivio dell'Ecclesiastico di Firenze. 1866. Fasc. 35—36. P. 461—475; *Idem*. Il Papa Onorio e l'infallibilità Pontificia. Lettera di Mgr Bartolommeo d'Avanzo Vescovo di Calvi e Teano ecc. a' Professori della Facoltà teologica del Seminario di Calvi // La Scienza e la Fede. Raccolta religiosa scientifica letteraria artistica. 1872. Serie III. Vol. XVII. P. 5—15.

³² Кардинал К.Л. Морикини в 1854—1871 гг. был архиепископом Ези, а в 1871—1876 гг. — архиепископом Болоньи. Участвовал в работе нескольких конгрегаций Курии, однако до 1878 г. не возглавлял ни одно из куриальных ведомств.

³³ Morichini C.L. Degli istituti di carità per la sussistenza e l'educazione dei poveri e dei prigionieri in Roma. Roma, 1870.

³⁴ Кардинал К. Тарквини был единственным иезуитом в Курии, первым с момента восстановления ордена. До получения кардинальской шапки в 1873 г. Тарквини на протяжении долгого времени являлся консультантом нескольких конгрегаций.

³⁵ Tarquini C. Juris ecclesiastici publici institutiones. Roma, 1862.

³⁶ См., например: La vertenza tra la Corte Romana ed il Cardinale D'Andrea: osservazioni d'un cattolico. Italia, 1867.

³⁷ Documenti diplomatici italiani. Ser. 1. 1861—1870. Vol. I—XIII; Ser. 2. Vol. I—IX. Roma, 1952—1985.

Особый интерес представляют донесения российских дипломатов из Рима. Они являются важнейшим источником по истории взаимодействия правительства Российской империи со Святым престолом в сложный период, на протяжении большей части которого отсутствовали дипломатические отношения между ними. Сюжеты, связанные с попытками наладить двусторонний диалог после отзыва российской миссии из Рима в 1866 г., реконструированы на основании этих документов в работах О.В. Серовой³⁸. Вместе с тем донесения, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, являются ценным источником по истории Курии в понтификат Пия IX. Оценки старшего секретаря миссии в Риме Ф.К. Мейендорфа, дипломатических агентов П.А. Капниста и Л.П. Урусова позволяют выявить механизмы принятия решений внутри Святого престола. Функционирование Курии тем не менее не являлось постоянной темой дипломатической корреспонденции.

Наибольший объем информации о Курии удалось собрать П.А. Капнисту, выполнявшему функции агента в Риме с 1866 по 1875 г. Он установил связь с несколькими куриальными кардиналами, а отношения с кардиналом Камилло ди Пьетро, префектом одного из трех трибуналов Римской курии в 1863–1867 гг., дипломат и вовсе называл дружескими. Российского агента интересовали закономерности, определявшие влияние кардинала в Курии. Большое значение он уделял родственным, дружеским и земляческим связям. Капнист, как правило, упоминал о симпатиях кардиналов и прелатов к определенным европейским государствам, которые были особенно свойственны тем из них, кто прежде являлся нунциями в европейских столицах. Российского агента интересовала деятельность «полонофилов» в Курии³⁹.

В донесениях дипломатов содержатся сведения о том, что папа охотнее учитывал мнение ряда иерархов Курии. Например, П.А. Капнист писал о секретаре Конгрегации чрезвычайных церковных дел⁴⁰: «Франки имеет открытый и неконфликтный характер, к нему прислушивается папа, он занимает при нем исключительную и независимую позицию — позицию, которая иногда позволяет ему уравновесить влияние самого кардинала Антонелли»⁴¹. Российский агент также упоминал о роли кардинала Л. Альтьери⁴²: «Он был нунцием в Вене, его австрийские наклонности хорошо известны. Он близок к папе, который охотно советуется с ним по политическим вопросам»⁴³.

В дипломатической корреспонденции Курия представляет собой среду, в которой присутствовали дружеские связи, соперничество и вражда⁴⁴. Донесения из Рима отражают то, что иерархи Курии имели разную репутацию в Риме. Например, кардинал Л. Билио⁴⁵ был известен своей добропорядочностью. О других куриальных кардиналах отзывались совершенно иначе. Примечателен случай кардинала К. ди Пьетро. Капнист писал о нем

³⁸ Серова О.В. Россия и Ватикан. Политика и дипломатия. XIX — начало XX века. Кн. 1. 1825–1870. М., 2018; *Ее же*. Петербург готовится к переговорам с Римом: работа Секретного католического комитета // Новая и новейшая история. 2020. № 1. С. 44–65; *Ее же*. Россия и Ватикан. Политика и дипломатия. XIX — начало XX века. Кн. 2. 1870–1894. М., 2021.

³⁹ См. подробнее: Кимленко Е.А. Римская Курия в донесениях российского агента в Риме П.А. Капниста (1866–1875 гг.) // Новое в Новой истории / под ред. Г.А. Шатохиной-Мордвинцевой. М., 2023. С. 325–343.

⁴⁰ Конгрегация занималась проблемами церковного и политического характера. В ее компетенцию входили дипломатические отношения Святого престола с различными государствами.

⁴¹ П.А. Капнист — А.М. Горчакову. 15/27 марта 1866 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Оп. 469. Год 1866. Д. 187, часть 1. Л. 78 об.

⁴² Префект Конгрегации Индекса в 1861–1864 гг.

⁴³ П.А. Капнист — А.М. Горчакову. 18/30 мая 1866 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Год 1866. Д. 187, часть 2. Л. 328.

⁴⁴ Л.П. Урусов — Н.К. Гирсу. 30 октября / 11 ноября 1876 г. // Там же. Оп. 470. Год 1876. Д. 108. Л. 46; Л.П. Урусов — А.М. Горчакову. 2/14 ноября 1876 г. // Там же. Л. 52.

⁴⁵ Наиболее известен как редактор «Силлабуса» 1864 г.

следующее: «Имея сильную слабость к золоту, он потратил свое огромное состояние на неудачные предприятия и в настоящее время обременен долгами»⁴⁶.

В материалах дел 95, 105, 108 и 123 за 1874–1877 гг. (опись 470) фонда 133 АВПРИ отражены последствия смерти могущественных кардиналов для функционирования Курии. В первую очередь это касается главы государственного секретариата Святого престола Дж. Антонелли и кардинала К. Патрици, которые имели большое влияние на папу и Курию.

Австрийские дипломаты также изучали внутреннее положение в Курии. Их донесения из Рима хранятся в Династическом, придворном и государственном архиве (Haus-, Hof- und Staatsarchiv) в Вене. Некоторые из этих документов опубликованы С. Ячини⁴⁷ и К. Вебером⁴⁸. Донесения свидетельствуют об отсутствии идейного единства среди иерархов Курии. Так, в июле 1861 г. австрийский дипломат А. фон Бах сообщал министру иностранных дел Австрийской империи И.Б. фон Рехбергу, что среди 29 кардиналов, проживавших в Риме, 14 можно считать «консервативными», 10 — «либеральными», 5 — «сомневающимися». Ключевыми критерием для выделения этих групп кардиналов являлось их отношение к перспективе ликвидации светской власти папы и компромиссу в отношениях между церковью и государством⁴⁹. Некоторых кардиналов австрийские дипломаты характеризовали как «умеренных консерваторов» или «умеренных либералов»⁵⁰. В целом австрийских дипломатов интересовал вопрос наличия влияния отдельных иерархов Курии и группировок на понтифика⁵¹. Они также пытались предугадать, как изменится политика Святого престола с избранием понтификом того или иного из кардиналов.

В донесениях британского дипломата Одо Расселла упоминается об отношении куриальных кардиналов к позиции Франции по «римскому вопросу», о точке зрения кардинала Д. Савелли⁵² по проблеме расширения полномочий совещательного органа, функционировавшего в Папском государстве, — Государственной консулты, об участии иерархов Курии в I Ватиканском соборе. Оригиналы донесений О. Расселла хранятся в Национальном архиве (The National Archives, Kew) в Лондоне. Более 500 из них опубликованы⁵³. Переписка между министром иностранных дел Франции Э.А. Тувнелем и дипломатом герцогом Антуаном Аженором де Грамоном свидетельствует в пользу того, что некоторые куриальные кардиналы (В. Сантуччи⁵⁴, Дж. д'Андреа и Г. Грасселлини) с большим энтузиазмом относились к идее поиска компромисса между Пием IX и правительством Виктора Эммануила II. Донесения, оригиналы которых находятся в фондах Национального архива Франции (Archives nationales) в Париже, были частично опубликованы еще в XIX в.⁵⁵. В целом сведения, полученные представителями различных государств при Святом престоле, дополняют друг друга и позволяют уточнить выводы о Курии, сделанные на основе переписки кардиналов.

Дневники и воспоминания современников событий также могут выступать в качестве источников по истории Курии в понтификат Пия IX. К их числу относится, например,

⁴⁶ П.А. Капнист — А.М. Горчакову. 18/30 мая 1866 г. // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Год 1866. Д. 187, часть 2. Л. 328 об.

⁴⁷ Jacini S. Il tramonto del potere temporale nelle relazioni degli ambasciatori austriaci a Roma (1860–1870). Bari, 1931.

⁴⁸ Weber C. Das Kardinalskollegium in den letzten Jahren Pius' IX. Ein "Tableau des Cardinaux" des österreichisch-ungarischen Botschafters beim Hl. Stuhl aus dem Jahre 1874 // Archivum Historiae Pontificiae. 1973. Vol. 11. P. 323–351.

⁴⁹ A. Bach — J.B. Rechberg. le 9 juillet 1861 // Jacini S. Op. cit. P. 66.

⁵⁰ Weber C. Op. cit. P. 344.

⁵¹ F. Trauttmansdorff — F. Beust. No. 108 A—D. le 8 Octobre 1870 // Jacini S. Op. cit. P. 336–337.

⁵² Вице-камерленго Святой Римской церкви в 1848–1853 гг.

⁵³ The Roman question. Extracts from the despatches of Odo Russell from Rome 1858–1870 / ed. N. Blakiston. London, 1962.

⁵⁴ Префект Конгрегации образования в 1856–1861 гг.

⁵⁵ Le secret de l'empereur, correspondance confidentielle et inédite échangée entre M. Thouvenel, le Duc de Gramont et le Général Comte de Flahault 1860–1863. Paris, 1889. Vol. 2.

дневник консультанта Конгрегации Индекса⁵⁶ В. Тиццани, оригинал которого хранится в Историческом архиве Сан-Пьетро-ин-Винколи (L'Archivio storico di San Pietro in Vincoli) в Риме. Часть источника опубликована под названием «Римские эфемериды»⁵⁷. Автор этого дневника являлся архиепископом и профессором церковной истории в Римском университете «Ла Сапиенца». Он был хорошо знаком с иерархами Курии и особенностями функционирования административного органа Святого престола. В 1859–1860 гг. Тиццани близко общался с кардиналами В. Сантуччи и Дж. д'Андреа, а также имел возможность видеться с другими представителями Курии. «Римские эфемериды» позволяют говорить о том, как некоторые куриальные кардиналы относились к событиям 1860-х годов. Дневник, однако, отличается присутствием субъективных оценок автора, который сочувствовал сторонникам достижения компромисса с правительством Виктора Эммануила. Это касается и другого источника, автором которого является В. Тиццани, — дневника, посвященного I Ватиканскому собору. Он был опубликован в двух томах венгерским исследователем Лайошем Пастором⁵⁸. Исходя из содержания этого текста, можно сделать вывод об отсутствии единства в Курии по вопросу о необходимости провозглашения догмата о папской непогрешимости.

Дневник Дж. Арригони, архиепископа Лукки, позволяет получить информацию о поведении куриальных кардиналов во время I Ватиканского собора, а также убедиться в достоверности сведений, которые приводились Тиццани и дипломатами, аккредитованными при Святом престоле. Источник опубликован М. Маккароне⁵⁹. Взгляды кардиналов Курии, которые сомневались в необходимости принятия догмата о папской непогрешимости, вызывали больший интерес у архиепископа Лукки, нежели взгляды сторонников этого догмата. По этой причине дневник Арригони в первую очередь позволяет уточнить данные о кардиналах Ф.М. Гуиди, Дж.Л. Тревизанато⁶⁰ и П. де Сильвестри⁶¹.

«Дневник конклава», авторство которого принадлежит ораторианцу Дж. Каленцио, приближенному кардинала Д. Бартолини⁶² и его помощнику в ходе конклава 1878 г., содержит сведения о политических взглядах кардиналов в переходный для Католической церкви период и их видении отношений между церковью и государством в Италии в будущем. Этот источник, хотя и называется дневником, на самом деле является мемуарами, что следует из самого текста. Так, автор упоминает о событиях более позднего периода, нежели февраль 1878 г. Дневник опубликован архивистом К.М. Фьорентино⁶³.

Каленцио, будучи помощником кардинала Бартолини, всячески подчеркивал роль этого иерарха церкви в ходе организации и проведения конклава. При этом как Бартолини, так и Каленцио отрицательно относились к захвату Рима итальянскими войсками и мерам правительства, направленным на конфискацию церковного имущества. Это оказывало влияние на то, в каком ключе Каленцио пишет о кардиналах, поддерживающих идею компромисса с правительством короля Италии. Тем не менее «Дневник конклава» Каленцио

⁵⁶ Конгрегация Курии, которая занималась изучением содержания книг и внесением их в список запрещенных.

⁵⁷ *Tizzani V. Effemeridi romane / a cura di G.M. Croce. Vol. 1. 1828–1860. Città del Vaticano, 2021.* Вероятно, дневник получил такое название, поскольку его автор стремился создать хронику городской жизни в папском Риме и вписать в этот контекст собственные действия.

⁵⁸ *Il Concilio Vaticano I: diario di Vincenzo Tizzani (1869–1870) / a cura di L. Pásztor. Vol. 1–2. (Band 25–I–II). Stuttgart, 1991–1992.*

⁵⁹ *Giornale del Concilio Ecumenico Vaticano I // Maccarone M. Il Concilio Vaticano I e il “Giornale” di mons. Arrigoni. Vol. 2. Padova, 1966.*

⁶⁰ Патриарх Венеции. Принимал участие в работе нескольких конгрегаций Курии.

⁶¹ Во второй половине понтификата Пия IX не возглавлял ни одно из куриальных ведомств, но имел отношение к функционированию нескольких из них.

⁶² В 1861–1875 гг. секретарь Конгрегации обрядов.

⁶³ Он напечатан в качестве приложения (Appendice I.P. Generoso Calenzio “Diario del Conclave di Leone XIII”) к статье: *Fiorentino C.M. Generoso Calenzio e il “Diario del Conclave di Leone XIII” // Archivio della Società romana di storia patria. 1995. Vol. 118. P. 225–261.* Рукопись хранится в Национальной центральной библиотеке в Риме (Biblioteca Nazionale Centrale di Roma).

является ценным источником о взглядах кардиналов А. Франки, Л. Билио, Дж. Печчи (будущий папа Лев XIII), А.М. Панебьянко⁶⁴ и др.

В воспоминаниях и дневниках светских лиц также встречаются сведения о Курии. Воспоминания итальянского журналиста либеральных взглядов У. Пеши, который выехал в Рим в сентябре 1870 г., накануне его захвата королевскими войсками, предоставляют возможность определить репутацию иерархов Курии в Риме в начале 1870-х годов⁶⁵. В качестве других примеров воспоминаний, в которых получила отражение роль Курии в формировании курса Святого престола, выступают мемуары итальянских государственных деятелей Дж. Пазолини⁶⁶ и Ф. Криспи⁶⁷. Особенно интересен пересказ беседы, состоявшейся в сентябре 1877 г. между Ф. Криспи и О. фон Бисмарком. Оба собеседника полагали, что «именно Курия доминирует в Ватикане»⁶⁸.

Иностранцы также упоминали об иерархах Курии в своих эго-документах. Дневник Ф. Грегоровиуса⁶⁹, германского историка и писателя, который долгое время жил в Риме и путешествовал по Апеннинскому полуострову, содержит сведения о внутренней ситуации в Курии. Он был хорошо знаком с проблемой сохранения светской власти пап. Грегоровиус встречался с некоторыми куриальными кардиналами, о других — собирал сведения⁷⁰. Еще одним примером воспоминаний, в которых упоминается о роли Курии, но в начале понтификата Пия IX, являются мемуары голландского художника Я.Ф. Кёльмана⁷¹, сторонника Римской республики и ликвидации светских прерогатив папы.

Ценным источником информации о деятельности кардиналов Курии являются материалы главной газеты Папского государства *Giornale di Roma*, выходившей до 1870 г. На ее страницах публиковались как коллективные, так и индивидуальные письма-протесты, жалобы иерархов церкви, имевших отношение к функционированию административного органа Святого престола. Их содержание позволяет говорить об отношении иерархов Курии к проблемам, с которыми столкнулся Святой престол в 1860-е годы. Газета также публиковала информацию о посещении куриальными кардиналами различных мероприятий в Риме.

В качестве источников по истории Курии 1860—1870-х годов могут выступать и другие материалы. Так, к их числу относятся не только дипломатическая корреспонденция австрийских, британских, российских и французских дипломатов, но и донесения представителей других государств из Рима. Наличие противоречий в куриальной среде могло найти отражение в эго-документах самых разных современников событий 1860—1870-х годов, причем как светских, так и церковных лиц, особенно если они находились в этот период в Вечном городе.

Хотя в наиболее концентрированном виде материалы о Курии содержатся в фондах Апостольского архива Ватикана, значительное количество документов, проливающих свет на функционирование административного органа Святого престола в 1860—1870-х годах, хранится в центральных и локальных государственных архивах Италии и архивах итальянских епархий, но вовсе не ограничивается ими. Если переписка кардиналов позволяет изучить особенности функционирования Курии изнутри, то документы их современников, не имевших отношения к деятельности куриальных ведомств, предполагают взгляд извне. Записи, готовившиеся иерархами Курии к заседаниям Священной коллегии кардиналов,

⁶⁴ Префект Конгрегации индульгенций и священных реликвий в 1863—1867 гг. Великий пенитенциарий в 1867—1877 гг.

⁶⁵ Pesci U. I primi anni di Roma capitale, 1870—1878. Roma, 1971.

⁶⁶ Giuseppe Pasolini, 1815—1876 memorie raccolte da suo figlio. 3 ed. Torino, 1887. P. 445.

⁶⁷ Francesco Crispi: politica estera. Memorie e documenti raccolti e ordinate da T. Palamenghi-Crispi. Milano, 1912.

⁶⁸ Ibid. P. 46.

⁶⁹ Gregorovius F. The Roman journals of Ferdinand Gregorovius, 1852—1874. London, 1907. В издании 1907 г. на английском языке представлен перевод немецкого текста.

⁷⁰ Ibid. P. 327.

⁷¹ Koelman J.P. Memorie romane / a cura di M.L. Trebiliani. Vol. 2. Roma, 1963.

материалы периодической печати, брошюры, авторство которых принадлежит кардиналам, могут также использоваться в исследованиях, посвященных истории Римской курии, и помогать верифицировать выводы. Отказ от исключительного изучения актов куриальных ведомств позволяет увидеть, что категории «Святой престол», «Курия» или «папство» требуют оговорки, поскольку за безличными терминами находились люди, влиявшие на принятие решений духовного или политического толка; Курия не была полностью единым организмом, внутри нее существовали противоречия, связанные с личностными характеристиками и взглядами ее иерархов.

Библиография / References

- Кимленко Е.А. Римская Курия в донесениях российского агента в Риме П.А. Капниста (1866–1875 гг.) // Новое в Новой истории / под ред. Г.А. Шатохиной-Мордвинцевой. М., 2023. С. 325–343.
- Серова О.В. Петербург готовится к переговорам с Римом: работа Секретного католического комитета // Новая и новейшая история. 2020. № 1. С. 44–65.
- Серова О.В. Россия и Ватикан. Политика и дипломатия. XIX – начало XX века. Кн. 1. 1825–1870. М., 2018.
- Серова О.В. Россия и Ватикан. Политика и дипломатия. XIX – начало XX века. Кн. 2. 1870–1894. М., 2021.
- Kimlenka K.A. Rimskaya Kuriya v doneseniakh rossiiskogo agenta v Rime P.A. Kapnista (1866–1875 gg.) [The Roman Curia in the dispatches of the Russian Agent in Rome P.A. Kapnist (1866–1875)] // Novoe v Novoi istorii [The New in Modern History] / red. G.A. Shatokhina-Mordvintseva. Moskva, 2023. S. 325–343. (In Russ.)
- Serova O.V. Peterburg gotovitsya k peregovoram s Rimom: rabota Sekretnogo katolicheskogo komiteta [Preparations of Saint Petersburg for Talks with Rome: the Work of the Secret Catholic Committee] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 1. P. 44–65. (In Russ.)
- Serova O.V. Rossiya i Vatikan. Politika i diplomatiya. XIX – nachalo XX veka [Russia and the Vatican. Politics and Diplomacy. 19th – early 20th century]. Book 1. 1825–1870. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Serova O.V. Rossiya i Vatikan. Politika i diplomatiya. XIX – nachalo XX veka [Russia and the Vatican. Politics and Diplomacy. 19th – early 20th century]. Book 2. 1870–1894. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Aubert R. Il Pontificato di Pio IX (1846–1878). Torino, 1976.
- Bedeschi L. La Curia romana durante la crisi modernista. Episodi e metodi di governo. Parma, 1968.
- Castagnino Berlinghieri U. Diplomazia senza Stato: Santa Sede e potenze europee. Milano, 2013.
- Costituzione Apostolica “Praedicate Evangelium” sulla Curia Romana e il suo servizio alla Chiesa e al Mondo, 19.03.2022 // La Santa Sede. URL: <https://press.vatican.va/content/salastampa/it/bollettino/pubblico/2022/03/19/0189/00404.html> (access date: 01.03.2024).
- D’Avanzo B. Il Papa Onorio e l’infallibilità Pontificia. Lettera di Mgr Bartolommeo d’Avanzo Vescovo di Calvi e Teano ecc. a’ Professori della Facoltà teologica del Seminario di Calvi // La Scienza e la Fede. Raccolta religiosa scientifica letteraria artistica. 1872. Serie III. Vol. XVII. P. 5–15.
- D’Avanzo B. La Quistione sul dominio temporale della S. Sede. È temporale? Si può difendere con armi spirituali? Lettera di Mons. Vescovo di Castellaneta ad un parroco. Napoli, 1860.
- D’Avanzo B. Roma capitale d’Italia // Archivio dell’Ecclesiastico di Firenze. 1866. Fasc. 35–36. P. 461–475.
- De Leonardi M. L’Inghilterra e la questione romana, 1859–1870. Milano, 1980.
- Florentino C.M. Generoso Calenzio e il “Diario del Conclave di Leone XIII” // Archivio della Società romana di storia patria. 1995. Vol. 118. P. 187–278.
- Francesco Crispi: politica estera. Memorie e documenti raccolti e ordinate da T. Palamenghi-Crispi. Milano, 1912.
- Giuseppe Pasolini, 1815–1876 memorie raccolte da suo figlio. 3 ed. Torino, 1887.
- Grassellini G. Des rapports du pouvoir temporel avec la souveraineté spirituelle des Pontifes Romains par S.E. le Cardinal Grassellini traduit de l’italien et dédié a Sa Majesté la reine la Reine D’Espagne. Paris, 1865.
- Gregorovius F. The Roman journals of Ferdinand Gregorovius, 1852–1874. London, 1907.
- Il Concilio Vaticano I: diario di Vincenzo Tizzani (1869–1870) / a cura di L. Pásztor. Vol. 1–2. (Band 25–I–II). Stuttgart, 1991–1992.
- Jacini S. Il tramonto del potere temporale nelle relazioni degli ambasciatori austriaci a Roma (1860–1870). Bari, 1931.
- Koelman J.P. Memorie romane / a cura di M.L. Trebiliani. Vol. 2. Roma, 1963.
- Le secret de l’empereur, correspondance confidentielle et inédite échangée entre M. Thouvenel, le Duc de Gramont et le Général Comte de Flahault 1860–1863. Vol. 2. Paris, 1889.

- Les cardinaux entre Cour et Curie: Une élite romaine (1775–2015) / eds F. Jankowiak, L. Pettinaroli. Rome, 2017.
- Maccarone M. Il Concilio Vaticano I e il “Giornale” di mons. Arrigoni. Vol. 2. Padova, 1966.
- Marotta S. L'evoluzione del dibattito sul “non expedit” all'interno della Curia romana tra il 1860 e il 1888 // Rivista di storia della Chiesa in Italia. 2014. № 1. P. 95–164.
- Martina G. Pio IX (1846–1850). Roma, 1974.
- Martina G. Pio IX (1851–1866). Roma, 1986.
- Martina G. Pio IX (1867–1878). Roma, 1990.
- Meneguzzi Rostagni C. La crisi del potere temporale e la diplomazia europea 1859–1860. Padova, 1983.
- Morichini C.L. Degli istituti di carità per la sussistenza e l'educazione dei poveri e dei prigionieri in Roma. Roma, 1870.
- Pesci U. I primi anni di Roma capitale, 1870–1878. Roma, 1971.
- Pirri P. Pio IX e Vittorio Emanuele II dal loro carteggio privato. Vol. 3. Roma, 1961.
- Regoli R. Ordini, controordini e disordini. Riforma della Curia e dello Stato // Governo della Chiesa, Governo dello Stato. Il tempo di Leone XII. Ancona, 2019. P. 29–51.
- Roma appartiene ai Pontefici dell'Illustre ed E.mo Sig. Cardinale Mathieu / traduzione dal francese di F. Gigli. Roma, 1863.
- Rosa M. La Curia romana nell'età moderna. Istituzioni, cultura, carriere. Roma, 2013.
- Tarquini C. Juris ecclesiastici publici institutiones. Roma, 1862.
- Tedeschi M. Francia e Inghilterra di fronte alla questione romana: 1859–1860. Milano, 1978.
- The Roman question. Extracts from the despatches of Odo Russell from Rome 1858–1870 / ed. N. Blakiston. London, 1962.
- Tizzani V. Effemeridi romane / a cura di G.M. Croce. Vol. 1. 1828–1860. Città del Vaticano, 2021.
- Veca I. Il mito di Pio IX. Storia di un papa liberale e nazionale. Roma, 2018.
- Visceglia M.A. International Politics, Factions and Parties in the Roman Curia During the Late 16th Century // A Europe of Courts, a Europe of Factions. Leiden, 2017. P. 64–87.
- Weber C. Das Kardinalskollegium in den letzten Jahren Pius' IX. Ein “Tableau des Cardinaux” des österreichisch–ungarischen Botschafters beim Hl. Stuhl aus dem Jahre 1874 // Archivum Historiae Pontificiae. 1973. Vol. 11. P. 323–351.

© 2024 г. А.Г. МАТВЕЕВА

ЗАПАДНОГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Матвеева Анна Геннадьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: annagmatveeva@yandex.ru

Scopus Author ID: 57215188769; ORCID: 0000-0003-3870-732X; Researcher ID: AAS-6783-2020

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. Анализ историографии того или иного исторического периода или проблемы позволяет очень многое сказать не только собственно о теме исследований, но и о научной, политической ситуации, в которой работы были подготовлены и изданы. Примером может служить сложившаяся в ФРГ традиция исследований политической истории Германии имперского периода. Закономерен выбор сюжетов, на которых сконцентрировано большинство работ (конституционная история, биографика, история политических партий, парламентаризма, проблемы авторитаризма и теория модернизации), где история Германской империи рассматривается почти всегда с точки зрения краха империи в 1918 г., причем как ведущими представителями Билефельдской школы социальной истории, так и их оппонентами. В имперском периоде выявляются тенденции, институты, силы, наличие или отсутствие которых предопределили распад империи, сделали его закономерным и неизбежным. Сторонники теории «особого пути» немецкой истории изначально трактуют «германский кейс» как совершенно обособленный, стоящий особняком среди иных государств — как «прогрессивных» западных, так и «отсталых» восточных. Эта особенность и предопределенность конца, ответственность за что в разных работах возлагается на разные, но всегда «консервативные» силы — монархию, личный режим Вильгельма, юнкерство, Пруссию, бундесрат, католиков и т.п., формируют образ империи как антидемократического по своей сути государственного образования, задачи которого враждебны национальному и либеральному движениям, прогрессивным в своей основе. Это понимание собственного прошлого, которое оказало решающее влияние на историческое сознание немцев, стало одним из факторов их глубинного представления об англо-американской цивилизации как об эталонной, а о собственной истории — как о том, что надо преодолеть и никогда не повторять.

Ключевые слова: Германская империя, политическая история, историография немецкая, историческая политика, историческое сознание, национальное самосознание.

A.G. Matveeva**West German Historiography of the German Empire as an Example of the Implementation of Historical Policy***Anna Matveeva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: annagmatveeva@yandex.ru**Scopus Author ID: 57215188769; ORCID: 0000-0003-3870-732X; Researcher ID: AAS-6783-2020**The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement № 075-15-2024-537).*

Abstract. Analysis of the historiography of a particular historical period or problem allows one to say a lot not only about the topic of research, but also about the academic and political situation in which the works were prepared and published. For example, the tradition of studying the political history of Germany during the imperial period that emerged in Germany. The natural choice of topics on which most works concentrate (constitutional history, biography, history of political parties, parliamentarism, problems of authoritarianism and the theory of modernization) almost always concern the history of the German Empire, both by the majority, namely representatives of the Bielefeld school of social history and by their opponents, from the point of view of the collapse of the Empire in 1918. In the imperial period, there are tendencies, institutions, drivers that can be identified, the presence or absence of which predetermined the collapse of the Empire, made it natural and inevitable. The theory of the Sonderweg these of German history initially interprets the “German case” as completely separate, standing apart from other states, both “progressive” Western and “backward” Eastern. This peculiarity and predetermination of the end, responsibility for which in various works is assigned to different, but always “conservative” forces, i.e. the monarchy, Wilhelm’s personal regime, the Junkers, Prussia, the Bundesrat, Catholics, etc., form the idea of the empire as anti-democratic in its nature, the tasks of which are hostile to the national and liberal movements, progressive at their core. This perception of their own past, which had a decisive influence on the historical consciousness of the Germans, became one of the factors of their deep understanding of the Anglo-American civilization as a standard one, and of their own history as something that must be overcome and not be repeated.

Keywords: German Empire, political history, German historiography, historical policy, historical consciousness, national identity.

Занимаясь в последние годы политической историей Германской империи, мы, естественно, достаточно глубоко погрузились и в историографию данного периода немецкой истории. Не претендуя в предлагаемой статье на фундаментальный, всеобъемлющий разбор, мы хотели бы выделить основные направления исторических исследований, что позволит определить преобладающие тенденции, магистральное направление, в рамках которого немецкие историки изучали и продолжают изучать собственную историю имперского периода.

Оставляя вне фокуса своего интереса наиболее полно изученный «бисмарковский период», т.е. время с начала 1860-х годов, когда О. фон Бисмарк занял пост министра-президента Пруссии, до 1890 г., когда 75-летний имперский канцлер был отправлен в отставку «молодым» императором Вильгельмом II, за полтора года до этих событий вступившим на трон созданной во многом стараниями Бисмарка Германской империи, мы сконцентрируемся на так называемом вильгельмовском периоде, т.е. 1890–1914 гг.

Наша статья является определенным продолжением темы, поднятой А.Ю. Ватлиным, С.И. Невским и А.А. Турыгиным в 2023 г.¹, а также затронутой в работах российских

¹ Ватлин А.Ю., Невский С.И., Турыгин А.А. Вильгельм II и система власти в Германии в конце XIX – начале XX века // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 7–27. DOI: 10.31857/S013038640024400-8

исследователей несколько ранее². Мы можем согласиться далеко не со всеми тезисами и выводами работы А.Ю. Ватлина и коллег, которая, являясь в значительной степени историографическим обзором, следует в русле той самой западногерманской историографии, повторяя ее основные выводы и установки, но само ее появление и проведенный в ней подробный и профессиональный анализ являются свидетельствами актуальности истории имперской Германии. В предлагаемой статье мы намерены провести анализ под принципиально иным углом зрения — не оценивать режим, сложившийся в период правления Вильгельма II, а оценить направления и тенденции его изучения с позиции западногерманской исторической политики, в парадигме которой было создано большинство крупных и значительных работ.

Для нас наибольший интерес и важность представляют монографии и статьи, посвященные таким традиционным для германской историографии проблемам, как политическая история, история государства и отчасти права, биографика, социальная история, история различных партий и общественных организаций, элитология, изучение проблем авторитаризма и парламентаризма. Учитывая, что всякая национальная история чаще всего не только актуальна с научной точки зрения, но и является предметом общественного внимания и обсуждения, она неизбежно политизирована. Немецкая историография в этом смысле не является исключением, она также испытывает воздействие позднейших событий и идеологических оценок. Немецкие историки ищут и чаще всего находят в имперском периоде провозвестие и даже первопричину национал-социализма, в связи с чем в центре их внимания находится вопрос об «особом пути» Германии в Европе и мире. При этом история Германской империи теряет самооценку, являясь для одних лишь малозначимой, а для других весьма значимой предтечей роковых и эпохальных событий XX в.

Первые серьезные работы, посвященные имперской истории, появились в ФРГ в начале 1960-х годов и носили преимущественно описательный характер³. В качестве главного историографического тренда утверждается школа Билефельдской социальной истории, которая выступала за перенос центра тяжести с изучения политической истории с особым вниманием к личностям политических деятелей на исследование социальных процессов. Центром дискуссии, к которой вновь и вновь возвращаются немецкие историки с 1970-х годов и до сегодняшнего дня, является тезис об «особом пути» (*Sonderwegsthese*) Германии. Х.-У. Велер⁴, бывший одним из самых оригинальных мыслителей и ученых в плеяде крупнейших западногерманских исследователей (В.Ю. Моммзен⁵, В. Конце⁶ и др.), наполнил эту теорию следующим содержанием: немецкий особый путь на самом деле являлся выражением структурного дефицита модернизации и в конечном итоге вел к национал-социализму. «Идеальное» развитие, постулируемое американской теорией модернизации, было присуще либеральным обществам, которые, по принятой в западной историографии аксиоме, существовали в Англии и Франции, но никак не в Германии и России. Именно этот тезис является основополагающим, именно эту «негибкость, неготовность к необходимым изменениям» и демонстрируют все социальные, а особенно политические структуры

² Ростиславлева Н.В. Рецепция темы Германской империи в юбилейных исторических нарративах России и Германии в XX веке // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 91–100; Филистов А.М. Бисмарк — Вильгельм — Гитлер: континуитет или разрыв традиции? // Там же. С. 82–90.

³ Schieder Th. Das deutsche Kaiserreich von 1871 als Nationalstaat. Köln, 1961.

⁴ Wehler H.-U. Bismarck und der Imperialismus. Köln u.a., 1969; Idem. Krisenherde des Kaiserreichs 1871–1918. Studien zur deutschen Sozial- und Verfassungsgeschichte. Göttingen, 1970; Idem. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1973.

⁵ Mommsen W.J. Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920. Tübingen, 1959; Idem. Das Zeitalter des Imperialismus. Frankfurt a. M., 1969; Idem. Imperialismustheorien. Göttingen, 1987; Idem. Nation und Geschichte. Über die Deutschen und die deutsche Frage. München, 1990; Idem. Der autoritäre Nationalstaat. Verfassung, Kultur und Gesellschaft im Deutschen Kaiserreich. Frankfurt a. M., 1992.

⁶ Conze W. Die Deutsche Nation. Ergebnis der Geschichte. Göttingen, 1963; Idem. Gesellschaft — Staat — Nation. Gesammelte Aufsätze / Hrsg. von U. Engelhardt. Stuttgart, 1992.

Германской империи с точки зрения сторонников школы социальной истории⁷. Билефельдская школа постоянно расширяла сферу своих интересов. Если вначале основное значение она придавала деятельности элит, то затем — более широким социальным слоям. Рисзуемая ими крайне негативная картина отсталого немецкого общества и государства, не соответствовавшего западным образцам, постепенно стала меняться: империи дается больше прав, чем раньше. Однако до сих пор и сторонники, и противники теории «особого пути» размышляют и работают в его логике. Представляется, что главное остается неизменным, Германская империя не столько исследуется, сколько предстает перед судом. И несмотря на все уверения, будто прошли те времена, когда в ней, в ее особенностях и слабостях искали объяснение событиям 1930—1940-х годов, именно они лежат в основе большинства самых новых книг и статей.

Самым активным и последовательным критиком подходов Билефельдской школы к имперской истории Германии был Т. Ниппердей, автор фундаментальной трехтомной работы по истории Германии в XIX в.⁸, а также ряда иных исследований, написанных в методике «нового историзма». Стараясь отойти от постоянного использования в той или иной степени теории «особого пути», он доказывал самоценность имперской истории. Ниппердей, по его собственным словам, «не писал только историю Германской империи, ее политических структур, событий, политических условий, экономики, общества и культуры. Но при этом это и не история немцев, т.е. это не история повседневной жизни, когда все политические институты отодвинуты на задний план. Это попытка найти золотую середину между “историей сверху” и “историей снизу”»⁹, а также встроить ее в контекст истории мировой и собственно германской — до и после империи. Историк удалось в своей работе охватить практически все стороны немецкой жизни от частной до экономической и политической, но заданность, диктуемая методологией «недостатка модернизационного потенциала», предопределила и отбор материала, и угол зрения, под которым этот материал рассматривается. При этом следует признать, что до сих пор в мировой историографии не было создано более всеобъемлющего и полного исследования этого периода Германской истории.

В последние годы предпринимаются различные более или менее удачные попытки рассмотреть тему с какой-то новой точки зрения. Так, например, в 2001 г. М. Фрëих собрал в рамках одной биографии различных деятелей времен Германской империи, причем далеко не только политиков, но и ученых, художников и т.д., чтобы через них показать «портрет эпохи», что ему в общем-то удалось. Работа стала попыткой претворения в жизнь «антропологического поворота», но во многом стала возвратом к старой биографистике, когда именно личности творили историю, по крайней мере в представлениях историков старой школы.

Имперскому периоду немецкой истории посвящены также крупные разделы в более общих работах по истории Германии «долгого XIX века». Одной из наиболее ранних подобных работ стала книга Ф. Штерна, изначально изданная в 1955 г. в Нью-Йорке на английском языке и красноречиво названная «Крах нелиберальной политики»¹⁰. В ней имперская Германия объявляется предтечей национал-социализма, а ее история после 1878 г., по словам автора, лучше всего характеризуется словом «нелиберальная» (illiberal), т.е. именно недостаток либерального начала и, шире, слабость немецкого либерализма являются причиной

⁷ Подробный анализ работ Билефельдской школы социальной истории см.: *Torp C., Müller S.O. Das Bild des deutschen Kaiserreichs im Wandel // Das deutsche Kaiserreich in der Kontroverse / Hrsg. C. Torp, S.O. Müller. Göttingen, 2008. S. 9—30.*

⁸ *Nipperdey Th. Deutsche Geschichte, 1800—1866: Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983; Idem. Deutsche Geschichte, 1866—1918. Bd. 1. Arbeitswelt und Bürgergeist. Bd. 2. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1990—1992; Idem. Wie modern war das Kaiserreich?: Das Beispiel der Schule. Wiesbaden, 1986.*

⁹ *Nipperdey Th. Deutsche Geschichte, 1866—1918. Bd. 2. S. 877.*

¹⁰ *Stern F. Das Scheitern illiberaler Politik. Studien zur politischen Kultur Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert. Frankfurt a. M., 1972.*

ее «консерватизма, бонапартизма и авторитарности»¹¹. В 2000-е годы вышло несколько работ, авторы которых постарались предложить новые подходы к изучению XIX в., в том числе немецкого. В книге под редакцией Н. Фрайтага и Д. Петцольда представлены «новые перспективы рассмотрения старых вопросов»¹². Германская империя показана через призму «рекламного» фильма П. Шамони «Вильгельм II. Его величеству нужно солнце (Wilhelm II. – Majestät brauchen Sonne)» (1999), помещавшего личность императора, а через него и всей империи в массовое сознание и подчеркивающего попытки самого императора с помощью доступных ему визуальных средств создавать легенду о себе.

Самой шумевшей в последние десятилетия в изучении мировой истории XIX в. стала монография Ю. Остерхаммеля¹³, который пытается с помощью выработанных им уникальных подходов показать взаимосвязь и взаимозависимость мировых процессов. Определяющими для него являются категории времени и пространства, отличия течения и понимания времени в XIX в. по сравнению с предыдущими и последующими периодами. Наибольший интерес для нас представляют его «панорамы» — «государства», «империи и национальные государства», «международные системы». Остерхаммелю удалось предложить действительно новые подходы, он предпринял попытку, преодолевая теорию «особости» Германии и ее развития, встроить ее в общемировую имперскую систему, обнаружив множество пересечений германского примера с иными имперскими образованиями.

В центре внимания немецкой исторической науки применительно к исследованиям имперского периода находятся вопросы государственно-правовой теории, принципов формирования и функционирования ее системы власти. Самым значительным и подробным трудом является многотомная «Немецкая конституционная история с 1789 г. до настоящего времени» Э.Р. Хубера¹⁴, вышедшая в 1970–1990-е годы в Штутгарте. Особый интерес для нас представляют третий том «Бисмарк и империя» и четвертый том «Структура и кризисы империи»¹⁵, где рассматриваются все этапные события имперского периода, начиная с отставки Бисмарка и до Первой мировой войны, с точки зрения соответствия тех или иных шагов законодательству империи. Научная и преподавательская деятельность Хубера в период национал-социализма, активное членство в НСДАП, его позиции одного из ведущих специалистов по германскому законодательству и создателей так называемой Кильской юридической школы в 1935 г. стали причиной достаточно долгого его отлучения от академической деятельности после 1945 г. и часто скептического отношения коллег к его работам. Эти обстоятельства биографии Хубера не умаляют ни значения его фундаментального труда, ни его влияния на последующие исследования в этой области, хотя и объясняют его приверженность бурсианской школе в историографии и известный пруссоцентризм его исследования, что, впрочем, вполне обоснованно при анализе истории Германской империи. Третий том носит в основном теоретический характер, в четвертом описывается реализация конституционной модели в имперской системе власти, причем не только ее правовые, но и политико-экономические и социальные аспекты. Главным посылом Хубера является утверждение, что имперская форма государства — это не переходный этап между прусским абсолютизмом и либерально-демократической Веймарской республикой, то, что авторы упомянутой выше недавней статьи в духе мейнстрима западногерманской историографии определили как «мнимый конституционализм»¹⁶, но вполне самостоятельная форма, обладающая достаточно удачным и вполне работоспособным сочетанием политических элементов. Это делает ее одной из базовых моделей конституционного

¹¹ Ibid. S. 13.

¹² Das “lange” 19. Jahrhundert. Alte Fragen und neue Perspektiven / Hrsg. von N. Freytag, D. Petzold. München, 2007.

¹³ Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009.

¹⁴ Huber E. R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. 1–8. Stuttgart, 1981–1990.

¹⁵ Ibid. Bd. 3. Bismarck und das Reich, 3. Aufl., Stuttgart, 1988; Bd. 4. Struktur und Krisen des Kaiserreichs, 2. Aufl. Stuttgart, 1982.

¹⁶ Ватлин А.Ю., Невский С.И., Турыгин А.А. Указ. соч. С. 13–18.

государства с разделением властей, которая нуждается в реформировании не более, чем любая другая. Для описания этой модели Хубер вводит вполне нейтральный термин «немецкий конституционализм», под которым он понимает «соответствующую системе модель политико-правовой самоорганизации», которая объединяла в себе два принципа — монархический и представительский и была «соответствующим своему времени решением немецкого конституционного вопроса»¹⁷. В этой системе, по Хуберу, монарх обладал почти исключительно контрольными функциями над сферами управления, администрации, внешней политики и армии. Основное внимание в более чем 1200-страничном томе Хубер уделяет таким дискуссионным вопросам, как канцлерский режим Бисмарка, идея государственного переворота, проблема «личного режима», социальное и экономическое законодательство. Историк считает, что говорить о режиме Бисмарка как о «диктатуре канцлера» нет оснований, отрицает бонапартистские элементы в стиле его правления, хотя и признает, что он был важнейшим фактором в период написания имперской конституции и реализации ее принципов вплоть до 1890 г. Тезисы, представляющие для нас особый интерес, посвящены содержанию и характеристикам «личного режима» Вильгельма II. Говорить о нем, по Хуберу, стоило бы только в том случае, если бы император отстранил от исполнения возложенных на них функций все основные органы управления, включая прусское государственное министерство, канцлера, прусский ландтаг и рейхстаг и установил бы полноценный самодержавный режим, чего не происходило ни в коей мере. Историк также вполне справедливо считает, что речи императора, пусть и не всегда обдуманные, а иногда и просто глупые, еще не означают, что в стране был установлен авторитарный режим. По Хуберу, возможности императора проводить собственную политику были ограничены, и чем дальше, тем больше военной и гражданской бюрократией, которая отстаивала собственные, ведомственные интересы¹⁸. Расширение области, в которой император имел свободу рук, было ограничено ослабленными Бисмарком конституционными институтами, независимостью в кадровой политике, что другой выдающийся исследователь этого периода Дж. Рёль считал главным признаком личного режима¹⁹, а также идеологической мобилизацией народа вокруг идеи «мировой политики». Хубер доказывает тезис, что Вильгельм, став национальным императором, превратился в интеграционный фактор, позволивший на некоторое время смягчить недостатки и противоречия политической и социальной систем империи. То есть, не умаляя фактора влияния императора на политические процессы, Хубер выступает против его преувеличения и сведения всех внутренних проблем послебисмарковского периода просто к определению «личный режим», не вкладывая в него никакого политико-правового содержания, кроме обвинений в «недемократизме».

Большой раздел работы посвящен правовым основам функционирования отдельных союзных государств в составе империи. Традиционно основное внимание уделяется вопросам избирательного права, одна из основных внутривнутриполитических проблем в стране видится в отказе значительной части так называемого среднего класса от требований парламентаризации, понимаемой как демократизация. При этом автор утверждает, что уже в первой половине 1890-х годов Пруссия являлась парламентским государством, так как прусское государственное министерство со времен борьбы вокруг школьного закона Цедлица в 1891—1892 гг. почти полностью зависело от консервативного большинства ландтага. Большое внимание историк уделяет также национальному вопросу (польскому и эльзас-лотарингскому) как важным факторам в предыстории Первой мировой войны.

Этой монументальной работе Хубера предшествовала его монография «Национальное государство и конституционное государство», вышедшая в свет в 1965 г. Книга имеет подзаголовок «Исследования по истории современной государственной идеи», что полностью

¹⁷ Huber E.R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. 3. S. 11, 20.

¹⁸ Ibid. Bd. 4. S. 344—346.

¹⁹ См., например, Рёль Дж. К. Г. Вильгельм II. Германский император 1888—1918 // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997. С. 510—538.

отражает ее преимущественно теоретический, правоведческий характер. В центре исследования лежит феномен конституционного государства, созданного Бисмарком, и его понимание как «пределов, которые конституционное государство накладывает на политическую деятельность, так и возможностей, которые оно открывает перед действующими политическими деятелями»²⁰. Исследователь много пишет о ценностной связи между имперской и прусской конституциями, утверждая, что с самого начала империю ни в коем случае нельзя считать опять-таки с правовой точки зрения только «расширенной Пруссией»²¹, хотя это утверждение представляется нам скорее спорным.

Особый раздел работы посвящен трансформации конституционного государства в период «личного режима». Хубер вступает в этом вопросе в дискуссию с Э. Эйком, автором монографии о личном режиме²², который утверждает, что вместо системы конституционного канцлерского правления в Германии после отставки Бисмарка сложился самодержавно-монархический режим.

Один из главных вопросов — стояла ли за фасадом конституционного государства абсолютистская по сути своей система правления, что Хубер определяет как «институциональный личный режим», или же в стране действовал «импровизированный личный режим», т.е. в каждом конкретном случае конституционная система по усмотрению и прихоти монарха «отключалась», остается одним из самых актуальных при анализе имперского периода германской истории²³. В результате подробных размышлений исследователь приходит к выводу, что главной проблемой страны являлось нарушение баланса между военными и политическими кругами: первые толкали Германию к войне, а вторые не имели достаточного потенциала, чтобы им противостоять. Император же, ложно уверовав в то, что он сам может быть своим канцлером, не смог правильно установить этот баланс.

В 1980-е годы вышли две работы, связанные с именем крупного исследователя конституционно-правового развития Германии Х. Больдта из университета Дюссельдорфа, который издал двухтомник «Немецкая конституционная история»²⁴ и стал составителем хрестоматии, в которой были собраны основные тексты, связанные с той же темой²⁵. Работы Больдта являются глубоко фундированными, скорее обзорными, чем исследовательскими сочинениями, предоставляя прекрасную фактическую базу для собственной аналитической работы.

Правовым основам империи посвящен один из разделов обзорной работы Х. Брандта «Долгий путь в демократическую современность. Немецкая конституционная история с 1800 по 1945»²⁶ под названием «Правовое государство и конституционная стагнация (1866–1914)», из которого понятно, что автор объединяет в единую систему историю Германии от Северогерманского союза до Первой мировой войны. Работа содержит подробный анализ имперской конституции, принципов, лежащих в ее основе, прерогатив основных ветвей власти. Императора, канцлера и рейхстаг Брандт относит к унитарным элементам конституции. Достоинством работы является подробное описание не только правовых норм, утвержденных в 1871 г., но и изменений, которые вносились в ту или иную статью до 1914 г. Особенно это важно в таких сложных областях, как принципы формирования

²⁰ Huber E.R. Nationalstaat und Verfassungsstaat. Studien zur Geschichte der modernen Staatsidee. Stuttgart, 1965. S. 189.

²¹ Ibid. S. 192.

²² Eyck E. Das persönliche Regiment Wilhelms II Politische Geschichte des Deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach; Zürich, 1948.

²³ Huber E.R. Nationalstaat und Verfassungsstaat... S. 231.

²⁴ Boldt H. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 1. Von den Anfängen bis zum Ende des älteren deutschen Reiches 1806. München, 1984; Bd. 2. Von 1806 bis zur Gegenwart. München, 1984.

²⁵ Reich und Länder. Texte zur deutschen Verfassungsgeschichte im 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. von H. Boldt. München, 1987.

²⁶ Brandt H. Der lange Weg in die demokratische Moderne. Deutsche Verfassungsgeschichte von 1800 bis 1945. Darmstadt, 1998.

имперского бюджета, налоговая система, финансовые отношения империи и отдельных государств. Брандт поддерживает тезис о том, что личный режим Вильгельма существовал и он нарушил сложно сконструированное, но устойчивое имперское здание, выстроенное Бисмарком, что властный механизм из императора, канцлера и бюрократии все больше дистанцировался от рейхстага, а сама власть императора представляла собой цезаристское сочетание волонтаризма и бюрократизма. Каприви и Гогенлоэ рассматриваются Брандтом как переходные фигуры, находившиеся в тени Бисмарка²⁷, а в скандале с Daily Telegraph он видит шанс на установление в стране парламентского режима, который оказался упущен из-за стратегии политических партий, «которые, парализованные своими традициями, действовать не решились»²⁸. Основной вывод работы, которая из-за отсутствия справочного аппарата носит обзорный характер, гласит, что вся имперская политика до 1914 г. «имела много аспектов, но всегда была политикой утеряннного престижа» как внутри страны, так и вовне, война являлась способом преодолеть пропасть между аграрным и индустриальным обществом и представлялась народу неким катарсисом, а конституционной монархии — способом выжить. Брандт пишет о гражданском консенсусе, достигнутом немецким обществом к 1914 г., что является важным тезисом и нашей работы.

Одним из самых новых исследований правовой системы Германии является работа М. Котуллы «Немецкая конституционная история»²⁹, в которой имперскому периоду посвящено всего 10 страниц, содержащих только самую общую информацию.

Итак, немецкие, а вслед за ними и отечественные историки-правоведы³⁰ главной темой своих исследований делают проблему выработки германской конституции 1871 г., всегда детерминированную фигурой Бисмарка, а также сильных и слабых, коих всегда больше, сторон этого документа и условий, существующих для реализации заложенных в него принципов в политической практике. Бисмарковский период привлекает больше внимания, чем последовавший за отставкой первого канцлера, который традиционно определяется как «личный режим», причем если Хубер в 1960–1980-е годы спорил с этим определением как с установленной данностью, то более поздние исследования скорее принимают его за аксиому.

Второй по частоте упоминаний после Бисмарка фигурой имперского периода германской истории является Вильгельм II, собственно, и сама имперская история разделена на два этапа — бисмарковский и вильгельмовский. Один из крупнейших отечественных специалистов по германской истории и историографии новой и новейшей истории М.Е. Ерин писал, что императору в литературе даются самые разные оценки и существует несколько легенд о нем. «Одна из них гласит, что Вильгельм был великим человеком. Согласно другой, он — демон, но, несомненно, очень опасный, потому что обладает чертами гения. Третья повествует, что с падением канцлера О. фон Бисмарка в марте 1890 г. и восхождением на трон Вильгельма II начался путь по наклонной плоскости, который и привел рейх к крушению»³¹. Более чем за сто лет, прошедших после отречения монарха, о нем было

²⁷ Ibid. S. 164.

²⁸ Ibid. S. 169.

²⁹ Kotulla M. Deutsche Verfassungsgeschichte: vom Alten Reich bis Weimar (1495–1934). Berlin; Heidelberg, 2008.

³⁰ Баев В.Г. Германский конституционализм (конец XVIII — первая треть XX в.). Историко-правовое исследование. Тамбов, 2007; *Его же*. Европейский конституционализм после Наполеона (на примере Германии) // Журнал российского права. 2005. № 7 (103). С. 113–123; *Его же*. Парламентаризм в России и Германии: эпоха становления (последняя треть XIX — начало XX в.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 175–182; *Его же*. Генезис и развитие германского конституционализма в начале XIX — первой трети XX вв.: автореф. ... докт. юр. наук. Тамбов, 2008; Боков Ю.А. Прусская трехклассная избирательная система (1849–1918 гг.) // Власть. 2009. № 10. С. 163–165; *Его же*. Зарождение избирательных прав пруссаков (19 ноября 1808 года — 30 мая 1849 года) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 99–105; и др.

³¹ Ерин М.Е. Кайзер Вильгельм II и крушение Германской империи // Франция — Россия, 1914–1918 гг.: от альянса к сотрудничеству. Материалы франко-российского colloquium. М., 2015. С. 86–87.

написано свыше 3 тыс. книг и статей³², но тема далеко не считается исчерпанной. К аналогичному выводу пришли и А.Ю. Ватлин, С.И. Невский и А.А. Турыгин, считающие, что «исторические дискуссии о «режиме личной власти» Вильгельма II и его последствиях помогают пониманию противоречивого характера политической реальности Германской империи и ключевых тенденций ее развития в конце XIX — начале XX в.»³³.

Немецкие историки, отвечая на главный для себя вопрос, являлся ли крах 1918 г. неизбежным и предопределенным, спорят, был ли он обусловлен всем развитием страны с 1871 г., или, что представляется большинству историков более обоснованным, с 1890 г. Будто бы Бисмарк, обладавший своего рода «иммунитетом от поражения», строил одно государство, а отстранивший его от власти император изменил не только внешнеполитическую стратегию страны, но и ее конституционные основы, сам вектор ее развития. При таком подходе, очевидно, фигура Вильгельма выходит на первый план, поэтому значительная часть работ по истории Германской империи строится вокруг фигуры императора или прямо посвящена ему.

Самым плодотворным в этом ряду был совсем недавно скончавшийся британский историк Дж.Ч. Дж. Рёль, родившийся в немецко-английской семье и потому проявлявший особый интерес к истории Германии, при этом подход к личности и деятельности императора, который он демонстрировал во всех своих работах³⁴, можно назвать скорее британским. Одна из его работ, небольшой очерк, вошедший в сборник, посвященный германским императорам, была переведена и на русский язык³⁵. Привлечение огромного круга источников и любовь Рёля к чрезвычайно обширным цитатам предопределили огромный физический объем его книг, особенно трехтомника. Император предстает в них личностью с нарциссическими расстройствами: эгоцентричной и вспыльчивой, беспокойной и импульсивной, бесчувственной и бестактной, склонной к театральным жестам и громкой риторике, восприимчивой к лести и неспособной к сосредоточенной работе. Главным посылом всех работ Рёля было представление Вильгельма как ключевой фигуры на роковом пути от Бисмарка к Гитлеру, который установил, в отличие от большинства европейских монархий, полуабсолютистскую монархическую систему правления вопреки духу времени современного индустриального общества. В центре исследования — обоснование тезиса о «личном режиме», основанном на принципе так называемого королевского механизма, введенный Н. Элиасом³⁶ для обозначения придворного общества как центра власти и Ф. Эйленбурга как ядра этого центра. То, что именно Рёль был составителем и редактором публикации писем Эйленбурга, с одной стороны, погрузило его в изучение «камарильи», что позволило показать все тайные пружины событий, а с другой — затуманило все остальные факторы политической жизни в стране, не оставив места для встраивания в систему политических партий, рейхстага, различных союзов и организаций. Работа благодаря своей детальности носит скорее позитивистско-описательный, чем аналитический характер, что, впрочем, не умаляет ее ценности для исследователей.

Важнейшие труды других историков, причем как немецких, так и английских, вращаются вокруг вопроса о месте императора в системе и, главное, в «иерархии виновников

³² Röhl J. Ch. Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II und die deutsche Politik. München, 1995. S. 113.

³³ Ватлин А.Ю., Невский С.И., Турыгин А.А. Указ. соч. С. 13.

³⁴ Röhl J. Ch. G. Germany without Bismarck. The crisis of government in the Second Reich, 1890–1900. London, 1967; *Idem*. From Bismarck to Hitler. The problem of continuity in German history. London, 1970; *Idem*. Kaiser, Hof und Staat — Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1987; *Idem*. Kaiser Wilhelm II. Eine Studie über Cäsarenwahnsinn (Schriften des Historischen Kollegs. Vorträge. Bd. 19). München, 1989; *Idem*. Wilhelm II: Bd. 1–3. München, 1993–2008. Bd. 1. Die Jugend des Kaisers, 1859–1888. 1993; Bd. 2. Der Aufbau der Persönlichen Monarchie, 1888–1900. 2001; Bd. 3. Der Weg in den Abgrund, 1900–1941. 2008.

³⁵ Рёль Дж.К.Г. Указ. соч. С. 510–538.

³⁶ Elias N. Die höfische Gesellschaft: Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Darmstadt, 1983.

Первой мировой войны». То ли он стал «козлом отпущения», как считал Н. Зомбарт³⁷, то ли «теневым императором»³⁸, который вообще не участвовал в принятии решений. Иногда делалась попытка посмотреть на императора чуть менее предвзято³⁹, но редко, когда это удавалось. Колебания в германской историографии были обусловлены господствующей в обществе и науке трактовке виновности Германии в мировых войнах, теории об «особом пути Германии» и спорами, которые породила книга Ф. Фишера «Рывок к мировому господству»⁴⁰, ставшая, наверное, самой обсуждаемой работой по истории Германии в современной мировой исторической науке. Все эти исследования глубоко политизированы, и связано это прежде всего с тем, что с периода правления Вильгельма прошло чуть более ста лет и эти годы были наполнены событиями, которые раз за разом возвращали его фигуре, роли в истории Германии и роли Германии в мировой истории политическое измерение, связанное с культивированием в немецком обществе чувства вины. Интересный и нетривиальный взгляд на императора предлагает В. Кёнинг, в центр своего исследования поместивший отношения императора со столь любимым им миром технических новинок и новых технологий⁴¹. Работа ожидаемо делится на главы, посвященные интересам Вильгельма II, роли промышленников и инженеров в качестве советников императора. Попытки Кёнинга обосновать этими техническими интересами приверженность императора современности в самом широком общественно-политическом, структурном смысле выглядят не самыми убедительными, но, очевидно, являются новым углом зрения, под которым рассматривается старая проблема.

В общем и целом вышеперечисленные авторы пытаются выстроить историю Германии вокруг фигуры ее императора, чем раз за разом уводят в его тень все остальные социальные, экономические и иные факторы и силы. Такой «кайзероцентризм» показателен как особый феномен замены личностями процессов, придания гипертрофированного внимания роли личности в истории, что очень выгодно для всех остальных. Если роль Германии в европейской истории XX в. определили личные амбиции «бесноватых, психически неуравновешенных и т.д.» императора и фюрера, то никаких закономерных причин для повторения ситуации в иных условиях не существует. Возможно, такой подход является и ответом на жесткие схемы Билефельдской школы, захватившей в какой-то момент «командные высоты» в немецкой историографии.

Мы остановились здесь только на трех темах и главных работах, очерчивающих основное исследовательское поле изучения имперской Германии. Подробное знакомство с ними позволяет сделать несколько выводов. Кроме чисто научных задач перед историками стояли и иные — политические, связанные не столько с объяснением, сколько с преодолением тяжелейшей немецкой истории XX в. В отличие от немалой части современной российской историографии и особенно широкого общественного мнения, которое в империи Романовых часто видит золотой век отечественной истории, немецкие историки находят в бисмарковском, а особенно в вильгельмовском периоде первопричину германской трагедии и германских преступлений новейшего времени. Первопричина эта видится им, по сути, в «особом пути» Германии, недостатке в ней либерального демократического начала, избытке «железа и крови», с помощью которых империя была создана. Если период Освободительных войн и национального подъема 1813–1814 гг., а особенно «весны народов» 1848 г. имеют однозначно положительную коннотацию, то имперский период фактически всегда рассматривается через призму кризиса, распада, краха и отсутствия модернизационного потенциала в стране. Если в самом конце XX в. в историческом сознании немцев

³⁷ Sombart N. Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. Berlin, 1996.

³⁸ Wehler H.-U. Krisenherde des Kaiserreichs 1871–1918...; *Idem.* Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918...

³⁹ Макдоно Д. Последний кайзер Вильгельм Неистовый. М., 2004.

⁴⁰ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1984; в рус. переводе: Фишер Ф. Рывок к мировому господству: политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М., 2017.

⁴¹ König W. Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.

создается и культивируется «жертвенный нарратив»⁴², то предыдущий период можно охарактеризовать как поиск виновных и «нарратив покаяния». Самым простым путем было возложение ответственности или на отдельные личности (Бисмарк, Вильгельм, Гитлер), или на достаточно узкие социальные (юнкерство) или политические (социал-демократы, либералы и т.п.) группы. Именно этот посыл, за некоторым исключением (например, имевшего смелость идти против мейнстрима Хубера), лежал в основе всех работ, которые, будучи частью исторической политики, задачей которой была интеграция ФРГ в западную систему, формировали и историческое сознание немцев. Эти труды стали препятствием для взгляда на Германскую империю как на часть европейской имперской системы, включения ее в «макросистему империй», что постарался изменить в своих уже упомянутых выше работах Ю. Остерхаммель и частично Т. Ниппердей. Сложность этого процесса очевидна, свидетельством чему является острая дискуссия с участием Й. Биберовского, М. Брехтенна, М. Фрая, Б.И. Колоницкого и В.С. Мирзеханова, кратко представленная в Обобщении российско-германского научного colloquium, состоявшегося в 2018 г.⁴³

Позиция германской историографии по имперским сюжетам является, пожалуй, одним из самых ярких свидетельств не только влияния политики на историческую науку, но и силы воздействия, которую научные социальные и гуманитарные исследования оказывают на общество, на процесс формирования общественного сознания, а через него и на текущую политическую практику.

Библиография / References

Баев В.Г. Генезис и развитие германского конституционализма в начале XIX — первой трети XX вв.: автореф. ... докт. юр. наук. Тамбов, 2008.

Баев В.Г. Германский конституционализм (конец XVIII — первая треть XX в.). Историко-правовое исследование. Тамбов, 2007.

Баев В.Г. Европейский конституционализм после Наполеона (на примере Германии) // Журнал российского права. 2005. № 7 (103). С. 113—123.

Баев В.Г. Парламентаризм в России и Германии: эпоха становления (последняя треть XIX — начало XX в.) // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3. С. 175—182.

Боков Ю.А. Зарождение избирательных прав пруссаков (19 ноября 1808 года — 30 мая 1849 года) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 99—105.

Боков Ю.А. Прусская трехклассная избирательная система (1849—1918 гг.) // Власть. 2009. № 10. С. 163—165.

Ватлин А.Ю., Невский С.И., Турыгин А.А. Вильгельм II и система власти в Германии в конце XIX — начале XX века // Новая и новейшая история. 2023. № 3. С. 7—27. DOI: 10.31857/S013038640024400-8

Ерин М.Е. Кайзер Вильгельм II и крушение Германской империи // Франция — Россия, 1914—1918 гг.: от альянса к сотрудничеству. Материалы франко-российского colloquium. М., 2015. С. 86—87.

Макдона Д. Последний кайзер Вильгельм Неистовый. М., 2004.

Новикова М.В. Проблема исторической памяти в Германии в годы канцлерства Герхарда Шрёдера // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 137—147.

Обобщение итоговой дискуссии научного colloquium «Империи, нации, регионы: имперские концепции в России и Германии в начале XX века» // Империи, нации, регионы. Имперские концепции в России и Германии в начале XX века / под ред. А. Чубарьяна, А. Виршинга. Берлин; Бостон, 2018. С. 141—144.

Рёль Дж. Ч. Г. Вильгельм II. Германский император 1888—1918 // ред. А. Шиндлинг А., В. Циглер. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997. С. 510—538.

Ростиславлева Н.В. Рецепция темы Германской империи в юбилейных исторических нарративах России и Германии в XX веке // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 91—100. DOI: 10.31857/S013038640020239-0

⁴² *Новикова М.В.* Проблема исторической памяти в Германии в годы канцлерства Герхарда Шрёдера // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 137—147.

⁴³ Обобщение итоговой дискуссии научного colloquium «Империи, нации, регионы: имперские концепции в России и Германии в начале XX века» // Империи, нации, регионы. Имперские концепции в России и Германии в начале XX века / под ред. А.А. Чубарьяна, А. Виршинга. Берлин; Бостон, 2018. С. 141—144.

Филитов А.М. Бисмарк – Вильгельм – Гитлер: континуитет или разрыв традиции? // Новая и новейшая история. 2022. № 3. С. 82–90. DOI: 10.31857/S013038640020238-9

Фишер Ф. Рывок к мировому господству: политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М., 2017.

Baev V.G. Evropejskij konstitucionalizm posle Napoleona (na primere Germanii) [European Constitutionalism after Napoleon (on the example of Germany)] // Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]. 2005. № 7 (103). S. 113–123. (In Russ.)

Baev V.G. Genezis i razvitie germanskogo konstitucionalizma v nachale XIX – pervoj treti XX vv. [The genesis and development of German constitutionalism at the beginning of the 19th – first third of the 20th centuries]: avtoref. ... dokt. yurid. nauk. Tambov, 2008. (In Russ.)

Baev V.G. Germanskii konstitutsionalizm (konets XVIII – pervaja tret' XX v.). Istoriko-pravovoe issledovanie Germanskii konstitutsionalizm (konets XVIII – pervaja tret' XX v.) [German constitutionalism (late 18th – first third of the 20th century). Historical and legal research]. Tambov, 2007. (In Russ.)

Baev V.G. Parlamentarizm v Rossii i Germanii: e'poxa stanovleniya (poslednyaya tret' XIX – nachalo XX v.) [Parliamentarism in Russia and Germany: the epoch of formation (the last third of the 19th – the beginning of the 20th century)] // Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal policy and legal life]. 2009. № 3. S. 175–182. (In Russ.)

Bokov Yu.A. E'timologicheskie, pravovy'e i kul'turologicheskie aspekty' upotrebleniya terminov “poddanstvo” i “grazhdanstvo” v Germanskoj imperii [Etymological, legal and cultural aspects of the use of the terms “citizenship” and “citizenship” in the German Empire] // Voprosy' istorii [History issues]. 2021. № 1. S. 94–102. (In Russ.)

Bokov Yu.A. Prusskaya tryokklassnaya izbratel'naya sistema [The Prussian three-class electoral system] (1849 1918 gg.) // Vlast' [Power]. 2009. № 10. S. 163–165. (In Russ.)

Bokov Yu.A. Ukaz korolya Prussii “o provedenii vy'borov deputatov vtoroj palaty” ot 30 maya 1849 g.: normativnoe soderzhanie i praktika realizacii [Decree of the King of Prussia “on holding elections of deputies of the Second Chamber” dated May 30, 1849: normative content and implementation practice] // Legal Concept. Pravovaya paradigma. 2021. T. 20. № 1. S. 79–85. (In Russ.)

Bokov Yu.A. Zarozhdenie izbratel'ny'kh prav prussakov (19 noyabrya 1808 goda – 30 maya 1849 goda) [The origin of the electoral rights of the Prussians (November 19, 1808 – May 30, 1849)] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5. Yurisprudenciya [Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 5. Jurisprudence]. 2012. № 2 (17). S. 99–105. (In Russ.)

Erin M.E. Kaiser Vilhelm II i krushenie Germanskoj imperii // Frantsiya – Rossiya, 1914–1918 gg.: ot al'yansa k sotrudnichestvu. Materialy' franko-rossijskogo kollokviuma [Kaiser Wilhelm II and the collapse of the German Empire // France – Russia, 1914–1918: from alliance to cooperation. Materials of the Franco-Russian colloquium]. Moskva, 2015. S. 86–87. (In Russ.)

Filitov A.M. Bismark – Vil'gel'm – Gitler: kontinuitet ili razryv tradicii? [Bismarck – Wilhelm–Hitler: continuity or a break in tradition?] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 3. S. 82–90. DOI: 10.31857/S013038640020238-9 (In Russ.)

Fisher F. Ryvok k mirovomu gospodstvu: politika voennykh tselei kaizerovskoi Germanii v 1914–1918 gg. [The leap to world domination: the policy of military goals of Kaiser's Germany in 1914–1918]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Makdon D. Poslednij kajzer Vil'gel'm Neistovy'j [The Last Kaiser Wilhelm the Furious]. Moskva, 2004.

Novikova M.V. Problema istoricheskoy pamyati v Germanii v gody' kanczlerstva Gexarda Shryodera [The problem of historical memory in Germany during the Chancellorship of Gerhard Schroeder] // Novaya i novejšaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 4. S. 137–147.

Obobshchenie itogovoj diskussii nauchnogo kollokviuma “Imperii, nacii, regiony’: imperskie koncepcii v Rossii i Germanii v nachale XX veka” [Summary of the final discussion of the scientific colloquium “Empires, nations, regions: imperial concepts in Russia and Germany at the beginning of the 20th century”] // Imperii, nacii, regiony’. Imperskie koncepcii v Rossii i Germanii v nachale XX veka [Empires, nations, regions. Imperial concepts in Russia and Germany at the beginning of the 20th century] / pod red. A. Chubar'yana, A. Virshinga. Berlin; Boston, 2018. S. 141–144.

Röhl J.Ch.G. Wilhelm II. Germanskiy imperator 1888–1918 // Kaisery [Kaisers] / red. A. Scindling, W. Ziegler. Rostov-na-Donu, 1997. S. 510–538.

Rostislavleva N.V. Recepciya temy' Germanskoj imperii v yubilejny'x istoricheskix narrativax Rossii i Germanii v XX veke [Reception of the theme of the German Empire in the jubilee historical narratives of Russia and Germany in the 20th century] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 3. S. 91–100. DOI: 10.31857/S013038640020239-0 (In Russ.)

Vatlin A.Yu., Nevskij S.I., Turygin A.A. Vil'gel'm II i sistema vlasti v Germanii v konce XIX – nachale XX veka [William II and the system of power in Germany in the late 19th – early 20th century] // Novaya

i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 3. S. 7–27. DOI: 10.31857/S013038640024400-8 (In Russ.)

Boldt H. Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 1. Von den Anfängen bis zum Ende des älteren deutschen Reiches 1806. München, 1984; Bd. 2. Von 1806 bis zur Gegenwart. München, 1984.

Brandt H. Der lange Weg in die demokratische Moderne. Deutsche Verfassungsgeschichte von 1800 bis 1945. Darmstadt, 1998.

Conze W. Die Deutsche Nation. Ergebnis der Geschichte. Göttingen, 1963.

Conze W. Gesellschaft – Staat – Nation. Gesammelte Aufsätze / Hrsg. von U. Engelhardt. Stuttgart, 1992.

Das “lange” 19. Jahrhundert. Alte Fragen und neue Perspektiven / Hrsg. von N. Freytag, D. Petzold. München, 2007.

Elias N. Die höfische Gesellschaft: Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Darmstadt, 1983.

Eyck E. Das persönliche Regiment Wilhelms II Politische Geschichte des Deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach; Zürich, 1948.

Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1984.

Huber E. R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. 1–8. Stuttgart, 1981–1990.

Huber E. R. Nationalstaat und Verfassungsstaat. Studien zur Geschichte der modernen Staatsidee. Stuttgart, 1965.

König W. Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.

Kotulla M. Deutsche Verfassungsgeschichte: vom Alten Reich bis Weimar (1495–1934). Berlin; Heidelberg, 2008.

Mommsen W.J. Das Zeitalter des Imperialismus. Frankfurt a. M., 1969.

Mommsen W.J. Der autoritäre Nationalstaat. Verfassung, Kultur und Gesellschaft im Deutschen Kaiserreich. Frankfurt a. M., 1992.

Mommsen W.J. Imperialismustheorien. Göttingen, 1987.

Mommsen W.J. Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920. Tübingen, 1959.

Mommsen W.J. Nation und Geschichte. Über die Deutschen und die deutsche Frage. München, 1990.

Nipperdey Th. Deutsche Geschichte, 1800–1866: Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983.

Nipperdey Th. Deutsche Geschichte, 1866–1918. Bd. 1. Arbeitswelt und Bürgergeist. Bd. 2. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1990–1992.

Nipperdey Th. Wie modern war das Kaiserreich?: Das Beispiel der Schule. Wiesbaden, 1986.

Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009.

Reich und Länder. Texte zur deutschen Verfassungsgeschichte im 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. von H. Boldt. München, 1987.

Röhl J.Ch. G. From Bismarck to Hitler. The problem of continuity in German history. London, 1970.

Röhl J.Ch. G. Germany without Bismarck. The crisis of government in the Second Reich, 1890–1900. London, 1967.

Röhl J.Ch. Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II und die deutsche Politik. München, 1995.

Röhl J.Ch.G. Kaiser Wilhelm II. Eine Studie über Cäsarenwahnsinn (Schriften des Historischen Kollegs. Vorträge. Bd. 19). München, 1989.

Röhl J.Ch.G. Wilhelm II: 3 Bde. Bd. 1; Bd. 1–3. München, 1993–2008.

Schieder Th. Das deutsche Kaiserreich von 1871 als Nationalstaat. Köln, 1961.

Sombart N. Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. Berlin, 1996.

Stern F. Das Scheitern illiberaler Politik. Studien zur politischen Kultur Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert. Frankfurt a. M., 1972.

Torp C., Müller S.O. Das Bild des deutschen Kaiserreichs im Wandel // Das deutsche Kaiserreich in der Kontroverse / Hrsg. C. Torp, S.O. Müller. Göttingen, 2008. S. 9–30.

Wehler H.-U. Bismarck und der Imperialismus. Köln u. a. 1969.

Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918 (Deutsche Geschichte. Bd. 9. Kleine Vandenhoock-Reihe. 1380). Göttingen, 1973.

Wehler H.-U. Krisenherde des Kaiserreichs 1871–1918. Studien zur deutschen Sozial- und Verfassungsgeschichte. Göttingen, 1970.

© 2024 г. А.А. МИТРОФАНОВ

КОНЦЕПЦИЯ «НАРОДНОГО РОЯЛИЗМА» В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЭПОХИ НАПОЛЕОНА: ЗА И ПРОТИВ

Митрофанов Андрей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: paxgallica@gmail.com

Scopus Author ID: 57219242225; *ORCID:* 0000-0002-8480-5345; *Researcher ID:* J-8249-2017; *AZ:* 9180-2021

Аннотация. В историографии эпохи Французской революции и наполеоновских войн в последние годы приобретает особую популярность концепция «народного роялизма». В статье представлен анализ основных положений и критика этой концепции на основе сочинений трех главных теоретиков — Поля Шоплена, Альваро Париса и Антони Артолы. Сам термин «народный роялизм», по мнению автора статьи, появился в результате старой, но не завершенной дискуссии о сущности контрреволюции в европейских странах в конце XVIII — начале XIX в. и альтернативах этого многозначного термина. Суть новой концепции сводится к следующему. Роялистские и контрреволюционные движения не носили ретроградного характера, отвечали актуальным запросам разных слоев общества в ситуации гражданской войны. Контрреволюция породила альтернативный путь политизации масс и способствовала возникновению новых моделей их политического участия. Роялисты присваивали и монополизировали старые источники политической легитимности — религию, монархию и традиционализм и адаптировали привычные дискурсы и образы к вызовам нового времени. Опираясь на идею легитимности, роялисты выдвигали широкий спектр требований не только консервативных, но и новаторских. По мнению автора статьи, конкретные примеры из европейской истории конца XVIII и начала XIX в., особенно из истории Италии, позволяют поставить перед авторами концепции «народного роялизма» несколько вопросов и показывают, что межклассовые альянсы во главе с роялистами были временными и неустойчивыми. Эти альянсы способствовали реставрации монархий, но только при иностранном военном вмешательстве. Но, поскольку национальные историографические традиции все еще очень устойчивы, предложенная новая концепция народных роялистских движений требует важных уточнений с учетом специфики исторического развития разных стран и регионов.

Ключевые слова: Франция, Италия, историография, контрреволюция, роялизм, Французская революция, наполеоновские войны, массовые движения, контрреволюционные движения.

A.A. Mitrofanov**The Concept of “Popular Royalism” in the Latest Historiography of the French Revolution and the Napoleonic Era: Pro and Contra***Andrey Mitrofanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: paxgallica@gmail.com**Scopus Author ID: 57219242225; ORCID: 0000-0002-8480-5345; Researcher ID: J-8249-2017; AAZ-9180-2021*

Abstract. In recent years, the concept of “popular royalism” has gained popularity in the historiography of the French Revolution and the Napoleonic Wars. The author of the article analyses the main tenets and criticisms of this concept based on the writings of the three main theorists, Paul Choplin, Álvaro Paris, and Andoni Artola. The term “popular royalism” appeared as a result of an incomplete discussion about the essence of counter-revolution in European countries in the late 18th – early 19th centuries. According to the authors of the concept, royalist and counter-revolutionary movements were not retrograde in nature and met the actual demands of different layers of society in the situation of civil war. The counter-revolution gave rise to an alternative way of politicization of the masses and contributed to the emergence of new models of their political participation. The royalists monopolised old sources of political legitimacy and adapted familiar discourses and images to new challenges. Drawing on the idea of legitimacy, they put forward a wide range of demands that were not only conservative but also innovative. Nevertheless, specific regional cases, especially from Italian history, show that the cross-class alliances led by the royalists were temporary and unsustainable. These alliances contributed to the Restoration, but only with foreign military intervention. Yet, since the national historiographical traditions are still very stable, the proposed new concept of popular royalist movements requires substantial clarifications, taking into account the specifics of the historical development of different countries and regions.

Keywords: historiography, counter-revolution, royalism, popular royalism, French Revolution, Napoleonic Wars, Paul Choplin, Álvaro Paris, Andoni Artola.

В поиске новых подходов в изучении эпохи «атлантических революций» XVIII–XIX вв. историки приступили к теоретическому переосмыслению устоявшихся за более чем два века ключевых понятий и концепций и даже предлагали новые и оригинальные историографические конструкции. Одной из таких конструкций является «народный роялизм».

К концу XIX в. во Франции сформировалась устойчивая традиция изучения роялистского движения, которая была связана с именами Жака Кретино-Жоли, Эдмона Бире, Эрнеста Доде, Бертрана Лавиня. Роялистские публицисты и ученые призывали к созданию новой истории роялистского движения на основе достоверных архивных источников, чтобы отвести в ней представителям низов «верных Богу и королю» их законное место и таким образом не уступать поле «народной» истории республиканцам. Наметилось историографическое противостояние, центральной темой которого явилось восстание в Вандее. Э. Доде, в свою очередь, предложил в серии работ всеобъемлющий подход не только национального, но и международного масштаба, уделяя первоочередное внимание французской эмиграции¹. Однако и ученые-республиканцы не пренебрегали изучением роялистских движений. Альфонс Олар отвел им почетное место в своем обобщающем труде о Французской революции (1901)². Но роль роялистов оценивалась им исходя из своеобразной республиканской политической матрицы. По мнению Олара, все действия,

¹ Daudet E. Histoire des conspirations royalistes du midi sous la révolution (1790–1793). Paris, 1881; *Idem*. Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. T. I–II. Paris, 1904–1905.

² Aulard A. Histoire politique de la Révolution française, origines et développement de la démocratie et de la République (1789–1804). Paris, 1901. P. 369–386, 530–532, 633–641, 674–678, 767–771.

интриги и манипуляции общественным мнением со стороны роялистов были нацелены на то, чтобы предотвратить неизбежный триумф демократических идей.

Классическая французская республиканская историография первой половины XX в. уделяла значительное внимание роялистским движениям при изучении политической истории Французской революции, однако не признавала за роялистами роли равных республиканцам соперников, так как это нарушало стройность всей концепции торжества демократических идей и самого республиканского строя. После 1945 г. под влиянием Жака Годшо и при поддержке Общества робеспьеристских исследований и Альбера Собуля наметился некий поворот в отношении к роялистам. Сначала внимание историков привлекали биографии отдельных контрреволюционеров и история роялистской прессы, а затем их внимание сосредоточилось на социальной истории контрреволюции. Подчеркнем, что именно Годшо в 1960-е годы существенно повлиял на то, что контрреволюция приобрела легитимный статус объекта университетских исследований, необходимого для понимания политических конфликтов эпохи революций в масштабах большого Атлантического региона. При этом Годшо трактовал контрреволюцию как понятие более широкое и многозначное, чем роялизм³. Впервые же понятие «народный роялизм» использовал Дональд Сазерленд в своей монографии о шуанах (1982), хотя и не рассматривал вопрос о роялистских симпатиях бретонских повстанцев подробно⁴.

Предпосылкой новых сомнений, поисков и формулировки рассматриваемой концепции явился опыт 1980–1990-х годов, когда ряд известных исследователей (К. Лукас, К. Мазорик, Р. Дюпюи, Ж.-К. Мартен и другие⁵) предложили свое видение широкого феномена контрреволюционного сопротивления народных масс в период Революции во Франции — «антиреволюции». Идея эта была чрезвычайно привлекательна, но на множество сложных вопросов ее авторам ответить не удалось даже за четыре прошедших десятилетия. Вокруг этой концепции не велось и длительных дискуссий, ибо большинство историков просто приняли ее к сведению. Э. Лёверс в 2011 г. по этому поводу заметил: «При рассмотрении разнообразия сопротивления Революции анализ народных движений представляет очевидные сложности. Глубокие новые исследования Мартена (1987) о гражданской войне в Вандее и Дюпюи (1988) о шуанерии подчеркивают сложность позиций и их (повстанцев.— А.М.) мотивацию. Чтобы преодолеть проблему, начиная с конца 1980-х годов историки предложили отличать контрреволюцию, определяемую по проекту, доктрине и реакционности действий, от антиреволюции по существу в основном народной, которая будет отказом от известных аспектов Революции без желания к возвращению status quo ante и без необходимого запасного проекта (Мазорик, 1987 г.). Границу между антиреволюцией и контрреволюцией не всегда легко уточнить, поскольку она неизбежно субъективна и поскольку антиреволюция может сама превратиться в контрреволюцию или стать ее инструментом»⁶. Более подробный анализ понятийных конструкций по этой теме предложил немецкий исследователь Фридман Пестель, который отметил, что «доминирующей чертой исторической литературы о контрреволюции

³ Godechot J. La contre-révolution: Doctrine et action, 1789–1804. Paris, 1961.

⁴ Sutherland D. The Chouans, the Social Origins of Popular Counter-Revolution in Upper Brittany, 1770–1796. Oxford, 1982; (французский вариант: Sutherland D. Les chouans, origines sociales de la Contre-Révolution populaire en Bretagne (1770–1796). Rennes, 1990. P. 21, 268–269).

⁵ Lucas C. Résistances populaires à la Révolution dans le sud-est // Mouvements populaires et conscience sociale XVI-e–XIX-e siècles. Paris, 1985. P. 473–485; Mazauric C. Autopsie d'un échec: la résistance à l'anti-Révolution et la défaite de la Contre-Révolution // Les résistances à la Révolution. Paris, 1987. P. 237–244; Dupuy R. De la Révolution à la Chouannerie: Paysans en Bretagne, 1788–1796. Paris, 1988; Middell M., Dupuy R., Höpel T. Widerstände gegen Revolutionen, 1789 bis 1989. Leipzig, 1994; Martin J.-C. Contre-révolution, révolution et nation en France, 1789–1799. Paris, 1998; La Contre-Révolution en Europe (XVIII-e–XIX-e siècles): Réalités politiques et sociales, résonnances culturelles et idéologiques / sous la dir. J.-C. Martin. Rennes, 2001.

⁶ Leuwers H. La Révolution française et l'Empire. Une France révolutionnée, 1787–1815. Paris, 2011. P. 176.

является преобладание франкоцентризма. В исследованиях иного революционного опыта либо именно сама Французская революция остается доминирующим ориентиром, либо в них используют контрреволюцию как категорию анализа, не признавая конкретных особенностей французского происхождения этой концепции. Последующие сравнительные наблюдения по истории Славной революции, Американской, Гельветической и Гаитянской революций призывают к осторожности в отношении таких обобщений и также призывают выявить сложную семантику переплетения между французским и другими революционными контекстами⁷.

Двухсотлетие Революции во Франции способствовало появлению многочисленных комплексных публикаций о контрреволюции. В частности, вышли коллективный труд под редакцией Жана Тюлара, монографии Жерара Жанжамбра и Дональда Сазерленда. Последний, пожалуй, впервые предложил единый нарратив, где повествование о французских революционерах и контрреволюционерах стало единым целым⁸. Последняя книга вдохновила Жана-Клемана Мартена опубликовать программную статью с призывом обратить, наконец, на контрреволюцию не меньшее внимание, чем на саму революцию. Он видел в этом единственный способ сделать понятным жестокое насилие диктатуры монтаньяров, не преуменьшая и не преувеличивая его масштабы⁹. После целой серии работ по истории восстания в Вандее и ее образа в исторической памяти французов Мартен пожелал привлечь внимание к проблеме вооруженного сопротивления в этом регионе и к необходимости нового критического подхода к дефинициям. Он же обозначил и переход к изучению контрреволюции в транснациональной перспективе.

Но увеличение и качественные изменения в этой тематике стали происходить позднее — в конце 2000-х годов, когда в историческом сообществе сложилась ситуация, в которой наметились синтез национальных историографических традиций и тенденция к отказу от давления негативной семантики в деле изучения феномена контрреволюции. Одновременно продолжилось и расширение хронологических рамок таких исследований. Коллоквиумы в Лионе и Риме, посвященные «контрреволюционной» политической культуре, состоявшиеся в 2008 и 2009 гг. позволили увидеть, что исследователи занимаются весьма схожей проблематикой в промежутке между 1770 и 1914 гг., уделяя первостепенное внимание народному компоненту в контрреволюционном движении в разных странах. В 2016 г. уже Йельский университет организовал международный коллоквиум «Народный роялизм в революционном атлантическом мире», где была ясно обозначена тема роли роялизма и народной приверженности ему в сравнительной перспективе и транснациональном измерении. Подведение итогов коллоквиума позволило его организаторам заявить о полной автономности действий людей, которые открыто сражались за дело и права низложенного монарха или монарха, власть которого оспаривалась. С отказом от старых клише появилась и возможность сравнить самые различные формы политического протagonизма роялистов¹⁰. Но даже такое значимое собрание не смогло сразу преодолеть определенные «блоки» при выработке общего определения «народного роялизма» по причине глубоких различий национальных историографий. Региональные примеры разных «роялизмов» хорошо демонстрируют специфику, но несопоставимы по ряду важных критериев. Наконец, состоявшийся в 2018 г. франко-испанский коллоквиум (Париж — Витория-Гастейс) «Реакции и народный роялизм в эпоху революций 1789—1848 гг.» наглядно показал, что контуры

⁷ *Pestel F.* On counterrevolution. Semantic investigations of a counterconcept during the French Revolution // *Contributions to the History of Concepts*. 2017. Vol. 12. Iss. 2. P. 68–69.

⁸ *La Contre-Révolution — Origines, histoire, postérité* / sous la dir. J. Tulard. Paris, 1990; *Gengembre G.* La Contre-Révolution ou l'Histoire désespérante. Paris, 1989; *Sutherland D.* France, 1789–1815: Revolution and Counterrevolution. London, 1985.

⁹ *Martin J.-C.* Un bicentenaire en cache un autre. Repenser la Terreur? // *Annales historiques de la Révolution française*. 1994. № 297. P. 517–526.

¹⁰ *Echeverri M.* Presentation: Monarchy, Empire, and Popular Politics in the Atlantic Age of Revolutions // *Varia Historia*. 2019. № 35 (67). P. 15–35.

общего объекта исследования вполне ясны. И вот уже в 2021 г. вышел тематический номер ведущего научного журнала «Исторические анналы Французской революции» под общим заглавием «Роялизмы и роялисты в революционной Франции»¹¹. Самим заголовком авторы подчеркивают, что сторонники монархии и династии вовсе не были едины во взглядах и действиях, и правильнее вести речь о сосуществовании разных роялистских течений. В этом номере ряд известных историков: П. Шоплен, М. Белисса, Ф.Б. де Баланда, Л. Кювелье, М.С. Мормиль, А. Ролан-Булестро, К. Вейс, С. Бельмонт, С. Мабо и Л. Булар обращаются к различным сюжетам Французской революции XVIII в.: к сложным и подчас напряженным отношениям между монархистами и роялистами, теории властей Луи де Бональда, к вопросу о политической пропаганде роялистов в революционном Париже, отношениям между представителями династии Бурбонов в изгнании и роялистами внутри Франции, к Вандейскому восстанию и деятельности так называемой банды в городе Обань, к роли женщин в повстанческом движении шуанов и взаимосвязи между «народным роялизмом» и страхом контрреволюционного заговора в период диктатуры монтаньяров.

Роль модератора дискуссии на этом этапе взял на себя историк из Лиона Поль Шоплен, который выступил с программной статьей. Хронологические рамки этого знакового номера «Исторических анналов» ограничены 1789–1800 гг., так как, по его мнению, роялисты в 1800–1815 гг. сражались в меньшей степени против революции, но в большей степени против «узурпации» Наполеоном и его династией самой монархической власти¹². Многие авторы специально и впервые артикулировали здесь сам термин «народный роялизм» в противовес привычным контрреволюции и роялизму. Шоплен предложил несколько важных обобщений. «Если роялисты и известны в историографии Французской революции, — замечает он, — то роялизм как политический выбор, конкурирующий с республиканским выбором, никогда по-настоящему не был предметом общего теоретического размышления, если не считать краткого и ценного синтеза, который Джеймс Озен 25 лет назад посвятил некоторым выдающимся деятелям, символизирующим это движение»¹³. В «Историческом словаре Французской революции» есть статья «Роялизм/роялисты», но там очень кратко описывается это явление как серия актов сопротивления республиканскому режиму, без внятного определения условий и обстоятельств этого течения. Во всех подходах, отмеченных республиканской телеологией, королевская власть лишена какой-либо легитимности при воплощении проекта будущего: это ушедшая в прошлое система, за которую пытаются цепляться вопреки всему некоторое число бывших привилегированных и наивных манипулируемых. Это только отказ, и он не может рассматриваться как альтернатива. Те же, кто ностальгировал по королевской семье, со своей стороны подчеркивали роялизм «белых», чья храбрость и самопожертвование на службе «традиции» считались образцами для подражания»¹⁴.

Шоплен пытается подвергнуть сомнению существующий, как он полагает, историографический консенсус, обращаясь к роялизму во всем его разнообразии и сложности: «Если эта тема сегодня и привлекает внимание многих исследователей, то все же становится ясно, что приверженность роялизму в атлантическом регионе не демонстрирует какого-либо единства и возникает она из самых разных социальных и институциональных контекстов. Также не существует и стандартной модели взаимодействия, которая могла бы служить общим политическим ориентиром. Поэтому сравнительный подход чрезвычайно трудно реализовать на практике. Единственным общим моментом является личная преданность государю, обладателю суверенитета («контрреволюционный роялизм») или гаранту конституции, основанной на народном суверенитете («конституционный» или «либеральный»

¹¹ *Annales historiques de la Révolution française*. 2021. Vol. 403. (Royalismes et royalistes dans la France révolutionnaire).

¹² *Chopelin P. Royalismes et royalistes dans la France révolutionnaire // Annales historiques de la Révolution française*. 2021. Vol. 403. P. 4.

¹³ *Osen J.L. The royalist political thought during the French Revolution*. Westport (CT), 1995.

¹⁴ *Chopelin P. Op. cit.* P. 3.

роялизм). Во всех случаях роялизм, как и бонапартизм, соответствует потребности обращения к власти, которую воплощает собой или представляет династия, наделенная исторической миссией, часто провиденциальной, по обеспечению социального порядка.

Династический принцип является гарантией стабильности, существование на вершине государства постоянного собеседника, ответственного за поддержание политического и социального баланса страны или империи. Именно изучение модальностей конституции и поддержания уз лояльности индивидуума или группы индивидуумов по отношению к династии позволяет понять феномен роялизма как специфическую политическую культуру»¹⁵.

Итак, французские историки — специалисты по периоду Революции устами Шоплена предельно ясно высказались по данной теме, не упуская лидерства в ее разработке. Следующим этапом стало появление в 2023 г. коллективной монографии на английском языке «Роялизм, война и народная политика в эпоху революций 1780–1870-х годов. Во имя короля» под редакцией испанских историков Антони Артолы и Альваро Париса. В данной работе заметно, что большая интернациональная команда исследователей, работающих в данном направлении, уже высказывает претензию на формирование новой методологии и даже программы на перспективу. Обобщая выводы коллективных штудий по вопросу о народном роялизме, А. Артола и А. Парис задают вектор размышлений и поисков. До 1789 г. термин «роялист», отмечают они, в большинстве европейских языков относился к Гражданской войне в Англии XVII в. Однако более широкое распространение он получил именно в период Французской революции XVIII в. и позднее, когда европейские монархии оказались под серьезной угрозой. Монархическое правление больше не считалось чем-то само собой разумеющимся, поэтому дело короля нуждалось в убежденных сторонниках, готовых защищать его с оружием в руках. Понятия «роялизм» и «роялист» означали разные вещи в разные времена и в разных регионах в эпоху Французской революции (здесь и далее используется термин «революция» без уточнения). В одних странах и областях этот термин стал безоговорочно ассоциироваться с контрреволюцией, в других же вполне реальной альтернативой было существование «конституционного роялизма». В политическом контексте эпохи Революции роялисты представляли свою политическую «программу» как торжество здравого смысла, не разрабатывая ее в том русле, как мы сегодня понимаем политическую программу движения или партии. Истины роялизма представлялись активистам этого движения самоочевидными.

Принципиальные же позиции Париса и Артолы сводятся к следующему. Роялистские и контрреволюционные движения не предлагали «возвращения» в прошлое и восстановления старого социального порядка, они черпали свою легитимность в истории, но в то же время давали и новые ответы на актуальные запросы самых разных слоев общества, погрузившегося в хаос и испытывавшего чувство неопределенности. Контрреволюция была реакцией на Революцию, но это было нечто большее, чем просто самозащита. Она породила альтернативный путь политизации и способствовала возникновению новых моделей политического участия для широких масс. В то время как революционеры вводили новые, основанные на абстрактных рациональных идеях, принципы организации общества, те, кто выступал против них, пытались присваивать и монополизировать традиционные источники политической легитимности — религию, монархию и традиционализм. Роялисты и контрреволюционеры адаптировали привычные дискурсы и образы (о Боге, короле, родине) к вызовам нового времени. В этом контексте монархия приобретала трансцендентное значение, становилась символом порядка, ключевым ориентиром в новой системе общественных координат. С опорой на эту идею легитимности роялисты выдвигали от имени короля широкий спектр требований не только консервативных, но и новаторских.

¹⁵ Ibid. P. 22.

Монархия в их представлении была достаточно гибким институтом, чтобы удовлетворить очень противоречивые ожидания самых разных социальных групп¹⁶.

Уже цитировавшийся выше Шоплен также развивает в коллективной монографии свои идеи, подчеркивая важность точных определений и общей типологии¹⁷. Он очерчивает концептуальные рамки самого термина «роялизм», который имел сложное и изменчивое значение, и объясняет политические и идеологические причины, по которым изучение роялизма до сих пор считалось политически «некорректным» и потому не пользовалось академическим престижем. Хотя роялизм можно изучать как специфическое явление, независимо от контрреволюции и ультраправых политических течений, современная специальная историография не дала единого определения этого термина, утверждает Шоплен и предлагает свой вариант типологии. Он констатирует: «Существовало множество роялизмов, которые необходимо рассматривать в каждом конкретном отдельном случае, чтобы понять идеологический и социальный плюрализм этого движения в XIX веке, — от ультрароялизма к роялизму либеральному и демократическому»¹⁸. Например, в истории Франции после 1791 г., а еще более отчетливо после августа 1792 г. это течение разделялось на три ветви. Во-первых, на «контрреволюционных роялистов», которые стремились вернуться к ситуации до 1789 г., или по крайней мере к «абсолютистскому компромиссу» королевской декларации от 23 июня 1789 г. Во-вторых, на «конституционных роялистов», которые хотели возродить конституцию 1791 г. с сильной исполнительной властью. В-третьих, на представителей неинституционального роялизма — безусловных приверженцев королевской династии, в которой они видели воплощение наилучшей модели социального порядка. Вероятно, низовой роялизм французский историк относит именно к третьей категории.

Итальянские примеры Шоплен анализирует только в общих чертах, но на испанском заостряет внимание. В историографии Испанской империи роялистами традиционно называют очень разные силы. Роялисты образца 1810–1814 гг. выступали за подчинение Регентскому совету и Кадисским кортесам, в отличие от патриотов — сторонников местных автономных хунт, для которых преданность испанской короне вовсе не являлась безусловной. В американских колониях Испании роялисты сражались против сторонников независимости. Они делились на сторонников авторитарной монархии «абсолютистов», умеренного реформизма и так называемых либералов — приверженцев либеральной конституции 1812 г. В 1814 г. Фердинанд VII отменил конституцию, и ситуация изменилась. В период «либерального трехлетия» (1820–1823), а затем с началом карлистских войн в 1833 г. имели место два противоборствующих роялизма: контрреволюционный роялизм и либеральный роялизм. Но прогресс и промышленная революция изменили общество, и позиции ультрароялистов ослабевали, так как возврат к прошлому, в частности к социальной структуре Старого порядка, стал абсолютно иллюзорной целью¹⁹.

Наиболее важные и интересные констатации можно почерпнуть из монографической главы самого А. Париса²⁰, где он представляет общий анализ «народного роялизма» на основе материалов из истории трех монархий, которыми управляли ветви дома Бурбонов: Испании, Франции и Неаполитанского королевства. Он показывает, как народное участие в революционных и наполеоновских войнах сформировало новые отношения между королем и его подданными. Комбатанты-роялисты чувствовали себя вправе требовать у правительства определенной награды в обмен на свою службу, тем самым открывая путь для выражения своих социальных и экономических требований. Массам были предоставлены

¹⁶ Paris A., Artola A. Introduction // *Royalism, War and Popular Politics in the Age of Revolutions, 1780s–1870s*. Cham, 2023. P. 2–3.

¹⁷ Chopelin P. *Royalist Commitment in the Age of the Atlantic Revolutions (1770s–1820s): Some Initial Definitions and Guidelines for Future Research* // Ibid. P. 17–38.

¹⁸ Ibid. P. 22.

¹⁹ Ibid. P. 23.

²⁰ Paris A. King, War and Bread: Popular Royalism in Southern Europe (1789–1830) // *Royalism, War and Popular Politics...* P. 61–88.

оригинальные средства политического участия, с помощью которых трудящиеся вмешивались в процесс трансформации традиционных монархий.

Чтобы эффективно противостоять революционному вызову, полагает Парис, роялистам пришлось прибегнуть к социальной и военной мобилизации самых широких слоев населения. Но люди, которые сражались во имя короля, боролись за собственные идеалы и ценности, а также за решение своих повседневных проблем. Поэтому роялисты должны были предложить им набор эффективных инструментов, а не просто утопический побег в прошлое²¹. «Народный роялизм» в Южной Европе являлся оригинальной формой участия масс в политике, посредством которой трудящиеся находили способ вмешиваться в трансформацию традиционных монархий в революционную эпоху. Вместо того чтобы по умолчанию полагать, что народные низы естественным образом были склонны к принятию революционных идей, А. Парис предлагает определить: какие именно выгоды и возможности они могли получить, сражаясь против революции? Во-первых, традиционная монархия давала возможность легитимизировать немало притязаний, пока они выражались в знакомом всем дискурсе лояльности и служения. Во-вторых, монархическая культура представляла известную систему координат, с которой было легко иметь дело большинству населения, в отличие от новой – революционной и республиканской, которая отставалась образованным средним классом, торговой и культурной элитой. Однако роялисты из народа не ограничились атаками против социальных групп, связанных с рыночной экономикой. Гражданская война создавала поляризованный ландшафт, в котором любой мог быть заподозрен в пособничестве врагу. Это состояние своеобразной паранойи позволяло простым людям в преследовании «предателей» указывать и на представителей высших классов как на бонапартистов, якобинцев и либералов, что оправдывало насилие, обращенное против них. Эти антиэлитные дискурсы иногда инициировались и подпитывались самими монархами. Традиционные элиты, которые до сих пор были опорой монархии, в таких случаях идентифицировались как пособники революционеров, тем самым простонародье представлялось единственным заслуживающим доверия классом общества из-за его «естественной» верности своему королю. В свою очередь, такой дискурс был чрезвычайно полезен и для обеспечения соблюдения личного авторитета короля, подрывая систему привилегий и льгот, которые являлись ограничителями его абсолютной власти. Тем временем дворянство, чиновники и все те, кому было что терять, изображались как склонные к компромиссу с противником ради соблюдения своих интересов. Идея о том, что только простые люди достойны доверия династии, означала, что король мог ликвидировать любой институт или форму посредничества во власти, которые вмешивались бы в дела его личного правления. Бурбоны пытались направить широкий контрреволюционный энтузиазм масс к своей выгоде, стараясь избавиться от своих врагов и вместе с тем установить новый тип авторитарной монархии, который расширял пределы их власти, существовавшие при Старом порядке. Однако сценарии этого процесса были противоречивыми, ситуация рисковала выйти из-под их контроля. Так произошло во время народной анархии в Неаполе (1799), в период «белого террора» во Франции (1815) и в наиболее бурный период второй абсолютистской Реставрации в Испании (1825–1827). Но не следует переоценивать способность роялистов из низших классов достигать своих целей. Иногда роялисты из народа ставили монархию под удар и даже бросали вызов самой власти, но в конечном итоге им не хватало усилий, ресурсов, логистики, не было у них и возможности сформулировать собственный альтернативный социально-политический проект, отвечавший надеждам широких масс²².

Выводы Париса оригинальны и заслуживают внимания, хотя выбор и сравнение режимов во Франции, в Испании и в Неаполе только на основании того, что там правили Бурбоны и имела место Реставрация, представляет известные сложности. Привязка же политической мотивации низов и просвещенных элит непосредственно к экономическим

²¹ Ibid. P. 62.

²² Ibid. P. 79–80.

факторам также вызывает вопросы хотя бы потому, что роялистские восстания были связаны с приверженностью народных масс традиционным ценностям и католической вере в неменьшей степени, нежели с исключительно экономическими мотивами. Наконец, сравнение проявлений «белого террора» в трех странах также требует более критического отношения. Масштабы и специфика этого феномена там были совершенно разными, а в Неаполитанском королевстве в 1799 г. все завершилось массовыми казнями республиканцев, чего не было во Франции 1814–1815 гг., пережившей 10 лет Революции и 14 лет наполеоновского господства.

Чтобы концепцию «народного роялизма» отразить в полной мере, приведем еще один пример. Антони Артола обращается к малоизвестному в историографии сюжету — роялизму в Стране басков в первые десятилетия после завершения Наполеоновских войн (1814–1833) и в этом очерке излагает ряд принципиально важных мыслей²³. По мысли Артолы, Страна басков — один из важнейших центров антилиберального сопротивления в Южной Европе. Для правильного понимания любой формы «народного роялизма» Артола предлагает вернуться к эмпирическим источникам, сначала вообще отказавшись от категорий «роялизм» и «народный», и пересмотреть вопросы националистической / протонационалистической природы баскского сопротивления и его мотивации, не обременяя себя семантической тяжестью понятий «роялизм» и «народ». Изучение архивных материалов позволяет предположить, что связи между роялистской элитой и народными слоями проявлялись в покровительстве, клиентелизме и кланово-семейных отношениях, вокруг которых структурировались сообщества при Старом порядке.

Артола показывает, что в исследованиях народного движения в Испании первой трети XIX в. идеологический компонент до сих пор превалировал над социальными характеристиками и социальным контекстом, что в корне неверно. Сами просвещенные испанские, в частности баскские, элиты несли долю ответственности за возникновение нового гражданского конфликта. Со времени начала Французской революции роскошь, мода и французский вкус становятся в Испании элементами общественной нестабильности, тогда как низы придерживались моральной строгости, ортодоксального католицизма и традиционной семейной иерархии. Но мотивы народного недовольства были сосредоточены не только в области культуры, религии и повседневных практик. Представители низов осуждали коррумпированность элит, мошенничество, повышение арендной платы за землю и кредиты с чрезмерными процентными ставками, они испытывали искреннюю ненависть к либералам, юристам, торговцам и ростовщикам.

Испанский ученый реконструирует прототип социальной и политической программы роялизма в Стране басков. Народное роялистское движение — это временный альянс 1820-х годов, в который входили крестьяне, ремесленники, маргинальные элементы, контрабандисты и священнослужители. А «сверху» его скрепляла элита, связанная с самим монархом, что придавало определенную степень единства группе и обеспечивало ей логику. Часть аристократов-роялистов стремилась создать после окончания войны межклассовый союз против любой потенциальной революции и хорошо понимала причины недовольства народных классов и социальную структуру общества. В действительности формирование воинствующего роялизма в Стране басков произошло только в течение «либерального трехлетия». В деле активизации народных масс сыграли свою роль связи зависимости или патрон-клиентские отношения, укорененные довольно прочно. Народный гнев был направлен против либерально-реформаторских элит, но за приверженностью народа к роялизму скрывалось традиционное коллективное насилие, являвшееся неотъемлемой частью традиционных форм протеста, и его невозможно было подчинить какой-либо дисциплине. Реставрация абсолютизма в Испании 1823 г. не оправдала радикальных

²³ Artola A. Between discipline and rebellion: popular participation in Basque royalism (1814–33) // *Royalism, War and Popular Politics...* P. 147–168.

социально-экономических чаяний комбатантов из низов, которые совершенно не вписывались в программу роялистов из числа элиты, заключает Артола²⁴.

Итак, концептуальные положения о «народном роялизме» выглядят уже как некая методология. Другие участники авторского коллектива цитируемой монографии развивают их на примерах прочих стран и регионов Европы и Америки. Отметим только, что компаративный подход в изучении этой темы требует использовать исторический материал в широких хронологических рамках, отнюдь не ограничиваясь периодом Французской революции, наполеоновских войн и их ближайшими последствиями²⁵. Создается впечатление, что авторы – теоретики концепции «народного роялизма» пользуются хорошо знакомым с революционных времен методом амальгамы, когда разнородные явления волонтаристски объединяются по одному схожему принципу. Не является ли интерпретация всего народного антиреволюционного движения через роялизм чисто интеллектуальной операцией? И не является ли «народный роялизм» в ряде случаев своеобразной научной метафорой?

С одной стороны, ясно, что концепция «народного роялизма» – это подспудная, а в большей степени явная, попытка высветить политизацию широкого спектра движений, протестов и даже разбойных действий (*brigantaggio*, *banditismo*). С другой стороны, «народный роялизм» предлагают трактовать как результат поиска общественного консенсуса, исходя из того, что только реставрация законной династии могла обеспечить соблюдение общих интересов самых разных социальных групп. Иначе говоря, авторы концепции претендуют на интерпретацию социальную, а не только политическую. При этом они далеки от того, чтобы приписывать адептам «народного роялизма» желание реставрировать во всей полноте Старый порядок. Здесь мы возвращаемся к уже известной концепции «антиреволюции». С нашей точки зрения, «народный роялизм» и «антиреволюция» – это конкурирующие модели интерпретации народного движения и выбор тем или иным автором одной или другой модели предопределяется двумя основными объективными факторами: устойчивостью национальной историографической традиции и наличием доступных источников, освещающих деятельность не только элит, но и народных низов.

И все же сформулируем ряд возражений и вопросов к новой концепции, которые надо принимать в расчет, поскольку, на наш взгляд, претензии на ее универсальность, тем более в хронологии большой длительности, должны быть лучше обоснованы.

Во-первых, устоявшаяся терминология насчитывает уже более 230 лет и уходит своими корнями в революционный лексикон 1790-х годов. Ссылка на негативные коннотации не может служить обоснованием для радикального отказа от ее использования. Во-вторых, эпистемологический потенциал понятия «контрреволюция» невероятно широк и, несмотря на все оговорки и трактовки различных коннотаций, далеко не исчерпан, он не ограничивается только политическим и социальным сопротивлением Революции, но и позволяет говорить о том, что «контрреволюция» была естественной частью и продолжением самой Революции²⁶. В-третьих, при использовании термина «народный роялизм» в каждом конкретном случае следует еще доказать, что настроения широких социальных групп были именно роялистскими. А политическая программа в ходе народных волнений и восстаний почти никогда не формулировалась отчетливо. И если антиреспубликанский или антиреволюционный характер народных восстаний не подвергается сомнению, то роялистские лозунги нередко являлись плодом воображения республиканских чиновников и военачальников, а также журналистов. В-четвертых, необходимо внести уточнения и ясность в отношении тех народных движений сопротивления, которые возникали на религиозной почве. Ведь требования отмены гражданской конституции духовенства и возвращения

²⁴ Ibid. P. 155, 157, 162.

²⁵ Например, Стейнар Зэтер анализирует взаимоотношения короля и подданных в абсолютистских монархиях в Скандинавии и Испанской Америке (*Sæther S.A. Popular royalism in Scandinavia and Spanish America before 1814 // Royalism, War and Popular Politics... P. 39–60*).

²⁶ «Направления процесса контрреволюции были различны, разделяющая грань между революцией и контрреволюцией оставалась проницаемой и гибкой» (*Pestel F. Op. cit. P. 74*).

неприсягнувших священников, которые звучали во Франции, и призывы к восстановлению погранных прав церкви в других странах не были тождественны требованию восстановления монархии и возвращения свергнутых династий. Знаменитым стал лозунг вандейцев: «Верните нам наших добрых священников, и мы вам оставим короля!»²⁷

Наконец, уместно задать вопросы авторам концепции, опираясь на исторический опыт конкретных регионов. Здесь мы будем исходить не из французского, испанского и заокеанского опыта, но из опыта северо-западных частей Италии. Оговоримся, что эти примеры никак нельзя назвать хрестоматийными: регионы Сардинской монархии развивались «на разных скоростях» и заметно отличались от прочих итальянских земель.

В ряде государств и регионов Европы роялистские настроения формировались стихийно и не были устойчивыми. Налицо было движение вспять, когда активное сопротивление быстро перетекало в пассивные формы традиционного социального протеста, пусть и в новых политических условиях. Здесь как раз и можно привести пример земель бывшего Сардинского королевства. Например, после присоединения к Франции Савойи введение гражданской конституции духовенства и призыв в республиканскую армию спровоцировали крупные восстания 1793 г. вполне роялистские по своему характеру, тогда как еще более жесткая политика дехристианизации 1794 г., проводившаяся там же, побудила население перейти к пассивным формам сопротивления, и на территории этого альпийского региона больше не фиксировалось крупных восстаний. Не звучало там до 1814 г. и призывов восстановить власть Савойской династии. А вот в бывшем графстве Ницца между 1792 и 1802 гг. бушевало контрреволюционное повстанческое движение барбэ²⁸. Его участники были далеки от большой политики, но происходила эволюция народных предпочтений: в самом начале они поддерживали Савойскую династию, а к концу десятилетнего периода — уже Людовика XVIII. В Пьемонте политизация народного протеста началась только в 1799 г. и развивалась по схожей траектории до начала австрийской оккупации региона, но первая Реставрация в Пьемонте длилась всего год. Спад и обратная динамика народного движения в этом большом регионе прослеживается после введения Наполеоном в действие положений Конкордата с Римом в 1802 г. и проведения широкой политической амнистии. Духовенство нехотя приняло республику, а вчерашние роялисты пошли в компромисс с новой властью и превратились в мирную латентную оппозицию.

Еще более сложной была ситуация на Сардинии, с 1720 г. принадлежавшей Савойскому дому. В 1793 г., после неудачной французской морской экспедиции, имевшей целью присоединить ее к Франции, там начинаются крестьянские восстания. Затем этим решили воспользоваться местные элиты, настроенные против метрополии и засилья пьемонтцев в органах власти и требовавшие широкой автономии. В этом вопросе они добились уступок со стороны короля. Однако крестьянское движение не утихло до 1796 г. Никогда его участники не выступали против короля Виктора-Амедея III, но весь политический конфликт на острове развивался вообще в иной парадигме: вопрос о создании республики не стоял²⁹. Кем в таком случае были сардинские повстанцы, если поместить их в рамки новой концептуальной типологии?

Между 1800 и 1814 гг., в период наполеоновского господства в Италии, большая часть протестов против новых французских порядков принимала формы довольно пассивные. (Мы, разумеется, выносим за скобки бандитизм и разбой, общие масштабы которых еще предстоит понять и которые были мотивированы очень разными причинами³⁰.) В одних случаях это был саботаж, в других — контрабанда, в-третьих — тайная помощь организованным бандитским отрядам, дезертирам и уклонистам от призыва в наполеоновскую армию

²⁷ Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М., 2020. С. 172.

²⁸ Iafelice M. Barbets! La résistance à la domination française dans le pays niçois 1792–1814. Nice, 1998.

²⁹ Carta L. La Sardegna nel Settecento. Cagliari, 2023. P. 138–142, 147–161, 175–184.

³⁰ Broers M. Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821: state building in Piedmont. Lewiston (NY), 1997. P. 334–349; Cadet N. Honneur et violences de guerre au temps de Napoléon: la campagne de Calabre. Paris, 2015. P. 189–224.

и даже литургическое сопротивление церковным реформам³¹. Аристократия, ее разнородные клиентелы и буржуа концентрировали свои усилия в интеллектуальной сфере, продвигая национальную идею и пропагандируя изучение родного языка, объединяясь в оппозиционные сети, наподобие религиозных братств и карбонариев. В этом смысле в Италии наблюдались процессы схожие с аналогичными процессами в самой Франции с поправкой на национальную составляющую³². Имеем ли мы возможность говорить о том, что и все эти формы пассивного сопротивления тоже связаны с феноменом «народного роялизма»?

Как быть со знаменитыми примерами так называемого белого террора 1795–1799 гг. во Франции и в Италии 1799 г., активисты которого были, безусловно, одержимы идеей мщения, но причины этого феномена были вполне локальными, иногда связанными с клановыми конфликтами и не имели прямого отношения к большой политике³³. Вписывается ли «белый террор» в новую концепцию и типологию? Если исходить из примеров истории Северной Италии, то он был стихийным явлением «снизу», как и во Франции 1795 и 1815 гг. Если принять за основу неаполитанский случай, то вскоре после окончания «анархии» начались организованные репрессии «сверху».

Можно ли утверждать, что реставрация династий, например в Неаполе, Турине и Флоренции 1799 г., была результатом действий именно «народного роялистского движения»? Если исходить из источников, то наиболее частым термином была «роялистская анархия», а сами инсургенты активно примыкали к отрядам армий Второй антифранцузской коалиции. Единственным примером крупного народного ополчения была армия санфедистов под началом кардинала Руффо в Неаполитанском королевстве³⁴. Аналогичные попытки создать собственную армию майора Бранды Лучони в Пьемонте и повстанцев Тосканы имели немалый успех, но никогда не достигали подобного масштаба³⁵. Не будем забывать, что именно весенние известия о победах русско-австрийской армии под командованием А.В. Суворова побудили десятки тысяч людей по всей Италии взяться за оружие и изгнать французскую армию. Без успехов армии коалиции Реставрация была едва ли возможна.

На территориях бывшей Генуэзской и Венецианской республик народные антифранцузские и антиякобинские движения 1797–1799 гг. никак не были связаны с монархической идеей и вовсе не были антиреспубликанскими³⁶. Но по своему социальному характеру и целям они были совершенно идентичны движениям в Тоскане, Папском государстве или Неаполитанском королевстве. В этой связи снова уместно упомянуть о религиозном факторе: католическое духовенство одинаково играло ведущую роль практически во всех

³¹ Broers M. The politics of religion in Napoleonic Italy. The war against God, 1801–1814. London; New York, 2002. P. 79–81; *Idem*. Napoleon's Other War. Bandits, rebels and their pursuers in the age of revolutions. Oxford, 2010. P. 89–99.

³² О ситуации во Франции см.: *Gaubert H.* Conspireurs au temps de Napoleon I-er. Paris, 1962; *Villefosse L., Bouissounouse J.* L'opposition à Napoléon. Paris, 1969; *Minart G.* Les opposants à Napoléon. 1800–1815, l'élimination des royalistes et des républicains. Toulouse, 2003; *Bertaud J.-P.* Les royalistes et Napoléon 1799–1816. Paris, 2009.

³³ Beyond the Terror: Essays in French regional and social history 1794–1815 / eds G. Lewis, C. Lucas. Cambridge, 1983; Folle controrivoluzionarie. Le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica / a cura di A.-M. Rao. Roma, 1999; *Clay S.* Les réactions du midi: conflits, continuités et violences // Annales historiques de la Révolution française. 2006. № 345. P. 55–91; *Ibid.* Justice, vengeance et passé révolutionnaire: les crimes de la terreur blanche // Annales historiques de la Révolution française. 2007. № 350. P. 109–133; *Sutherland D.* Murder in Aubagne: lynching, law, and justice during the French Revolution. New York, 2009.

³⁴ *Rodolico N.* Il Popolo agli inizi del Risorgimento nell'Italia Meridionale 1799–1801. Firenze, 1926. P. 233–264; *Davis J.A.* Naples and Napoleon. Southern Italy and the European Revolutions, 1780–1860. Oxford; New York, 2006. P. 107–128. *Чудинов А.В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 25–41; *Turi G.* Guerre civili in Italia: 1796–1799. Roma, 2019.

³⁵ *Митрофанов А.А.* Христианское воинство Бранды Лучони. Два века черной легенды // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 116–140; *Albera M., Sanguinetti O.* Il maggiore Branda de' Lucioni e la "Massa cristiana". Aspetti e figure dell'insorgenza anti-giacobina e della liberazione del Piemonte nel 1799. Torino, 1999; *Turi G.* Viva Maria. Riforme, rivoluzione e insorgenze in Toscana (1790–1799). 2 ed. Bologna, 1999.

народных движениях в Италии. Идея восстановления прав церкви была главной в народном сознании. А как убедительно показал еще Г. Льюис, правда, на французском материале, народное контрреволюционное движение ради исторической точности следует называть католическим и роялистским одновременно³⁷.

И, наконец, в истории общественной мысли и пропагандистской литературы конца XVIII — начала XIX в. известны примеры теоретического обоснования того, что Шоплен, Артола и Парис, собственно, именуют «народным роялизмом». На итальянском материале этот вопрос хорошо разработан в работах Лучано Гуэрчи³⁸. В многочисленных историко-теоретических текстах 1790-х годов речь шла о защите церкви и монархии. Ж. де Местр уже в 1793 г. ревностно занимался пропагандой народного сопротивления в землях Савойской династии³⁹. Эти его труды нельзя назвать очень удачным и успешным примером, так как народное сопротивление Революции в Савойе завершилось осенью 1793 г. победой французских республиканских сил⁴⁰. Пример публициста и священника Л.И. Тиулена, опубликовавшего в 1799 г. несколько изданий «Нового философско-демократического словаря» на итальянском языке, можно оценивать как продолжение этой пропагандистской работы, но о степени проникновения его идей, как и идей де Местра, в народную среду говорить весьма сложно⁴¹.

М. Брозэрс уже давно подметил, что «контрреволюция» 1799 г. в итальянских землях была успешной благодаря ситуативному альянсу аристократии, духовенства и широких народных масс, прежде всего крестьянства. Но этот альянс оказался крайне недолговечным и после 1800 г. фактически распался⁴². Добавим, что дальнейшие исследования истории Савойских земель это подтверждают: тяжелый год австрийской оккупации продемонстрировал, что новые повелители не заботятся о народных чаяниях и нуждах и не способны нивелировать глубокий экономический кризис. Разочарование народа не замедлило сказаться на ситуации: в июне 1800 г., после битвы при Маренго, французов в Северной Италии встречали словно освободителей от тяжкого ига. Отметим, что и план французских роялистов зимой и весной 1800 г., желавших опереться на народные низы в деле организации крупного восстания в пограничных с Пьемонтом департаментах южной Франции, также не увенчался успехом⁴³.

Вышеизложенное — это только призыв к более глубокому осмыслению феномена «народного роялизма», его концептуализации и детализации. Мы не умаляем достоинств самой новой концепции и признаем, что стихийные промонархические и легитимистские настроения в широких народных слоях в ряде стран имели место. Вопрос только в том, когда и где конкретно историки вправе провозглашать первые успехи «народного роялизма». Если «народный роялизм» можно трактовать как альтернативу экспериментам

³⁶ *Bevilacqua E.* Le Pasque Veronesi. Monografia storica documentata. Verona, 1897; *Bonafini F.* Verona, 1797. Il Furore di una città. Verona, 1997; *Romagnani G.P.* Dalle “Pasque veronesi” ai moti agrari del Piemonte // *Folle controrivoluzionarie. Le insorgenze popolari nell’Italia giacobina e napoleonica* / a cura di A.M. Rao. Roma, 1999. P. 89–122.

³⁷ *Lewis G.* The Continuity of Counter-revolution in the Department of the Gard, 1789–1815. New York, 1978.

³⁸ *Guerci L.* Uno spettacolo non mai più veduto nel mondo. La Rivoluzione francese come unicità e rovesciamento negli scrittori controrivoluzionari Italiani (1789–1799). Torino, 2008.

³⁹ *Maistre J.* Lettres d’un royaliste savoisien à ses compatriotes publiées, pour la première fois, en France d’après l’original, très rare, de l’année 1793 / par Joseph de Maistre et précédées d’une préface par René Muffat. Paris; Lyon, 1872.

⁴⁰ *Guichonnet P.* Les monts en feu: la guerre en Faucigny, 1793. Annecy, 1994.

⁴¹ *Thiulen L.I.* Nuovo vocabolario filosofico-democratico indispensabile per ognuno che brama intendere la nuova lingua rivoluzionaria. Venezia, 1799.

⁴² *Broers M.* The parochial revolution: 1799 and the counter-revolution in Italy // *Renaissance and Modern Studies*. 1989. № 33 (1). P. 159–174. См. также: *Broers M.* The Napoleonic Mediterranean. London; New York, 2017.

⁴³ *Митрофанов А.А.* Повстанческое движение барбэ в Приморских Альпах и французские роялисты в 1800 г. // *Французский ежегодник 2022*. Т. 55. М., 2022. С. 118–137; *Papiers saisis à Bayreuth et a Mende, département de la Lozère*. Paris, an X (1802). P. 24–66.

«республиканского трехлетия» 1796–1799 гг. в Италии, а это не подвергается сомнению, то между 1800 и 1814 гг. мощные имперские интеграционные процессы и государственное строительство по французскому образцу осуществлялись с немалым успехом. Это происходило не только в итальянских землях. Но приведенные нами итальянские примеры показывают, насколько сложными были социальные и политические отношения в разных регионах Средиземноморья и насколько проблематично одну из альтернатив общественного развития трактовать как стержневую. Тем не менее эта попытка объяснить весь феномен «долгой контрреволюции» через сущностные позитивные примеры и характеристики заслуживает пристального внимания, ибо в конце концов монархическая идея не была чужда народным массам и это все же способствовало утверждению режимов Реставрации после 1814 г.

Библиография / References

- Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М., 2020.
- Митрофанов А.А. Повстанческое движение барбэ в Приморских Альпах и французские роялисты в 1800 г. // Французский ежегодник 2022. Т. 55. М., 2022. С. 118–137.
- Митрофанов А.А. Христианское воинство Бранды Лучони. Два века черной легенды // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 116–140.
- Чудинов А.В. «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 25–41.
- Bovykin D. Yu., Tchoudinov A. V. Frantsuzskaya revolyutsia [The French Revolution]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Mitrofanov A. A. Hristianskoe voinstvo Brandy Luchoni. Dva veka chernoj legendy [Massa cristiana of Branda Lucioni. Two centuries of black legend] // Frantsuzskii ezhegodnik [French Yearbook]. 2023. T. 56. Moskva, 2023. S. 116–140. (In Russ.)
- Mitrofanov A. A. Povstancheskoe dvizhenie barbe v Primorskikh Al'pakh i frantsuzskie royalisty v 1800 godu [The insurgent movement of the Barbets in the Alpes-Maritimes and the French royalists in 1800] // Frantsuzskii ezhegodnik [French Yearbook] 2022. T. 55. Moskva, 2022. S. 118–137. (In Russ.)
- Tchoudinov A. V. "Soldaty svobody" ili smertel'nyi vrug? Frantsuzy v Yuzhnoj Italii 1798–1799 gg. ["Soldiers of freedom" or mortal enemy? The French in Southern Italy, 1798–1799] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta [Bulletin of Ural Federal State University]. Ser. 2. Gumanitarnye nauki [Humanities]. 2016. T. 18. № 2 (151). S. 25–41. (In Russ.)
- Albera M., Sanguinetti O. Il maggiore Branda de' Lucioni e la "Massa cristiana". Aspetti e figure dell'insorgenza anti-giacobina e della liberazione del Piemonte nel 1799. Torino, 1999.
- Aulard A. Histoire politique de la Révolution française, origines et développement de la démocratie et de la République (1789–1804). Paris, 1901.
- Bertaud J.-P. Les royalistes et Napoléon 1799–1816. Paris, 2009.
- Bevilacqua E. Le Pasque Veronesi. Monografia storica documentata. Verona, 1897.
- Beyond the Terror: Essays in French regional and social history 1794–1815 / eds G. Lewis, C. Lucas. Cambridge, 1983.
- Bonafini F. Verona 1797. Il Furore di una città. Verona, 1997.
- Broers M. Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821: state building in Piedmont. New York, 1997.
- Broers M. The Napoleonic Mediterranean. London; New York, 2017.
- Broers M. The parochial revolution: 1799 and the counter-revolution in Italy // Renaissance and Modern Studies. 1989. № 33 (1). P. 159–174.
- Broers M. The politics of religion in Napoleonic Italy. The war against God, 1801–1814. London; New York, 2002.
- Broers M. Napoleon's Other War. Bandits, rebels and their pursuers in the age of revolutions. Oxford, 2010.
- Cader N. Honneur et violences de guerre au temps de Napoléon: la campagne de Calabre. Paris, 2015.
- Carta L. La Sardegna nel Settecento. Cagliari, 2023.
- Chopelin P. Royalismes et royalistes dans la France révolutionnaire // Annales historiques de la Révolution française. 2021. Vol. 403. P. 3–28.
- Chopelin P. Royalist Commitment in the Age of the Atlantic Revolutions (1770s–1820s): Some Initial Definitions and Guidelines for Future Research // Royalism, War and Popular Politics in the Age of Revolutions, 1780s–1870s. Cham, 2023. P. 17–38.
- Clay S. Justice, vengeance et passé révolutionnaire: les crimes de la terreur blanche // Annales historiques de la Révolution française. 2007. № 350. P. 109–133.
- Clay S. Les réactions du midi: conflits, continuités et violences // Annales historiques de la Révolution française. 2006. № 345. P. 55–91.

- Daudet E.* Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. T. I–II. Paris, 1904–1905.
- Daudet E.* Histoire des conspirations royalistes du midi sous la révolution (1790–1793). Paris, 1881.
- Davis J.A.* Naples and Napoleon. Southern Italy and the European Revolutions, 1780–1860. Oxford; New York, 2006.
- Dupuy R.* De la Révolution à la Chouannerie: Paysans en Bretagne, 1788–1796. Paris, 1988.
- Echeverri M.* Presentation: Monarchy, Empire, and Popular Politics in the Atlantic Age of Revolutions // *Varia Historica*. 2019. № 35 (67). P. 15–35.
- Folle controrivoluzionarie. Le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica / a cura di A.-M. Rao. Rome, 1999.
- Gaubert H.* Conspirateurs au temps de Napoleon I-er. Paris, 1962.
- Gengembre G.* La Contre-Révolution ou l'Histoire désespérante. Paris, 1989.
- Godechot J.* La contre-révolution: Doctrine et action, 1789–1804. Paris, 1961.
- Guerci L.* Uno spettacolo non mai più veduto nel mondo. La Rivoluzione francese come unicità e rovesciamento negli scrittori controrivoluzionari Italiani (1789–1799). Torino, 2008.
- Guichonnet P.* Les monts en feu : la guerre en Faucigny, 1793. Annecy, 1994.
- Iafelice M.* Barbets! La résistance à la domination française dans le pays niçois 1792–1814. Nice, 1998.
- La Contre-Révolution - Origines, histoire, postérité / sous la dir. J. Tulard. Paris, 1990.
- La Contre-Révolution en Europe (XVIII-e–XIX-e siècles): Réalités politiques et sociales, résonances culturelles et idéologiques / sous la dir. J.-C. Martin. Rennes, 2001.
- Leuwers H.* La Révolution française et l'Empire. Une France révolutionnée, 1787–1815. Paris, 2011.
- Lewis G.* The Continuity of Counter-revolution in the Department of the Gard, 1789–1815. New York, 1978.
- Lucas C.* Résistances populaires à la Révolution dans le sud-est // *Mouvements populaires et conscience sociale XVI-e–XIX-e siècles*. Paris, 1985. P. 473–485.
- Maistre J.* Lettres d'un royaliste savoisien à ses compatriotes publiées, pour la première fois, en France d'après l'original, très rare, de l'année 1793 / par Joseph de Maistre et précédées d'une préface par René Muffat. Paris; Lyon, 1872.
- Martin J.-C.* Contre-révolution, révolution et nation en France, 1789–1799. Paris, 1998.
- Martin J.-C.* Un bicentenaire en cache un autre. Repenser la Terreur ? // *Annales historiques de la Révolution française*. 1994. № 297. P. 517–526.
- Mazauric C.* Autopsie d'un échec: la résistance à l'anti-Révolution et la défaite de la Contre-Révolution // *Les résistances à la Révolution*. Paris, 1987. P. 237–244.
- Middell M., Dupuy R., Höpel T.* Widerstände gegen Revolutionen, 1789 bis 1899. Leipzig, 1994.
- Minart G.* Les opposants à Napoléon. 1800–1815, l'élimination des royalistes et des républicains. Toulouse, 2003.
- Osen J.L.* The royalist political thought during the French Revolution. Westport (CT), 1995.
- Papiers saisis à Bayreuth et a Mende, département de la Lozère. Paris, an X (1802).
- Pestel F.* On counterrevolution. Semantic investigations of a counterconcept during the French Revolution // *Contributions to the History of Concepts*. 2017. Vol. 12. Iss. 2. P. 50–75.
- Rodolico N.* Il Popolo agli inizi del Risorgimento nell'Italia Meridionale 1799–1801. Florence, 1926.
- Romagnani G.P.* Dalle "Pasque veronesi" ai moti agrari del Piemonte // *Folle controrivoluzionarie. Le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica* / a cura di A.M. Rao. Roma, 1999. P. 89–122.
- Royalism, War and Popular Politics in the Age of Revolutions, 1780s–1870s. Cham, 2023.
- Sutherland D.* France, 1789–1815: Revolution and Counterrevolution. London, 1985.
- Sutherland D.* Murder in Aubagne: lynching, law, and justice during the French Revolution. New York, 2009.
- Sutherland D.* The Chouans, the Social Origins of Popular Counter-Revolution in Upper Brittany, 1770–1796. Oxford, 1982.
- Thiulen L.I.* Nuovo cocabolario filosofio-democratico indispensabile per ognuno che brama intendere la nuova lingua rivoluzionaria. Venezia, 1799.
- Turi G.* Guerre civili in Italia: 1796–1799. Roma, 2019.
- Turi G.* Viva Maria. Riforme, rivoluzione e insorgenze in Toscana (1790–1799). 2 ed. Bologna, 1999.
- Villefosse L., Bouissounouse J.* L'opposition à Napoléon. Paris, 1969.

DOI: 10.31857/S0130386424040045

© 2024 г. М.Д. БУХАРИН

**ПОГРАНИЧНЫЙ ВОПРОС И «БОЛЬШАЯ ИГРА» В ДОНЕСЕНИЯХ
Р. КОББОЛЬДА В 1898–1899 годах**

Бухарин Михаил Дмитриевич — действительный член РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного министерством науки и высшего образования РФ (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. На 1890-е годы приходится очередное нарастание напряженности в Центральной Азии, связанное как с геополитическим противостоянием двух империй – Российской и Британской, – так и со стремлением реализовать собственные национальные интересы со стороны Афганистана и Китая, используя для этого борьбу доминирующих политических сил. Одним из наиболее сложных вопросов в отношении заинтересованных сторон явилась пограничная проблема – фиксация границы между Россией и Афганистаном, с одной стороны, Россией и Китаем – с другой. Великобритания не упустила возможность продвинуть свои интересы в этих обстоятельствах, что вполне могло привести к началу боевых действий. Механизм выявления слабых мест в положении России на Памире наглядно представлен в донесениях английско-го разведчика Р. Коббольда 1898–1899 гг., сохранившихся в Национальном архиве Индии. В них характеризуются действия там российских властей, отношение местного населения к противоборствующим сторонам, возможные инструменты влияния на местах, которые позволили бы Британии прочнее утвердиться в регионе. Российские дипломатические ведомства и военные администрации были в курсе стремлений Британской империи и использовали и «кнут», и «пряник» в стремлении сохранить status quo в регионе: в одних вопросах приходилось идти на уступки, в других – российская сторона проявляла жесткость. Такой подход не только удержал центральноазиатский регион в русле мирного развития, но и явился одной из основ заключения российско-британского пакта о разделе сфер влияния на Среднем Востоке и в Центральной Азии 1907 г., который положил конец «Большой игре» и позволил сформировать Тройственный англо-франко-российский союз.

Ключевые слова: «Большая игра», Памир, разведка, Россия, Великобритания, Китай, Афганистан, внешняя политика, империи, Р. Коббольд.

M.D. Bukharin

The Great Game and the Border Issue in the Pamirs in the Reports of Ralph Cobbold, 1898–1899

Mikhail Bukharin, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: michabucha@gmail.com

Scopus Author ID: 16308918000; ORCID: 0000-0002-3590-016X; Researcher ID: R-9643-2017

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. The 1890s were a time of growing tension in Central Asia, stemming both from the geopolitical confrontation between the Russian and British empires and from the desire of Afghanistan and China to realise their own national interests and use the struggle of the dominant political forces to their own ends. One of the most difficult issues was the border dispute, i.e. fixing the border between Russia and Afghanistan, on the one hand, and Russia and China, on the other. Britain sought to exploit the differences on this issue to its own advantage, which could well have led to the outbreak of hostilities. The mechanism for identifying weaknesses in Russia's position in the Pamirs comes out clearly in the 1898–1899 reports of the British intelligence officer Ralph Cobbold, preserved in the National Archives of India. They characterise the actions of the Russian authorities in the Pamirs, the attitude of the local population to the opposing sides, and potential instruments of local influence that would allow Britain to bring the region under its control. The Russian diplomatic and military administrations were aware of the aspirations of the British Empire and used both the “stick” and the “carrot” to maintain the status quo in the region: in some issues they had to make concessions, in others the Russian side acted rigidly. Such an approach not only kept the Central Asian region in the frames of peaceful development, but also was one of the foundations of the conclusion of the Russian-British pact on the division of spheres of influence in the Middle East and Central Asia in 1907, which put an end to the Great Game and allowed the formation of the Triple Anglo-Franco-Russian alliance.

Keywords: Great Game, Pamirs, intelligence, Russia, Great Britain, China, Afghanistan, foreign policy, empires, Ralph Cobbold.

Точность доступной информации — одна из основ любого решения в глобальной политике. Информация во все времена представляла главную ценность в большой политике, и в борьбе за этот ресурс заинтересованными сторонами исповедовался принцип «все средства хороши». Расположение войск, точность и однозначность установления межгосударственных границ, возможности снабжения армии и населения, логистические маршруты, отношение местного населения к своим и чужим — эти и другие вопросы волновали центры принятия решений во все времена — с глубокой древности до настоящего времени. Для получения информации использовались как легальные средства, так и нелегальные.

Характерным примером отсутствия надежной информации является положение в Центральной Азии, сложившееся сразу после Первой мировой войны: мир в 1917–1922 гг. переживал период глобальной неопределенности. Основные мировые игроки были плохо осведомлены о происходившем в Центральной Азии, они действовали зачастую наугад, ориентируясь на сведения, приходявшие с сильным опозданием, достоверность которых далеко не всегда могла быть подтверждена. В межгосударственных отношениях доминировала подозрительность, которая была основана не только на несовпадении интересов, но и на отсутствии надежных каналов коммуникации и информирования. В этой связи попытки формирования союзов немедленно оборачивались крахом. Охота за информацией осложнялась не только труднодоступностью региона, но и тем, что главные противоборствующие стороны — Российская, Османская, Германская империи — сами претерпевали радикальные трансформации.

На результаты развития международных процессов в Центральной Азии, в частности, влияло происходившее непосредственно на огромных пространствах от Южной Сибири до Северо-Западной России, от Балкан до Кашгара, и формирование надежной системы получения данных было одним из главных факторов, их определявших. Отсутствие ясности в анализе status quo не давало крупным игрокам возможность принимать перспективные решения: что позволило впоследствии РСФСР (СССР) восстановить свое влияние в прежних среднеазиатских владениях Российской империи. Убедившись, что за рубежи прежней империи СССР выходить не собирается, Британская империя предпочла «синицу в руке» — сохранение прежнего положения дел и в определенной степени утерю первостепенный интерес к Туркестану

как плацдарму предполагаемой антибританской агрессии – российской (советской) ли, российско-афганской, афганско-турецкой или иной¹.

Система межвоенной политической неопределенности имела длительную предысторию, частью которой является так называемая «Большая игра» – геополитическое противостояние Российской и Британской империй, обозначившееся уже в середине XIX в. с началом продвижения и военно-политического утверждения Российской империи в Центральной Азии. Выход России на южные рубежи региона к границам с Афганистаном, на Памир, к рубежам Северо-Западного Китая обострил отношения давних соперников в этом регионе, вызывал изменение модальности сбора информации – на смену научным экспедициям пришли военные отряды и собиратели геополитической информации, действовавшие «под прикрытием».

На 1880–1890-е годы пришелся всплеск внешнеполитической активности на памирском направлении. Территориальные споры 1880-х годов с Афганистаном, находившимся под протекторатом Великобритании, были урегулированы в ходе работы смешанной русско-английской комиссии, в результате чего в 1888 г. был подписан договор о делимитации западной части российско-афганской границы. Эти события пробудили значительный интерес к южным рубежам Российской империи², с одной стороны. С другой – обострили проблему делимитации границы, проходившей по Памиру.

В первой половине 1890-х годов вероятность раздела Памира между Китаем и Великобританией была столь высока, что для его предотвращения на Памире был сформирован отдельный отряд под командованием М.Е. Ионова.

Разногласия были решены к сентябрю 1895 г. путем поиска компромиссов членами Пограничной комиссии. В 1896 г. результаты этой компромиссной политики были ратифицированы правительствами Британской и Российской империй. Определенно, российская сторона не была довольна достигнутыми соглашениями, во всяком случае иначе трудно объяснить отставку Б.Л. Громчевского с должности начальника памирского населения и увольнение его переводчика.

Показательно и то, что отчет о деятельности британской части Пограничной комиссии, опубликованный в 1897 г. для служебного пользования, Report on the Proceedings of the Pamir Boundary Commission, как утверждает в исследовательской литературе, «до настоящего времени недостаточно хорошо известен»³.

Юридически не определенной оставалась часть границы России с Китаем по Сарыкольскому хребту в Восточном Памире (тянется вдоль современной границы Китая и Таджикистана); России не удалось добиться от цинского правительства окончательного варианта утверждения границ. Это обстоятельство, с одной стороны, осложняло российско-китайские отношения, особенно относительно памирского вопроса⁴, с другой – продолжало подогревать интерес англичан к памирскому приграничью, вынуждало отправлять новых

¹ См. подробнее: *Бухарин М.Д.* Глобальная неопределенность как фактор развития международных процессов (рец. на книгу: Ар.А. Улуян. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020) // *Международные процессы*. 2020. № 4. С. 158–161.

² *Ищенко Н.С.* «Афганский вопрос» в российской консервативной публицистике в середине 1880-х годов // *Новая и новейшая история*. 2022. № 4. С. 72–81. DOI: 10.31857/S013038640018389–5

³ *Постников А.В.* Схватка на крыше мира. Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.: монография в документах. М., 2001. С. 327.

⁴ См. документ от 2 августа 1899 г., в котором прямо говорится о «неопределенности русско-китайской границы по Сарыколу» и о том, что именно в этой связи «русское правительство не может отнестись равнодушно к передаче китайской территории в этой местности другому государству и что оно принуждено принять с своей стороны надлежащие меры во избежание нарушения русских интересов» (Соглашение о форме обмена нотами относительно китайских территорий Тагдумбаш и Раскем (Памир) // *Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916* / под общ. ред. академика В.С. Мясникова. М., 2004. С. 257).

и новых соглашениях за происходящим. Однако для этого нужно было находить механизмы мирного взаимодействия с российскими властями.

Важность не просто наличия, но и безотказного функционирования такого механизма не следует недооценивать. Периоды определенной разрядки напряженности в русско-британских отношениях на Памире сменялись ее нарастанием. В 1898–1899 гг. ситуация на Памире накалилась настолько, что речь уже шла о возможности начала войны, а с учетом взаимных обязательств России и Франции – войны континентального масштаба⁵. Изменение внешнеполитической позиции Афганистана и жесткая линия российского МИД и в Афганистане, и в Китае, в частности деятельность Генерального консула Н.Ф. Петровского в Кашгаре, явились теми факторами, которые в значительной степени смягчили ситуацию. Тем не менее рубеж XIX–XX вв. ознаменовался крайним риском перехода дипломатического противостояния к собственно боевым действиям.

Таким образом, любой не введенный (или не полностью введенный) в научный оборот документ, проливающий свет на ход процесса делимитации границы и последующей реакции заинтересованных сторон на ход противостояния на Памире, проясняет картину событий. К таким документам и относятся донесения Ральфа Коббольда 1898–1899 гг.

Политическая история Памира в контексте противостояния России и Великобритании в Центральной Азии, так называемой «Большой игры», постоянно привлекает к себе внимание. С новыми комментариями переиздаются старые работы⁶, публикуются новые источники – единичные⁷ или целые комплексы⁸. Тем не менее в исследовании «Большой игры» в частности и всей системы международных отношений рубежа XIX–XX вв. в целом имеются лакуны, наличие которых связано в том числе с недоступностью источников по тому или иному периоду или региону⁹. В частности, недостаточно изученным остается противостояние России и Британии на Памире и в Восточном Туркестане (Синьцзяне) в последние годы XIX столетия. Целый ряд важнейших источников был открыт для изучения только в последние годы. Лишь в недавнее время стали доступны полные тексты донесений Р.П. Коббольда о положении дел на Памире и в Восточном Туркестане (Синьцзяне) и о перспективах политического противостояния Российской и Британской империй.

⁵ В исследованиях говорится и о перспективе войны мировой: Куценко Б.О. Русско-английский конфликт на Памире: несостоявшаяся война 1902 года // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 67–77.

⁶ Тагеев Б.Л. (Рустам-бек). Памирские походы / вступл., коммент. М.Д. Бухарина. М., 2017.

⁷ Постников А.В. «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой Игре» Британии и России (1869–1896 гг.) // Acta Slavica Iaponica. 2000. № 17. С. 42 (рис. 1), С. 67 (рис. 2), С. 79 (рис. 5); Маршрутное описание пути от Урумчи через Гучен и Баркуль в Хами / изд. подг. М.К. Басханов, М.Д. Бухарин, И.В. Тункина // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Том IV. Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 и 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М.Д. Бухарина, В.С. Мясникова, И.В. Тункиной. М., 2020. С. 440–449.

⁸ Постников А.В. Схватка на крыше мира; «И с казачьего пикета был уж виден Гималай». Памир в фотообъективе поручика Павла Родственного / авт.-сост. М.К. Басханов, С.Л. Шевельчинская. СПб., 2019.

⁹ Так, события 1898–1899 гг. в Северо-Западной Индии, на Памире и в Восточном Туркестане не затронуты в наиболее обстоятельной недавней монографии по истории «Большой игры»: Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии русско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. См. соответствующий раздел (с. 186–239), в котором аспекты русско-британского противостояния в Персидском заливе очерчены весьма подробно, несмотря на географические ограничения, данные в заглавии книги. Не упомянут Коббольд и в другом исследовании, претендующем на полный охват темы: Johnson R. Spying for the Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London, 2006.

В другом важнейшем исследовании (Постников А.В. Схватка на крыше мира. С. 334–335) используются только те данные Р. Коббольда (Кабболд в транскрипции Постникова), которые представлены в его книге: Cobbold R.P. Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs. London, 1900.

Сведения, содержащиеся в донесениях Коббольда, изредка цитировались в исследованиях по истории «Большой игры», однако без точных ссылок. Главным источником сведений была книга К.П. Скрайна и П. Найтингейл¹⁰. Однако и в ней сведения Коббольда цитируются фрагментарно без указания на источник. Характерным примером такого подхода – вынужденного использования безадресных цитат – является книга П.С. Хопкирка «Большая Игра против России. Азиатский синдром»:

«Весной 1898 года на позициях в Памире один из офицеров 60-го пехотного полка – капитан Ральф Коббольд узнал от соседа, русского офицера-пограничника, что у них есть приказ немедленно захватить Читрал в случае эвакуации британцев. Были разработаны “очень подробные планы” в расчете на такую возможность, и русский офицер тайно посетил Читрал, чтобы изучить систему обороны и маршруты подхода. Информатор Коббольда добавил, что планы захвата Читрала “постоянно обсуждаются за обеденным столом у губернатора Ферганы”, а другие русские офицеры говорили, что рассматривают настоящую границу с Афганистаном как “чисто временное соглашение” и “ни в коем случае не постоянное”... “Доверенные люди инкогнито постоянно снуют между русской границей, Кабулом и Читралом, собирая и передавая всевозможную информацию, касающуюся вопросов безопасности”»¹¹.

В исследовательской литературе фигуре Ральфа Паттесона Коббольда (Cobbold, Ralph Patteson, 1869–1965) уделяется незначительное внимание. Хорошо известна одна его книга¹², законченная, судя по предисловию, в сентябре 1899 г. В ней представлен отчет о ряде путешествий Коббольда из Северо-Западной Индии (Сринагара) через Памир в Кашгар (Синьцзян), дано описание Кашгарии и главных действующих лиц «Большой игры», прежде всего Генерального консула Российской империи Н.Ф. Петровского (консул с 1883 г.; Генеральный консул в 1886–1903 гг.), переход из Кашгара в Верный (Алма-Ата), далее на Балхаш, Ташкурган и Кала-и-Вамар (административный центр Рошана на Памире) с возвращением в Кашгар. Рассказ о путешествии сопровождается анализом геополитической ситуации в Центральной Азии, в том числе экскурсами в пограничный вопрос, рассуждениями о перспективах ее развития.

Р. Коббольд в российской научной литературе именуется «путешественником»¹³ или – более точно – с указанием воинского звания на момент путешествия (капитан) и с акцентом на то, что путешествие он совершал «под видом частного лица»¹⁴. Суть его миссии была хорошо известна Н.Ф. Петровскому, и он точно обозначал функции британского «путешественника» в письме к делопроизводителю Первого (Азиатского) департамента МИД Г.А. Плансону от 25 января 1898 г.:

«Одновременно с этим письмом я посылаю директору Д[епартамен]та донесение о г. Cobbold’e, о котором – конечно, Вы знаете – я уже сообщал. Я могу еще понять и допустить, когда путешественник или какой-нибудь агент для каких-либо целей обманно, на свой страх и риск, проникает в страну; но если первый министр Великобритании обращается к русскому министру с просьбой о пропуске к нам “для охоты” частного будто бы лица, которое в действительности есть политический агент и о котором, конечно, можно найти указание в любом английском адрес-календаре, – это, по моему мнению, верх наглости.

...Шпионы везде есть и всегда будут, но я в первый раз вижу, чтобы их посылали с таким цинизмом»¹⁵.

¹⁰ Skrine C., Nightingale P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London, 1973.

¹¹ Цит. по: Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром М., 2004. С. 249.

¹² Cobbold R.P. Op. cit.

¹³ Мясников В.С. Образ Н.Ф. Петровского в английском зеркале // Петровский Н.Ф. Туркестанские письма / отв. ред. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М., 2010. С. 11, 14.

¹⁴ Бухерт В.Г. ...И его русский портрет // Там же. С. 41.

¹⁵ Цит. по: Петровский Н.Ф. Указ. соч. С. 280–281.

Обращает на себя внимание причина, по которой якобы Коббльд отправился в путешествие. Она собственно обозначена и в названии его книги – «путешествие и спорт». Неоднократно Коббльд говорит об охоте в ходе путешествия на тех или иных животных (основной целью охоты был памирский архар – *ovis poli*)¹⁶. В Национальном архиве Индии сохранилось несколько документов, в которых изложена просьба разрешить Коббльду охоту в горах¹⁷, однако лишь один, бывший некогда секретным, относится ко времени его путешествия в 1898–1899 гг., датируемый июнем 1898 г.¹⁸ Интересно, что и в нем сам Коббльд именуется как частное лицо – *mister*, а его спутник по воинскому званию – капитан Дизи¹⁹.

Не нужно недооценивать вклад «путешественников» в реальную политику, в том числе и на Памире. Так, в начале 1890-х годов именно идеи Н. Илеяса стали основой британской политики на Памире, целью которой было соединение владений Китая и Афганистана именно в этом регионе²⁰. Наиболее же известным «путешественником», изучавшим Памир, был Дж. Кёрзон, будущий (1899) вице-король Индии и министр иностранных дел Великобритании (1919–1924), составивший карту «Памир и прилегающие территории Центральной Азии и Индии»²¹.

Коббльд был не единственным охотником на Памире, чья миссия вызывала сомнения. Так, в письме неформальному главе российского востоковедения академику В.Р. Розену от 15 ноября 1892 г. Н.Ф. Петровский называет еще одного «путешественника» Т. Гринфилда, который также увлекался охотой как видом спорта: он упоминается среди тех, кто просил рекомендательное письмо для посещения русского отряда на Памире²².

Еще более определенно о цели путешествий Коббльда Петровский сообщает Розену в письме от 1 марта 1898 г., с которыми его связывали не только деловые отношения по дипломатической линии, но и забота об изучении истории Восточного Туркестана:

«Английские интриги, должно быть, очень энергичны; вижу их возобновление здесь и – странное дело! – мои китайцы что-то от меня скрывают или, вернее, обманывают. Недавно даотай расспрашивал меня о памирской границе, и я видел у него карту Памира, приложенную к сочинению Curzon'a²³. Карта испестрена китайскими иероглифами и красными линиями границ. Наша граница со стороны Кашгарии (еще не законченная) уже там господами англичанами (Макартнеем²⁴, Cobbold'ом и Deasy, которые дали даотая эту карту) указана так, что все пути из Каджута (и Кашмира) в Кашгарию – вне нашего надзора. Словом, положение дел на востоке очень неясное»²⁵.

¹⁶ *Cobbold R.P.* Op. cit. P. 11, 34, 41 и т.д.

¹⁷ National Archives of India. PR_000001410565 (апрель 1902 г.), PR_000001413551 (сентябрь 1906 г.).

¹⁸ Ibid. PR_000001050402.

¹⁹ Дизи, Генри Хью Питер (Deasy, Henry Hugh Peter, 1866–1947) – британский военнослужащий, в 1888–1897 гг. проходил службу в Индии. Выйдя в отставку, занялся исследованием Тибета, совершив в 1896–1899 гг. несколько путешествий; автор ряда статей и книги, в которой описываются его странствия по Тибету и Восточному Туркестану (Синьцзяну): *Deasy H.H.P.* In Tibet and Chinese Turkestan; being a Record of Three Years' Exploration. London, 1901.

²⁰ См. подробнее: *Morgan G.* Ney Elias: Explorer and Envoy Extraordinary in High Asia. London, 1971.

²¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 192. Оп. 2. Средняя Азия. № 23.

²² См. публикацию: Бухарин М.Д., Тункина И.В. Переписка Н.Ф. Петровского, В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. 1. Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 99.

²³ Имеется в виду карта Средней и Южной Азии: *Curzon G.N.* Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London, 1889. P. 312–313.

²⁴ Макартни, Джордж (Macartney, George, 1867–1945) – британский представитель и Генеральный консул в Кашгаре в 1890–1918 гг. Макартни – наполовину китаец (его мать – родственница Лар Ванга, одного из руководителей Тайпинского восстания 1850–1864 гг.), начал карьеру как переводчик в экспедиции Ф.Э. Янгхазбенда в 1890 г. О нем см. подробно: *Мясников В.С.* Указ. соч. С. 4–19; *Skrine C.* *Nightingale P.* Op. cit.

²⁵ Бухарин М.Д., Тункина И.В. Указ соч. С. 162.

Петровский не говорит прямо, что Коббольд занимался картографированием приграничного района, однако такой вывод не выглядит недостаточно обоснованным. Можно со значительной долей уверенности полагать, что миссия «путешественника» заключалась в том, чтобы внести ясность в состояние пограничного вопроса на просторах между Северо-Западной Индией, южными рубежами Российской империи и Китаем и постараться определить слабые места позиции России. Подобного рода документы, например справка майора Е.Г. Берроу «Военная география Афганистана. Часть I. Бадахшан»²⁶, составляют важную основу реконструкции событий «Большой игры».

В данном контексте уместен вопрос о причинах, по которым российские власти решали подобные путешествия, и не только Коббольду. По схожим маршрутам пролегал путь полковников британской армии Пауэлла и МакСуини (последний – член Британской пограничной комиссии 1895 г.). Возможно, прав К. Варику: разрешения британским офицерам на путешествия по приграничным российским владениям с явно разведывательными целями выдавались с тем, чтобы получать аналогичные разрешения от властей Британской Индии для российских офицеров, решавших разведывательные задачи на территориях, прямо или косвенно подконтрольных Индии²⁷. Таким образом, соблюдался принцип *quid pro quo*. Попытки его обойти предпринимались, российские офицеры получали «провожаемых», в задачи которых входил контроль их передвижений и взаимодействия с местным населением, но в общем и целом принцип паритета в разведывательной деятельности соблюдался. Не лишним будет упомянуть, что этот принцип соблюдался (пусть и не неукоснительно) и в новейшее время при организации военных инспекции на территории потенциального противника.

Принимая во внимание то обстоятельство, что содержание донесений Коббольда фактически остается не задействованным в исследованиях по истории «Большой игры», сами события 1898 г., вероятно, именно в этой связи затрагиваются фрагментарно, имеет смысл обратиться к анализу данного документа.

* * *

Документ весьма объемён и информативен (следует учесть, что отчет за 1898 г. уцелел не полностью: при аресте на Кала-и-Вамаре (западный склон Памирского нагорья, Горный Бадахшан) Коббольд уничтожил часть записей). По этой причине в рамках статьи имеет смысл остановиться лишь на наиболее значимых подробностях, не упоминаемых прямо в книге Коббольда (некоторые фрагменты донесения, например краткая династийная история памирских княжеств, в книгу включены).

Донесение за 1898 г. *Report by Mr. R.P. Cobbold on his journey to the Pamirs and Chinese Turkestan*²⁸ занимает 14 листов; оно существует в двух не тождественных по формату печатных копиях. Автор излагает общую суть отчета: описание двух больших маршрутов от Булункуля в Кашгар и далее на Караколь (Харог), и от Караколя на Окс (Амударью). Описание маршрутов сопровождается описанием народов, их отношением к центральной власти и к русским в целом, поселений, возможностей питания и водоснабжения, пересказом и анализом геополитической информации, которую ему удавалось собрать в ходе путешествия.

Целью таких сложных маршрутов могла быть только рекогносцировочная деятельность. Маршруты проходили, в частности, по тем регионам, через которые еще только должна была быть проложена и утверждена граница между Китаем и Россией: из Восточного Памира в Кашгарию, т.е. на территорию Китая, где соперничество России и Британии было особенно ярко выражено в том числе на дипломатическом поприще – между Петровским и Макартни, – и затем по Южному Памиру. Определенно, выявление *status quo* в этом проблемном регионе, прежде всего возможность оказания давления на позицию России при

²⁶ См.: Постников А.В. Схватка на крыше мира. С. 296–301.

²⁷ Warikoo K. "Great Game" on the Kashmir Frontiers // *Himalayan Frontiers of India. Historical, Geo-Political and Strategic Perspectives* / ed. K. Warikoo. London; New York, 2009. P. 30–31.

²⁸ National Archives of India. PR_000004010416.

решении пограничного вопроса в восточной части Памира, выяснение позиции как местного населения, так и официальных властей, было основной задачей Коббольда.

Так, он пишет, что бухарские и афганские официальные лица не общаются между собой²⁹ (л. 4). Упоминание об этом, определенно, не могло появиться в отчете Коббольда случайно. С одной стороны, легальных резидентов Британия в Бухаре не имела, и уже по этой причине приходилось прибегать к услугам таких «путешественников». Кстати, Коббольд был арестован в Кала-и-Вамаре именно бухарскими властями. С другой стороны, Бухара была заинтересована в решении пограничного вопроса на Памире в 1890-е годы, претендуя на часть левобережья Окса (Амударьи). Исходная позиция англичан заключалась как раз в сохранении status quo между Афганистаном и Бухарой³⁰. Так как вопрос не был окончательно урегулирован к удовлетворению обеих сторон, то Коббольд явно прощупывал почву, определяя вероятность нарушения хрупкого равновесия.

И в книге, и в отчете Р. Коббольд упоминает капитана К.-Э.К. Кевекисса³¹, главу военного и гражданского управления на Памире, однако только в отчете говорится, что Кевекисс швед по происхождению и едва ли сильно предан службе России³², выделяя, таким образом, потенциального союзника или информатора. Далее описываются его штаб-квартира с количеством солдат и офицеров, находившихся в его распоряжении в Мургабе, в Хароге, в Лангар Киште и Акташе, и укрепления самих фортов. В частности, отмечается готовность Харога к длительной осаде с использованием артиллерии, указывается, что афганские гарнизоны незадолго до прибытия Коббольда были серьезно усилены, а русские – удвоены. Далее (л. 5) Коббольд называет сумму, в которую, по его подсчетам, российскому правительству обходится содержание Памира – 50 тыс. руб. ежегодно, сообщает о продовольственном резерве – зерна и муки в 100 тыс. фунтов, приводит данные о численности населения, пишет об отсутствии русских войск в Дарвазе, о расположении наиболее крупных воинских частей возле Герата (л. 6).

Он же, со слов русских солдат, утверждает, что армия Российской империи только и ждет смерти эмира Афганистана (речь идет о Абд-ур-Рахмане (1844–1901); эмир с 1880 г.) и что, как только он умрет, русская армия перейдет афганскую границу под предлогом обеспечения порядка на афганской границе России. Такого рода сообщения в разведывательном донесении понуждали британское правительство действовать на упреждение. Целый лист в его донесении (л. 5) посвящен описанию дорог, по которым русская армия могла бы продвинуться в Афганистан и занять, по мнению военных, с кем довелось общаться Коббольду, страну, находившуюся под британским сюзеренитетом.

Коббольд также говорит о наиболее действенном инструменте противостояния России на Памире: местные жители могут отозваться на призыв увести гужевой скот в горы и лишиться таким образом русскую армию возможности решать вопросы логистики. К таким выводам Коббольд пришел, основываясь на недовольстве местных жителей не только высоким налогообложением, но прежде всего местной администрацией, неспособной поддерживать «справедливость». Низкий уровень зарплат породил взяточничество, совершенно утвердившееся в отношениях с местным населением (л. 7). Коббольд считает, что главными инструментами британского влияния на Памире должны стать максимально частые путешествия по региону и поддержка наиболее дружеских отношений с Турцией, на что постоянно обращали внимание его собеседники³³. Именно дружелюбие английских путешественников, не склонных к поборам, должно произвести на местное население благоприятное впечатление и с легкостью склонить его на свою сторону.

²⁹ “The Bokharan and Afghan officials hold no communications”.

³⁰ Постников А.В. Схватка на крыше мира. С. 301.

³¹ См. красочный портрет в парадном мундире: Middleton R. Russians in the Great Game. Bishkek, 2019. P. 50.

³² “He is a Swede by birth and I imagine not particularly attached to Russian service”.

³³ “It would seem therefore advisable that we should frame our policy so as to maintain as friendly relations as possible with the Porte. Time alone can show the benefits that we may derive from such a policy”.

Далее Коббольд переходит к оценке положения Макартни в Кашгаре, сравнивая его с сильной позицией русского Генерального консула Петровского. Здесь изложение донесения и текст книги если и расходятся, то лишь в выборе синонимичных выражений (*status – position* и т.д.), однако в книгу не вошло, что сам Петровский, смеясь, отмечал этот контраст³⁴ и что китайцы в Кашгаре находятся в подконтрольном положении по отношению к Российской империи³⁵. При этом, как подчеркивает Коббольд, китайцы расположены к Макартни и готовы приветствовать любое улучшение его статуса, что позволило бы им эффективнее бороться с российскими интригами³⁶.

В донесении (л. 8) Коббольд пересказывает дискуссии с памирскими киргизами и представителями других народностей о причинах, по которым россияне пользовались такой свободой действий в Кашгаре и Яркенде. По его мнению, дело заключалось в том числе в слабости политических позиций британского политического агента Макартни, не имевшего статуса консула и соответствующих полномочий, а также недружественных отношений британского правительства к своим подданным, что становилось известно местным жителям. Даже отсутствие официального мундира, по мнению Коббольда, унижало достоинство Макартни в глазах местной политической общественности.

Завершается донесение описанием встречи с «бородатым мусульманином» в Мисгахе – первой деревне на британской земле, – который был послан майором Дином из Читрала в Коканд для сбора информации о передвижении русских войск. Информатор возвращался обратно в Пешавар, имея задачу собрать соответствующую информацию и об афганских частях. Коббольд отговорил его идти затем в Кашгар, а направил по дороге вдоль Амударьи через Вахан, Шинган, Рошан и Дарваз, что дало бы ему возможность избежать ненужных расспросов. В данном случае Коббольд проявил присущую разведчику рассудительность: появление еще одного нового лица на пути в Кашгар, т.е. на пути, которым незадолго до того Коббольд прошел сам, могло вызвать подозрения, что на этом направлении готовится всплеск активности, возможно, военной.

В последних строках донесения Коббольд отмечает недавнее назначение генерала Куропаткина³⁷ военным министром (это же говорится и в книге), и что, по мнению российских официальных лиц, теперь следует ждать нарастания активности на русско-афганской границе.

Следующее архивное дело³⁸, некогда носившее статус секретного, позволяет реконструировать судьбу донесения Коббольда 1898 г. Согласно записи от 3 января 1899 г., отчет мог быть послан политическому представителю в Кашгаре (т.е. Макартни) и в Разведывательное управление (*Intelligence branch*) – четыре и три копии соответственно. Коббольд лично отправил копии отчета в Форин офис. 17 января 1899 г. Разведывательное управление запросило еще две копии. 27 января 1899 г. датируется запрос от политического представителя в Кашгаре о еще двух копиях донесения. Завершается документ подробным графиком перемещений Коббольда, составленным в виде таблицы.

Донесение Коббольда о его путешествиях в южной части Центральной Азии стало важным источником сведений для анализа и принятия возможных решений о дальнейших действиях. В соответствии с рекомендациями Коббольда статус Макартни был повышен с политического агента до консула, количество британских «путешественников» и «охотников» в Восточном Туркестане и прилегающих областях не уменьшалось, однако британо-турецкие отношения начала XX в. никак нельзя назвать безоблачными: формирование Тройственной российско-французско-британской Антанты в 1907 г. отдаляло развитие партнерских отношений между Британской и Османской империями. При этом стремительно

³⁴ “M. Petrovsky told me as much himself, laughing at the contrast between his position and Macartney’s”.

³⁵ “The Chinese in Kashgar are entirely under Russian influence”.

³⁶ “It should be noted that the Chinese themselves are well disposed to Mr. Macartney, and would eagerly welcome any improvement in his status which would help them to combat more effectually Russian intrigue”.

³⁷ Куропаткин, Алексей Николаевич (1848–1925) – управляющий военным министерством (1 января 1898 г.), военный министр (1 июля 1898 г.).

³⁸ National Archives of India. PR_000001132995.

портились и российско-османские отношения, но выгоды из этого Британская империя для себя извлечь не сумела. В состоянии «войны всех против всех», шаткости военно-политических союзов сбор разведывательной информации, укрепление влияния «на местах», поиск союзников в лагерях потенциальных противников оставались для великих держав важными инструментами реализации собственных геополитических интересов.

Показательно, что обе противоборствующие империи – Российская и Британская – при всей остроте противоречий сумели удержать ситуацию в русле дипломатического противостояния. С одной стороны, важную роль в этом сыграла жесткая позиция Генерального консула России в Кашгаре Петровского. С другой – готовность российских властей на Памире идти на уступки в решении пограничного вопроса явилась важным основанием того, что «Большая игра» в конце XIX – начале XX в. завершилась бескровно. Англо-русская конвенция 18 (31) августа 1907 г. формально положила конец межимперскому противостоянию в Центральной Азии.

Библиография

Бухарин М.Д. Глобальная неопределенность как фактор развития международных процессов (рец. на книгу: Ар.А. Улунян. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020) // Международные процессы. 2020. № 4. С. 158–161.

Бухарин М.Д., Тункина И.В. Переписка Н.Ф. Петровского, В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. 1. Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018. С. 83–209.

Бухерт В.Г. ...И его русский портрет // Петровский Н.Ф. Туркестанские письма / отв. ред. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М., 2010. С. 20–67.

«И с казачьего пикета был уж виден Гималай». Памир в фотообъективе поручика Павла Родственного / авт.-сост. М.К. Басханов, С.Л. Шевельчинская. СПб., 2019.

Ищенко Н.С. «Афганский вопрос» в российской консервативной публицистике в середине 1880-х годов // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 72–81. DOI: 10.31857/S013038640018389-5

Куценко Б.О. Русско-английский конфликт на Памире: несостоявшаяся война 1902 года // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 67–77.

Маршрутное описание пути от Урумчи через Гучен и Баркуль в Хами / изд. подг. М.К. Басханов, М.Д. Бухарин, И.В. Тункина // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Т. IV. Материалы Русских Туркестанских экспедиций 1909–1910 гг. и 1914–1915 гг. академика С.Ф. Ольденбурга / под общ. ред. М.Д. Бухарина, В.С. Мясникова, И.В. Тункиной. М., 2020.

Мясников В.С. Образ Н.Ф. Петровского в английском зеркале // Петровский Н.Ф. Туркестанские письма / отв. ред. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М., 2010. С. 4–20.

Постников А.В. «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой Игре» Британии и России (1869–1896 гг.) // Acta Slavica Iaponica. 2000. № 17. С. 33–99.

Постников А.В. Схватка на крыше мира. Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.: монография в документах. М., 2001.

Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. академика В.С. Мясникова. М., 2004.

Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

Татеев Б.Л. (Рустам-бек). Памирские походы / вступл., коммент. М.Д. Бухарина. М., 2017.

Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром М., 2004.

Cobbald R.P. Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs. London, 1900.

Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London, 1889.

Johnson R. Spying for the Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London, 2006.

Middleton R. Russians in the Great Game. Bishkek, 2019 (University of Central Asia. Research Paper. 2).

Morgan G. Ney Elias: Explorer and Envoy Extraordinary in High Asia. London, 1971.

Skrine C., Nightingale P. Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London, 1973.

Warikoo K. “Great Game” on the Kashmir Frontiers // Himalayan Frontiers of India. Historical, Geo-Political and Strategic Perspectives / ed. K. Warikoo. London; New York, 2009. P. 14–36.

References

- “I s kazach’ego piketa byl uzh viden Gimalaj”. Pamir v fotoobektive poruchika Pavla Rodstvennogo [“And the Himalayan was already visible from the Cossack picket”. Pamir in the photographic lens of Lieutenant Pavel Kindred] / avt.-sost. M.K. Baskhanov, S.L. Shevel’chinskaya. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)
- Bukharin M.D.* Global’naya neopredelennost’ kak faktor razvitiya mezhdunarodnykh processov (rez.: Ar.A. Ulunyan. Turkestanskij placdarm. 1917–1922. Britanskoe razvedyvatel’noe soobshchestvo i britanskoe pravitel’stvo. Izd. 2-e. Moskva [Global uncertainty as a factor in the development of international processes (review.: Ar.A. Ulunyan. Turkestan bridgehead. 1917–1922. British intelligence community and British government. Ed. 2nd. Moscow, 2020) // Mezhdunarodnye processy [International processes]. 2020. № 4. S. 158–161. (In Russ.)
- Bukharin M.D., Tunkina I.V.* Perepiska N.F. Petrovskogo, V.R. Rozena i S.F. Ol’denburga [Correspondence of N.F. Petrovsky, V.R. Rosen and S.F. Oldenburg] // Vostochnyj Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v konce XIX – pervoj treti XX veka. T. 1. Epistolyarnye dokumenty iz arkhivov Rossijskoj akademii nauk i Turfanskogo sobraniya [East Turkestan and Mongolia. The history of study at the end of the 19th – the first third of the 20th centuries. Vol. 1. Epistolary documents from the archives of the Russian Academy of Sciences and the Turpan collection]. Moskva, 2018. S. 83–209. (In Russ.)
- Bukhert V.G.* ...I ego russkij portret [...And his Russian portrait] // Petrovski N.F. Turkestanskije pis’ma [Turkestan letters] / otv. red. V.S. Myasnikov, sost. V.G. Bukhert. Moskva, 2010. S. 20–67. (In Russ.)
- Hopkirk P.* Bol’shaya igra protiv Rossii. Aziatskij sindrom [Great game against Russia. Asian syndrome]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Ishenko N.S.* “Afganskij vopros” v rossijskoj konservativnoj publicistike v seredine 1880-h godov [“The Afghan Question” in Russian conservative journalism in the mid-1880s] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 4. S. 72–81. DOI: 10.31857/S013038640018389-5 (In Russ.)
- Kutsenko B.O.* Russko-anglijskij konflikt na Pamire: nesostoyavshayasya vojna 1902 goda [Russian-English conflict in the Pamirs: the failed war of 1902] // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina [Bulletin of S.A. Yesenin Ryazan State University]. 2020. № 2 (67). S. 67–77. (In Russ.)
- Marshrutnoe opisanie puti ot Urumchi cherez Guchen i Barkul’ v Hami [Route description of the way from Urumqi via Guchen and Barkul to Hami] / izd. podg. M.K. Baskhanov, M.D. Bukharin, I.V. Tunkina // Vostochnyj Turkestan i Mongoliya. Istoriya izucheniya v konce XIX – pervoj treti XX veka. T. IV. Materialy Russkikh Turkestanskikh ekspeditsij 1909–1910 i 1914–1915 gg. akademika S.F. Ol’denburga [East Turkestan and Mongolia. The history of study at the end of the 19th – the first third of the 20th centuries. Vol. IV. Materials of the Russian Turkestan expeditions 1909–1910 and 1914–1915 academician S.F. Oldenburg] / pod obshch. red. M.D. Bukharina, V.S. Myasnikova, I.V. Tunkinoj. Moskva, 2020. S. 440–449. (In Russ.)
- Myasnikov V.S.* Obraz N.F. Petrovskogo v anglijskom zerkale [The image of N.F. Petrovsky in the English mirror] // Petrovski N.F. Turkestanskije pis’ma [Turkestan letters] / otv. red. V.S. Myasnikov, sost. V.G. Bukhert. Moskva, 2010. S. 4–20. (In Russ.)
- Postnikov A.V.* “Istoricheskie prava” sosednih gosudarstv i geografiya Pamira kak argumenty v “Bol’shoj Igre” Britanii i Rossii (1869–1896 gg.) [“Historical rights” of neighboring states and the geography of the Pamirs as arguments in the “Great Game” of Britain and Russia (1869–1896)] // Acta Slavica Iaponica. 2000. № 17. S. 33–99. (In Russ.)
- Postnikov A.V.* Skhvatka na kryshe mira. Politiki, razvedchiki i geografy v bor’be za Pamir v XIX v. (Monografiya v dokumentakh) [Skirmish on the roof of the world. Politicians, scouts and geographers in the struggle for the Pamirs in the 19th century (Monograph in documents)]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Russko-kitajskie dogovorno-pravovye akty [Russian-Chinese legal acts]. 1689–1916 / pod obsh. red. akademika V.S. Myasnikova. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Sergeev E.Yu.* Bol’shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenij v Central’noj i Vostochnoj Azii [Great game, 1856–1907: myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Tageev B.L.* (Rustam-bek). Pamirskie pokhody [Pamir campaigns] / vstupl., komment. M.D. Buharina. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Cobbold R.P.* Innermost Asia. Travel and Sport in the Pamirs. London, 1900.
- Curzon G.N.* Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London, 1889.
- Johnson R.* Spying for the Empire. The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London, 2006.
- Middleton R.* Russians in the Great Game. Bishkek, 2019 (University of Central Asia. Research Paper. 2).
- Morgan G.* Ney Elias: Explorer and Envoy Extraordinary in High Asia. London, 1971.
- Skrine C., Nightingale P.* Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London, 1973.
- Warikoo K.* “Great Game” on the Kashmir Frontiers // Himalayan Frontiers of India. Historical, Geo-Political and Strategic Perspectives / ed. K. Warikoo. London; New York, 2009. P. 14–36.

DOI: 10.31857/S0130386424040052

© 2024 г. **Н.А. КУЗИНА**

РОЛЬ ЦЕРКВИ В КОНСТРУИРОВАНИИ КАТАЛОНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА НА РУБЕЖЕ XIX–XX веков

Кузина Наталия Андреевна — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: nataliyamare@yandex.ru

Scopus Author ID: 57208105011; ORCID: 0000-0003-2344-7780; Researcher ID: KHV-4939-2024

Аннотация. В последней трети XIX в. значительный вклад в становление каталонского национализма внесли консервативные политические организации и группы, в деятельности которых активное участие принимали представители националистически настроенного духовенства. В настоящей статье исследуется влияние католической церкви на формирование каталонского национального движения в конце XIX — начале XX в. Используя методы исторического и культурологического анализа, автор рассматривает эволюцию религиозного аспекта каталонизма, его символы, обряды. Исследование представляет особую актуальность в контексте изучения процессов, связанных с формированием национальной идентичности. Роль церкви в этих процессах применительно к Каталонии анализируется в рамках настоящей работы впервые в отечественной историографии. Основной задачей автора является изучение эволюции религиозного аспекта каталонизма, в частности истории трансформации некоторых важных для каталонцев духовных символов в национальные. Детальный анализ ряда источников, включая произведения лидеров каталонского национального движения, материалы СМИ, религиозные тексты, а также некоторых событий, имевших для большинства жителей региона сакральный смысл, таких как празднование тысячелетия монастыря Монтсеррат, коронация Девы Марии Монтсерратской, восстановление монастыря Святой Марии в Риполе и др., позволяет сделать вывод о значительном вкладе католицизма в формирование каталонской идентичности.

Ключевые слова: Испания, национализм, Каталония, национальное движение, католицизм, национальное самосознание, католическая церковь.

N.A. Kuzina

The Role of the Church in the Construction of Catalan Nationalism at the Turn of the 19th–20th Centuries

Nataliya Kuzina, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: nataliyamare@yandex.ru

Scopus Author ID: 57208105011; ORCID: 0000-0003-2344-7780; Researcher ID: KHV-4939-2024

Abstract. In the second half of the nineteenth century, conservative political organisations and groups that included representatives of pro-nationalist clergymen made a significant contribution to the development of Catalan nationalism. The author examines the influence of the Catholic Church on the formation of nationalism in Catalonia in the late nineteenth and early twentieth

centuries. Applying the methods of historical and cultural analysis, the author explores the evolution of the religious aspect of Catalanism, its symbols and rituals. The relevance of the research is substantiated by the need to study the processes of national self-determination and the formation of national identity, especially in the context of the influence of political and religious factors on cultural identity. The novelty of the work lies in the study of the Church's role in these processes taking the case of Catalan nationalism as an example. The main purpose of this study is to analyse the role of the Catholic Church in the Catalan national movement and in the formation of contemporary Catalan identity. A detailed analysis of a number of sources, including the writings of Catalan national movement leaders, media materials, religious texts, as well as several events that had sacred meaning for most Catalans, including the celebration of the millennium of the Montserrat Monastery, the coronation of the Virgin of Montserrat, the restoration of the Monastery of Santa Maria de Ripoll, and an examination of the process of creating the symbols of Catalan nationalism, allows one to conclude that Catholicism has made a significant contribution to the formation of Catalan identity.

Keywords: Spain, nationalism, Catalonia, national movement, Catholicism, national identity, Catholic Church.

Во второй половине XIX — начале XX в. церковь оказывала значительное влияние на процессы формирования и развития национальных движений во многих европейских странах (Ирландия, Польша, Финляндия и т.д.). Данная тенденция отмечалась в этот период и в Каталонии. Основное внимание в данном исследовании уделяется влиянию религии на культурный аспект каталонизма, а также на процесс создания и «возрождения» ряда национальных символов, сыгравший ключевую роль в конструировании каталонской идентичности. Особый интерес в контексте изучаемой проблематики представляет вопрос о вкладе видных католических мыслителей второй половины XIX в. в становление идеологии каталонского национального движения.

Роль религии в формировании национализма является предметом ряда исследований. Бенедикт Андерсон рассматривает нацию как «воображаемое сообщество», в самосознании которого духовные мифы и символы играют важную роль¹. Энтони Смит анализирует влияние религии на политические конфликты и формирование национальной идентичности². В центре внимания Эдриана Гастингса — воздействие религиозных практик и верований на национальные установки и национальную психологию³. При решении ключевых задач настоящего исследования был использован социально-конструктивистский подход, а также традиционные методы исторического анализа, позволяющие рассматривать национальные движения и идеологии в развитии и проследить изменения в их практиках и символах, происходившие под влиянием католической церкви. Важную роль в изучении мифов и «ритуалов» каталонизма сыграл и метод культурологического анализа.

Следует отметить, что тема влияния католической церкви на каталонизм освещена в зарубежной историографии недостаточно подробно. Фундаментальной теоретической работой по истории католицизма в Каталонии является монография Жоана Бонета-и-Балты, в которой проанализированы различные аспекты деятельности церкви в этом регионе в периоды Просвещения и движения Ренансенса⁴, речь о котором пойдет ниже. В монографии Хосе Марии Кастеллса «Религиозные ассоциации в современной Испании (1767–1965)»⁵ рассматривается роль католических организаций в социальной и политической жизни страны на протяжении двух столетий. Жозеп Масот-и-Монтанер исследует взаимосвязь

¹ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2024.

² *Smith A.* The Sacred Dimension of Nationalism // *Millennium-journal of International Studies*. 2000. № 29 (3). P. 791–814.

³ *Hastings A.* The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997.

⁴ *Bonet i Baltà J.* L'èsglésia catalana, de l'Il·lustració a la Renaixença. Barcelona, 1984.

⁵ *Castells J.M.* Las asociaciones religiosas en la España contemporánea (1767–1965). Madrid, 1973.

между христианством и каталонским национализмом, в частности, влияние традиционных католических институтов на политические партии и организации региона⁶.

Прежде чем перейти к рассмотрению деятельности наиболее заметных представителей католического духовенства Каталонии в последние две декады XIX в. в контексте местного национального движения, следует обратить внимание на ряд факторов, которыми было обусловлено его формирование. К первой половине XIX столетия в регионе утвердилась диглоссия. Жители Каталонии активно использовали как каталанский, так и кастильский язык. При этом каждый из них выполнял свои функции⁷. Кастильский играл роль письменного и устного языка высокой культуры и науки, официального общения, каталанский же применялся преимущественно в быту. Следует также напомнить, что в рассматриваемый период Каталонии как административно-территориальной единицы в составе Королевства Испании не существовало. Сам термин «Каталония» использовался для обозначения соответствующей исторической области. В 1833 г. в Испании была проведена административная реформа, в ходе которой страна была поделена на 49 провинций. Территория Каталонии оказалась разделенной между четырьмя провинциями: Барселоной, Таррагоной, Льейдой (Леридой) и Жироной.

В середине XIX в. Каталония стала центром индустриального развития Испании. К 1856 г. около 90% предприятий легкой промышленности страны находилось на территории именно этого региона⁸. Эрнест Геллнер указывает на взаимосвязь между индустриальным ростом и развитием национализма⁹, однако, как показывает ряд исследований, представители местной буржуазии редко разделяли прокаталонистские настроения¹⁰. Большинство из них были заинтересованы в поддержке центральных властей, которые могли гарантировать порядок в стране и стабильное развитие промышленности и предпринимательской деятельности. Другим фактором, обуславливавшим лояльность каталонской буржуазии по отношению к королевской власти, являлось осознание важности сохранения колониальных владений Испании, которые в XIX в. продолжали оставаться значимым источником доходов для этой социальной группы¹¹.

Рассмотрение процесса формирования и развития национального движения невозможно вне контекста такого культурного явления, как каталонский романтизм. Одним из первых произведений, подчеркивающих сентиментальную связь каталонской земли и языка, было стихотворение Буэнавентуры Карлоса Арибау «Ода к Родине», опубликованное в журнале *El Vapor* («Пар») в 1833 г.¹² Его выход в свет считается отправной точкой движения, получившего название Ренашенса¹³, целью которого являлось возрождение и развитие каталонского языка, литературы и культуры в целом. Представители первого поколения каталонских романтиков (1830–1850), например Проспер де Бофаруль и Пау

⁶ Masot i Muntaner J. Cristianisme I Catalanisme // *Catalanisme: història, política i cultura* / ed. J. Termes. Barcelona, 1986.

⁷ Подробнее см.: Marfany J.L. La llengua maltractada: El castellà i el català a Catalunya del segle XVI al segle XIX. Barcelona, 2001; *Idem*. Llengua, nació i diglòssia. Barcelona, 2008; *Idem*. Nacionalisme espanyol i catalanitat: Cap a una revisió de la Renaixença. Barcelona, 2017.

⁸ Филатов Г.А. Идея превосходства в системе взглядов каталонских националистов. Конец XIX – начало XX веков // *Латинская Америка*. 2021. № 1. С. 63–76.

⁹ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

¹⁰ Harrison J. Big Business and the Failure of Right-Wing Catalan Nationalism, 1901–1923 // *The Historical Journal*. 1976. Vol. 19. № 4. P. 901–918; Smith A. The Barcelona Urban Elite, 1808–1899: Between Liberalism and Catholic Corporatism // *Journal of Modern European History*. 2018. № 16 (3). P. 399–428.

¹¹ Филатов Г.А. Колониальные устремления каталонских националистов в годы реставрации // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2018. № 19. С. 276–293.

¹² Кузина Н.А. Зарождение и формирование национальных символов Каталонии в рамках Ренашенсы и их визуальная репрезентация в XIX в. // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 4. С. 114–130. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-4-20-114-130

¹³ Название движения на каталонском языке – *Renaixença*. По всей вероятности, этот термин был впервые введен драматургом Эдуардом Видалем Валенсиано в 1864 г.

Пифферер, включали историю своего региона в общеиспанский исторический нарратив. При этом особое внимание уделялось средневековому прошлому Каталонии. Вышеуказанные авторы опирались на труды своих предшественников, главным образом на работы Антони де Кампани, которые давали представление о достижениях средневековой Каталонии в таких сферах, как мореплавание и коммерция, а также об исторической роли каталанского языка. В рассматриваемый период Барселона являлась одним из крупнейших центров издательской деятельности в Испании. Произведения романтиков публиковались в этом городе с регулярной периодичностью, что способствовало развитию рынка культурной продукции, впоследствии получившей признание среди представителей образованного класса Каталонии.

Деятельность второго поколения романтиков (1850–1860), в частности Виктора Балагера и Антони де Бофаруля, была ознаменована созданием ряда произведений о вкладе Каталонии в развитие испанской государственности, о ее роли в Реконкисте и других ключевых событиях прошлого. В этих произведениях признавалась уникальность культурного наследия региона в более широком «испанском» контексте. На данном этапе деятельность романтиков способствовала постепенному формированию каталонской региональной идентичности. В трудах перечисленных авторов процесс интеграции Каталонии в Испанию в прошлом рассматривается как негативное явление. Ключевыми достижениями этого поколения стало распространение каталанского языка через такие мероприятия, как Цветочные игры¹⁴, а также через театральные постановки Фредерика Солера, основателя движения «Каталанский, как на нем сейчас говорят», который развивал идею, что каталанский язык в театре должен звучать так же, как и на улицах Барселоны. Следует отметить, что язык поэтических произведений, представленных на Цветочных играх, отличался некоторой архаичностью.

С середины XIX века интеллектуалы, связанные со свободными профессиями, играли ключевую роль в формировании каталонских культурных и политических проектов. Особенный вес имели юристы, и в меньшей степени землевладельцы и фабриканты, посвящавшие свое свободное время поэзии и экскурсиям по территории региона. Кроме того, их усилия будут направлены против снижения тарифов и на организацию кампании против нового Гражданского кодекса (1889). Они поднимали вопросы самоуправления и официального статуса каталанского языка. Именно практикующие юристы, ставшие заметными в Каталонистском союзе в 1890-х годах, предпринимали попытки создания политического движения¹⁵.

Начиная с конца 1870-х годов, уже третье поколение романтиков ставит вопрос об официальном статусе каталанского языка, бросая вызов иерархическим отношениям между каталанским и кастильским языками. Они подчеркивают уникальный характер Каталонии и ее общий национальный дух. Каталонисты не были едины, между ними существовали разногласия по различным вопросам, были конкурирующие дискурсы. После разочарования в Первой Испанской Республике идеи федерализма в целом отходят на второй план, но продолжают культивироваться левым крылом националистов во главе с В. Альмиралем¹⁶. Из-за поддержки частью представителей духовенства карлизма¹⁷ каталонские федералисты

¹⁴ Цветочные игры — литературно-поэтический конкурс, который проводился в Каталонии еще в эпоху Средневековья. В 1859 г. эта традиция была возрождена по инициативе А. де Бофаруля и В. Балагера. Новые Цветочные игры стали проходить под лозунгом «Родина, вера, любовь». В рамках этого конкурса поэты могли состязаться в трех номинациях: лучшее стихотворение на патриотическую, религиозную и любовную темы.

¹⁵ Кузина Н.А. Зарождение и формирование... С. 123.

¹⁶ *Almiralla V. Lo catalanisme. Barcelona, 1886.*

¹⁷ Карлизм — политическое и идеологическое движение в Испании в XIX и XX вв., возникшее в ответ на претензии дона Карлоса Марии Исидро де Бурбона на испанский трон. Карлисты поддерживали традиционную монархию, основанную на строгих католических принципах, и отвергали либеральные реформы. Они выступали за сохранение феодальных привилегий, традиционных региональных прав

в своих карикатурах представляли сторонников этого движения злейшим врагом Республики и прогресса¹⁸. Вместе с тем были каталонисты консервативного толка — третье поколение романтиков, связанных с журналом *La Renaixensa*, которые, в отличие от федералистов, стремились сделать каталанский язык не просто официальным, а скорее единственным языком региона. С этой группой взаимодействовала часть консервативного духовенства, разделявшая идеи национализма.

Реставрация в 1874 г. и особенно поражение карлистов в Гражданской войне в 1876 г. ударили по церкви в Испании, она столкнулась с серьезной проблемой — раскол на два лагеря: унионисты и фундаменталисты¹⁹. С одной стороны, были попытки сотрудничества с режимом Антонио Кановаса дель Кастильо, а с другой стороны, были католики-фундаменталисты, разделявшие идеи карлизма.

Обострила ситуацию Статья 11 Конституции Испании 1876 г., устанавливавшая принцип толерантности к некатолическим ритуалам и обрядам. Она создавала лазейку: давала возможность законно, но не публично исповедовать другие культы, кроме католического. Это означало, что и традиционалистские, и фундаменталистские идеи могли легально развиваться. В споры между сторонами вмешался папа римский Пий IX (1846—1878), считавший, что данная статья угрожает католическому культу²⁰. Разногласия обострились и при следующем папе Льве XIII (1878—1903), которому пришлось решать многочисленные вопросы с церковью в Испании, призывая стороны к единству и отречению от доктринальной и политической исключительности фундаменталистов-католиков в таких энцикликах, как *Cum Multa* (1882)²¹ и *Inmortale Dei* (1885)²². В этих энцикликах Лев XIII обращает внимание на отрицание авторитета церкви некоторыми католиками, действующими вне епископата, что стало причиной раскола.

Одной из ключевых фигур в истории каталонизма в рассматриваемый период стал епископ Хосе Торрас-и-Баджес (1846—1916). Его многогранная деятельность оказала значительное влияние на религиозную и культурную жизнь Каталонии. Родившись в поселке Лес-Кабаньес (провинция Барселона), в одиннадцатилетнем возрасте он переезжает вместе с семьей в Барселону, где получает среднее образование в местном институте. В 1863 г. он поступил в Барселонский университет, где обучался на факультете философии и литературы. Одновременно с этим Торрас-и-Баджес изучал богословие в семинариях Барселоны и Вика. 23 декабря 1871 г. он был рукоположен в священники в Жироне. С 1875 г.

и сильного влияния католической церкви на государство. Карлизм привлекал сторонников среди консервативных и религиозных групп, а также среди сельского населения в таких регионах, как Наварра, Страна Басков, Каталония.

¹⁸ Кузина Н.А. Отражение событий «Демократического шестилетия» (1868—1874 гг.) на примере каталонской карикатуры // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028242-5-1/> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁹ Унионисты в Испании конца XIX в. стремились к поддержке единства нации и центральной власти, демонстрируя гибкость в своих подходах и готовность к сотрудничеству с государством. Они поддерживали реставрацию монархии и адаптировались к новым политическим реалиям, включая некоторые либеральные реформы. Унионисты выступали за важную, но не доминирующую роль церкви в государстве, принимая современные изменения и стремясь к компромиссу. Фундаменталисты же придерживались строгих религиозных принципов и выступали за возвращение к традиционным католическим ценностям. Они поддерживали карлистские идеи, настаивали на доминирующей роли церкви в государстве и обществе, отвергая либеральные реформы и выступая за тесное взаимодействие церкви и государства на основе строгих католических принципов.

²⁰ *Reina Bernáldez V.* Iglesia y catalanismo // *Anuario de derecho eclesiástico del Estado*. 1991. № 7. P. 137—138.

²¹ *Cum Multa*. Encyclical of Leo XIII on Conditions in Spain // The Holy See. URL: https://www.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_08121882_cum-multa.html (дата обращения: 20.03.2024).

²² *Inmortale Dei*. Encyclical of Pope Leo XIII on the Christian Constitution of States // The Holy See. URL: https://www.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_01111885_immortale-dei.html (дата обращения: 20.03.2024).

Х. Торрас-и-Баджес продолжал свое служение в Барселоне, при этом активно занимаясь литературной деятельностью. Будучи страстным апологетом возрождения каталанского языка и региональной культуры, Х. Торрас-и-Баджес со временем приобрел неформальный статус «духовного отца Каталонии». Осознавая наметившуюся в Испании тенденцию секуляризации культуры, в 1888 г. он написал книгу «Духовенство в жизни современного общества»²³, в которой призывал католический клир адаптироваться к духу времени. Программное произведение Х. Торраса-и-Баджеса «Каталонская традиция: изучение этической и рациональной ценности каталонского регионализма», опубликованное в 1892 г., является ключом к пониманию его видения каталонизма. Х. Торрас-и-Баджес рассматривал каталонское национальное движение исключительно с точки зрения традиционной и христианской перспективы²⁴. По его мнению, католическая традиция, каталонская история и культура могут существовать лишь в тесной взаимосвязи между собой. Х. Торрасу-и-Баджесу принадлежит фраза: «Каталония будет христианской или ее не будет» (кат. *Catalunya serà cristiana o no serà*), которая является и кратким выражением его взглядов.

Во второй половине 1860-х годов под влиянием романтических идей формируется альтернативное направление каталонского национализма, представленное т.н. Группой из Вика (кат. *Esbart de Vic*) — небольшим объединением молодых поэтов, придерживавшихся клерикальных взглядов. Большинство из них были вдохновлены романтическими представлениями об истории Каталонии и являлись последовательными сторонниками консервативного католического регионализма. «Группа из Вика» была основана в 1867 г. и с самого начала своего существования включала в себя представителей творческой интеллигенции, впоследствии оказавших заметное влияние на культурную и политическую жизнь Каталонии. К числу последних относились такие поэты, писатели и публицисты, как Джасинто Вердагер, Жауме Коллель, Альберт Эспона, Хосе Серра-и-Кампделакреу, Марти Генис-и-Агилар, Жоаким Саларич. Позднее к ним присоединились братья Нарсис²⁵ и Маги Вердагер-и-Каллис, Жауме и Рамон Масферрер-и-Аркимбау, Марк Фонт-и-Кодина и др. Как указывалось выше, восстановление высокого статуса каталанского языка являлось одной из основных целей национального движения. Вследствие этого поэзия играла огромную роль не только в развитии региональной культуры, но и в контексте формирования новых практик и символов каталонизма. «Группа из Вика», деятельность которой в значительной степени способствовала литературному и политическому возрождению Каталонии в XIX в., внесла существенный вклад в идеологию каталонского национализма, формулируя новые представления об идентичности своего народа и его особом духе.

Одним из выдающихся представителей этого литературного кружка являлся Жауме Коллель (1846—1932). В контексте настоящего исследования представляется важным остановиться на его биографии и основных направлениях деятельности несколько подробнее. Ж. Коллель получил образование в епархиальной семинарии в Вике, затем изучал философию и литературу в Барселонском университете. Его поэтический талант проявился уже на ранних стадиях обучения. В университете он познакомился с будущими выдающимися представителями каталонской литературы, в частности с упомянутым выше епископом Вика Х. Торрасом-и-Баджесом. Увлечение поэзией подвигло Ж. Коллеля к участию в Цветочных играх в Барселоне, где в 1869 г. он выиграл главный приз²⁶. В 1873 г. Жауме Коллель был рукоположен в священники, а в 1880 г. стал каноником Викаского собора. Он активно поддерживал ряд религиозных кампаний, речь о которых пойдет ниже, стоял на защите каталонского права от государственной кодификации в период с 1881 по 1889 г., поощрял деятельность основанного в 1882 г. Археологического общества Каталонии, являлся одним из инициаторов написания доклада, посвященного необходимости защиты

²³ *Torras i Bages J.* El Clero en la vida social moderna. Barcelona, 1888.

²⁴ *Idem.* La tradició catalana: estudi del valor ètic i racional del regionalisme català. Barcelona, 1913.

²⁵ Нарсис Вердагер-и-Каллис — основатель Регионалистской лиги Каталонии — консервативной политической партии, существовавшей с 1901 по 1936 г.

²⁶ *Verdaguer i Callís N.* La primera victòria del catalanisme. Barcelona, 1919. P. 49—58.

интересов региона (так называемого Мемориала обид), представленного королю Альфонсо XII (1874—1885) в 1885 г. и программы каталонского национального движения, получившей известность как «Основы Манресы» (названной так по имени города, в котором проходил съезд каталонских националистов), принятой в 1892 г. Кроме того, Ж. Коллель принимал активное участие в подготовке Всемирной выставки в Барселоне в 1888 г. и в создании Епископального музея в Вике, открытом в 1891 г.²⁷ Следует отметить, что далеко не только Ж. Коллель и Х. Торрас-и-Баджес пытались связать каталонизм с христианской традицией. К этому стремились и такие мыслители из числа фундаменталистов, как Жоан Манье-и-Фланкер, Феликс Сарда-и-Сальвани и др. Ж. Манье-и-Фланкер писал Ж. Коллелю, что они «основали провинциализм в каталонском духе»²⁸.

Отношения между членами «Группы из Вика» и консервативными романтиками из Барселоны, а в дальнейшем с Каталонистским союзом складывались довольно непросто. Н. Вердагер-и-Каллис был близок с некоторыми представителями этого политического объединения, а молодежь из консервативной организации Центр экскурсий Каталонии имела много общего с националистически настроенным духовенством. Ж. Коллель и Х. Торрас-и-Баджес были активными членами Каталонистского союза, однако никогда не посещали его собрания, чтобы не быть обвиненными в политической деятельности²⁹. Оба лидера каталонского национального движения не были удовлетворены итоговой редакцией «Основ Манресы». Часть этого документа, посвященная вопросам религии, ограничивалась лишь признанием того факта, что католическая церковь заслуживает уважения³⁰. Следует отметить, что подобное незначительное внимание к одному из важнейших для каталонизма, с точки зрения Ж. Коллеля и Х. Торрас-и-Баджеса, вопросов было обусловлено тем, что для консервативных националистов отношения между государством и религией всегда оставались на втором плане, а не опасениями в связи с возможным дальнейшим укреплением позиций церкви.

Третьей фигурой, имеющей важное значение в контексте настоящего исследования, является Джасинт Вердагер (1845—1902) — писатель и поэт, такие произведения которого, как «Атлантида», «Каниго», «Пиренейская легенда времен Реконксты», «Родина» и др., принято считать вершиной каталонской литературы XIX в. Родившись в небольшом поселении Фольгеролес (находящемся на незначительном расстоянии от Вика) в семье скромного достатка, в десятилетнем возрасте он поступил в семинарию Вика. Свое первое церковное назначение Дж. Вердагер получил в этом же городе в 1871 г. Еще до этого, в период с 1860 по 1865 г., он занимался литературной деятельностью и собирал фольклорные произведения. В мае 1877 г. труды Дж. Вердагера были отмечены высшей наградой на Цветочных играх в Барселоне. В октябре того же года в составе испанской паломнической группы поэт посетил Рим, где беседовал с папой Львом XIII.

Главным печатным органом, через который в рассматриваемый период распространялись идеи консервативного каталонизма клерикального толка, являлся журнал *La Veu del Montserrat* («Голос Монтсеррата»), который издавался в Вике на каталанском языке еженедельно, начиная с января 1878 г., под девизом «Для Бога и Каталонии», предложенным Ж. Коллелем³¹. На его страницах публиковались произведения таких выдающихся авторов, связанных с каталонским возрождением, как Хосе Торрас-и-Баджес, Хосе Моргадес, Эдуардо Льянас, Хосе Мария Уркинаона и Джасинт Вердагер. Редакцию «Голоса Монтсеррата» возглавлял Ж. Коллель, стремившийся создать журнал, «являющийся каталонским по духу, каталонским по форме; посвященный каталонским интересам и выражающий

²⁷ *Jaime D. Collell // Diccionario biográfico y bibliográfico de escritores y artistas catalanes del siglo XIX: (apuntes y datos) / ed. A. Elías de Molins. Barcelona, 1889.*

²⁸ *Reina Bernáldez V. Op. cit. P. 157.*

²⁹ *Smith A. The Origins of Catalan Nationalism, 1770—1898. Springer, 2014. P. 194.*

³⁰ *Ibidem.*

³¹ *La Veu del Montserrat. 05.I.1878. P. 1.*

истинный образ жизни Каталонии»³². На его страницах авторы через свои тексты боролись с растущей секуляризацией каталонского общества и активно популяризировали практики католицизма в повседневной жизни, обсуждали вопросы грамматики каталонского языка и региональную литературу. «Голос Монтсеррата» претендовал на ключевую роль в политической и религиозной деятельности каталонского национального движения. Впрочем, в первые годы своего существования журнал воздерживался от вовлечения в политико-теологические споры. После ухода из «Голоса Монтсеррата» Ж. Коллель, стремившийся реализовать основные идеи каталонизма на более масштабном уровне, вместе с лидером консерваторов Энриком Прат де ла Рибой открывает газету *La veu de Catalunya* («Голос Каталонии»), просуществовавшую с 1899 по 1937 г. Идеологические взгляды авторов, издававшихся в «Голосе Монтсеррата» и «Голосе Каталонии», были во многом схожи.

Детальное изучение представленных на страницах «Голоса Монтсеррата» произведений позволяет выявить основные особенности идеологической концепции, разрабатываемой некоторыми представителями «Группы из Вика», направленной на формирование теоретических основ католического каталонизма. Авторы журнала, вдохновленные романтическим представлением о Королевстве Арагон, были схожи в своих взглядах с консервативными романтиками. Они противопоставляли себя либеральным и левым идеям, а также политическим партиям в пользу традиционных институтов, таких как семья, муниципалитет и т.д. С их точки зрения, ключевым элементом являлась религия, которая воспринималась как фундаментальный принцип политической и социальной интеграции, предполагающий единство гражданской и церковной власти.

Ж. Коллель стремился внедрить христианские принципы во все сферы общественной жизни. Своими основными задачами в священническом служении он видел активную пасторскую деятельность и возрождение католических обрядов и праздников. Ж. Коллель настаивал на активном использовании каталонского языка в церковной практике. С его точки зрения, понятие «национальности» включает язык, литературу, науку, искусство, промышленность, торговлю и т.д. Все эти сферы рассматривались Ж. Коллелем как проявления национального духа, свидетельствующие о Каталонии как об особой богоугодной стране, величие которой призвана возродить католическая церковь.

Ж. Коллель считал, что противостоять федерализму и сепаратизму может только религия, поскольку представляет собой сверхъестественное совершенство природы, она является единственной гарантией, поскольку ищет естественные сущности, а не политические. По мысли Ж. Коллеля, в отличие от идеологий, религия имеет своей целью метафизические, а не политические поиски³³. Следует отметить, что сепаратистские настроения не были характерны для католиков-каталонистов. В большинстве своем они придерживались идеи испанского единства, не стремясь к разделению страны. Например, Дж. Вердагер в своих стихах подчеркивал, что в период Реконксты Каталония и Кастилия шли разными путями, но при этом выражал убеждение, что они объединены общей судьбой³⁴. Политическое будущее Испании католики-каталонисты видели в создании системы, аналогичной той, которая существовала до воцарения на престоле династии Бурбонов в 1713 г. Католики-каталонисты поддерживали концепцию конфессионального государства, в котором функция управления отдельными регионами должна осуществляться через корпоративные советы. Согласно их взглядам, в таком государстве светская власть должна отдавать предпочтение лишь одной религиозной группе; при этом церковь выполняет охранительные функции³⁵.

В статье «Каталонизм. Что есть и что должно быть», опубликованной в «Голосе Монтсеррата» в 1880 г., Ж. Коллель оправдывает существование региональных особенностей

³² Ibidem.

³³ *Collell J. Escrits politics* / ed. J. Requesens i Piqué. Vic, 1997. P. 127–128.

³⁴ Ibidem.

³⁵ *Collell J. Catalanisme...* P. 177.

христианства тем, что внешняя организация Церкви представляет собой, по его мнению, «огромную федерацию поместных церквей» и призывает уважать особенности каждой из них в соответствии с универсальным каноническим принципом³⁶. С точки зрения Ж. Коллеля, католический регионализм, находя отражение в местных традициях, способах управления благами, епархиальных советах, ритуалах, поддерживается не только богослужебными практиками, но и языком. Автор критикует преподавание катехизиса детям на кастильском, так как, по его мнению, это является «отвратительным, пагубным и разрушительным для веры обычаем», поскольку нравственное сознание каталонцев находит свое выражение в каталанском, а не кастильском языке. Именно этим доводом Ж. Коллель обосновывал необходимость перевода катехизиса на каталанский³⁷. Следует отметить, что в рассматриваемый период параллельно с каталонским развивался и испанский национальный проект, значительную роль в реализации которого сыграло католическое духовенство. В конце XIX в. многие представители клира своей деятельностью в сфере образования и просвещения (например, преподавание в частных школах и проведение богослужений на кастильском языке) способствовали его распространению в Каталонии. В этих условиях Ж. Коллель пытался противопоставить католический каталонизм испанскому национализму.

Духовная миссия «Группы из Вика» была направлена на распространение католического учения и формирование каталонского патриотизма. В своих произведениях Х. Торрес-и-Баджес выражал убеждение в существовании особого каталонского духа, рассматривая его как подлинное проявление христианства. Он подчеркивал, что «Бог создал Каталонию, она не была создана человеком», и одна из основных задач церкви заключается в возрождении этой богоугодной страны³⁸. Представители «Группы из Вика» пропагандировали активное использование каталанского языка во всех сферах жизни, рассматривая его как воплощение этого духа. Ж. Коллель и другие консервативные представители национального движения поддерживали идею придания каталанскому статусу официального языка региона³⁹. Стоит отметить, что рост клерикального каталонизма способствовал тому, что католическая церковь стала использовать каталанский язык в богослужебных и миссионерских целях в зажиточных районах Барселоны и других городах региона.

Особое значение Ж. Коллель и другие консервативные мыслители придавали объектам религиозного почитания, которые рассматривались ими как ключевые символы для истории и самосознания каталонцев. Один из примечательных примеров подобного подхода — бенедиктинский монастырь Монтсеррат и связанное с ним предание о Черной Деве Марии или Моренеты, ее значение для паломников возросло после распространения мифа о том, что ее статуя была обнаружена в пещере в момент основания монастыря в 880 г.⁴⁰ Согласно средневековой легенде, статуя обладала особой благодатной силой. Через нее Богородица вмешивалась в ключевые события истории Каталонии с целью защиты ее народа. Подобные убеждения сохранялись и в XIX в. Ж. Коллель связывал монастырь Монтсеррат и Моренету с идеей католической церкви как «федерации» и отстаивал право Каталонии сохранять свои региональные традиции, в частности почитание Черной Девы. С его точки зрения, монастырь Монтсеррат является духовным сердцем Каталонии, а Моренета — ее символической главой и защитницей. Примечательно, что в 1878 г. он даже назвал свой журнал *La Veu del Montserrat*. Через два года журнал организовал празднование тысячелетия с момента основания Монтсеррата. Это событие принято считать первым публичным проявлением католического каталонизма и первой крупной акцией каталонского национального движения в целом. В рамках подготовки к праздничным мероприятиям в журналах *La Veu del*

³⁶ Ibidem.

³⁷ *Collell J. La fe nacional y el catecismo en lengua materna // La Veu del Montserrat. 18.VI.1887; Idem. La predicación en lengua catalana // Ibid. 19.VI.1887; Idem. La lengua de la oración // Ibid. 02.VII.1887.*

³⁸ *Smith A. The Origins...* P. 186.

³⁹ *Collell J. Escrits politics...* P. 141.

⁴⁰ *Balaguer V. Historia de Cataluña: en 11 vols. Vol. 1. Madrid, 1885. P. 316–319.*

Montserrat и Revista Popular («Народный журнал»)⁴¹ была организована обширная кампания по сбору средств для украшения короны на статуе Черной Девы каталонским флагом⁴².

Стремление признать Моренету (на уровне официальных церковных властей) покровительницей Каталонии нашло поддержку среди другого крыла каталонских националистов — группы интеллектуалов консервативных взглядов, связанных с журналом «Возрождение». Один из его основателей Дж. Вердагер принял активное участие в патриотической кампании и опубликовал ряд поэтических произведений на темы, связанные с Монтсерратом⁴³. В написанном им гимне «Виролай», посвященном Богородице и Каталонии, провозглашалось: «С вашего имени (Богородицы. — *Н.А.*) начинается наша история, а Монтсеррат — наш Синай» (кат. *Amb vostre nom comença nostra història i és Montserrat el nostre Sinaí*). В 1881 г. был организован конкурс на лучшее музыкальное сопровождение этого гимна⁴⁴. Мифологический нарратив, сформированный вокруг Монтсеррата и Моренеты, был призван подчеркнуть особое покровительство, которое Дева Мария оказывает Каталонии. Впоследствии в религиозном сознании каталонцев Богородица стала восприниматься как Дева горы Монтсеррат. Торжество, состоявшееся 25 апреля 1880 г., проводилось в соответствии с романтической традицией: в программу праздничных мероприятий был включен поэтический конкурс, посвященный Деве Марии, похожий по своему формату на Цветочные игры. В год тысячелетия Монтсеррата увеличилось число экскурсий и паломнических поездок к статуе Черной Девы. В следующем году папа Лев XIII согласился провести церемонию коронации Моренеты. Это торжественное мероприятие проходило с 8 по 11 сентября 1881 г. Во время церемонии был исполнен коронационный гимн, написанный Дж. Вердагером⁴⁵.

Гора Монтсеррат и Моренета были важными символами в искусстве каталонского модернизма и новесентизма. После празднования тысячелетия Монтсеррата они стали все чаще появляться в различных художественных формах — от графики до ширм и масштабных фресок⁴⁶. Символы Моренеты также использовались для украшения интерьеров католических храмов. Например, в крипте колонии Гуэль в церкви Санта-Колома-де-Червелло можно увидеть алтарь, посвященный Деве Монтсерратской, выполненный архитектором Исидре Пуч-и-Боада. Другими яркими примерами являются скульптура, созданная Эусеби Арнау, из коллекции Музея каталонского модернизма⁴⁷, изголовье кровати с изображением Девы Монтсерратской и ширма из собрания Музея модернизма Барселоны⁴⁸ — работы художника и дизайнера Гаспара Омара.

В период с 1885 по 1895 г. представителями каталонского национального движения проводилась масштабная кампания за реставрацию другого объекта, имеющего важное духовное и символическое значение для региона, — монастыря Св. Марии в Риполи⁴⁹. Эта кампания была организована при активном участии епископа Хосепа Моргадеса. Во многом благодаря его усилиям испанские власти дали согласие на возвращение здания монастыря в собственность церкви⁵⁰. Этот монастырь занимал важное место не только в религиозном, но и в национальном сознании каталонцев. Его основание связано с именем Вифреда Мохнатого, графа Барселоны, признанного западно-франкскими королями в конце IX в. первым самостоятельным правителем Каталонии. На протяжении столетий монастырь являлся ключевым религиозным центром региона, а также местом захоронения

⁴¹ Журнал на религиозные темы, издававшийся в Барселоне в период с 1892 по 1900 г., в Вике — с 1900 по 1904 г.

⁴² El milenario de Montserrat // Revista Popular. 10.I.1880. P. 35.

⁴³ Verdager J. Cansons de Montserrat y Llegenda de Montserrat. Vic, 1880.

⁴⁴ Collell J. Escrits politics... P. 130—131.

⁴⁵ Smith A. The Origins... P. 188.

⁴⁶ Museu del modernisme català. Barcelona, 2010. P. 152, 154.

⁴⁷ Museu del modernisme català. Barcelona, 2013. P. 62.

⁴⁸ Museu del modernisme català. Barcelona, 2010. P. 151.

⁴⁹ Reina Bernáldez V. Op. cit. P. 147.

⁵⁰ Ibid. P. 173.

графов Барселоны и Бесалу⁵¹. Его восстановление рассматривалось как символ возрождения Каталонии. В процессии по возвращению в монастырь останков одного из героев Реконкисты XI в., графа Барселоны и Жироны Рамона Беренгера III, приняли участие многие каталонисты. Подчеркивая историческое значение Риполи для региона, Ж. Коллель сравнил монастырь с Ковадонгой⁵² — местом первой победы христиан над арабскими завоевателями Испании в VIII в.

Обе кампании преследовали одну и ту же цель — пробудить религиозные чувства каталонцев, связать католические символы и традиции с историей. Данные коммеморативные практики были призваны увековечить исторические мифы, сакрализовать каталонское прошлое на конкретной территории, создать места памяти. Однако нельзя утверждать, что это были исключительно выдуманные традиции. Скорее речь идет о попытке возрождения и популяризации интереса к светлым страницам прошлого Каталонии. Новые праздники и церемонии, паломничества и экскурсии в монастыри напоминали каталонцам об истории их земли, легенды и мифы которой активно транслировались писателями и поэтами, принадлежавшими к движению Ренашенса. Для большинства населения Каталонии было очевидно, что последние столетия их регион переживает период упадка. Коммеморативные практики имели целью подвигнуть их к осознанию того, что наступает эпоха возрождения его былого величия, свободы и процветания, и происходит это не только благодаря особому национальному духу каталонцев, но и божественному покровительству.

Еще с эпохи Средневековья в Каталонии получило широкое распространение почитание Св. Георгия. Благодаря деятельности представителей консервативного направления Ренашенсы во второй половине XIX в. образ этого христианского святого получил новое осмысление. В их сознании Св. Георгий являлся защитником Каталонии, чудесное вмешательство которого нередко спасало ее жителей от разного рода потрясений. В 1870-е годы уже не только католическая церковь, но и каталонистские общества стали отмечать день Св. Георгия (не только как религиозный, но и национальный праздник). Интересно отметить, что Св. Георгий и по сей день считается покровителем региона, а также целого ряда организаций, включая Экскурсионный центр Каталонии, Институт каталонских исследований, каталонские правительственные учреждения и др., для представителей которых он стал символом борьбы за независимость от Испании. Его образ получил широкое распространение в каталонской художественной литературе, скульптуре, живописи. В 1888 г. Жоан Понс-и-Массаве опубликовал стихотворение «Святой Георгий», в котором нашли свое выражение национальные чувства тысяч каталонцев: «Тогда, рыцарь Святой Георгий, я буду умолять тебя на коленях, чтобы ты освободил мою страну от унижения и ига!»⁵³ Изображение этого святого с 1903 г. украшает флаг Каталонистского союза.

Как указывалось выше, с точки зрения каталонистов, образ Св. Георгия воплощал идею освобождения региона из-под власти Мадрида. Ассоциация научных экскурсий Каталонии проводила в честь него праздники, выражая уважение к традициям страны, а епископ Моргадес основал в 1895 г. коллегия Св. Георгия в Риполе⁵⁴. Церковь также играла важную роль в распространении культа Св. Георгия в Каталонии, организуя многочисленные мессы и праздничные церемонии, связанные с ним. Через образ этого святого каталонское духовенство транслировало идеи борьбы за независимость региона.

Новый «национальный» образ Св. Георгия нашел свое отражение и в искусстве. Связанные с иконописным сюжетом «Чуда Георгия о змие» изображения драконов стали популярным украшением архитектурных ансамблей Барселоны еще в эпоху Средневековья, но в период каталонского модернизма этот мотив приобрел еще большее распространение, будучи символом борьбы и освобождения. Он был представлен в творчестве ряда мастеров,

⁵¹ Smith A. The Origins... P. 188.

⁵² Collell J. Escrits politics... P. 163—165.

⁵³ Pons i Massaveu J. Sant Jordi // L'Arch de Sant Marti. № 334. 29.IV.1888. P. 399—400.

⁵⁴ Anguera P. Sant Jordi, patró de Catalunya // Estudis D'història agrària. 2004. № 17. P. 73.

в частности А. Гауди, например, скульптура саламандры (дракона) в парке Гуэль (1914) или Дом Бальо (1906), который по своей форме и керамической облицовке напоминает тело поверженного дракона.

Деятельность католиков-каталонистов и творчество Дж. Вердагера сыграли существенную роль в процессе формирования «национального» образа Каталонии в массовом сознании жителей этого региона. В опубликованной в 1886 г. поэме «Каниго» Дж. Вердагер предпринял попытку очертить исторические границы региона, в которые он включил четыре каталонские провинции, входившие в состав Испании, и Русельен, присоединенный к Франции по итогам Франко-испанской войны (1635–1659), и таким образом представил концепцию территориальной протяженности Каталонии⁵⁵. В данном произведении значительное внимание уделяется также монастырю Св. Марии в Риполе.

Влияние католической традиции на каталонский национализм нашло свое отражение и в культурной жизни. Произведения искусства, относящиеся к национально-романтическому направлению каталонского модернизма, тяготеют к средневековой эстетике и использованию религиозных мотивов. В этом направлении выразилось стремление к культурной независимости Каталонии от Испании; принадлежавшие к нему художники, скульпторы, архитекторы пытались создать образ новой Каталонии и при этом сохранить уникальные традиции региона. Результатом этого синтеза стали многочисленные архитектурных шедевры, пропитанные религиозной символикой, например, работы Луиса Доменек-и-Монтанера, а также Антонио Гауди, Жозепа Пуч-и-Кадафалка и других мастеров декоративно-прикладного искусства, входивших в основанное в 1893 г. Художественное объединение Св. Луки — союз художников-католиков, созданный как реакция на концепцию «искусство ради искусства» и эстетику модернизма, свободную от принятых в буржуазном обществе этических норм. Членами союза являлись: Жозеп и Жуан Лимона, Александр де Рикер, Антонио Утрилло, Дионисио Байшера, Гаспар Омар, Эусеби Арнау, братья Луис и Франческо Масриера и другие известные мастера. Это было консервативное объединение клерикального и каталонистского толка, руководитель которого — епископ Х. Торрас-и-Бажес — мечтал о христианском регионализме и об идиллической Каталонии, архаичной и древней, незатронутой модернизацией⁵⁶.

* * *

Подводя итоги, важно отметить, что движение Ренашенса и зарождающийся политический каталонизм оказали значительное влияние на процесс постепенной трансформации религиозного культа в патриотический. Небольшая группа националистически настроенных католиков-интеллектуалов создала проект, успешно принятый частью каталонской элиты. Несмотря на то что каталонизм являлся в основе своей светским движением, правое крыло националистов использовало религиозные традиции и практики для консолидации общества и достижения своих политических целей. В ходе этого процесса были созданы и в ряде случаев получили широкое распространение в культуре символы, которые отражали не только религиозные убеждения, но и национальную идентичность, например монастырь и гора Монтсеррат, Моренета, монастырь в Риполи, Св. Георгий. Коммеморативные практики, основанные на мобилизации коллективной памяти о героических событиях времен Реконкисты и о славных правителях прошлого, поддерживали общий дискурс правых националистов о «золотом веке» Каталонии — периоде экономического процветания и политической самостоятельности Барселонского графства и Королевства Арагон.

Подчеркивая связь сакрального и светского, в конце XIX в. католицизм становится неотъемлемой частью каталонского националистического дискурса. Традиционно почитаемые в христианстве святые нередко рассматриваются в его рамках как «национальные» герои и покровители. Так, Дева Мария почитается уже не только как Богородица, но и как

⁵⁵ Verdaguer J. Canigó. Llegendes pirenyques del temps de la Reconquesta. Barcelona, 1886.

⁵⁶ Valenti-i-Viol E. Els clàssics i la literatura catalana moderna. Barcelona, 1973. P. 152–187.

покровительница Каталонии. Сама Каталония, по мысли правых националистов, — богоспасаемая земля, так как, по выражению Коллея, «Бог посместил ее под тень мантии Марии»⁵⁷. Деятельность духовенства, разделяющего националистические идеи, способствовала также распространению культа Св. Георгия, образ которого стал символом национального единства и борьбы за независимость. Этот и другие религиозные образы и практики были призваны укрепить эмоциональную связь каталонцев с территорией региона. Деятельность католиков-каталонистов безусловно оказала немалое влияние на современников, разделявших консервативные идеи, однако наиболее ярко ее результат замечен с перспективой сегодняшнего дня: «возрожденные» в рамках национального проекта символика и праздники существуют и горячо любимы каталонцами до сих пор, а монастырь Монтсеррат в период диктатуры Франко (1939–1975) и политических репрессий стал оплотом местной культуры и символом стойкости каталонцев как нации.

Библиография / References

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2024.

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Кузина Н.А. Зарождение и формирование национальных символов Каталонии в рамках Ренаншэнсы и их визуальная репрезентация в XIX в. // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 4. С. 114–130. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-4-20-114-130

Кузина Н.А. Отражение событий «Демократического шестилетия» (1868–1874 гг.) на примере каталонской карикатуры // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028242-5-1/> (дата обращения: 20.03.2024). DOI: 10.18254/S207987840028242-5

Филатов Г.А. Идея превосходства в системе взглядов каталонских националистов. Конец XIX — начало XX веков // Латинская Америка. 2021. № 1. С. 63–76.

Филатов Г.А. Колониальные устремления каталонских националистов в годы реставрации // Latinoамериканский исторический альманах. 2018. № 19. С. 276–293.

Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moskva, 2024. (In Russ.)

Filatov G.A. Ideia prevoskhodstva v sisteme vzgliadov katalonskikh natsionalistov. Konets XIX — nachalo XX vekov [The Idea of Superiority in the Ideology of Catalan Nationalists. Late 19th — early 20th centuries] // Latinskaia Amerika [Latin America]. 2021. № 1. S. 63–76. (In Russ.)

Filatov G.A. Kolonial'nye ustremleniia katalonskikh natsionalistov v gody restavratsii [Colonial Aspirations of Catalan Nationalists in the Years of Restoration] // Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh [Latin American Historical Almanac]. 2018. № 19. S. 276–293. (In Russ.)

Gellner E. Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Kuzina N.A. Otrazhenie sobytii “Demokraticheskogo shestiletia” (1868–1874 gg.) na primere katalonskoi karikatury [Reflection of the events of the “Democratic Six Years” (1868–1874) using the example of a Catalan caricature] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. T. 14. № 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028242-5-1/> (access date: 20.03.2024). DOI: 10.18254/S207987840028242-5 (In Russ.)

Kuzina N.A. Zarozhdenie i formirovanie natsional'nykh simvolov Katalonii v ramkakh Renashensy i ikh vizual'naia reprezentatsiia v XIX v. [The Origin and Formation of the National Symbols of Catalonia within the Framework of the Renaixença and their Visual Representation in the 19th Century] // Kontsept: filosofii, religiia, kul'tura [Concept: Philosophy, Religion, Culture]. 2021. T. 5. № 4. S. 114–130. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-4-20-114-130 (In Russ.)

Almiralla V. Lo catalanisme. Barcelona, 1886.

Anguera P. Sant Jordi, patró de Catalunya // Estudis D'història agrària. 2004. № 17. P. 67–76.

Balaguer V. Historia de Cataluña: en 11 vols. Vol. 1. Madrid, 1885.

Bonet i Baltà J. L'èsglésia catalana, de l'Il·lustració a la Renaixença. Barcelona, 1984.

Castells J.M. Las asociaciones religiosas en la España contemporánea (1767–1965). Madrid, 1973.

Collé J. Escritos políticos / ed. J. Requesens i Piqué. Vic, 1997.

Harrison J. Big Business and the Failure of Right-Wing Catalan Nationalism, 1901–1923 // The Historical Journal. 1976. Vol. 19. № 4. P. 901–918.

⁵⁷ El milenario de Montserrat // Revista Popular. 10.I.1880. P. 35.

- Hastings A.* The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge, 1997.
- Jaime D. Collell* // Diccionario biográfico y bibliográfico de escritores y artistas catalanes del siglo XIX: (apuntes y datos) / ed. A. Elías de Molins. Barcelona, 1889.
- Marfany J.L.* La llengua maltractada: El castellà i el català a Catalunya del segle XVI al segle XIX. Barcelona, 2001.
- Marfany J.L.* Llengua, nació i diglòssia. Barcelona, 2008.
- Marfany J.L.* Nacionalisme espanyol i catalanitat: Cap a una revisió de la Renaixença. Barcelona, 2017.
- Masot i Muntaner J.* Cristianisme I Catalanisme // Catalanisme: història, política I cultura / ed. J. Termes. Barcelona, 1986.
- Reina Bernáldez V.* Iglesia y catalanismo // Anuario de derecho eclesiástico del Estado. № 7. 1991. P. 133–188.
- Smith A.* The Barcelona Urban Elite, 1808–1899: Between Liberalism and Catholic Corporatism // Journal of Modern European History. 2018. № 16 (3). P. 399–428.
- Smith A.* The Origins of Catalan Nationalism, 1770–1898. Springer, 2014.
- Smith A.* The Sacred Dimension of Nationalism // Millennium-journal of International Studies. 2000. № 29 (3). P. 791–814.
- Torras i Bages J.* El Clero en la vida social moderna. Barcelona, 1888.
- Torras i Bages J.* La tradició catalana: estudi del valor ètic i racional del regionalisme català. Barcelona, 1913.
- Valentí-i-Viol E.* Els classics i la literatura catalana moderna. Barcelona, 1973.
- Verdaguer J.* Canigó. Llegenda pirenyca del temps de la Reconquesta. Barcelona, 1886.
- Verdaguer J.* Cançons de Montserrat y Llegenda de Montserrat. Vic, 1880.
- Verdaguer i Callís N.* La primera victòria del catalanisme. Barcelona, 1919.

DOI: 10.31857/S0130386424040064

© 2024 г. В.В. ДАМЬЕ

АНАРХИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАННЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В КОРЕЕ (1919–1924)

Дамье Вадим Валерьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: vaddam@mail.ru

Scopus Author ID: 57224402135; ORCID: 0000-0003-2073-2850

Аннотация. Корейский анархизм — явление во многом уникальное, как и сама история этой дальневосточной страны. Анархисты сыграли заметную роль в движении за освобождение Кореи из-под колониальной власти Японии, которая управляла страной в 1910–1945 гг. Они стали «третьей силой» антиколониальной борьбы, наряду с корейскими националистами и коммунистами, что привлекает к ним интерес историков. Тесная связь с проблематикой борьбы против колониальной власти Японии придавала особые черты и направленность корейскому анархизму, который вынужден был колебаться между требованиями восстановления независимости страны и анархистской традицией отрицания любого государства как такового. К сожалению, в советской и российской науке история корейского анархизма остается практически не изученной. Настоящая статья призвана сделать первые шаги в исследовании данной темы. В ней с опорой на оригинальные тексты и публикации корейских социалистов и анархистов начала 1920-х годов, учитывая изучение вопроса в корейской и зарубежной историографии, рассмотрен начальный период в развитии анархистского движения в стране — время его зарождения. В статье показано, что, как и в других странах Восточной Азии (Японии и Китае), анархизм в Корею первоначально не выделялся как особое течение в социалистическом движении, и в представлениях ранних корейских социалистов зачастую смешивались элементы анархизма, большевизма и социал-реформизма. Выделение анархизма как отдельного движения из этого общесоциалистического «конгломерата» происходило под влиянием разочарования в российском большевизме и в итогах Великой российской революции.

Ключевые слова: анархизм, антиколониализм, большевизм, Корея, молодежное движение, рабочее движение, социализм.

V.V. Damier

Anarchist Tendencies in the Early Socialist Movement in Korea, 1919–1924

Vadim Damier, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vaddam@mail.ru

Scopus Author ID: 57224402135; ORCID: 0000-0003-2073-2850

Abstract. Korean anarchism is in many ways a unique phenomenon, as is the history of this Far Eastern country. Anarchists played a prominent role in the liberation of Korea from Japanese colonial rule, which dominated the country from 1910 to 1945. Along with Korean nationalists and communists, they became the “third force” in the anti-colonial struggle, which has attracted the interest of historians. A close connection with the issues of the struggle against the colonial power of Japan gave special features and direction to Korean anarchism, which was forced to oscillate

between the demands for restoring the country's independence and the anarchist tradition of denying any state as such. Unfortunately, the history of Korean anarchism remains virtually unexplored in Soviet and Russian academic literature. This article is intended to make the first steps in researching this topic. The article analyses the initial period in the development of the anarchist movement in the country, the time of its birth, drawing on original texts and publications by Korean socialists and anarchists of the early 1920s and taking into account the study of the issue in Korean and foreign historiography. The article shows that, as in other East Asian countries (Japan and China), anarchism in Korea was not initially identified as a special current in the socialist movement, and elements of anarchism, Bolshevism and social reformism were often mixed in the ideas of early Korean socialists. The separation of anarchism as a movement from this general socialist "conglomerate" occurred under the influence of disappointment in Russian Bolshevism and the results of the Great Russian Revolution.

Keywords: anarchism, anticolonialism, Bolshevism, Korea, socialism, workers' movement, youth movement.

Корейский анархизм — явление во многом уникальное¹, как и сама история этой дальневосточной страны, которая имела длительную традицию цивилизации и культуры, прежде чем в 1880-х годах была силой «открыта» для иностранного торгового, экономического и политического проникновения, а в последующие десятилетия стала объектом острого противоборства между тремя соседними империями: Китайской, Японской и Российской. Борьба за власть над Кореей закончилась превращением ее в колониальное владение (генерал-губернаторство) Японии в 1910 г. на последующие 35 лет. Ответом на аннексию послужило мощное движение против колонизаторов, в котором анархисты сыграли самую активную роль. Корейский историк Ли Хорён назвал анархизм «третьей идеологией» антиколониальной борьбы, наряду с национализмом и коммунизмом². На изучение его роли в освободительном движении обращается большое внимание в Южной Корее. Некоторые из погибших анархистов — участников борьбы за независимость объявлены национальными героями, им отведено место в экспозиции Музея независимости в Чхонане. Помимо многочисленных статей, имеются монографии таких крупных исследователей, как Ким Мёнсон, Ку Сынхве, Ли Хорён, О Джанхван, Ха Гирак и др.³ Северокорейская историография рассматривает анархизм как проявление буржуазной (в данном случае — националистической) идеологии и не упоминает о его роли в Корее. Считается, первые революционные рабочие, молодежные и иные организации возникли исключительно под влиянием марксизма-ленинизма, а их гетерогенность связаны с неизжитым влиянием национализма, плохим знанием марксистской теории, сектантством, фракционностью и неумением «правильно руководить массами»⁴. Изучением истории корейского анархистского движения

¹ Проявлениями такой специфики можно считать, например, вступление корейских анархистов в эмигрантское Временное правительство Кореи в 1940-х годах, создание ими политических партий и участие в выборах после 1945 г. Между историками продолжается дискуссия, в какой мере эти шаги явились отступлением от принятых антигосударственных доктрин анархизма.

² Ли Хорён. Анахисытхыдырый минджок хэбан ундон (Анархистское национально-освободительное движение) // Хангук тоннип ундоный ёкса (История корейского движения за независимость). Т. 45. Чхонан, 2008. С. 63.

³ См.: На Ki-Rak. A History of Korean Anarchist Movement. Taegu, 1986; О Джанхван. Хангук анахиджым ундонса ёнгу (Исследование истории анархизма в Корее). Сеул, 1998; Ли Хорён. Хангукый анахиджым: сасанпхён (Корейский анархизм: идейные основы). Сеул, 2001; Ку Сынхве. Хангук анахиджым 100-нён (100 лет корейского анархизма). Сеул, 2004; Ким Мёнсон. Хангук анахисытхыдырый тоннип ундон: ильбон йесобы тхуджэн (Движение за независимость корейских анархистов: борьба в Японии). Сеул, 2008; и др.

⁴ См., например: Чосон нодондан якса (История Трудовой партии Кореи). Пхеньян, 1991. С. 8–10.

занимаются и за рубежами страны⁵. К сожалению, в советской и современной российской историографии этой теме до сих пор практически или почти не уделялось внимания.

Между тем особенно интересным, на наш взгляд, представляется вопрос о формировании корейского анархизма как самостоятельного движения, его выделении из общего конгломерата социалистического течения и размежевании со сторонниками и последователями большевизма на советский манер. Здесь нельзя не обнаружить явные параллели с теми идейно-политическими процессами, которые происходили в 1910–1920-х годах в Японии и Китае, что неудивительно, поскольку социалистические и анархистские активисты, группы, партии и организации возникали и развивались под сильным (иногда даже определяющим) влиянием учителей и единомышленников из этих стран. Тем не менее корейский пример имеет в этом отношении свою бесспорную специфику.

Прежде всего, социалистические идеи стали распространяться в Корее позднее, чем в Японии и Китае, что объяснялось как большей идеологической консервативностью старого корейского общества в целом, так и колониальным положением страны после 1910 г., когда в новом генерал-губернаторстве был установлен жесткий репрессивный режим с запретом независимой печати и политической деятельности. Второй особенностью можно считать то, что идея социализма приобрела популярность среди прогрессивной интеллигенции как ответ на теории социал-дарвинизма, преобладавшие до тех пор в умах корейских сторонников общественной модернизации⁶. В противовес представлениям о том, что отношения между людьми и народами должны быть основаны на конкуренции и торжестве сильных, стала выдвигаться мысль о необходимости солидарности и взаимопомощи. Последняя связывалась в первую очередь с теорией взаимопомощи анархо-коммуниста П.А. Кропоткина⁷.

Первые контакты между корейскими сторонниками модернизации и социалистами, а затем и анархистами из Японии и Китая восходили еще к 1880–1900-м годам. Попытки создать в Корее организации, носившие название «социалистических», были отмечены в 1910 г. накануне японской аннексии⁸. Однако наибольший стимул росту популярности таких взглядов придали две революции в соседних странах – китайская (1911–1912) и Великая российская (1917–1921). Корейские учащиеся и рабочие в Японии, корейские эмигранты в Китае и России принимали активное участие в революционных событиях, контактировали с местными социалистами и анархистами, вступали в группы и организации социалистического характера.

В самой Корее первые шаги социалистического движения были сделаны вскоре после массовых выступлений и восстаний за независимость, которые распространились по всей стране после 1 марта 1919 г. Хотя само это движение носило характер национально-антиколониального, а не социального протеста, его состав уже предполагал активизацию трудовых слоев населения и выход на авансцену «рабочего» и «крестьянского» вопросов. «Корейцы из верхних и средних классов, включая государственных служащих и местных влиятельных лиц, были более чем благоразумными для того, чтобы не участвовать в волнениях, причем многие из них открыто выражали свое мнение против движения за

⁵ См.: *Crisi E. Revolución anarquista en Manchuria (1929–1932)*. Buenos Aires, 2015; *Hwang Dongyoun. Anarchism in Korea: Independence, Transnationalism, and the Question of National Development, 1919–1984*. Albany, 2016; и др.

⁶ Об идеях социал-дарвинизма в Корее и их месте в идеологии модернизации и корейского национализма см.: *Tikhonov V. Social Darwinism as History and Reality: “Competition” and “The Weak” in Early Twentieth-Century Korea // Critical Asian Studies*. 2016. Vol. 48. № 3. P. 315–337.

⁷ См.: *Ли Хорён. Хангукый анахиджым*. С. 92–93, 161.

⁸ Коджонсидэса (История короля Коджона). Т. 6. 1.05.1910 // URL: https://db.history.go.kr/item/level.do?levelId_gj_006_d04_050_010_010 (дата обращения: 24.05.2023); *Тягай Г.Д., Пак В.П. Национальная идея и просветительство в Корее начала XX века*. М., 1996. С. 136, 221.

независимость», — утверждалось в докладе генерал-губернатора Кореи⁹. Зато активное участие в нем приняли рабочие, и волна забастовок не прекращалась до осени 1919 г., а над рядами демонстрантов иногда развевались не только корейские, но и социалистические красные флаги. Японская полиция отмечала, что после первоапрельских событий у корейцев появилась тенденция использовать социалистическую терминологию, а социалисты тайно работают над распространением своих идей¹⁰.

«Первоапрельское движение» стало мощным стимулом для формирования в Корее массовых социальных движений современного типа. По всей стране стали возникать молодежные, рабочие, крестьянские и культурные союзы и ассоциации. Их создание облегчалось тем, что после массовых антиколониальных выступлений японские власти вынуждены были предоставить корейскому населению известную свободу слова и организации, возможности занимать посты в администрации и получать образование. При этом, по словам исследовательницы левой корейской литературы Пак Сонъён, по меньшей мере до середины 1920-х годов «анархизм имел превосходящее влияние среди корейских левых, поскольку такие авторы, как Пётр Кропоткин и Осуги Сакаэ (ведущий японский анархист в 1910-х — начале 1920-х годов. — В.Д.), завоевали популярность своими бунтарскими и антиавторитарными идеями»¹¹.

И однако же в этом идейном поиске с самого начала было заложено скрытое противоречие, которое наложило отпечаток на всю последующую историю корейского анархизма. По справедливому замечанию историка Хван Донъёна, «национальные чувства действовали в качестве первоначальной и решающей силы, которая влекла корейских радикалов и активистов борьбы за независимость в Китае и Японии к анархизму. Однако им, со всей очевидностью, приходилось столкнуться с вопросом, как быть с универсальной миссией и транснациональным значением анархизма, если они будут отдавать приоритет своей национальной цели, независимости»¹². Иными словами, существовало основополагающее противоречие между анархистским стремлением ликвидировать любую государственную власть над обществом и национальным стремлением к созданию собственного независимого корейского государства.

Неудивительно, что анархистские идеи высказывались изначально в рамках и контексте антиколониальной борьбы. Статьи и материалы о социализме, анархизме и теории взаимопомощи Кропоткина появлялись на страницах многих газет и журналов, таких как журнал «Кэбёк» (Открытие), который выпускался молодежной организацией религиозного течения Чхондогё¹³, как ведущие корейские демократические газеты «Тона ильбо» (Ежедневная газета Восточной Азии) и «Чосон ильбо» (Ежедневная газета Кореи)¹⁴. Стали публиковаться переводы анархистских работ, в первую очередь Кропоткина, японских, а также других

⁹ Government-General of Chosen. Annual Report on Reforms and Progress in Chosen (1918–21). Keijo, 1921. P. 157–158.

¹⁰ Ли Хорён. Анахисытхыдырыл... С. 8.

¹¹ Park Sunyoung. The Proletarian Wave: Literature and Leftist Culture in Colonial Korea, 1910–1945. Cambridge; London, 2015. P. 84.

¹² Hwang Dongyoun. Korean Anarchism Before 1945: A Regional and Transnational Approach // Anarchism and Syndicalism in the Colonial and Postcolonial World, 1870–1940: The Praxis of National Liberation, Internationalism, and Social Revolution. Leiden; Boston, 2010. P. 105.

¹³ См., например: У Ёнсэн. Кындэ нодон мунджэый чиный (Правда о современных трудовых проблемах) // Кэбёк. 1920. № 1. С. 67–71.

¹⁴ В 1920–1922 гг. в «Тона ильбо» и «Чосон ильбо» появились десятки статей и материалов, так или иначе связанных с социализмом и критикой капитализма. Многие из них были посвящены марксистской проблематике, но некоторые затрагивали и анархистские воззрения.

авторов¹⁵. Социалистические и анархистские идеи звучали в лекциях и выступлениях¹⁶. Нигилистическое (проанархистское) звучание имели и некоторые публикации в литературных журналах «Пэкчо» (Белые волны; 1922–1923) и «Пхехо» (Руины; 1921–1922). Материалы об анархизме можно было обнаружить в левом издании «Емён» (Свет зари; 1925), которое выпускалось в Тэгу. Первые публикации открыли пути для знакомства корейских читателей с анархистскими взглядами. В последующем переводы и пересказы произведений либертарных теоретиков были продолжены.

Принцип взаимопомощи, который служил основой анархо-коммунистической теории Кропоткина, интересовал в первую очередь корейскую молодежь. Сотни молодежных союзов самой различной идейной направленности появились в стране после 1919 г. — христианских, буддийских, приверженцев Чхондогё или более радикальных, как, например, Сеульский союз молодежи (Сеул чхоннёнхве), в котором были сильны социалистические настроения. Как отмечал работник Коминтерна и Коммунистического интернационала молодежи С.А. Далин, «большинство этих организаций объективно являются революционными», но, «несмотря на свою революционность, все они в общем и целом политически не оформлены. Сюда входят самые разные политические группировки и партии, прикрываясь легальностью этих союзов, с тем, чтобы внутри них вести свою политическую работу, пропагандировать свои идеи и привлекать в свои нелегальные организации, существующие внутри этих легальных союзов, новых членов»¹⁷.

Один из бывших лидеров корейского студенческого движения в Японии, Чан Доксу (1894–1947)¹⁸, став редактором «Тона ильбо», в июне 1920 г. создал Социалистическую революционную партию (Сахве хёгмёндан), с мая 1920 г. предпринимал активные усилия с целью объединения молодежных организаций. В июне представители молодежных групп договорились о создании Союза по подготовке создания Корейской федерации молодежных союзов¹⁹. За последующие полгода о готовности присоединиться к ней заявили около 600 групп. В декабре 1920 г. прошел I съезд Корейской молодежной федерации или Корейской федерации союзов молодежи (Чосон чхоннён ёнхпахве) с участием 124 делегатов от 84 из 116 организаций, вошедших в новое объединение²⁰. Работая под эгидой Сеульской христианской ассоциации молодых людей, эта организация официально преследовала цели развития молодежи и распространения знаний, но фактически боролась за самостоятельность Кореи. Она создавала кружки культуры, проводила лекции и другие культурные мероприятия, работала в деревне²¹. В федерацию, председателем которой стал О Сангын, вошел и созданный в январе 1921 г. Сеульский союз молодежи, ставший оплотом радикалов. Численность объединения быстро росла. В апреле 1921 г. федерация провела II съезд. Согласно данным, которые приводил С.А. Далин, и информации, которая была

¹⁵ Первую публикацию такого рода см.: Тона ильбо. 22.V.1920. С. 4. О публикации работ Кропоткина в колониальной Корее см.: Ким Миджи. Тонасиава синминджи Чосоньесо Кхыропхотхыкхин понёгый кённодыльгва санхочхамджо кочхаль (Взаимосвязь между переводами Кропоткина в Корею и странах Восточной Азии) // Пигёмунхва ёнгу. 2016. № 43. С. 171–206.

¹⁶ Ли Хорён. Хангукый анахиджым. С. 102–106.

¹⁷ Далин С. Молодежь в революционном движении в Корее. М., 1924. С. 92.

¹⁸ Чан Доксу в 1912–1917 гг. учился в университете «Васэда» в Японии, в 1917–1919 гг. в эмиграции в Шанхае. Активно участвовал в движении корейских студентов и движении за независимость, контактировал с китайскими и японскими социалистами. В 1919 г. — один из разработчиков «Декларации независимости Кореи». В 1920–1923 гг. — создатель и один из руководителей «Тона ильбо»; примыкал к «шанхайской» фракции корейской компартии. Позднее некоторое время работал за границей, отошел от коммунистического движения. В 1945 г. создал Демократическую партию.

¹⁹ Ли Хёнджу. Сеул чхоннёнхвейый чхогиджджикхва хвальдон (1920–1922) (Ранняя история и деятельность Сеульского союза молодежи, 1920–1922) // Куксагван нончхон. 2016. № 70. С. 9–10.

²⁰ Ли Хёнджон. Ильчечхимянхва чхоннён ундон (Молодежное движение при японской оккупации) // Чхоннён ёнгу. 1980. № 3. С. 82.

²¹ См.: Wells K.M. New God, New Nation: Protestants and Self-Reconstruction Nationalism in Korea, 1896–1937. Honolulu, 1990. P. 106.

представлена на I съезде революционных организаций Дальнего Востока в начале 1922 г., в апреле 1921 г. в федерацию входили 57 тыс. человек, объединенных в 13 региональных и 200 местных отделений²². В печатном органе Корейской молодежной федерации — журнале «Асон» (Наш голос), выходившем в марте — октябре 1921 г. (четыре номера), публиковались в том числе статьи о социализме и анархизме²³. Очевидно, что в тот период многие видные представители корейского социалистического движения не считали различия между разными теориями социализма существенными. Характерно, что в июле 1921 г. Союз молодежи Сеула, позднее ставший одной из цитаделей коммунистов, организовал широкую дискуссию, которая рассматривалась как часть идейной войны между приверженцами тезиса о конкурентной борьбе за существование и теории взаимопомощи. Именно идеологию взаимопомощи организаторы считали важной в борьбе за преобразование корейского общества²⁴.

Российские большевики и их сторонники-корейцы стремились привлечь социалистическое движение в Корею на свою сторону и добиться от него принятия идеологии Коминтерна. Их беспокоило влияние анархистских идей или взглядов. Как отмечалось в «Тезисах по работе среди молодежи в Корее», подготовленных в июне 1921 г. коммунистами, членами Корейской федерации союзов молодежи и Корейских коммунистических ячеек молодежи, «преобладание в этих организациях (союзах молодежи. — В.Д.) буржуазных и мелкобуржуазных и интеллигентских анархически настроенных элементов с присущей им индивидуалистической идеологией лишает в данный момент возможности организации коммунистических союзов молодежи»²⁵. Авторы тезисов предлагали противостоять влиянию противников, создавая в молодежных организациях коммунистические ячейки.

Руководство Коминтерна рассчитывало, что широкое участие корейских групп в I съезде революционных организаций Дальнего Востока позволит добиться их сближения и создания единого национального революционного фронта²⁶. Однако в реальности расхождения между различными организациями и тенденциями в движении за независимость только нарастали. И это относилось не только к соперничеству в едва возникшем корейском коммунистическом течении между сторонниками «шанхайской» и «иркутской» фракции. Уже в начале 1922 г. отчетливо выявилось противоборство в молодежной федерации. Среди ее лидеров сложилось по меньшей мере три соперничавших течения: националисты (О Сангын, Ли Докнён); бывшие члены Социалистической революционной партии (Чан Доксу, Ким Мёнсик, Ю Джаён); группа сеульских социалистов (Ким Сагук, Ли Ён, Хан Сингё, Ким Ханъын), которая установила контроль над руководством Сеульского союза молодежи. Лидеры сеульцев, выступившие на III съезде федерации в апреле 1922 г., призвали делать упор на непосредственно революционные методы борьбы и реорганизовать федерацию на основе принципов «демократического централизма», а получив отказ, вышли из состава объединения²⁷. С сеульцами и другими будущими коммунистами первоначально

²² Далин С.А. Указ. соч. С. 94–95; Alliance of Adversaries: The Congress of the Toilers of the Far East. Leiden; Boston, 2019. P. 314.

²³ См., например: Юн Джаён. Юмоль сагван ёрёнги (Основы исторического материализма) // Асон. 1921. № 1. С. 71–73; Его же. Санхобуджо нон (Исследование теории взаимопомощи) // Асон. 1921. № 3. С. 15–21; 1921. № 4. С. 24–30; и др.

²⁴ Ли Хорён. Хангукый анакхиджым... С. 102–106.

²⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 154. Д. 80. Л. 11.

²⁶ По словам заведующего Восточным отделом Коминтерна Г.И. Сафарова, корейская делегация на съезде должна была объединить «всю революционную корейскую массу» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 60. Л. 1). Был разработан документ «План и цели объединения корейского революционного движения» (Там же. Л. 7–14).

²⁷ Далин С. Указ. соч. С. 99–100.

сотрудничали анархистские молодежные активисты Тэгу (У Хэрён, Пан Хансан, Чон Мён-джун, Юн Уэль и т.д.), Вонсана и других городов²⁸.

23 марта 1923 г. под эгидой Сеульского союза молодежи был созван новый съезд с участием 74 организаций различного направления: от прокоммунистических до религиозных. «Эта конференция ставит себе целью коммунизм или анархизм и провозглашает свободу, равенство, стремится разгромить класс капиталистов, освободить класс пролетариев, уничтожив существующий в Корее строй и т.д.»²⁹. Собрание объявило себя конгрессом Всекорейской молодежной партии (Чон Чосон чхоннёндан).

Документы, принятые съездом, несли на себе явный отпечаток не только большевистских, но и анархистских взглядов, на что обращал внимание и весьма недовольный этим обстоятельством С.А. Далин. В декларации съезда говорилось: «Мы ставим своей целью разрушение в корне противоречивого как в экономическом, так и в политическом отношении строя и его культуры: традиции, идеологии, искусства; и построение на его месте соответствующего человеческого общества, где не будет ни классов, ни эксплуатации человека человеком, т.е. такое общество, в котором все будут трудиться для общества и будут наслаждаться благами, достигнутыми человеческим трудом на основе научных достижений. Стремясь создать царство свободы, равенства и братства, где будут и любовь, и истина, и справедливость и где не будет ни государства, ни наций, мы твердо стоим, как одна из частей угнетенных, за международную пролетарскую солидарность. Мы твердо верим, что для достижения нами намеченных целей мы сумеем объединить всех пролетариев, осознавших свое классовое положение, и противопоставить их классу угнетенных»³⁰.

Делегаты приняли также резолюции по национальному, политическому, экономическому, рабочему, религиозному (направленную против религии) и женскому вопросам и о народном образовании. Они выразили недоверие руководству «старой» федерации и призвали к кампании против организованного националистами движения развития национальной промышленности³¹. Было заявлено, что «национальное самоопределение и национальное освобождение сегодня бесполезны» и «первым долгом является освобождение пролетариата»³².

Колониальные власти приняли 31 марта решение о запрещении и разгоне съезда. Когда в апреле 1923 г. собрался IV съезд «старой» федерации Чосон чхоннён ёнхпахве, 60 сторонников разогнанного мартовского съезда ворвались в зал заседания и попытались сорвать его работу. При обсуждении вопроса об уставе организации несколько активистов, протестуя, начали швырять скамейки, в ответ делегаты стали избивать саботажников; имелись раненые. Власти направили наряд полиции и конные патрули; около 60 человек были арестованы³³.

Лидеры Всекорейской молодежной партии, несмотря на запрет их съезда, учредили «Кампанию за Молодежную партию» и стали издавать газету «Чхоннёндан» (Молодежная партия), однако движение вскоре распалось из-за внутренних разногласий. В 1924 г. созданная коммунистами Новая федерация молодежи (Синхын чхоннён тонмэн), Сеульский союз молодежи и другие организации объединились во Всеобщую федерацию молодежи Кореи (Чосон чхоннён чхондонмэн), объявившую себя «авангардом корейского национально-освободительного движения» и работавшую под руководством коммунистов. К ней примкнули и остатки «старой» федерации³⁴.

²⁸ Так, в Тэгу коммунисты и анархисты действовали вместе в группе «Ёнджиндан» (Отряд смелого продвижения вперед) и сыграли главную роль в организации первой крупной манифестации под красным флагом после запрещения Всекорейского съезда представителей народных движений в Сеуле в апреле 1925 г. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 7. Л. 40–44).

²⁹ Далин С. Указ. соч. С. 105–106.

³⁰ Цит. по: Там же. С. 101–102.

³¹ Там же. С. 102, 105.

³² Цит. по: Kim Man-gil. A History of Contemporary Korea. Folkestone, 2005. P. 48.

³³ Далин С. Указ. соч. С. 107–108.

³⁴ Kim Man-gil. Op. cit. P. 48–49.

Как видно из ранней истории молодежного движения в Корее начала 1920-х годов, в тот период сторонники социализма и анархисты в Корее еще могли существовать под одной крышей. Более того, элементы обоих мировоззрений вначале в той или иной степени переплетались во взглядах многих видных активистов. Исследователь истории корейского анархизма Ли Хорён утверждает, что корейцы изначально восприняли коммунизм через анархизм. Он обращает внимание на то, что ведущие корейские коммунисты этого периода — Юн Джаён, Ким Сагук, Чон Пэк, Чон Тхэсин, Ким Яксу, Ю Джинхви, Чан Джирак (Ким Сан) и Чо Бонам — высказывали и пропагандировали в то время не только пробольшеvistские, но и анархистские идеи³⁵.

О близости течений в начальный период развития движения свидетельствуют публикации первого в стране социалистического журнала «Син сэнхваль» (Новая жизнь), который выходил в Сеуле с января 1922 г. до января 1923 г. В издании печатались материалы как анархистские, так и социалистические, однако же вполне созвучные по духу и тону с анархистскими. Характерно, что уже в первом номере издания один из авторов, Син Бэгу, определял социализм как теорию, которая «выступает за взаимопомощь, изучает исторический материализм, продвигает классовую борьбу и единство трудящихся классов всех стран, неся истины свободы и равенства». В ряде статей, написанных социалистами и коммунистами, пропагандировались идеи взаимопомощи, в том числе со ссылками на Кропоткина, переводы статей которого также появились на страницах журнала. У Ли Сонтхэ звучала даже критика «политиков бисмарковского типа», которые стремятся использовать теории Маркса и Энгельса для захвата власти «под маской социализма». Авторы старались познакомить читателя с различными антикапиталистическими системами взглядов — социализмом, большевизмом, синдикализмом, анархизмом и даже штринерианством³⁶.

Социалисты, коммунисты и анархисты тесно взаимодействовали и в рабочем движении Кореи, которое также переживало бурный расцвет после 1919 г. Если в 1920 г. в Корее насчитывалось 33 профсоюза, то уже в 1922 г. их количество выросло до 81, в 1926 г. — до 182³⁷. Профсоюзное движение Кореи складывалось во многом под влиянием примера Японии, где в рабочем движении в этот период ощущались сильные синдикалистские и анархистские тенденции³⁸. Инициаторами создания многих первых рабочих и крестьянских организаций в Корее после 1919 г. стали социалисты, коммунисты и анархисты. Идею объединения союзов трудящихся страны впервые выдвинули прогрессивные интеллигенты. Одним из инициаторов процесса выступил анархист Ко Сонхым (1893–1977)³⁹.

16 марта 1920 г. группа инициаторов учредила Корейское общество рабочей взаимопомощи (Чосон нодон конджехве, далее — Конджехве). 11 апреля 1920 г. в Сеуле было организовано первое общее собрание Конджехве с 678 участниками и 286 сторонниками. Выступивший на собрании Пак Чунхва разъяснил цель создания объединения работников — разрешение проблемы труда, которая встала в корейском обществе, как и во всем мире, с обострением послевоенной классовой борьбы. Президентом Конджехве избрали

³⁵ Ли Хорён. Хангукый анакхиджым... С. 166–167.

³⁶ Подробный анализ публикаций «Син Сэнхваль» см.: *Gu Seung-hoe. Tigers Unchained: 100 Years of Korean Anarchism*. Chico; Edinburgh, 2022.

³⁷ *Kwong Seung-ho, Leggett C. Origins of the Korean Labour Movement // Policy, Organisation and Society*. 1995. № 10. P. 14.

³⁸ Об анархизме и синдикализме в японском профсоюзном движении конца 1910-х — начала 1920-х годов см.: *Дамье В.В.* Японские социалисты в 1918–1923 гг.: между реформизмом, большевизмом и анархизмом // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014746–9–1/> (дата обращения: 01.06.2024).

³⁹ Уроженец острова Чеджудо, рано начал читать анархистскую литературу на японском языке и участвовать в молодежном антиколониальном движении. Участник манифестаций за независимость в 1919 г., один из организаторов и авторов документов Конджехве, в 1922 г. арестован. В 1924 г. уехал в Японию, был активен в анархистском движении в Осаке. После разгрома анархистского движения посвятил себя каллиграфии. В 1946 г. — один из руководителей организации корейцев в Японии. Вернулся в Южную Корею в 1963 г.

Пак Чунхва, генеральным секретарем — Пак Игю, председателем — О Сынгына⁴⁰. В совет директоров вошли 25 членов. После ареста Пак Чунхва полицией организацию возглавил Пак Игю, а на II съезде в 1921 г. система председателя и директоров была отменена и создан исполнительный комитет общества.

Корейские коммунисты докладывали Коминтерну, что члены их партии стоят «во главе всех отделов» и «фактически являются руководителями союза»⁴¹, но в действительности положение было куда более неоднозначным. Хотя у истоков Конджехве, ставшей первой общекорейской рабочей организацией (по существу, первым профцентром в истории страны), стояли социалисты и реформисты, в его создании принимали участие также анархисты и активисты, которые в тот период высказывали по меньшей мере близкие анархизму идеи. Ли Хорён называет в числе открытых анархистов На Гёнсока (бывшего организатора корейских рабочих в Осаке в 1910-х годах)⁴² и Ко Сонхыма. В руководство были избраны также социалисты Чон Тхэсин (контактировавший с японскими анархистами в 1910-х годах)⁴³, Ким Яксу⁴⁴, Чон Унхэ, Нам Санхёп, Чо Сондон, Хон Чонсик, Кан Санхи, Пак Донсо, Юн Докпён, Нам Чонсик, Син Бэгу, Ю Джинхви, Ким Мёнсик, Юн Джаён, Чха Гымбон и Чан Доксу. Многие из них в тот период проявляли определенные тенденции к анархизму, хотя и были коммунистами⁴⁵.

Девиз Конджехве гласил: «Развивать собственное сознание своими собственными силами, в то же самое время способствуя общему благоденствию путем взаимопомощи через взаимную привязанность»⁴⁶. Организация стремилась к достижению свободы и равенства между людьми, ликвидации расовой дискриминации, преодолению колониального образования и развитию культуры народных масс, обучению трудовых навыков и достижению занятости, введению страхования работников, обеспечению права на забастовку и осуществлению взаимопомощи⁴⁷.

Официально задачами ассоциации являлись повышение уровня знаний и культуры рабочих Кореи; совершенствование нравов и поведения членов организации; предоставление моральной и материальной помощи в случае потери работы, увечий или смерти и содействие в поиске работы; и поощрение экономии и сбережений. Общество добивалось улучшения условий и гигиены труда, сокращения рабочего времени и запрета детского

⁴⁰ Ли Хорён. Анакхисытхыдырый... С. 31–33.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 39. Л. 97.

⁴² На Гёнсок (1890–1959) в 1910-х годах обучался в Японии и принимал активное участие в студенческом движении. В 1915 г. — секретарь корейской рабочей организации «Чосонин чхинмокхве» анархо-синдикалистской направленности; в том же году возвратился в Корею. В 1918–1919 гг. — участник заговоров и выступлений за независимость, был арестован на три месяца. В начале 1920-х годов — корреспондент корейских газет, работал в Советском Приморье и Японии. В 1923–1945 гг. — журналист и работник корейского сельскохозяйственного общества в Маньчжурии. После 1945 г. вступил в Социалистическую партию Кореи; в 1951–1952 гг. — министр образования Южной Кореи.

⁴³ Чон Тхэсин (1892–1923) учился в Японии, где участвовал в корейском студенческом движении; в 1914–1915 гг. — лидер «Чосонин чхинмокхве». В 1915 г. уехал в Китай, где работал в шанхайской газете. После протестов 1919 г. возвратился в Корею, в 1920 г. стал одним из руководителей Корейского общества рабочей взаимопомощи. Присоединился к коммунистам; в 1922 г. участвовал в съезде Корейской компартии в Верхнеудинске.

⁴⁴ Ким Яксу (1890–1964) обучался в Японии и Китае, присоединился к движению за независимость Кореи. В 1920 г. возвратился на родину, был секретарем Конджехве, но в 1921 г. уехал в Японию, где вместе с анархистом Пак Ёлем организовал Общество чёрной волны, после раскола которого в 1922 г. возглавил коммунистическую группу Пуксонхве. В 1925 г. председательствовал на съезде корейской компартии, был приговорен к шести годам тюрьмы. В 1945–1949 гг. — видный деятель Корейской демократической партии и Лиги национальной независимости, депутат Учредительного собрания Южной Кореи. В 1949 г. бежал в КНДР, где в 1959 г. арестован и сослан.

⁴⁵ Ли Хорён. Анакхисытхыдырый... С. 35.

⁴⁶ Чосон нодон конджехве чуджи (Сущность Корейского общества рабочей взаимопомощи) // Конджехве. 1920. № 1. С. 167.

⁴⁷ Ли Хорён. Хангукий анакхиджым... С. 81.

труда. Важное место уделялось необходимости изучения самими работниками условий труда, производства и экономики⁴⁸.

Хотя эти непосредственные задачи провозглашались в осторожной форме, конечной целью Конджехве являлось создание общества, в котором все люди будут свободны и смогут жить без угнетения и эксплуатации на основе взаимопомощи, а не конкуренции и борьбы за выживание. В декларации, написанной Ко Сонхымом, отмечалось стремление к «по-настоящему мирному миру и обществу всеобщего благосостояния» — миру без завоеванных и побежденных народов и обществу «без привилегированных классов и классов рабов». Поэтому, говорилось в тексте, «слабые народы должны быть освобождены от сильных», «простолюдины освобождены от знатных» и «бедные освобождены от богатых»⁴⁹. Радикальное левое крыло Конджехве вело агитацию за социально-революционные идеи и цели.

Пропаганда социализма и анархизма велась на публичных лекциях и на страницах журнала «Кондже», который издавался в 1920—1921 гг. До конца 1922 г. общество организовало 19 лекций на 6 мероприятиях, не считая тех, которые проводились провинциальными филиалами. Лекции были посвящены преимущественно трудовым вопросам⁵⁰, порокам классового общества и роли взаимопомощи в жизни людей и всего живого⁵¹.

Как отмечает историк Хван Донъён, в издававшемся Обществом рабочей взаимопомощи журнале «Кондже» публиковалось больше статей об анархизме и взаимной помощи как пути решения рабочего вопроса, чем о других течениях социализма⁵². В первом же номере издания появилась статья На Гёнсока, в которой отмечалось, что решение социальных проблем состоит в переходе к совместному управлению в ассоциации, развивая добродетель взаимопомощи⁵³. Ю Джинхви в том же номере заявлял, что самая простая взаимопомощь появляется там, где люди помогают слабым и освобождают рабов, а «народная политика — это политика любви и взаимопомощи», а не подавления и насилия⁵⁴. Там же был опубликован материал анонимного рабочего, который призывал к активности и в анархо-синдикалистском духе подчеркивал, что рабочие должны сами решить свои проблемы⁵⁵. Продолжая ту же мысль о самопомощи пролетариата, автор одной из статей во втором номере журнала убеждал трудящихся не полагаться только на интеллигенцию, но действовать самостоятельно и автономно⁵⁶.

В статье о социализме в рабочем движении Ю Джинхви подчеркивал, что государство игнорирует сосуществование природного и культурного начал в человечестве. Опираясь на «Взаимопомощь» Кропоткина, он обосновывал тезис о том, что люди выживают благодаря инстинкту взаимной помощи и альтруизма, а не «борьбе за существование». Ссылаясь на текст российского анархиста о средневековых гильдиях, которые способствовали развитию культуры, Ю Джинхви доказывал, что в настоящее время только прогресс рабочего движения может создать условия для развития культуры и становления человеческого характера.

⁴⁸ Чосон нодон конджехве чуджи. С. 168—170; История Кореи / ред. В.Д. Тихомиров. Т. 2. М., 1974. С. 70.

⁴⁹ Цит. по: Ли Хорён. Ильчеганджомги куннэ анахисытхыдырыл чоджикква хвальдон — нодон ундоньль чунсимыро ихорён (Организация и деятельность анархистов в эпоху японской оккупации — с упором на рабочее движение) // Ёкса ва хёнсилль. 2002. № 44. С. 137.

⁵⁰ Там же. С. 138—139.

⁵¹ См., например: Тона ильбо. 3.V.1920. С. 3.

⁵² Hwang Dongyoun. Korean Anarchism Before 1945. P. 97.

⁵³ На Гёнсок. Сегёсаджо ва Чосон нончхон (Тенденции мировой мысли и корейское село) // Кондже. 1920. № 1. С. 53—56.

⁵⁴ Му Асэн [Ю Джинхви]. Нодонджаый мунмёнын ёсахад (Рабочая цивилизация изголодалась) // Там же. С. 35—38.

⁵⁵ «Могонджаный ильчиккон» (Один рабочий головного предприятия). Нодонджаый чольгю (Крик рабочего) // Там же. С. 106—107.

⁵⁶ Нонбу. Чосон нодонгее коханора (Послание рабочему миру Кореи) // Кондже. 1920. № 2. С. 77—79.

Культура новой эры будет основана на новой этике Ромена Роллана, любви к людям Толстого и инстинкте взаимопомощи Кропоткина⁵⁷.

В «Кондже» был опубликован частичный перевод текста Кропоткина «К молодежи»⁵⁸. Син Бэгу разъяснял идеи Кропоткина о взаимопомощи как факторе эволюции в животном мире, противопоставляя этому раздоры, вражду и войны в человеческом обществе и призывая людей брать пример с животных в осуществлении солидарной жизни⁵⁹. Человеческая личность должна сама разрешать проблемы, а рост и развитие личности осуществляется через самопомощь и взаимопомощь, — доказывал Ли Донсик в статье «Пролетарская политика самопомощи»⁶⁰.

Во многих статьях в «Кондже» ощущались явные синдикалистские тенденции. Так, в восьмом номере была помещена статья о Всеобщей конфедерации труда Франции, которая до Первой мировой войны была ведущим революционно-синдикалистским профобъединением в мире, отвергала политическую борьбу в рамках буржуазного общества и делала упор на экономическую борьбу и прямое действие⁶¹. В синдикалистском духе подчеркивалась воспитательная функция профсоюзов, в рамках которых трудящиеся набираются необходимых знаний и опыта: эта работа противопоставлялась обучению и просвещению рабочих интеллигентами⁶².

Общество рабочей взаимопомощи имело более 47 отделений по всей стране, в том числе в крупнейших городах. В организации состояли текстильщики, рабочие химической промышленности, металлисты, машиностроители, электрики, работники цементных фабрик и предприятий пищевой промышленности (по производству сахара, пива, алкогольной продукции)⁶³. Различные источники и авторы называют разное число членов Конджехве, вплоть до 172 тыс.⁶⁴ Ассоциация оказывала помощь своим членам при заболеваниях, травмах и т.д., создавала курсы и вечерние школы, способствовала развитию потребительской кооперации. Конджехве способствовало организации профсоюзов печатников, работников трамваев, парикмахеров и других, помогало в поисках работы. 1 мая 1922 г. Конджехве провело первомайские митинги в промышленных районах страны.

Создание объединения придало импульс и радикализм забастовочному движению. Крупнейшей стала всеобщая стачка в порту Пусана осенью 1921 г., в которой отчетливо ощущалось анархистское и социалистическое влияние. Потребовав повышения зарплаты на 40%, около 1 тыс. докеров провели двухдневную стачку 16 и 17 сентября. Тем временем требования о повышении зарплаты выдвинули и портовые угольщики. Поскольку реакции от владельцев компаний не было, 26 сентября забастовали все 5 тыс. рабочих Пусанского

⁵⁷ Ю Джинхви. Нодон ундоный сахведжуджон кочхаль (Исследование социализма в рабочем движении) // Там же. С. 11–20.

⁵⁸ См.: Му Асэн. Чхоннёнъеге сохам (Вниманию молодых) // Кондже. 1921. № 7. С. 63–66; 1921. № 8. С. 99–107.

⁵⁹ Кёнбу (Син Бэгу). Ый ва поный хосанбуджо (Взаимопомощь у муравьев и пчёл) // Кондже. 1921. № 7. С. 44–47.

⁶⁰ Ли Донсик. Мусангёгыбый чаджджок панчхэк (Пролетарская политика самопомощи) // Кондже. 1921. № 8. С. 54–55.

⁶¹ СК. Пуллансаи GGT ва нодон ундоный чунгук (Французская ВКТ и конец рабочего движения) // Там же. С. 29–46.

⁶² Сон Са. Нодонджохабый кёюкчок ыйи (Воспитательное значение профсоюзов) // Кондже. 1921. № 7. С. 37–40.

⁶³ Вузо А. The Making of Modern Korea. London; New York, 2002. P. 29–30.

⁶⁴ Цифру в 172 тыс., приводимую в различных исследованиях (см., например: История Кореи. С. 70), следует, вероятно, считать сильно завышенной. Большинство авторов приводят более скромные цифры: 5 тыс. (Kang Man-gil. Op. cit. P. 41), 15 тыс. (Ahn Pong-Sul. Trade union as a social institution of change, Korea. Seoul, 2004. P. 102) или 30 тыс. (Suh Dae-Sok. The Korean Communist movement, 1918–1948. Princeton, 1967. P. 58). Корейские коммунисты сообщали о 35 тыс. членов (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 135. Д. 39. Л. 96–97).

порта. Работа была полностью парализована, и уже к 30 сентября трудящимся удалось добиться повышения заработной платы на 10–15%⁶⁵.

По утверждению властей, вдохновителями и фактическими лидерами стачки стали учителя местной вечерней рабочей школы Сон Мёнпхё, Чо Донхёк, Чхве Тхээль и рабочий Ким Гёнджик. Именно они написали текст петиции и заявления рабочих⁶⁶. Сон Мёнпхё стал анархистом еще до февральских событий 1919 г.; после этих выступлений он вместе с Чхве Рюном и Чхве Тхэхо возглавил вечернюю школу и курсы эсперанто для крестьян и женщин, организованные местным союзом молодежи в местечке Аньи⁶⁷, а затем работал в Пусане. В ходе стачки докеров он и трое его коллег и друзей были арестованы полицией, как и 30 рабочих активистов; власти обещали освободить четверых лидеров, обвиненных в подстрекательстве, но в итоге нарушили свое обещание⁶⁸. Сон Мёнпхё и его товарищи были приговорены к двум месяцам тюрьмы и трехлетнему испытательному сроку⁶⁹.

Большую роль сыграло Общество рабочей взаимопомощи в организации крестьян, которые вели борьбу за улучшение положения арендаторов, снижение арендной платы и земельного налога. В апреле 1922 г. на III съезде Конджехве было решено сформировать ассоциацию крестьян-арендаторов, а в июле того же года выпущена декларация в поддержку крестьян под девизом «Все арендаторы, объединяйтесь!». При помощи общества в сельской местности, особенно на юге страны, создавались союзы арендаторов, которые выступали за противостояние помещикам⁷⁰.

Число крестьянских организаций выросло с 3 в 1921 г. до 23 в 1922 г., причем некоторые из них тоже испытали влияние анархистов⁷¹. В создании крестьянских объединений начала 1920-х годов принимали участие анархисты. Так, в 1922 г. Ли Ганха, Ли Юнхви и их товарищи провели собрание крестьян в Тэджоне, а затем в начале 1923 г. близ железнодорожной станции Касувон; штаб-квартира крестьянской организации размещалась в доме Ли Ганха. Со Сангён (1900–1962) организовывал крестьян в районе Чхунджу и т.д.⁷²

Первое общеазиатское профсоюзное объединение просуществовало недолго. Одной из причин его распада послужил процесс неминуемого размежевания в левом движении в стране. Он развернулся параллельно той дифференциации между анархистами, коммунистами — сторонниками большевизма и социал-реформистами, которая произошла в 1921–1923 гг. в среде социалистов Японии и Китая.

Анархисты Дальнего Востока все более критически расценивали большевистский строй в Советской России по мере того, как поступала информация о происходящем там и репрессиях против анархистов⁷³. В свою очередь, Коминтерн ориентировал коммунистов на полемику и разрыв с теми, кто отрицает «диктатуру пролетариата». Если до 1922 г. анархисты и коммунисты в Китае и Японии иногда еще состояли в одних организациях, то в образованных в 1921–1922 гг. компартиях этих стран места для анархистов уже не было. Корейским социалистам, которые до этого пытались совмещать элементы обеих идеологий, теперь приходилось делать выбор. Первая социалистическая организация корейцев в Японии («Общество черной волны» / Хыкдохве), созданная в ноябре 1921 г. и включавшая как

⁶⁵ Чан Сонхва. Пусан пуду чхонпхаоп (Всеобщая забастовка докеров в Пусане) // URL: http://busan.grandculture.net/Contents?local-busan&dataType=01&contents_id=GC04200757 (дата обращения: 18.08.2023).

⁶⁶ Чон Сонхо. Хангук яхак ундонса (История движения вечерних школ Кореи). Сеул, 2009. С. 114.

⁶⁷ О Джанханван. Указ. соч. С. 71.

⁶⁸ Хангук кындэ минджок ундонса (История современного корейского национального движения). Сеул, 1980. С. 536.

⁶⁹ Ли Хорён. Хангукый анахиджым. С. 98.

⁷⁰ Shin Gi-Wook. Peasant Protest and Social Change in Colonial Korea. Seattle, 1996. P. 65–66.

⁷¹ Ли Хорён. Анахисытхыдыры... С. 43.

⁷² Там же.

⁷³ О размежевании между анархистами и сторонниками большевизма в Китае см.: Дамье В.В., Лиманов К.А. Учжёнфучжуи: история анархизма в Китае. М., 2020. С. 228–257.

анархистов во главе с Пак Ёлем (1902–1974)⁷⁴, так и будущих коммунистов под руководством Ким Яксу, осенью 1922 г. распалась на анархистское объединение, получившее позднее название «Общество черных друзей» (Хыгухве), и коммунистическую группу «Общество северной звезды» (Пуксонхве)⁷⁵. Деятельность корейских анархистов метрополии всерьез обеспокоило японские власти. В докладе, подготовленном администрацией Корейского генерал-губернаторства, позднее заявлялось, что в самой Японии «было раскрыто множество заговоров»: «недовольные корейцы сформировали группы под разными названиями на фабриках, где они работали, и пытались осуществлять акты саботажа, контрабандой ввозили в страну взрывчатку и устраивали заговоры, чтобы взрывать здания»⁷⁶.

«Шанхайская» фракция компартии Кореи выпустила брошюры, в которых отмежевалась от анархистов⁷⁷. В самой Корее антианархистская статья «Две фракции либерализма — анархизм и общинная автономия» появилась в газете «Чосон ильбо» 4 декабря 1921 г. Позднее, 19 сентября 1923 г., в «Тона ильбо» был опубликован перевод статьи японского коммуниста Ямакавы Хитоси, в которой анархизм именовался «мелкобуржуазной идеологией»⁷⁸. После 1924 г. окончательно перешли на пробольшевистские позиции лидеры Сеульского союза молодежи, в 1925 г. принявшие участие в пересоздании корейской компартии.

Дифференциация в социалистическом движении Кореи оказалась роковой для судьбы Конджехве. Еще в первом номере «Кондже» На Ёнсок предостерегал от захвата рабочего движения и профсоюзов политическими партиями — «политическими маньяками, мечтающими о концентрации власти». Он призывал отвергнуть тех, кто использует рабочий вопрос в своих целях, и вернуться к классовой борьбе и непосредственным требованиям рабочих, развивая Общество рабочей взаимопомощи именно на этой основе⁷⁹. В ноябре 1921 г., когда между сторонниками различных фракций коммунистов разгорелся конфликт, анархисты выступили с критикой партийных функционеров. На заседании руководства Конджехве 9 июля 1922 г. Ко Сонхым обвинил некоторых из них в растрате денежных средств и потребовал их исключения, но натолкнулся на призывы изгнать его самого. 11 июля взбешенный анархист вышел из организации⁸⁰. Он утверждал, что «большевистские силы» постепенно проникли в организацию, образовали в ней фракцию и «борьба коммунистической партии за деньги на пропаганду должна была привести к бросающемуся в глаза и постыдному этническому национализму». Терпеть все это, по его словам, он был не в состоянии.

В конечном счете внутренние разногласия между «реформистами» во главе с Чан Доксу и соперничавшими между собой группировками коммунистов во главе с Юн Докпёном и Чха Гымбоном (последний опирался на Сеульский союз молодежи) привели к распаду

⁷⁴ Исключенный из школы за участие в протестах 1919 г., Пак Ёль отправился на учебу в Японию и выступил организатором ряда радикальных студенческих групп. Установил тесные связи с Осуги Сакаэ и другими японскими анархистами и стал считать себя анархо-нигилистом. В 1921 г. основал и возглавил «Общество черной волны», а после его раскола — корейскую анархистскую организацию «Общество черных друзей» и корейско-японскую группу Футэйся. В 1923 г. арестован по обвинению в подготовке покушения на японского императора и вместе с подругой Ито Ноэ приговорен к смертной казни, которую ему заменили на пожизненное заключение. Выйдя на свободу в 1945 г., возглавлял организацию корейцев в Японии, в 1949 г. возвратился в Южную Корею. В 1951 г. увезен в КНДР, где занимал различные посты.

⁷⁵ Ли Хорён. Анакхисытхыдырый...С. 127–128.

⁷⁶ Тёсэн сотокуфу канбо гайдзика (Отдел по внешним делам секретариата генерал-губернаторства Кореи). Канто тико синсаидзи-ни океру тёсэндин мондаи (Проблема корейцев во время землетрясения в Канто) // Гендаи си сирё (Материалы по современной истории). Т. 6. Канто дай синсай то тёсэндин (Великое землетрясение в Канто и корейцы). Токио, 1963. С. 454.

⁷⁷ Ли Хорён. Анакхисытхыдырый...С. 135.

⁷⁸ Ли Хорён. Ильчеганджомги. С. 143.

⁷⁹ Ту Нам [На Ёнсок]. Тыро анджосо (Не слушай) // Кондже. 1920. № 1. С. 145.

⁸⁰ Ли Хорён. Ильчеганджомги. С. 143–144.

Конджехве⁸¹. 15 октября 1922 г. по инициативе фракции Юн Докпёна состоялось собрание, на котором было объявлено о роспуске Общества рабочей взаимопомощи; поддержавшие это решение профсоюзы позднее создали Рабочую федерацию Кореи (Чосон нодон ёнмэнхве). Рабочие организации — сторонники Чха Гымбона, пытались реорганизовать Конджехве, но успеха не добились. Только в апреле 1924 г. после длительного противоборства была образована объединенная Всеобщая рабоче-крестьянская федерация Кореи (Чосон нодончхон тонмэн). Однако колониальные власти сочли ее «социалистической» и отказались признать⁸². В дальнейшем большая часть профсоюзного движения находилась под контролем реформистов либо коммунистов, однако анархистам удавалось завоевать влияние в некоторых рабочих и крестьянских союзах на местах (Товарищеском обществе рабочих и профсоюзе транспортных рабочих в Тэгу, рабочих и крестьянских организациях в провинции Канвондо, Свободном рабочем союзе и всеобщем рабочем союзе Вонсана, профсоюзах рабочих обувных и деревообрабатывающих предприятий и Всеобщем рабочем союзе в Пхеньяне, Всеобщем рабочем союзе Чхонджина, организациях арендаторов в северных провинциях и др.).

Размежевание в социалистическом движении на Дальнем Востоке, образование коммунистических партий и начало ими кампании против анархистских идей и взглядов стали стимулом, который ускорил появление в Корее «чисто» анархистских организаций. Первой из таких групп принято считать «Черное рабочее общество» (Хыннохве) в Сеуле, возникшее, по-видимому, в начале 1923 г. после поездки Пак Ёля в Корею. За ней с 1924 г. последовали «Лига черного флага» (Хыкки ёнмэн) в Сеуле и Чхунджу, «Лига настоящих друзей» (Чинъу ёнмэн) в Тэгу, «Общество свободы» (Чаюхве) в провинции Канвондо, «Лига детей инстинкта» (Боннына ёнмэн) в Вонсане, «Общества черных друзей» (Хыгухве) в Пхеньяне и северных провинциях Кореи и другие, вплоть до провозглашения в конце 1929 г. создания Корейской анархо-коммунистической федерации. Все они не только вели антиколониальную борьбу, но и находились в более или менее жесткой конфронтации с националистами и коммунистами. Дороги корейских левых окончательно разошлись.

Социалистическое движение в Корее складывалось под влиянием сложного комплекса внутренних и внешних условий и несло на себе явственный отпечаток интернациональных и национальных веяний времени. Борьба против колониальной эксплуатации и острые социальные противоречия общества, в котором смешивались черты традиционного корейского конфуцианского социума и элементы модернизации, привнесенные колонизаторами, пример революций в России и Китае, разочарование в старых идеях и прежних методах движения за независимость — все это побуждало активистов общественных движений искать новые пути и новые идеи, среди которых были и созвучные эпохе идеи социализма. Однако их восприятие оказалось непростым. По меньшей мере до середины 1920-х годов в воззрениях, практике и формах организации корейских левых, включая молодежные организации, рабочие союзы и даже политические группы, причудливо переплетались элементы самых разных социалистических доктрин, включая и анархизм. В этой ситуации самохарактеристика тех или иных деятелей или организаций не играла решающей роли. Тем не менее последующее размежевание раннесоциалистического конгломерата между различными идейно-политическими течениями было неизбежным.

Библиография

ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918—1941. М., 2007.

Далин С. Молодежь в революционном движении в Корее. М., 1924.

Дамье В.В. Японские социалисты в 1918-1923 гг.: между реформизмом, большевизмом и анархизмом // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014746-9-1/> (дата обращения: 01.06.2024).

Дамье В.В., Лиманов К.А. Учжэньфучжуи: история анархизма в Китае. М., 2020.

⁸¹ 15 июня 1922 г. из Конджехве были исключены шесть членов ЦК и ответственных лиц «шанхайской» фракции (ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918—1941. М., 2007. С. 214).

⁸² Ta Chen. The Labor Situation in Korea // Labor Monthly Review. 1930. Vol. 31. № 5. P. 32.

- История Кореи / ред. В.Д. Тихомиров. Т. 2. М., 1974.
- Тягай Г.Д., Пак В.П. Национальная идея и просветительство в Корее начала XX века. М., 1996.
- Гендаи си сирё (Материалы по современной истории). Т. 6. Канто дай синсай то тёсэндзин (Великое землетрясение в Канто и корейцы). Токио, 1963.
- Кёнбу (Син Бэгу). Ый ва поный хосанбуджо (Взаимопомощь у муравьев и пчел) // Кондже. 1921. № 7. С. 44–47.
- Ким Мёнсон. Хангук анахисытхыдырый тоннип ундон: ильбон йёсоый тхуджэн (Движение за независимость корейских анархистов: борьба в Японии). Сеул, 2008.
- Ким Миджи. Тонасиава синминджи Чосоньесо Кхыропхотхыкхин понёгый кённодыльгва сан-хочхамджо ясан кочхаль (Взаимосвязь между переводами Кропоткина в Корее и странах Восточной Азии) // Пигёмунхва ёнгу. 2016. № 43. С. 171–206.
- Коджонсидэса (История короля Коджона). Т. 6. 1.05:1910 // URL: https://db.history.go.kr/item/level.do?levelId-gj_006_d04_050_010_010 (дата обращения: 24.05.2023).
- Ку Сынхве. Хангук анахиджым 100-нён (100 лет корейского анархизма). Сеул, 2004.
- Ли Донсик. Мусангёгыбый чаджджок панчхэк (Пролетарская политика самопомощи) // Кондже. 1921. № 8. С. 54–55.
- Ли Хёнджон. Ильечхимнянха чхоннён ундон (Молодежное движение при японской оккупации) // Чхоннён ёнгу. 1980. № 3. С. 53–86.
- Ли Хёнджу. Сеул чхоннёнхвэй чхогиджджиккwa хвальдон (1920–1922) (Ранняя история и деятельность Сеульского союза молодежи (1920–1922) // Куксагван нончхон. 2016. № 70. С. 1–43.
- Ли Хорён. Хангукый анахиджым: сасанпхён (Корейский анархизм: идейные основы). Сеул, 2001.
- Ли Хорён. Ильчеганджомги куннэ анахисытхыдырый чоджиккwa хвальдон – нодон ундоньыл чунсимыро ихорён (Организация и деятельность анархистов в эпоху японской оккупации – с упором на рабочее движение) // Ёкса ва хёнсилъ. 2002. № 44. С. 132–163.
- Ли Хорён. Анахисытхыдырый минджок хэбан ундон (Анархистское национально-освободительное движение) // Хангук тоннип ундоный ёкса (История корейского движения за независимость). Т. 45. Чхонан, 2008.
- «Могонджаный ильчиккон» (Один рабочий головного предприятия). Нодонджаый чольгю (Крик рабочего) // Кондже. 1920. № 1. С. 106–107.
- Му Асён [Ю Джинхи]. Нодонджаый мунмёнын ёсахадa (Рабочая цивилизация изголодалась) // Кондже. 1920. № 1. С. 35–38.
- Му Асён [Ю Джинхи]. Чхоннёнъеге сохам (Вниманию молодых) // Кондже. 1921. № 7. С. 63–66; 1921. № 8. С. 99–107.
- На Ёнсок. Сегесаджо ва Чосон нончхон (Тенденции мировой мысли и корейское село) // Кондже. 1920. № 1. С. 53–56.
- Нонбу (Земледелец). Чосон нодонгее коханора (Послание рабочему миру Кореи) // Кондже. 1920. № 2. С. 77–79.
- О Джанхван. Хангук анахиджым ундонса ёнгу (Исследование истории анархизма в Корее). Сеул, 1998.
- Сон Са. Нодонджаобаый кёюкчок ыйи (Воспитательное значение профсоюзов) // Кондже. 1921. № 7. С. 37–40.
- Ту Нам [На Ёнсок]. Тыро анджосо (Не слушай) // Кондже. 1920. № 1. С. 145.
- У Ёнсён. Кындэ нодон мунджэый чиный (Правда о современных трудовых проблемах) // Кэбёк. 1920. № 1. С. 67–71.
- Хангук кындэ минджок ундонса (История современного корейского национального движения). Сеул, 1980.
- Чан Сонхва. Пусан пуду чхонпхаоп (Всеобщая забастовка докеров в Пусане) // URL: http://busan.grandculture.net/Contents?local-busan&dataType=01&contents_id-GC04200757 (дата обращения: 18.08.2023).
- Чон Сонхо. Хангук яхак ундонса (История движения вечерних школ Кореи). Сеул, 2009.
- Чосон нодон конджехве чуджи (Сущность Корейского общества рабочей взаимопомощи) // Кондже. 1920. № 1. С. 167.
- Чосон нодондан якса (История Трудовой партии Кореи). Пхеньян, 1991.
- Ю Джинхи. Нодон ундоный сахведжуджок кочхаль (Исследование социализма в рабочем движении) // Кондже. 1920. № 2. С. 11–20.
- Юн Джаён. Юмьль сагван ёрёнги (Основы исторического материализма) // Асон. 1921. № 1. С. 71–73.
- Юн Джаён. Санхобуджо нон (Исследование теории взаимопомощи) // Асон. 1921. № 3. С. 15–21; 1921. № 4. С. 24–30.
- Ahn Pong-Sul. Trade union as a social institution of change, Korea. Seoul, 2004.
- Alliance of Adversaries: The Congress of the Toilers of the Far East. Leiden; Boston, 2019.

- Buzo A. The Making of Modern Korea. London; New York, 2002.
- Crisi E. Revolución anarquista en Manchuria (1929–1932). Buenos Aires, 2015.
- Gendai shi shiryō (Materials on contemporary History). Vol. 6. Kanto Dai Shinsai to chōsenjin (The Great Kanto earthquake and Koreans). Tokyo, 1963.
- Government-General of Chosen. Annual Report on Reforms and Progress in Chosen (1918–21). Keijo, 1921.
- Ha Ki-Rak. A History of Korean Anarchist Movement. Taegu, 1986.
- Hwang Dongyoun. Korean Anarchism Before 1945: A Regional and Transnational Approach // Anarchism and Syndicalism in the Colonial and Postcolonial World, 1870–1940: The Praxis of National Liberation, Internationalism, and Social Revolution. Leiden; Boston, 2010. P. 95–129.
- Hwang Dongyoun. Anarchism in Korea: Independence, Transnationalism, and the Question of National Development, 1919–1984. Albany, 2016.
- Kim Man-gil. A History of Contemporary Korea. Folkestone, 2005.
- Kwong Seung-ho, Leggett C. Origins of the Korean Labour Movement // Policy, Organisation and Society. 1995. № 10. P. 3–26.
- Gu Seung-hoe. Tigers Unchained: 100 Years of Korean Anarchism. Chico; Edinburgh, 2022.
- Park Sunyoung. The Proletarian Wave: Literature and Leftist Culture in Colonial Korea, 1910–1945. Cambridge; London, 2015.
- Shin Gi-Wook. Peasant Protest and Social Change in Colonial Korea. Seattle, 1996.
- Suh Dae-Sok. The Korean Communist movement, 1918–1948. Princeton, 1967.
- Ta Chen. The Labor Situation in Korea // Labor Monthly Review. 1930. Vol. 31. № 5. P. 26–36.
- Tikhonov V. Social Darwinism as History and Reality: “Competition” and “The Weak” in Early Twentieth-Century Korea // Critical Asian Studies. 2016. Vol. 48. № 3. P. 315–337.
- Wells K.M. New God, New Nation: Protestants and Self-Reconstruction Nationalism in Korea, 1896–1937. Honolulu, 1990.

References

- Dalin S. Molodyozh v revolyutsionnom dvizhenii v Koree [Youth in the revolutionary movement in Korea]. Moskva, 1924. (In Russ.)
- Damier V.V. Yaponskiye sotsialisty v 1918–1923 gg.: mezhdru reformizmom, bolshevizmom i anarhizmom [The Japanese socialists in 1918–1923: between reformism, Bolshevism, and anarchism] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoria” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2021. Vol. 12. № 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014746-9-1/> (access date: 01.06.2024). (In Russ.)
- Damier V.V., Limanov K.A. Wuzhenfuzhui: Istoria anarhizma v Kitae [Wuzhenfuzhui: History of Anarchism in China]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Istoriya Korei [History of Korea]. Vol. 2 / ed. V.D. Tihomirov. Moskva, 1974. (In Russ.)
- Tyagay G.D., Pak V.P. Natsional'naya ideya i prosvetitel'stvo v Koree nachala XX veka [National idea and enlightenment in Korea in the beginning of 20th century]. Moskva, 1996. (In Russ.)
- VKP(b), Komintern i Koreja [All-Russian Communist party (Bolshevik) and Korea]. 1918–1941. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Chang Sŏn-hwa. Pusan pudu ch'ongp'aop [General strike at Busan wharf]. URL: http://busan.grandculture.net/Contents?local-busan&dataType=01&contents_id=GC04200757 (access date: 18.08.2023). (In Korean)
- Ch'ŏn Sŏng-ho. Hanguk yahak undongsa [History of night school movement in Korea]. Seoul, 2009. (In Korean)
- Chosŏn nodong kongjehoe chui [Purpose of Korean workers mutual aid society] // Kongje. 10.09.1920. № 1. P. 167. (In Korean)
- Chosŏn nodongdang yaksa [History of the Workers' Party of Korea]. Pyongyang, 1991. (In Korean)
- Hanguk kŭndae minjok undongsa [History of modern Korean national movement]. Seoul, 1980. (In Korean)
- Kim Miji. Tongasia wa singminji Chosŏn-esŏ K'ŭrop'ot'ŭk'in pŏnyŏg-ŭi kyŏngnodŭlgwa sanghoch'amjo yasang koch'al [Interrelationship in the translations of the works of Kropotkin in Korea and East Asian countries] // Pigyomunhwa yŏngu. 2016. № 43. P. 171–206. (In Korean)
- Kim Myŏng-sŏp. Hanguk anak'isŭt'ŭdŭr-ŭi tonnip undong: Ilbon-esŏ-ŭi t'ujaeng [Movement of Korean anarchists for independence: Struggle in Japan]. Seoul, 2008. (In Korean)
- Kojongsidaesa [History of King Kojon]. Vol. 6. 1.05.1910 // URL: https://db.history.go.kr/item/level.do?levelId=gj_006_d04_050_010_010 (access date: 24.05.2023). (In Korean)
- Ku Sŭng-hoe. Hanguk anak'ijŭm 100-nyŏn [100 years of Korean anarchism]. Seoul, 2004. (In Korean)
- Kyŏngbu (Sin Baeg-u). Ŭi wa pong-ŭi hosangbujo [Mutual aid by aunts and by bees] // Kongje. 1921. № 7. P. 44–47. (In Korean)

- Li Dong-sik*. Musan'gyöğüb-üi chajojok panch'aek [Proletarian politic of mutual aid] // Kongje. 1921. № 8. P. 54–55. (In Korean)
- Li Ho-ryöng*. Hanguk-üi anak'ijüm: sasangp'yön [Korean anarchism: thoughts side]. Seoul, 2001. (In Korean)
- Li Ho-ryöng*. Iljegangjömgi kunnae anak'isüt'üdür-üi chojikkwa hwaldong – nodong undong-ül chungsimüro ihoryöng [The organization and activities of domestic anarchists during the Japanese occupation – focusing on the labour movement] // Yöksa wa hyönsil. 2002. № 44. P. 132–163. (In Korean)
- Li Ho-ryöng*. Anak'isüt'üdür-üi minjok haebang undong [Anarchist national liberation movement] // Hanguk tonnip undong-üi yöksa [History of Korean independence movement]. Vol. 45. Cheonan, 2008. (In Korean)
- Li Hyön-jong*. Iljeh'imnyanha chöngnyön undong [Youth movement under Japanese occupation] // Chöngnyön yöngu. 1980. № 3. P. 53–86. (In Korean)
- Li Hyön-ju*. Söul chöngnyönho-üi ch'ogijikkwa hwaldong (1920–1922) [Early history and activity of Seoul Youth union, 1920–1922] // Kuksagwan nonch'on. 2016. № 70. P. 1–43. (In Korean)
- “Mogongjan-üi iljikkon”* (A worker from one principal fabric). Nodongja-üi chölggyu (Worker's cry) // Kongje. 1920. № 1. P. 106–107. (In Korean)
- Mu A-saeng [Yu Jun-hui]*. Nodongja-üi munmyeong-ün yeosahada [Workers civilization is hungry] // Kongje. 1920. № 1. P. 34–38. (In Korean)
- Mu A-saeng [Yu Jun-hui]*. Chöngnyönege soham [Attention young people] // Kongje. 1921. № 7. P. 63–66; 1921. № 8. P. 99–107. (In Korean)
- Na Gyeong-sök*. Segyesajo wa Chosön nongchon [Tendencies of world thought and the Korean village] // Kongje. 1920. № 1. P. 53–56. (In Korean)
- “Nongbu” [Peasant]*. Chosön nodonggye kohanora [Appeal to labour world of Korea] // Kongje. 1920. № 2. P. 77–79. (In Korean)
- O Jang-hwan*. Hanguk anak'ijüm undongsa yöngu [Study of history of anarchism in Korea]. Seoul, 1998. (In Korean)
- Song Sa*. Nodongjohab-üi kyoyukchök üüü [Educational value of trade unions] // Kongje. 1921. № 7. P. 37–40. (In Korean)
- Tu Nam [Na Gyeong-sök]*. Türo anjoso [Don't listen] // Kongje. 1920. № 1. P. 145. (In Korean)
- U Yöng-saeng*. Kündae nodong munjae-üi jinüi [Truth about modern labour problems] // Kaeböck. 1920. № 1. P. 67–71. (In Korean)
- Yu Jin-hwi*. Nodong undong-üi sahoejuüjök goch'al [Study of socialism in workers movement] // Kongje. 1920. № 2. P. 11–20. (In Korean)
- Yun Ja-yöng*. Yumul sagwan yoryönggi [Basics of historical materialism] // Asong. 1921. № 1. P. 71–73. (In Korean)
- Yun Ja-yöng*. Sanghobujo non [Study of mutual aid theory] // Asong. 1921. № 3. P. 15–21; 1921. № 4. P. 24–30. (In Korean)
- Ahn Pong-Sul*. Trade union as a social institution of change, Korea. Seoul, 2004.
- Alliance of Adversaries: The Congress of the Toilers of the Far East*. Leiden; Boston, 2019.
- Buzo A.* The Making of Modern Korea. London; New York, 2002.
- Crisi E.* Revolución anarquista en Manchuria (1929–1932). Buenos Aires, 2015.
- Government-General of Chosen*. Annual Report on Reforms and Progress in Chosen (1918–21). Keijo, 1921.
- Ha Ki-Rak*. A History of Korean Anarchist Movement. Taegu, 1986.
- Hwang Dongyoun*. Korean Anarchism Before 1945: A Regional and Transnational Approach // Anarchism and Syndicalism in the Colonial and Postcolonial World, 1870–1940: The Praxis of National Liberation, Internationalism, and Social Revolution. Leiden; Boston, 2010. P. 95–129.
- Hwang Dongyoun*. Anarchism in Korea: Independence, Transnationalism, and the Question of National Development, 1919–1984. Albany, 2016.
- Kim Man-gil*. A History of Contemporary Korea. Folkestone, 2005.
- Kwong Seung-ho, Leggett C.* Origins of the Korean Labour Movement // Policy, Organisation and Society. 1995. № 10. P. 3–26.
- Gu Seung-hoe*. Tigers Unchained: 100 Years of Korean Anarchism. Chico; Edinburgh, 2022.
- Park Sunyoung*. The Proletarian Wave: Literature and Leftist Culture in Colonial Korea, 1910–1945. Cambridge; London, 2015.
- Shin Gi-Wook*. Peasant Protest and Social Change in Colonial Korea. Seattle, 1996.
- Suh Dae-Sok*. The Korean Communist movement, 1918–1948. Princeton, 1967.
- Ta Chen*. The Labor Situation in Korea // Labor Monthly Review. 1930. Vol. 31. № 5. P. 26–36.
- Tikhonov V.* Social Darwinism as History and Reality: “Competition” and “The Weak” in Early Twentieth-Century Korea // Critical Asian Studies. 2016. Vol. 48. № 3. P. 315–337.
- Wells K. M.* New God, New Nation: Protestants and Self-Reconstruction Nationalism in Korea, 1896–1937. Honolulu, 1990.

© 2024 г. Ю.Н. ТИХОНОВ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-АФГАНСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ 1921 года В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Тихонов Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тянь-Шанского (Липецк, Россия).

E-mail: tikhlip@mail.ru

Scopus Author ID: 57937363500; ORCID: 0000-0003-4017-6951

Аннотация. Новые архивные документы, опубликованные в России и Великобритании, позволяют определить этапы и особенности переговоров между Афганистаном и РСФСР о заключении Договора о дружбе 1921 г. Первоначальной целью советской дипломатии при разработке этого документа было превращение Афганистана в плацдарм для подрывной деятельности против Британской Индии. Афганский эмир Аманулла-хан, в свою очередь, хотел с помощью договора получить от Советской России военную и финансовую помощь для борьбы против Великобритании, а также укрепить афганские позиции в Туркестане, где хотел создать конфедерацию среднеазиатских государств под своим контролем. Как свидетельствуют рассекреченные архивные документы НКВД, советское правительство не было готово платить столь высокую цену за договор с Афганистаном. В ходе переговоров много раз возникали паузы, вызванные обострением советско-афганского соперничества из-за Бухары и объемов советской помощи Аманулле-хану. Однако обе стороны понимали необходимость установления прочных партнерских отношений для стабилизации международного положения РСФСР и независимого Афганистана. По этой причине после трудных переговоров в Кабуле и Москве 28 февраля 1921 г. советско-афганский Договор о дружбе был заключен. Он позволил Советской России укрепить свои позиции в Центральной Азии, создав значительный противовес британским интригам в этом регионе.

Ключевые слова: РСФСР, Россия, дипломатические отношения, международные отношения, внешняя политика, дипломатические переговоры, Афганистан, Британская Индия, Туркестан, Договор о дружбе 1921 г.

Yu.N. Tikhonov

The Conclusion of the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship” in the Context of New Archival Sources

Yuri Tikhonov, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (Lipetsk, Russia).

E-mail: tikhlip@mail.ru

Scopus Author ID: 57937363500; ORCID: 0000-0003-4017-6951

Abstract. New archival documents published in Russia and the United Kingdom make it possible to identify the stages and peculiarities of the negotiation process between Afghanistan and the Russian Soviet Federative Socialist Republic on the conclusion of the Treaty of Friendship of 1921. The initial aim of Soviet diplomacy in drafting this document was to turn Afghanistan into a foothold for subversive activities against British India. The Afghan Emir Amanullah Khan, in turn,

wanted to obtain military and financial aid from Soviet Russia through the Treaty of Friendship to fight Great Britain. His second goal was to strengthen Afghanistan's position in Turkestan, where he wanted to create a confederation of Central Asian states under his control. As the declassified archival documents of the NKID show, the Soviet government was not prepared to pay such a high price for an agreement with Afghanistan. During the negotiations, there were many pauses caused by the aggravation of Soviet-Afghan rivalry over Bukhara and the amount of Soviet assistance to Amanullah Khan. However, both sides understood the need to establish strong partnerships to stabilize the international position of the RSFSR and independent Afghanistan. For this reason, after difficult negotiations in Kabul and Moscow, the Soviet-Afghan Treaty of Friendship was concluded on February 28, 1921. It allowed Soviet Russia to strengthen its position in Central Asia, creating a significant counterbalance to British intrigues in the region.

Keywords: RSFSR, Russia, diplomatic relations, international relations, foreign policy, diplomatic negotiations, Afghanistan, British India, Turkestan, Treaty of Friendship 1921.

Заключение Договора о дружбе 1921 г. между Советской Россией и Афганистаном стало знаковым событием не только в отношениях между этими государствами, но и в расстановке сил на международной арене. Значение этого договора хорошо понимали в правительственных и научных кругах обеих стран, поэтому до распада СССР в нашей стране все юбилеи этого дипломатического документа отмечались и освещались на высоком уровне. После 1991 г. эта хорошая традиция была нарушена, хотя ввод в научный оборот нового фактического материала и переосмысление многих фактов из истории советско-афганских отношений по объективным причинам резко ускорились. На данный момент российские исследователи могут на базе ранее секретных документов предложить более детальную и логичную историю подписания первого договора между Москвой и Кабулом.

В настоящий момент в отечественном востоковедении наметился новый уровень осмысления хитросплетений международных отношений в Центральной и Южной Азии в межвоенный период, так как советские и британские источники¹ в совокупности с рядом исследований, опубликованных в нашей стране, позволяют всесторонне и масштабно оценить события «второй большой игры» вокруг Афганистана и других стран и регионов, сопредельных Британской Индии².

Установление дипломатических отношений между Советской Россией и Афганистаном было гораздо более сложным и трудным делом, чем это ранее было принято считать в отечественной историографии. Только такой могущественный враг, как Великобритания, мог сблизить две столь различные силы, как большевики и афганские националисты. Фактически с первых шагов советской дипломатии в Афганистане речь шла о заключении антибританского «союза соперников».

Это стало одной из главных задач советской дипломатии на Востоке. Третья англо-афганская война 1919 г. и англофобские настроения эмира Амануллы-хана вселили в большевиков надежду, что Великобритании удастся нанести удар в Индии. Уже в конце 1919 г. британская разведка смогла добыть сведения, что советское командование приступило к подготовке похода на Индию через Герат и Кандагар³. В связи с этим первый этап

¹ Среди публикаций документов по данной теме необходимо указать: Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War / ed. L.P. Burdett. Chippenham (UK), 2002; Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921) / сост. М.А. Персиц. М., 2009; Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). Сб. документов / сост. и предисл. Ю.Н. Тихонов. М., 2019.

² Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М.; Иркутск, 1998; Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019; Улунян А.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922: британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.

³ Afghanistan Strategic Intelligence... P. 134.

советско-афганских переговоров о заключении межправительственного договора был посвящен выработке военно-политического соглашения с целью любой ценой вовлечь Афганистан к весне 1920 г. в новый вооруженный конфликт с Англией.

Проект договора между РСФСР и Афганистаном должен был составить первый советский полпред в Кабуле Н.З. Бравин, который первоначально «заверил эмира, что Москва окажет Афганистану любую помощь вооружением, взяв на себя все издержки в случае возобновления войны против Англии»⁴. Однако он не выполнил этого поручения советского правительства, так как справедливо считал саму идею «похода на Индию» абсурдной и крайне опасной для Советской России. 25 декабря 1919 г. Бравин писал в НКВД: «Советская Россия летом не могла, а сейчас не только не может, но еще и не должна оказывать военную помощь Афганистану, если бы даже он просил о ней, так как помогать Афганистану — это значит затевать грандиозное, мировой важности, совершенно непосильное нам предприятие — “поход на Индию”, то есть демонстративно создавать *casus belli* для Англии и, следовательно, открывать новый и самый гибельный для нас фронт»⁵.

Ленин и его соратники отдавали себе отчет, какое грандиозное и опасное мероприятие они хотят осуществить в Центральной Азии, поэтому еще до того, как фронда Бравина стала мешать сближению РСФСР с Афганистаном, в Кремле было принято решение о назначении новым полпредом в Кабул «старого большевика» Я.З. Сурица. Дипломатическая миссия, возглавляемая им, должна была проскользнуть в Афганистан между фронтами Гражданской войны. Суриц был наделен большими полномочиями и крупными денежными средствами в золоте.

25 декабря 1919 г. миссия Сурица прибыла в афганскую столицу. 27 декабря между ним и эмиром начались переговоры о заключении военного союза. Сразу встал вопрос о военной помощи РСФСР Афганистану, о чем свидетельствует запись беседы, сделанная Сурицем. Аманулла-хан, согласно этому документу, прямо спросил советского дипломата: «В точности определите, что Россия может нам дать при немедленном выступлении?» Ответ Сурица: «Военным командованием во время моего отъезда из Ташкента были подготовлены к немедленной отправке в Афганистан две пехотные бригады — 16 тысяч человек, вооружение которых состоит из 12-15 тысяч винтовок, 800 пулеметов, 48 полевых орудий и отряд из шести аэропланов»⁶. Видимо, данная информация удовлетворила монарха, и он перешел к обсуждению вопросов, связанных с размером советской военной помощи Афганистану.

Из советских дипломатических документов видно, что основные размеры этой помощи были определены еще до январских переговоров 1920 г. в Кабуле между Сурицем и Амануллой. Советская сторона согласилась с просьбой эмира предоставить ему 12 аэропланов, 6 зенитных орудий, 5 тыс. винтовок для афганской армии, 10 тыс. винтовок пуштунским племенам, радиостанцию и необходимое количество военных специалистов. Кроме этого, Суриц обязался от имени советского правительства построить телеграфную линию Кушка — Герат — Кандагар — Кабул⁷.

В ходе переговоров Аманулла-хан подчеркнул необходимость оказания Афганистану финансовой помощи. Понимая, что этот вопрос является одним из главных, Суриц проявил на свой страх и риск большую щедрость. Он заявил, что «не может при оторванности от Центра делать конкретных обещаний, помимо миллиона рублей золотом, но полагает, что русское правительство не остановится перед компенсацией Афганистану потери английской субсидии»⁸. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что он сразу вышел за рамки указаний НКВД о предоставлении афганцам разовой помощи в 1 млн

⁴ Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 355.

⁵ Советская Россия в «Большой игре»... С. 76.

⁶ Черновые записи о переговорах полпреда Я.З. Сурица с эмиром Амануллой-ханом // Там же. С. 82.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 83.

золотых рублей. Однако позже РСФСР придется согласиться на предоставление Афганистану ежегодной субсидии в этих размерах.

13 января 1920 г. в течение семи часов между Сурицем и афганскими представителями, включая самого эмира, шли переговоры о характере и условиях будущего советско-афганского союзного договора. За вступление в войну против Англии Аманулла-хан запросил: до 100 тыс. винтовок с 600 патронами на каждую, 250 скорострельных орудий, 1,5 тыс. пулеметов и 50 млн рублей золотом. Одним словом, Советская Россия должна была перевооружить афганскую армию, оплатив все финансовые издержки в случае новой войны с Великобританией. Сурицу пришлось резко сбивать цену за будущий договор: советская субсидия не превышала 1 млн рублей золотом; вместо 100 тыс. винтовок — 5 тыс. (при условии, что Афганистан не будет препятствовать доставке сражавшимся на тот момент с англичанами приграничным племенам 10 тыс. винтовок)⁹.

Как видно из телеграмм Сурица в Ташкент и Москву, советский дипломат еще до начала переговоров был проинформирован представителями пуштунских племен о том, что Афганистан новую войну с Англией не начнет, но, выполняя поручение Ленина, все же попытался добиться от Амануллы гарантий на возобновление боевых действий против Индии весной 1920 г. Январские договоренности между Амануллой и Сурицем позволяли заключить «договор во укрепление дружбы и благоприятствующего нейтралитета». Окончательное решение об этом полпред РСФСР обещал дать через четыре дня. Однако, получив известие из Ташкента, что к нему направляется дипкурьер с письмами Ленина и Карахана, 17 января Суриц, по его собственным словам, «решил до прибытия почты договора не заключать»¹⁰.

Параллельно с переговорами Сурица в Кабуле обсуждение условий будущего наступательно-оборонительного союза проходило в Ташкенте между руководством Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики (ТАССР) во главе с Ш. Элиавой и афганской делегацией, руководимой М. Вали-ханом. К скорейшему соглашению с афганской стороной правительство ТАССР побуждали директивы из Москвы и сложная обстановка на границе с Афганистаном. С помощью заключения военного договора с Афганистаном туркестанские большевики стремились прекратить концентрацию афганских сил на южных рубежах ТАССР, а уж затем обеспечить условия для возобновления военных действий между Афганистаном и Англией. Заведующий Отделом внешних сношений Турккомиссии Г.И. Бройдо в одном из писем Я.З. Сурицу четко сформулировал эту двудеятельную цель ташкентских переговоров: «Вообще, общая линия военного договора (с Афганистаном. — Ю. Т.) должна быть направлена к перераспределению сил афганцев так, чтобы они концентрировались на южной и юго-западной границе (их страны. — Ю. Т.)»¹¹.

26 декабря 1919 г. состоялось первое заседание делегаций ТАССР и Афганистана. На нем был выработан проект военного договора между Советской Россией и Афганистаном. В первом пункте этого документа говорилось, что Афганистан и РСФСР «находятся в состоянии наступательно-оборонительного союза»¹². Конкретных цифр и дат в этом проекте не было, поэтому никаких дискуссий между туркестанской и афганской делегациями при его утверждении не возникло. Лишь в феврале 1921 г. Вали-хан довел до сведения советских партнеров цифры запрашиваемой Афганистаном у РСФСР помощи, после чего стало ясно, что «ни о каком выступлении Афганистана речи быть не может»¹³.

Еще одной проблемой советско-афганских переговоров в Ташкенте было установление новой границы между ТАССР и Афганистаном. После обещания Ленина, данного

⁹ Телеграмма № 75 полпреда Сурица от 17.01.1920 г. // Там же. С. 89–90.

¹⁰ Там же.

¹¹ Письмо зав. Отделом внешних сношений Турккомиссии ВЦИК Г.И. Бройдо в Кабул Сурицу // Там же. С. 80.

¹² Телеграмма Ф.Я. Рабиновича Г.В. Чичерину от 07.01.1920 г. // Там же. С. 86.

¹³ Докладная записка зав. Отделом внешних сношений Турккомиссии ВЦИК Г.И. Бройдо [май 1920 г.] // Там же. С. 106.

Вали-хану, туркестанские власти должны были договориться с афганцами о передаче им части туркменских земель вместе с крепостью Кушка. По приказу из Москвы Турккомиссия должна была выполнить эту директиву, но в реальности встала на путь ее скрытого саботажа. Фактический контроль над Кушкой и территорией близ нее было решено сохранить за Красной армией любой ценой. С этой целью Турккомиссия создала советско-афганскую разграничительную комиссию, дав ей указание работать «затяжным темпом». Однако В.В. Залесский, возглавлявший российскую часть разграничительной комиссии, после нескольких дней ее работы согласился со всеми афганскими требованиями и подписал совместный протокол. На заседании Турккомиссии 21 января единогласно было принято решение дезавуировать действия Залесского.

Руководству ТАССР была очевидна тесная взаимосвязь между уступкой Афганистану оазиса Пенде вместе с крепостью Кушка и переговорами о советско-афганском военном союзе против Великобритании. В связи с этим заместитель председателя ВЦИК, СНК РСФСР и ЦК РКП(б) по делам Туркестана В.В. Куйбышев выступил с предложением «заявить афганцам, что пока они не перестанут саботировать работы комиссии по заключению военного договора, до тех пор работы пограничной комиссии происходить не будут»¹⁴. Чтобы не нарушить директив из центра и во избежание конфликта с Афганистаном, его точку зрения не поддержали другие члены Турккомиссии, но она ярко демонстрирует наступивший во второй половине января 1920 г. кризис в переговорах между большевиками и Амануллой-ханом.

Суриц также к тому времени понял бесперспективность продолжения попыток заключить военный союз с Афганистаном. Ознакомившись с письмом Ленина и другими документами, доставленными дипкурьером Каменецким, он 23 января 1920 г. направил в Ташкент телеграмму, в которой уведомлял Турккомиссию о своем решении приостановить переговоры с афганцами о «военной конвенции». В своей шифровке полпред констатировал факт ошибочной политики центрального советского правительства и своего крайне трудного положения в Кабуле: «Убеждаюсь, [что] в Центре до сих пор, очевидно под влиянием неверной информации афганцев, нет правильного представления о положении здесь. Повторяю, рассчитывать на военное выступление Афганистана против Англии сейчас нечего. Никакой военной конвенции Афганистан не подпишет. С другой стороны, не прекращающаяся борьба племен, разрастающегося движения в Индии и открывающиеся перспективы из Афганистана расширить наше влияние на Индию заставили меня идти на жертвы, чтобы путем договора о дружественном нейтралитете закрепить наши отношения с Афганистаном и создать здесь прочную антианглийскую базу»¹⁵. Таким образом, в январе 1920 г. разработка условий первого советско-афганского договора зашла в тупик как в Ташкенте, так и в Кабуле. Суриц настойчиво (и безуспешно) предлагал руководству перейти от работы над статьями «военной конвенцией»¹⁶ к обсуждению положений дружественного межправительственного соглашения.

С начала 1920 г. руководство НКВД стало корректировать деятельность Турккомиссии, не забыв переложить часть своих грехов на «туркестанцев». 7 января 1920 г., получив из Ташкента полный текст достигнутых с афганцами договоренностей, нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин направил главе Турккомиссии З.Ш. Элиаве грозную телеграмму: «Мы никогда не говорили о союзе с Афганистаном; даже оборонительный союз поставит нас в невозможное положение, если помиримся с Англией. Он будет значить, что, если

¹⁴ Там же. С. 108.

¹⁵ Телеграмма № 76 полпреда Сурица в Турккомиссию от 23.01.1920 г. // Там же. С. 90–91.

¹⁶ В конце 1919 г. Восточный отдел НКВД разработал проект соглашения с Афганистаном, который отражал общий подход к антибританскому союзу с Афганистаном. В указанном документе говорилось, что «РСФСР обязуется оказать Афганистану... помощь (в виде военного снаряжения, аэропланов, телеграфов и т.п., а также инструкторов и других специалистов)» (Советская Россия в «Большой игре»... С. 74). Этот документ предусматривал сотрудничество между афганской армией и Туркестанским фронтом. Данный проект советские дипломаты так и не рискнули вручить афганцам.

Англия нападет на Афганистан, мы должны будем объявить войну Англии. Между тем, заговорив о союзе, взять обратно [предложение] — получается скандал. Вы нас поставили в крайне неприятное положение, надо исправить эту оплошность, вместо слова союз говорить — соглашение о взаимном оказании помощи»¹⁷. Одновременно, буквально через день, заместитель наркома иностранных дел РСФСР Л.М. Карахан послал З.Ш. Элиаве шифровку, в которой приказывал ему довести до сведения Я.З. Сурица необходимость «всеми силами воспрепятствовать заключению мира (между Афганистаном и Англией. — Ю.Т.) и форсировать всеми средствами новое афгано-английское столкновение»¹⁸. В итоге в начале 1920 г. советские представители в Ташкенте и Кабуле имели фактически невыполнимые инструкции из Москвы и были в полном неведении о масштабах выделяемой Афганистану помощи, без которой афганцы категорически отказывались возобновить войну с Великобританией.

Желая сдвинуть переговоры с Сурицем с мертвой точки, афганская сторона 5 февраля 1920 г. вручила ему секретную ноту, в которой перечислила свои требования к советскому правительству: «Если нижеследующие необходимые вещи будут вручены Афганистану, то военный союз возможен: пятизарядных винтовок от 80000 до 100000 с 600–800 патронами на каждый ствол. От 250 до 300 орудий. От 1000 до 1500 пулеметов. Наличных денег 5000 000 фунтов стерлингов в золоте или серебре и всевозможных необходимых вещей, как было обещано»¹⁹. Нота от 5 февраля 1920 г. свидетельствовала, что Аманулла-хан все же склонялся к заключению договора с Советской Россией, сулившего ему крупные выгоды. Однако выдвинутые афганской стороной условия были невыполнимы для РСФСР, измученной длительной гражданской войной.

Афганская нота заставила Сурица, которому, по его собственным словам, приходилось после 13 января «прятаться от афганцев и увильгивать от ответа», к 10 марта 1920 г. составить на основе московских инструкций и ташкентских протоколов свой проект будущего советско-афганского договора. Главным недостатком этого документа было отсутствие конкретных цифр помощи от РСФСР. В этот же день полпред отправил в НКВД телеграмму, в которой уведомлял свое руководство о готовности проекта для возобновления переговоров с Амануллой. В ней же он предрекал судьбу своего проекта: «Твердо убежден, что афганский центр не уяснил себе предварительно размеров нашей помощи [и] соглашения не подпишет»²⁰. Одновременно он просил одобрить «в виде аванса» афганцам за заключение «военно-политического соглашения» его январские договоренности с эмиром.

Возникшая из-за «прятков» Сурица, не имевшего конкретных указаний НКВД, пауза в переговорах в 20-х числах марта 1920 г. была прервана Амануллой, настоявшим, вопреки воле советского полпреда, на продолжении обсуждения условий союзного договора с РСФСР. На афганского эмира весной оказали мощное давление пуштуны, требовавшие от него вооружения для борьбы с английскими войсками. Чтобы получить необходимое оружие, Аманулла усилил нажим на советскую сторону. 27 марта 1920 г. вызванный эмиром на секретное совещание Суриц вынужден был заявить, что советское правительство «согласно заключить военно-политическое соглашение на основе ташкентских переговоров с поправками, внесенными нотой Карахана»²¹.

Ничего более конкретного полпред сказать эмиру и военному министру Надир-хану не мог, так как весной 1920 г. Москва взяла курс на фактический отказ от военного союза с Афганистаном. Советская миссия в Кабуле получала из НКВД директивы, отменявшие ранее достигнутые в Ташкенте и Кабуле договоренности с афганцами. 27 марта 1920 г. Суриц в специальной телеграмме в НКВД дал четкое описание ситуации, в которой он оказался: «По полученной шифровке Карахана № 447 союз (с Афганистаном. — Ю.Т.)

¹⁷ Советская Россия в «Большой игре»... С. 89.

¹⁸ Телеграмма № 62 Л.М. Карахана председателю Турккомиссии Элиаве от 09.01.1920 г. // Там же. С. 89.

¹⁹ Там же. С. 94–95.

²⁰ Телеграмма № 98 Я.З. Сурица в Турккомиссию и НКВД от 10.03. 1920 г. // Там же. С. 101.

²¹ Телеграмма № 109 полпреда Сурица от 31.03.1920 г. // Там же. С. 102.

исключается, между тем, основываясь на инструкции Бройдо почтой Желчанова²², ясно, что союз взят за основу предстоящих переговоров, известив об этом афганцев. Шифровка Карахана № 453 аннулирует, как я уже писал, мои январские переговоры, сведя обещанную мною помощь к аэропланам и оружию. Шифровка № 448 аннулирует основу ташкентских [договоренностей]²³.

Ликвидировав практически все наработки Турккомиссии и Сурица, Москва должна была вынести свое окончательное решение о судьбе договора с Афганистаном. Политбюро ЦК ВКП(б) в апреле 1920 г. приняло решение дать Аманулле лишь то оружие, которое афганцы не могли бы использовать против Красной армии: самолеты, зенитные орудия и рацию²⁴. Очевидно, что развернувшаяся в Кремле дискуссия об объемах военной помощи Афганистану задержала принятие решения о подписании советско-афганского договора. В начале мая 1920 г. оно все же было принято. При этом правительство РСФСР оговорило, что в будущем с южным соседом будет подписано отдельное соглашение «по вопросам, связанным со Средней Азией»²⁵.

Лишь 23 мая 1920 г. советское посольство в Кабуле получило долгожданные директивы о военной и финансовой помощи Афганистану. Карахан в телеграмме № 150 доводит до сведения представителя НКВД в Ташкенте Д.Ю. Гопнера и Я.З. Сурица решение советского правительства: «Можете официально заявить афганправительству наше согласие на широкую помощь в соответствии их вербальной ноте [от] 11 февраля и Вашим обещаниям. Мы даем Афганистану: 1) миллион рублей золотом, 2) двенадцать аэропланов, 3) радиостанцию, 4) согласны оборудовать телеграфную линию Кушка — Герат — Кандагар — Кабул, 5) зенитные орудия, 6) сооружение завода бездымного пороха, 7) военных техников и специалистов, 8) пять тысяч винтовок афганцам и десять тысяч винтовок пограничным племенам, 9) в случае переговоров об уступке Бухаре дороги Керки — Термез допустим афганпредставителя [с] совещательным голосом на переговоры»²⁶.

В этой же телеграмме заместитель наркома иностранных дел РСФСР перечислил советские требования к Афганистану в обмен на эту помощь:

1) свободный пропуск к пограничным племенам советского оружия и материалов, а также помощь при его передаче патанам;

2) содействия советской пропаганде через Афганистан на Индию, Белуджистан и Персию;

3) открытие консульств РСФСР, кроме разрешенных трех пунктов, еще в Кандагаре, Джелалабаде и Дакке;

4) открытия типографии в Кабуле и использование афганских типографий для издания коминтерновской литературы для Индии;

5) официальной гарантии, что правительство Афганистана «не будет участвовать ни в какой военно-политической комбинации, направленной против нас»²⁷.

Кроме этого, в телеграмме № 151, отправленной в тот же день, Карахан извещал Сурица о решении Москвы признать правительство Кемаль-паши в Турции. В конце шифровки советскому полпреду поручалось сообщить Аманулле следующее: «Подчеркните, что взятие нами Энзели и кооперация с персидскими революционерами, равно как начинающееся движение в Западной Персии и установление с Турцией в ближайшем будущем общей границы, кардинально изменяет положение в Передней и Средней Азии. Мы надеемся, что все это повлияет на позицию Афганистана в отношении Англии и приблизит момент освобождения Индии»²⁸. Одним словом, афганскому эмиру давали понять, что Советская

²² Желчанов — дипкурьер, привезший перечисленные в телеграмме Сурица документы.

²³ Там же. С. 101–102.

²⁴ Письмо Г.В. Чичерина Л.Д. Троцкому от 15.04.1920 г. // Там же. С. 103.

²⁵ Выписка из записи беседы представителя НКВД в Ташкенте Д.Ю. Гопнера с афганским посланником Вали-ханом от 05.05.1920 г. // Архив внешней политики РФ. Ф. 04. 1920. Оп. 51. П. 328. Д. 55039. Л. 13.

²⁶ Советская Россия в «Большой игре»... С. 113.

²⁷ Там же. С. 113–114.

²⁸ Там же. С. 114.

Россия и революционеры Востока создают антибританский фронт, в котором Турции и Афганистану отводилась ключевая роль.

С момента получения конкретных цифр советской помощи Афганистану Суриц мог более уверенно продолжить работу над составлением проекта будущего договора между РСФСР и Афганистаном. Параллельно афганская сторона медленным темпом работала над своим вариантом документа. По этой причине в начале июня 1920 г. в переговорах между Аманулла-ханом и Сурицем возникла очередная пауза. Чтобы ее прервать, советский полпред в первых числах июня передал афганской стороне свой проект договора (на фарси и английском языке).

Для обсуждения мнений сторон 24 июня 1920 г. прошло заседание Советско-афганской комиссии по выработке договора. Его пришлось прервать, так как афганские претензии по «бухарскому вопросу» были отвергнуты Сурицем²⁹. Вторая часть заседания была посвящена обсуждению объемов помощи РСФСР Афганистану. Аманулла-хан уже знал, что советское правительство резко сократило объем военной помощи, поэтому также уменьшил свои требования. В протоколе заседания комиссии указывалось, что Афганистан хотел получить от РСФСР: 20 млн рублей золотом, 30 тыс. винтовок, 800 пулеметов, 50 орудий, 5 танков, 20 бронированных автомобилей, 8 зенитных орудий, 12 аэропланов, радиостанцию и оборудование порохового завода. Одновременно Аманулла-хан настаивал, чтобы при возникновении войны между Афганистаном и «каким-либо государством», т.е. Великобританией, РСФСР «приходит ему на помощь всей своей живой силой и всеми ресурсами»³⁰. Разумеется, после директив НКВД о свертывании переговоров о заключении антибританского военного союза с афганцами Суриц был вынужден отклонить и это предложение эмира. Заседание 24 июня 1920 г. можно считать поворотным пунктом в советско-афганских переговорах 1919–1920 гг. — после него Аманулла-хан, осознав реальное положение вещей, отказался от идеи заключения военного союза с Советской Россией.

На заседании комиссии по выработке договора 11 июля 1920 г. Суриц также отказался принять афганский вариант двух статей будущего договора, содержащие обязательства сторон проводить дружественную политику в отношении друг друга. Афганцы предлагали в их проекте такую формулировку статей II и III, которая сводила обязательства государств лишь к взаимному признанию и защите независимости. Попытки Амануллы убедить советского полпреда в необходимости сохранить за РСФСР и Афганистаном «возможную свободу действий» встретили резкий отпор со стороны Сурица. Он заявил: «Наше предложение в одном только отношении стесняет свободу Высокого Государства — оно отнимает у Афганистана возможность вредить нам. Это ограничение взаимное»³¹. Осознав, что советское правительство не подпишет соглашения без твердых гарантий неучастия Афганистана во враждебных Советской России комбинациях с иностранными государствами, эмир позже согласился с предложенной советским дипломатом формулировкой, которая определила содержание статьи II советско-афганского Договора о дружбе от 28 февраля 1921 г.

В афганском проекте будущего договора оказался еще один неприятный сюрприз для Сурица: в документе, представленном для обсуждения комиссии, отсутствовал пункт об оказании Афганистаном помощи советским агентам в их «агитационной работе» в зоне пуштунских племен и Британской Индии. В конце заседания Суриц был вынужден заявить Аманулле: «Статье этой придается чрезвычайная важность, и она является ультимативным требованием со стороны моего правительства»³².

Афганская сторона хотела рассмотреть на заседании 11 июля 1920 г. проект торгового соглашения с РСФСР, но этот документ из-за противодействия Сурица больше вместе с проектом «политического соглашения» не рассматривался.

²⁹ Тихонов Ю.Н. Роль «бухарского вопроса» при заключении советско-афганского «Договора о дружбе» 1921 года // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 157. DOI: 10.31857/S013038640018270-5

³⁰ Советская Россия в «Большой игре»... С. 132.

³¹ Там же. С. 140.

³² Там же. С. 144.

15 августа 1920 г. в Кабуле состоялось очередное заседание комиссии по выработке условий советско-афганского договора³³. На нем афганскую сторону представлял уже не эмир, а министр иностранных дел Махмуд Тарзи. Из протокола заседания 15 августа видно, что советская и афганская стороны уже определили для себя те статьи будущего договора, по которым им не удавалось достичь компромисса. Суриц требовал закрепить в договоре положение о недопуске с территории Афганистана враждебной деятельности и прекращения афганской помощи басмаческому движению. В свою очередь, афганцы вновь не соглашались убрать из проекта советско-афганского договора статьи о Бухаре. Несмотря на это, Тарзи в конце 10-часового трудного заседания выразил уверенность, что договор будет заключен. Министр знал, что в середине августа 1920 г. Аманулла принял решение ускорить подписание договора с РСФСР ради получения оружия и ежегодной субсидии.

18 августа Тарзи заявил советскому полпреду «о полной невозможности для Афганистана вести в настоящий момент войну с Англией» и желании придерживаться политики строгого нейтралитета между РСФСР и Великобританией³⁴. Разумеется, при такой постановке вопроса Суриц сразу же заявил, что «Афганистан не вправе рассчитывать на нашу помощь»³⁵. Однако полпред при афганских уступках в Туркестане, а также гарантии Кабула не заключать с любой иностранной державой соглашений против Советской России все же признал целесообразным подписание договора с Афганистаном.

Кроме этого, советский полпред в Кабуле знал о готовящейся операции Красной армии в Бухаре, поэтому он постарался ценой уступок ускорить подписание первого советско-афганского договора. В конце августа 1920 г. Сурицу пришлось пообещать эмиру материальную помощь со стороны Советской России, хотя было ясно, что будущий договор потерял значительную часть своей антибританской направленности. 31 августа, когда в Бухаре уже шли бои, о которых афганское правительство еще ничего не знало, Сурицу пришлось отказаться от одной из самых ценных для большевиков статей «о пропаганде» против Британской Индии. Суриц, который считал, что подготовка революции в Индии является его главной задачей, вынужден был пойти на эту жертву, чтобы смягчить гнев афганских партнеров по переговорам после получения ими известий о «революции» в Бухаре.

Дополнительно 2 сентября Суриц добился от афганцев согласия на новую редакцию статьи о признании независимости Хивы и Бухары в проекте будущего советско-афганского договора: «Высокие договаривающиеся стороны соглашаются на действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая форма правления там ни существовала бы согласно желанию их народов»³⁶. Таким образом, полпред готовился представить Аманулле события в Бухаре как «народную революцию».

Вскоре информация о свержении бухарского эмира достигла Кабула. Всем заверениям советского посла, что события в Бухаре являются делом рук «бухарских революционеров» в Кабуле, разумеется, никто не поверил. Его заявление о гарантии Москвы не осуществлять вмешательства в дела «будущей революционной Бухары» имело тот же эффект. Однако афганское правительство не отказалось от подписания договора с Советской Россией, так как его заключение укрепляло независимость Афганистана. 9 сентября Суриц отправил в НКВД телеграмму, в которой сообщил, что афганцы «примирились с фактом переворота» в Бухаре, поэтому приложили все силы для завершения переговоров о заключении договора с РСФСР о дружбе, статьи которого 13 сентября 1920 г. были парафированы в Кабуле³⁷.

Заключенный с таким трудом договор между РСФСР и Афганистаном обоим договаривающимся сторонам необходимо было доработать и ратифицировать. Комплекс

³³ Протокол заседания комиссии по выработке условий договора между РСФСР и Афганистаном. 15.08. 1920 г. // Там же. С. 173–183.

³⁴ Телеграмма № 193 Я.З. Сурица в НКВД. 19.08. 1920 г. // Там же. С. 191.

³⁵ Там же. С. 192.

³⁶ Панин С.Б. Указ. соч. С. 59.

³⁷ Теплинский Л.Б. СССР – Афганистан. М., 1982. С. 35; Adamec L.W. Afghanistan, 1900–1923. A Diplomatic History. Berkeley, 1967. P. 157.

нерешенных проблем в советско-афганских отношениях, «щедрость» Сурица и активное противодействие Великобритании росту «большевистского влияния» в Кабуле создавали значительные трудности для этого³⁸. 1 октября 1920 г. в афганскую столицу с целью оказания помощи Сурицу прибыл видный младотурецкий деятель Ахмет Джемаль-паша. Его приезд продемонстрировал единство советского правительства с турецкими националистами в борьбе против британского империализма.

Джемаль прибыл в Кабул с целью превращения Афганистана в плацдарм для будущего удара по Британской Индии. Для этого он разработал план всесторонней модернизации Афганистана, основанный на советской помощи и действиях турецких военных инструкторов. Ратификацию советско-афганского договора о дружбе турецкий лидер считал необходимым условием для реализации своих замыслов. Афганский эмир поверил в реальность этих смелых планов. Миссия Джемаль-паши в Кабуле значительно снизила накал борьбы вокруг ратификации заключенного Сурицем договора, так как вселила в Аманулла надежду получить от РСФСР дополнительную военную помощь сверх (!) условий этого дипломатического документа.

Аманулла-хан и его окружение понимали, что восточные националисты являлись пешками в дипломатической игре Советской России в Центральной Азии. Однако им приходилось учитывать особенности той революционной эпохи, пытаясь переиграть большевиков с помощью их же соратников. Ярким примером подобной тактики были попытки Амануллы ускорить в конце 1920 г. через Джемаль-пашу завершение обсуждения советско-афганского договора в Москве. Уже 6 ноября 1920 г. афганский эмир написал Ленину письмо, в котором дипломатично выразил пожелание скорейшего «утверждения» советским правительством договора, подписанного Сурицем в Кабуле, но ответа от главы советского государства не последовало. Тогда 1 декабря эмир и Тарзи переслали Ленину и Чичерину новые послания, которые доставил в Москву вместе с первым докладом и письмом Джемаль-паша турецкий офицер Бедри-бей³⁹. Не дождавшись реакции из Кремля и на этот раз, паша 26 декабря через радиостанцию советского полпредства послал Ленину и Чичерину телеграмму, в которой без всякой дипломатии повторил свои требования по поводу советско-афганского договора: «Но успех всей моей миссии зависит в первую очередь от ратификации заключенного Сурицем договора, всякое дальнейшее промедление ставит под угрозу не только мои начинания, но грозит безвозвратным провалом и политике дружбы с Афганистаном и наносит непоправимый удар всему делу освобождения Востока. Особенно приходится спешить ввиду предстоящего на днях приезда английской миссии»⁴⁰. Согласованность подобных шагов афганцев и младотурок была очевидна.

Аманулла-хан был крайне встревожен нежеланием советского правительства быстро ратифицировать договор с Афганистаном. Переговоры Бедри-бея в Москве в очередной раз продемонстрировали, что большевистское руководство не пойдет ни на какие уступки в «бухарском вопросе». Более того, руководство НКВД потребовало от Бедри-бея, а фактически от эмира, объяснений, каким образом в Бухаре оказались части афганской армии.

Целый комплекс проблем в отношениях между Москвой и Кабулом привел, по словам Чичерина, к «переработке» в Москве заключенного в сентябре 1920 г. Сурицем договора. Принципиально его новый текст ничего не менял в советско-афганском договоре, но факт остается фактом: договор о дружбе получил новую структуру, которая позволяла советскому правительству эффективнее защищать свои интересы.

На московском этапе конкретизации содержания первого договора между РСФСР и Афганистаном наибольшие споры в Кремле возникли по вопросу о поставках оружия Аманулле-хану. У советского руководства не было уверенности, что советское оружие будет использовано афганцами только против англичан. Все попытки Чичерина изъять из

³⁸ Lee J. Afghanistan: A History from 1260 to the Present. London, 2019. P. 464, 467.

³⁹ Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 94–95.

⁴⁰ Советская Россия в «Большой игре»... С. 296.

будущего договора пункт об оружии для Афганистана закончились полным провалом, так как афганские дипломаты требовали письменных обязательств от советского правительства по этому вопросу.

В начале 1921 г. ситуация вокруг поставок вооружения еще более осложнилась. В связи с этим Чичерин направил в ЦК РКП(б) докладную записку, в которой обрисовал сложившуюся ситуацию в переговорах с афганской миссией в Москве. В ней нарком прямо указал, что «письменное обязательство с нашей стороны о снабжении оружием Афганистана неудобно ввиду близкого подписания английского соглашения»⁴¹. Из-за неуступчивости афганцев и страха сорвать подписание торгового соглашения с Англией глава советского внешнеполитического ведомства просил у ЦК санкции на то, чтобы в сам текст договора не вносить конкретных цифр о военных поставках, оформив их «в виде отдельного секретного обязательства». Предложение Чичерина было одобрено, благодаря чему в договоре с Афганистаном появились секретные приложения, которые укрепили позиции РСФСР в неизбежном конфликте с англичанами и усилили советский контроль над процессом будущей ратификации договора о дружбе, так как появлялась возможность в случае непредвиденного поведения Амануллы-хана признать секретные приложения в последнюю очередь.

В итоге глава X советско-афганского договора закрепляла обязательство РСФСР «оказать Афганистану денежную и другую материальную помощь», но конкретный объем вооружения оговаривался в «Дополнительном соглашении» (12 боевых самолетов, 2 батареи зенитных орудий (8 орудий), 5 тыс. пятизарядных винтовок с необходимым запасом патронов и завод для изготовления бездымного пороха), а размер ежегодной советской субсидии Аманулле (1 млн руб. золотом или серебром в чеканке или слитках) и строительство телеграфной линии Кушка — Герат — Кандагар — Кабул в «Дополнительной статье». Оба секретных дополнения к Договору о дружбе имели одинаковую юридическую силу с другими статьями этого договора.

Текст секретных приложений свидетельствовал, что в Москве значительно сократили объем советской помощи Аманулле-хану. Так, в договоре фигурировала прежняя цифра поставок российских винтовок в Кабул — 5 тыс., но ранее советская сторона намеривалась предоставить еще 10 тыс. ружей пуштунским племенам, а в тексте секретного «Дополнительного соглашения» об этом не было ничего сказано. Афганцы, для которых ополчения приграничных племен были важнейшим элементом борьбы против Великобритании, не могли «забыть» о помощи приграничным племенам. Отказ советской стороны дать 10 тыс. винтовок горцам «независимой» полосы Британской Индии в три раза сокращал объем будущих поставок советского стрелкового вооружения Афганистану, что неизбежно должно было вызвать негодование афганской миссии в Москве.

При определении объема финансовой помощи Аманулле Чичерин также подстраховался и предусмотрел возможное сокращение реальной стоимости субсидии, оговорив ее выплату не только золотом, но и серебром. Правда, впоследствии советское правительство не прибегало к «серебряному варианту» выплаты субсидии, рассчитываясь с Афганистаном только золотом.

Дипломатическое мастерство Чичерина при редактировании условий договора особенно видно в изменениях, внесенных в статьи IV и V, касающихся количества консульств на территории Советской России и Афганистана. Суриц в Кабуле не смог в этом вопросе противостоять напору Амануллы-хана, в результате Афганистан получал право открыть фактически неограниченное количество представительств на советской территории, прежде всего в Туркестане. В договор, подписанный Сурицем, был внесен пункт, что в обмен на открытие пяти советских консульств в Герате, Меймене, Мазар-и-Шарифе, Кандагаре и Газни консульства Афганистана «учреждаются в любом пункте российской территории» по выбору афганского правительства⁴².

⁴¹ Там же. С. 321.

⁴² Там же. С. 189.

Идя на внесение в договор столь неравноправной статьи, Суриц, скорее всего, надеялся, что советские власти в Туркестане в любой момент смогут помешать созданию в Средней Азии густой сети представительств Афганистана, а НКВД, в свою очередь, объяснит афганцам всю неравноправность их требований. Таким образом, Чичерину и Карахану в Москве пришлось уравнивать права договаривающихся сторон. В итоге, статья V советско-афганского договора гласила: «Российские консульства учреждаются в городах Герате, Меймене, Мазар-и-Шарифе, Кандагаре и Газни. Афганские консульства учреждаются: Генеральное консульство в Ташкенте и консульства в Петрограде, Казани, Самарканде, Мерве и Красноводске»⁴³.

Как не хотелось советской стороне идти на фиксацию в Договоре о дружбе ошибочно-го обещания Ленина вернуть Афганистану ранее якобы захваченные Россией территории, прежде всего крепость Кушку, но на это пришлось пойти под нажимом афганских дипломатов. Однако при оформлении в договоре 1921 г. этого вопроса Чичерин создал условия для затягивания на неопределенное время решения пограничного спора с Афганистаном. Наличие территориальной проблемы между РСФСР и Афганистаном признавалось в статье IX, в которую была внесена важная оговорка, что «Россия соглашается передать Афганистану принадлежащие ему в прошлом столетии земли пограничного района с соблюдением принципа справедливости и свободы народов, их населяющих»⁴⁴. Уже сам факт будущего референдума указывал на то, что Афганистан не имеет бесспорных прав на Пенде и другие стратегически важные территории. Согласие афганской миссии в Москве не оговаривать в договоре 1921 г. механизм проведения этого волеизъявления, фактически оставлял спорные земли в составе Советской России. Афганцы понимали это, но пошли на этот шаг, чтобы не потерять советской военной и финансовой помощи.

О продолжении территориального спора между Москвой и Кабулом свидетельствовала статья VIII о признании договаривающимися сторонами «действительной независимости» и свободы Бухары и Хивы⁴⁵. Аманулла-хан не только хотел создать из этих государств конфедерацию, но и претендовал на ряд территорий, входивших в состав этих ханств. В начале 1921 г. исход вооруженной борьбы в этих среднеазиатских государствах между басмачеством и Красной армией было трудно предсказать, поэтому, скорее всего, афганская миссия в Москве решила не затягивать подписание договора спором из-за статуса Хивы и особенно Бухары, сохранив в тексте формулировку, на которую в сентябре 1920 г. уже согласился афганский эмир. Фактически это означало, что форму правления в ханствах и характер их отношений с РСФСР и Афганистаном определит в будущем победитель в длительной вооруженной борьбе в Средней Азии.

Когда структура и содержание советско-афганского договора были согласованы в Москве, то закономерно возникла новая проблема: текст московского варианта первого советско-афганского договора значительно отличался от того документа, что был подписан Сурицем в Кабуле. Чтобы выйти из положения, Чичерин и Карахан договорились с афганской миссией, что «договор Сурица» будет считаться прелиминарным⁴⁶.

Следует отметить, что многочисленные острые проблемы между РСФСР и Афганистаном воспринимались советскими и афганскими государственными деятелями без излишней драматизации, так как они понимали, что, во-первых, будущий договор укрепит международное положение молодых государств и, во-вторых, первые шаги на пути установления дипломатических отношений не могли быть простыми и стабильными изначально из-за того хотя бы, что отношения устанавливали Советская республика и азиатский эмират. В связи с этим в Москве и Кабуле решили назвать выработанный сторонами документ «Договором о дружбе», чтобы решить проблему с названием для столь нестандартного

⁴³ Там же. С. 322.

⁴⁴ Там же. С. 323.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Панин С.Б. Указ. соч. С. 46.

документа, в котором одновременно были статьи и о добрых намерениях сторон, и об острых проблемах в отношениях между двумя государствами. В феврале 1921 г. сложная работа по выработке первого соглашения между РСФСР и Афганистаном была закончена. 25 февраля 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) одобрил все предложения Чичерина относительно заключения договора с Афганистаном. Уже 28 февраля 1921 г. был подписан бессрочный Договор о дружбе⁴⁷.

Значение Договора о дружбе 1921 г. для укрепления советских позиций в Центральной Азии и в целом на международной арене трудно было переоценить⁴⁸. Суриц, получив с некоторым опозданием долгожданное известие о подписании первого советско-афганского договора, направил 1 апреля 1921 г. в НКВД доклад, в котором проанализировал выгоды, полученные РСФСР, благодаря сближению с Афганистаном. Полпред в Кабуле откровенно писал: «Общие выводы нашего положения в Афганистане, достигнутые договором, можно уже сейчас свести к следующим положениям: 1. Демонстрация против Индии как средство постоянного давления на Лондон. 2. Конкретная возможность прямой помощи индийскому движению. 3. Косвенная поддержка индийской революции путем отвлечения военных сил к северо-западной границе (Британской Индии. — Ю.Т.). 4. На весь период русско-афганского сотрудничества эмиратство становится лояльным соседом Туркестана, устраняется возможность его военного и политического использования против нас Англией. 5. Моральное значение русско-афганского сближения для поднятия престижа РСФСР как защитницы независимости народов Востока»⁴⁹. Разумеется, Суриц переоценивал степень лояльности Амануиллы-хана к ТАССР, но он точно изложил причины, по которым Афганистану и договору с ним в Кремле в 1920-х годах отводилась ключевая роль в советской мировой политике. Правильность всех остальных выводов советского дипломата подтвердила история советско-афганского сотрудничества в период правления Амануиллы-хана.

Библиография

Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960.

Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М.; Иркутск, 1998.

Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921) / сост. М.А. Персиц. М., 2009.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019.

Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). Сб. документов / сост. и предисл. Ю.Н. Тихонов. М., 2019.

Теплинский Л.Б. СССР – Афганистан. М., 1982.

Тихонов Ю.Н. Роль «бухарского вопроса» при заключении советско-афганского «Договора о дружбе» 1921 года // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 151–163. DOI: 10.31857/S013038640018270-5

Улунян А.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922: британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.

Adamec L.W. Afghanistan, 1900–1923. A Diplomatic History. Berkeley, 1967.

Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War / ed. L.P. Burdett. Chippenham (UK), 2002.

Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan Politics of Reform and Modernization, 1880–1946. Stanford (CA), 1969.

Kapur H. Soviet Russia and Asia, 1917–1927: A Study of Soviet Policy Towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1965.

Lee J. Afghanistan: A History from 1260 to the Present. London, 2019.

⁴⁷ Теплинский Л.Б. Указ. соч. С. 38.

⁴⁸ Kapur H. Soviet Russia and Asia, 1917–1927: A Study of Soviet Policy Towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1965. P. 229.

⁴⁹ Советская Россия в «Большой игре»... С. 357.

References

Dokumenty vneshney politiki SSSR [Documents of the foreign policy of the USSR]. T. IV. Moskva, 1960. (In Russ.)

Panin S.B. Sovetskaya Rossiya i Afganistan [Soviet Russia and Afghanistan]. 1919–1929. Moskva; Irkutsk, 1998. (In Russ.)

Persidskiy front mirovoy revolyutsii. Dokumenty o sovetskom vtorzhenii v Gilyan [Persian Front of the World Revolution. Documents on the Soviet invasion of Gilan] (1920–1921) / sost. M.A. Persist. Moskva, 2009. (In Russ.)

Sergeev E. Yu. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskiye otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu [Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918–1924: from intervention to recognition]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Sovetskaya Rossiya v “Bol'shoy igre” (1919–1925): sbornik dokumentov [Soviet Russia in the “Great Game” (1919–1925): a collection of documents] / sost. i predisl. Yu.N. Tikhonov. Moskva, 2019. (In Russ.)

Teplinskiy L.B. SSSR – Afganistan [USSR – Afghanistan]. Moskva, 1982. (In Russ.)

Tikhonov Yu.N. Rol' “Bukharskogo voprosa” pri zaklyuchenii sovetsko-afganskogo “Dogovora o druzhbe” 1921 goda [The Role of the “Bukhara Question” in the Conclusion of the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship” of 1921] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 1. S. 151–163. DOI: 10.31857/S013038640018270-5 (In Russ.)

Ulunyan A.A. Turkestanskiy platsdarm. 1917–1922: Britanskoye razvedyvatel'noye soobshchestvo i britanskoye pravitel'stvo [Turkestan bridgehead. 1917–1922: The British Intelligence Community and the British government]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Adamec L.W. Afghanistan, 1900–1923. A Diplomatic History. Berkeley, 1967.

Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War / ed. L.P. Burdett. Chippenham (UK), 2002.

Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan Politics of Reform and Modernization, 1880–1946. Stanford (CA), 1969.

Kapur H. Soviet Russia and Asia, 1917–1927: A Study of Soviet Policy Towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1965.

Lee J. Afghanistan: A History from 1260 to the Present. London, 2019.

© 2024 г. Е.Ю. СЕРГЕЕВ

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МИЛИТАРИЗМ» И «ДОКТРИНА МОНРО» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВЕТСКОГО И БРИТАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА (середина 1920-х годов)

Сергеев Евгений Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: Eugene.sergeev59@gmail.com

Scopus Author ID: 56445046700; ORCID: 0000-0001-7834-5824; РИНЦ: С-8571-2018

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. На основе ранее недоступных исследователям или мало изученных источников, включая аналитические записки дипломатических и военных экспертов, свидетельства непосредственных участников событий, а также материалы специальных периодических изданий, впервые на основе компаративного анализа исследуются смысл и содержание двух концепций — «коммунистического милитаризма» в трактовке части руководителей Коминтерна и «доктрины Монро» в интерпретации представителей британского истеблишмента. Анализируя политику Москвы и Лондона в регионах Центральной, Восточной и особенно в Южной Азии, автор стремится выделить общие и специфические черты обоих концептов с точки зрения их теоретической значимости и практической реализуемости на протяжении так называемой эры пацифизма середины 1920-х годов. Первостепенное внимание уделяется проблеме формирования советским руководством азиатского вектора внешней политики в сопоставлении со стремлением британских правящих кругов адаптировать империю к реалиям индустриальной эпохи. Автор рассматривает столкновение советских и британских интересов в странах Ближнего и Среднего Востока как попытку реализации концепции «коммунистического милитаризма» в столкновении с британским прочтением «доктрины Монро» для ключевых стран указанных регионов — Турции, Ирана, Афганистана, Саудовской Аравии и северо-западной части Индии. В заключение автор проводит параллели между двумя концептуальными парадигмами, указывая на объективную невозможность для обеих стран — Советского Союза и Соединенного Королевства — осуществить их комбинацию с идеями «мировой революции» в первом случае и ценностями либерально-демократического индустриализма во втором.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, внешняя политика, международные отношения, внешнеполитические концепции, Коминтерн, Комитет имперской обороны, Средний Восток, Индия.

E.Yu. Sergeev

“Communist Militarism” and the “Monroe Doctrine” in the Interpretation of Soviet and British Political Leadership, mid-1920s

Evgeny Sergeev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: Eugene.sergeev59@gmail.com

Scopus Author ID: 56445046700; ORCID: 0000-0001-7834-5824; РИНЦ: С-8571-2018

The article was prepared within the framework of a grant provided by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. Drawing on sources that were previously either inaccessible to researchers or poorly studied, including analytical notes by diplomatic and military experts, testimonies of direct participants in the events, as well as materials from special periodicals, the meaning and content of two concepts, “communist militarism” as interpreted by some leaders of the Comintern and the “Monroe Doctrine” as interpreted by representatives of the British establishment, are examined for the first time by means of comparative analysis. While analysing the policies of both Moscow and London in Central, East, and especially South Asia, the author seeks to identify common and specific features of both concepts in terms of their theoretical significance and practical feasibility during the so-called “era of pacifism” of the mid-1920s. Primary attention is paid to the problem of the formation of the Asian vector of foreign policy, which the Soviet leadership faced, in comparison with the desire of the British ruling circles to adapt the Empire to the realities of the industrial age.

Keywords: USSR, Great Britain, foreign policy, international relations, foreign policy concepts, Comintern, the Committee of Imperial Defence, Middle East, India.

Система понятий, широко применяемых современными исследователями, заслуживает самого пристального внимания в контексте изучения динамики советско-британских отношений на протяжении XX в. Одним из важнейших периодов их истории, без сомнения, следует назвать десятилетие после окончания Первой мировой войны и революционных потрясений, вызванных глобальным конфликтом, когда Москва и Лондон были вынуждены, по сути, заново выстраивать систему двустороннего взаимодействия, адаптируя ее к реалиям индустриальной эпохи.

В связи с тем что для рассматриваемого исторического периода концепции «коммунистического милитаризма» и «доктрина Монро» в британском прочтении имели основополагающее значение, учитывая влияние национально-освободительных движений на мировую политику, представляется необходимым подвергнуть их всестороннему анализу на конкретном материале советско-британских отношений 1920-х годов. Этот период характеризовался попытками Советской России / СССР сформулировать новую парадигму внешней политики, отличную от Версальско-Вашингтонского миропорядка, созданного странами – победительницами в Первой мировой войне. Для Великобритании основополагающее значение имела защита рубежей самой большой по территории и населению империи в истории человечества.

Несмотря на то что указанные понятия можно встретить в выступлениях политиков, а также в прессе первого послевоенного десятилетия, присущая им коннотация до настоящего времени не подвергалась специальному исследованию. Между тем их сравнительное изучение предоставляет исследователю возможность расширить понимание характера выработки и реализации внешнеполитических решений властными элитами обеих стран.

Поэтому автор поставил перед собой цель компаративного рассмотрения возникновения этих концепций у советского и британского руководства на фоне противоречивой динамики двусторонних отношений, напоминавшей колебания маятника. Выбор хронологических рамок отражает переломный исторический период, когда, с одной стороны, идеи «мировой революции» в сознании кремлевских лидеров начали уступать место

пониманию приоритетности национальных интересов в условиях империалистического окружения, а с другой — британский внешнеполитический истеблишмент был вынужден заняться поиском наиболее эффективных методов адаптации империи к реалиям Версальско-Вашингтонского миропорядка.

С учетом этих обстоятельств научная новизна статьи определяется перекрестным использованием малоизвестных или ранее недоступных материалов из фондов российских и британских архивов, а также опубликованных сборников дипломатической корреспонденции и обзоров специальных служб. Что же касается актуальности изучения коннотации обеих концепций через призму их сопоставления, то она, безусловно, находится в прямой зависимости от возрастания напряженности отношений России и западных держав, а также все более значимой роли, которую играют азиатские государства в современных глобальных процессах.

Начнем с интерпретации «коммунистического милитаризма», проводниками которого выступали наиболее экстремистски настроенные члены кремлевского руководства — сторонники экспорта коммунистической революции в страны Европы и Азии. Как показывает изучение стенограмм партийных форумов, официальной и личной переписки, газетных публикаций и памфлетов, а также мемуарной литературы, к этой группе следует отнести, главным образом, сторонников председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам (до 1925 г.) Л.Д. Троцкого — фактически второго по влиянию после В.И. Ленина советского лидера. Немалое количество партийных функционеров различного уровня, занимавших руководящие посты в структурах Коммунистического интернационала (Коминтерна), поддерживали указанные идеи. Их глашатаем в первой половине 1920-х годов выступал председатель Петроградского совета и главное — Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) Г.Е. Зиновьев, перешедший на сторону Троцкого к 1926 г. Скорее по карьерным соображениям к Троцкому и Зиновьеву присоединился еще один видный представитель большевистского руководства, председатель Совета труда и обороны и президиума Исполкома Московского Совета (также до 1926 г.) Л.Б. Каменев. Наконец, взгляды о необходимости военным путем насаждать режимы, подобные советскому, разделяли многие, если не большинство работников военных и гражданских специальных служб, прежде всего Объединенного главного политического управления (ОГПУ) и Разведывательного (IV) управления (РУ) Главного штаба (ГШ) Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА)¹.

Адепты «коммунистического милитаризма» вкладывали в это понятие различные смыслы. Прежде всего речь шла о насильственном преобразовании политических режимов в зарубежных государствах на принципах социализма, что означало свержение существовавших правительств, установление диктатуры пролетариата и организацию государственной власти по модели Советов. Иными словами, провозглашалась необходимость открытого вооруженного вмешательства во внутренние дела тех стран, ситуация в которых отличалась нестабильностью по различным причинам: в связи с развитием политических, этнических или конфессиональных конфликтов, кризисным состоянием экономики, нерешенными пограничными проблемами и т.п.

Кроме того, опираясь на терминологию американского политолога Дж. Ная, практика «коммунистического милитаризма», сформулированная идеологами Коминтерна, такими как Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин и др., в первой половине 1920-х годов как продолжение ленинской концепции «экспорта» мировой революции означала использование методов «жесткой силы», среди которых основное место занимали военно-политическое давление и экономические санкции, включавшие торговое эмбарго, выдвигание финансовых требований², запрет на трансграничное перемещение людей, товаров и капиталов².

¹ См., например: Краткий ориентировочный доклад РУ ГШ РККА, 28 апреля 1925 г. // Глазами разведки. СССР и Европа, 1919–1938 годы. Сборник документов из российских архивов / сост. М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М., 2015. С. 179–186.

² Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004. P. 25.

Наконец, большое значение идеологи «коммунистического милитаризма» придавали развертыванию пропагандистских кампаний с целью агитационного воздействия на все слои общества, включая наемных работников города и деревни, в тех странах, которые стали целями вмешательства. Вполне понятно, что организация такого идейно-политического «наступления» требовала масштабного финансирования и участия значительного штата профессиональных работников агитпропа³.

После тщетных попыток экспортировать коммунистическую революцию в страны Запада, примером чему явились события в Германии, Италии, Венгрии, Польше и государствах Восточной Балтии (окончательно крест на них поставила неудачная попытка превратить всеобщую забастовку британских трудящихся мая 1926 г. в вооруженное антиправительственное восстание⁴), последователи доктрины «коммунистического милитаризма» обратили свои взоры на пространства Азии. Именно там, как им казалось, на фоне спада послевоенной революционной волны в Европе национально-освободительные движения смогли бы превратиться в движущую силу «коммунистического милитаризма», нанеся удар по колониальным империям крупнейших западных держав. Характерно, что эта точка зрения получила поддержку И.В. Сталина, который заявил японскому журналисту в 1925 г., что «революционизация колониального тыла империалистов» могла бы послужить не только его подрыву, но и «придать мощный импульс» усилению антикапиталистической борьбы пролетариата западных стран⁵.

По мнению поборников «коммунистического милитаризма», требовалось направить ксенофобские по своей сути национальные движения в антиимпериалистическое русло с помощью их большевизации, чтобы ликвидировать источники поступления сырьевых ресурсов в западные державы и прежде всего Великобританию, как одного из творцов и гарантов послевоенного миропорядка. С точки зрения Троцкого, Зиновьева и их сторонников, прекращение эксплуатации капиталистическими метрополиями так называемой колониальной периферии должно было привести к ухудшению положения широких слоев населения европейских государств, что в свою очередь могло вызвать социальный протест и облегчить захват власти пролетариатом. Именно поэтому адепты «коммунистического милитаризма» считали оппортунизмом любые попытки прийти к соглашению с лидерами национальных движений в странах Азии — от Мустафы Кемаля до Чан Кайши, представлявшими, как правило, их правоцентристское крыло⁶.

Так, жестко критикуя «оппортунистическую» политику Кремля в китайском вопросе на протяжении 1925–1927 гг., Троцкий отмечал: «В Англии, как и в Китае, линия была направлена на сближение с “солидными” верхами, на личные связи, на дипломатическое комбинаторство ценою фактического отказа от углубления пропасти между революционными или левеющими массами и предателями вождями»⁷. Аналогичным образом Зиновьев в серии статей заклеил «соглашательскую» деятельность сталинской группы относительно поддержки национальных движений в Восточной Азии, обвинив генерального секретаря ВКП(б) в «грубых личных выпадах» и «клеветнических измышлениях»⁸.

³ О деятельности советских пропагандистов на британском направлении см. подробнее: *Сергеев Е.Ю.* Обманчивый рассвет: Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М., 2024. С. 269–276.

⁴ Там же. С. 87–105.

⁵ Цит. по: *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966. P. 77.

⁶ Также см.: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999; *Черникова Л.П.* Троцкий и идея мировой революции в контексте будущего Китая // Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна / отв. ред. Н.Г. Романова, К.В. Орлова. М., 2021. С. 218–261.

⁷ *Троцкий Л.Д.* Китайская революция и тезисы т. Сталина (черновой вариант), 28 апреля 1927 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 323. Л. 25. Также см.: Правда. 7.V.1927.

⁸ *Зиновьев Г.Е.* Уроки китайской революции, март 1927 (черновые материалы) // РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 350. Л. 1–125; *Его же.* Революция в Китае и «мастер революции» Сталин, май 1927 г. // Там же. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.

Важно также обратить внимание еще на одну сторону доктрины «коммунистического милитаризма», которая наиболее ярко проявилась в деятельности Коминтерна на Среднем Востоке, а именно разработка планов интеграции коммунистических идей в их большевистской интерпретации с воззрениями сторонников воинствующего джихадизма, отрицавших светское государство вообще, но в особенности построенное на ценностях либеральной демократии. Очевидный антагонизм идей джихадизма и «безбожного коммунизма» не препятствовал стремлению части коминтерновских деятелей и работников большевистских спецслужб объединить усилия с «революционными исламистами» в борьбе против главного врага — западного капитализма⁹.

Хотя Британская империя, несмотря на победу в мировой войне, пребывала, как отмечают идеологи Коминтерна, на грани распада, она, по мнению приверженцев «коммунистического милитаризма», отнюдь не собиралась уступать кому-нибудь бремя глобального лидерства. Именно поэтому, с их точки зрения, Лондон рассматривал в качестве одного из внешнеполитических приоритетов повторение вооруженной интервенции против СССР силами соседних с ним государств как в Европе, так и Азии¹⁰. Отвечая на публикации англо-индийской прессы о «красной опасности», кремлевские пропагандисты указывали на маршруты эвентуального вторжения из Британской Индии в Советский Туркестан через территорию Афганистана, хотя оно могло столкнуться не только с природно-географическими барьерами и сложной этноконфессиональной ситуацией, но и значительными финансовыми затратами, неприемлемыми для Лондона в условиях экономических трудностей середины 1920-х годов¹¹.

Переходя к характеристике британского варианта «доктрины Монро», стоит напомнить, что ее провозглашение президентом США в послании членам Конгресса более 200 лет назад — 2 декабря 1823 г. — имело своей целью предотвращение вмешательства ведущих европейских держав в дела Западного полушария, чтобы восстановить колониальное господство и перераспределить зависимые территории между ними. Спустя 80 лет другой американский президент, Т. Рузвельт, предложил новое толкование указанной концепции на основе «дипломатии доллара» и «политики большой дубинки», означавшей в реальности переход к Вашингтону функций «верховного арбитра» и «главного полицейского» на американском континенте¹².

После окончания Первой мировой войны внешнеполитическая повестка Соединенного Королевства претерпела существенные изменения. Ощутимые людские, финансовые и материальные затраты, которые оно понесло, заставляли влиятельные группы истеблишмента переходить к сочетанию традиционных методов «жесткой» силы с новыми практиками более «мягкого» воздействия¹³. Этому процессу также способствовало принятие на себя коалиционным правительством Д. Ллойд Джорджа еще в августе 1919 г. так называемого правила десяти лет (Ten Year Rule), согласно которому расходы силовых ведомств сокращались исходя из прогноза неучастия Великобритании в глобальном конфликте на протяжении следующего десятилетия. Таким образом, затраты на «силовую» политику, составлявшие в 1919–1920 гг. 766 млн ф. ст., были урезаны в 4 раза спустя два года, а к 1932 г. составили всего лишь 102 млн ф. ст.¹⁴.

⁹ См. подробнее: *Kepel G. Jihad: The Trail of Political Islam. Cambridge (Mass.), 2002.*

¹⁰ *Гус М. С. Британский империализм и Восток. Харьков, 1926. С. 25, 57.*

¹¹ См., напр.: *Маздур И. Британский империализм в Индии и подготовка интервенции против СССР. М., 1933. С. 37–39, 45–46, 55–72.*

¹² *Исэров А. А. Монро доктрина 1823 г. // Большая российская энциклопедия (БРЭ). URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2228217 (дата обращения: 22.03.2024). Также см.: *Gilderhus M. T. The Monroe Doctrine: Meanings and Implications // Presidential Studies Quarterly. 2006. Vol. XXXVI. № 1. P. 5–16. О коррективах «доктрины Монро» президентом Т. Рузвельтом см.: Veese C. A World Safe for Capitalism Dollar Diplomacy and America's Rise to Global Power. New York, 2002.**

¹³ См. подробнее: *Малкин С. Г. Патрулируя империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума. Самара, 2024.*

¹⁴ *Kennedy P. The Realities Behind Diplomacy. Background Influences on British External Policy 1865–1980. London, 1981. P. 231.*

Отсюда стремление членов второго консервативного кабинета С. Болдуина (1924–1929) воздерживаться от массированного использования войск для подавления национальных движений, либо делать это только в самых крайних случаях, как это происходило на территории Ирака, подмандатной Палестины, на северо-западной границе Британской Индии, а также на территории некоторых иностранных концессий в Китае. Исследованию теоретического обоснования и практической реализации «жесткой силы» посвящено несколько заслуживающих внимания работ современных авторов¹⁵.

Документы Уайтхолла свидетельствуют, что объединение экспансии большевизма в страны Востока в форме «коммунистического милитаризма» с радикальными национальными движениями рассматривалось властной элитой Британской империи на протяжении 1920-х годов как наибольшая угроза ее существованию. Аналогично соперничеству России и Великобритании в период Большой игры второй половины XIX – начала XX в., хотя и в иной международной обстановке, ключевую роль в этих сценариях играли государства Среднего Востока, которые стремились избавиться от полуколонияльного статуса в процессе обретения ими подлинного суверенитета.

К середине 1920-х годов основная дискуссия сторонников британской интерпретации «доктрины Монро» развернулась на страницах журнала «Круглый стол» (The Round Table) – периодического издания, отражавшего взгляды сторонников более тесного взаимодействия метрополии и самоуправляющихся доминионов. Основанный в 1910 г. высоким комиссаром в Южной Африке А. Милнером и его ближайшими помощниками журнал объединил представителей консервативных кругов, выступавших за преобразование империи в Содружество (Commonwealth) – конфедерацию союзных государств, объединенных историческим прошлым, английским языком, христианскими духовными ценностями, конкурентной рыночной экономикой и принципами либеральной демократии. После кончины лорда Милнера в мае 1925 г. наиболее активную роль в продвижении этих идей играли такие видные политики и общественные деятели, как Л. Кёртис – основатель Королевского института международных отношений (Чэтэм-хауса), Ф. Керр (лорд Лоттиан) – личный секретарь Ллойд Джорджа, впоследствии посол в США, Дж. Дausон – влиятельный журналист газеты «Таймс», а также Р. Бранд (лорд Бранд) – крупный государственный чиновник, затем директор «Ллойдс Бэнк». Эта группа единомышленников пользовалась содействием, особенно по вопросу отпора «большевистской экспансии», министра колоний Л. Эмери, руководителя авиационного ведомства С. Хора, лорда Темплвуда, министра по делам Индии Ф. Смита (более известного как лорд Биркинхед) и, наконец, наиболее последовательного антикоммуниста, канцлера казначейства У. Черчилля¹⁶.

Постепенно в ходе дебатов возникали контуры британского варианта «доктрины Монро». Ключевым принципом ее нового прочтения выступало дальнейшее сближение метрополии и доминионов на федеративной основе с использованием общих подходов к организации обороны имперских рубежей. При этом противодействие вмешательству геополитических конкурентов – Франции, Германии, США и Японии – должно было осуществляться объединенными вооруженными силами (сухопутными, морскими и воздушными) в целях защиты метрополии и ее коммуникаций с доминионами, колониями и протекторатами.

В экономическом плане предусматривался отказ от постулатов свободной торговли с переходом к протекционизму. На практике это означало формирование валютно-финансового блока на основе фунта стерлингов и таможенного союза с использованием преференциальных внутренних и запретительных внешних пошлин на основные категории сырья и промышленной продукции.

¹⁵ Среди наиболее содержательных публикаций укажем на следующие работы: *Moreman T.* “Small Wars” and “Imperial Policing”: The British Army and the Theory and Practice of Colonial Warfare in the British Empire, 1919–1939 // *Journal of Strategic Studies*. 1996. Vol. XIX. № 4. P. 105–131; *Thomas M.* Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley; Los Angeles, 2008; *Hevia J.* The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012.

¹⁶ См., например: *The Round Table Journal*. 1920–1929. Vol. X. Iss. 40. P. 772–940.

Кроме того, важнейшей чертой «доктрины Монро» в понимании правящих кругов Соединенного Королевства являлась борьба с распространением коммунистической пропаганды среди колониальных и зависимых народов через привлечение на свою сторону умеренных лидеров и групп в националистических движениях. Одновременно у британских политиков росло понимание значимости поддержки течений умеренного типа. Свидетельством постепенного осознания ими эффективности привлечения к сотрудничеству противников насильственных действий среди руководства Индийского национального конгресса (ИНК) стала работа комиссии под руководством известного юриста Дж. Саймона, занявшего пост министра иностранных дел в национальном правительстве Дж.Р. Макдональда. Как известно, Саймон вместе с группой парламентариев на протяжении 1928 г. проводил обследование политического положения в регионах Индии, стремясь подготовить конституционную реформу ее управления¹⁷. Еще одним примером подобного рода служит деятельность британских дипломатов и сотрудников спецслужб в Ираке, где они, по справедливому мнению отечественных авторов, старались «трансформировать политическое пространство региона в направлении от религиозной формы социально-государственного устройства к светской»¹⁸.

Если формулированием принципов «коммунистического милитаризма» занимались главным образом обладатели высоких постов в советских властных институтах, в прошлом профессиональные революционеры, не получившие специального образования и поэтому довольно приблизительно представлявшие себе ситуацию в странах Востока, за исключением, пожалуй, военных специалистов-востоковедов вроде А.Е. Снесарева, то разработку британского варианта «доктрины Монро» осуществляли первоклассные эксперты-ориенталисты, работавшие в различных правительственных структурах и межведомственных координационных органах. Примером может служить Комитет имперской обороны (КИО) (Committee of Imperial Defence) — основной консультативный орган по стратегическим вопросам, возникший сразу после окончания англо-бурской войны 1899—1902 гг.¹⁹

Подчеркнем, что важнейшую роль в этом процессе сыграли участники Межведомственного совещания по беспорядкам на Востоке (МСБВ) (Interdepartmental Conference on Eastern Unrest, ICEU), начало деятельности которого относится к февралю 1922 г. Главная задача совещания, включившего представителей Форин офис, Министерства по делам Индии и Имперского Генерального штаба, состояла в мониторинге деятельности, оценке угрозы и подготовке рекомендаций для противодействия националистическим организациям различной идеологической ориентации, прежде всего сотрудничавшим с Коминтерном, как, например, члены сикхской партии «Гадар».

В целях исключения дублирования функций, а также финансовой экономии КИО своим решением от 25 марта 1926 г. включил МСБВ в свой состав на правах подкомитета. На протяжении последующих нескольких месяцев члены МСБВ провели пять пленарных заседаний, продолжив обсуждения в первом полугодии 1927 г. Основное внимание их участников привлекал регион Центральной Азии, охватывавший Афганистан и Северо-Западную пограничную провинцию Британской Индии. Кроме того, повышенный интерес экспертов привлекали провинции Китая, охваченного революционным движением. Наконец, в связи с локальными восстаниями племен и временным ослаблением власти центральных правительств члены МСБВ по запросам Кабинета занимались также ситуацией в Турции,

¹⁷ *Вертинский А.В.* Комиссия Саймона и борьба в политических кругах Великобритании вокруг индийской конституционной реформы (1927—1930 гг.) // Из истории буржуазной дипломатии и межимпериалистических противоречий в первой половине XX в. Томск, 1986. С. 57—73; *Жирова Н.С.* Сотрудничество индийской партии «Гадар» с Коминтерном (1922—1943). Липецк, 2016. С. 101.

¹⁸ *Миняжетдинов И.Х.* Коминтерн в «английском» Ираке: в поисках правильного ракурса // Коминтерн и Восток. С. 112.

¹⁹ О создании и начальном этапе деятельности КИО см.: *Сергеев Е.Ю.* Комитет имперской обороны — главный орган координации внешней политики Великобритании // Европейские сравнительно-исторические исследования / ред. А.А. Улунян, Е.Ю. Сергеев. Вып. 4. М., 2014. С. 129—143.

Иране, Ираке и арабских государствах Ближнего Востока²⁰. Отметим, что с этим органом активно взаимодействовали разведывательные службы не только сухопутных, морских и воздушных сил, но и соответствующие полицейские департаменты МВД Великобритании и Министерства по делам Индии²¹.

К числу факторов, затруднявших разработку британской концепции защиты и приспособления империи к новым условиям, относились межведомственные трения по разграничению полномочий и финансированию защиты имперских рубежей. В первой половине 1927 г. они достигли такой степени накала, что глава Форин офис О. Чемберлен инициировал преобразование МСБВ в подкомитет КИО по обороне Индии, продолжавший работать вплоть до начала Второй мировой войны²².

Не менее острые дебаты шли на заседаниях различных исследовательских центров главных оппонентов консерваторов — лейбористов, которые, хотя и не выступали с радикальных позиций немедленной ликвидации Британской империи, которая, по их мнению, выступала барьером на пути ревизии Версальско-Вашингтонского порядка, гарантируя сохранение всеобщего мира, но стремились к эвентуальному реформированию ее структуры и взаимосвязей основных компонентов. Так, еще в программе 1918 г. руководство Рабочей партии заявило о намерении предоставить подмандатным и зависимым территориям тот диапазон самоуправления, который они способны осуществлять, вплоть до полноправного членства в проектируемой Британской конфедерации, призванной заменить собой империю, хотя каких-либо точных сроков названо не было²³.

Выступая за последовательное реформирование колониального статус-кво, часть лейбористских лидеров, например А. Гендерсон, Х. Далтон и У. Ситрин, предлагали, если так можно выразиться, правоцентристскую интерпретацию «доктрины Монро», основываясь на заключениях экспертов Консультативного комитета по международным вопросам (Labour's Advisory Committee on International Questions). Их видение будущей империи предполагало ее трансформацию в Содружество наций, хотя и не совсем равноправных, на трех уровнях: метрополия — белые доминионы — азиатские, африканские и карибские колонии²⁴.

При этом слева им оппонировали Дж. Лэнсбери, А. Понсонби, Ч. Бакстон, изучавшие опыт национального строительства Советского Союза на социалистических началах. Другими словами, лейбористы попытались сформулировать концепцию преобразования имперских владений в конфедерацию суверенных народов, лишь формально признававших верховную власть метрополии, причем некоторые из них выражали согласие упразднить монархию и перейти к республиканской форме правления. В этом случае место монарха занял бы президент конфедерации, а Палаты лордов — законодательный орган, члены которого представляли бы интересы конкретных наций. Показательно, что в будущем планируемая конфедерация, по мнению некоторых лейбористских идеологов, могла стать зародышем мирового правительства — Всемирной лиги народов²⁵.

²⁰ Memorandum by ICEU "Turco-Russian policy in the Middle East and in Arabia", 23 June 1927 // The National Archives of the United Kingdom (далее — TNA). British Library Afro-Asian Studies. India Office Records. L/P&J/12/155.

²¹ Fisher J. The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British Responses to Bolshevik and Other Intrigues against the Empire during the 1920s // Journal of Asian History. 2000. Vol. XXXIV. № 1. P. 18.

²² Ibid. P. 29. Также см.: Orde A. Great Britain and International Security 1920–1926. London, 1978. P. 29.

²³ Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии Великобритании между двумя мировыми войнами. М., 1976. С. 69–71; Thorpe A. Introduction // The British Labour Party and The Wider World / eds P. Cornthorn, J. Davis. London; New York, 2008. P. 1–24.

²⁴ Thomas J.H. Labour and the Empire // World Today. 1924. № 5. P. 487–489; Hillmer N. The Foreign Office, the Dominions and the Diplomatic Unity of the Empire, 1925–29 // Retreat from Power. Studies in Britain's Foreign Policy of the Twentieth Century / ed. D. David. London; Basingstoke, 1981. Vol. 1. P. 64–77; Sylvest C. A Commanding Group? Labour's Advisory Committee on International Questions 1918–1931 // The British Labour Party... P. 48–63.

²⁵ Судейкин А.Г. Указ. соч. С. 73.

Объединяющим моментом как для правых, так и для левых лейбористов являлось понимание социализма в его «фабианском» истолковании, которое означало эволюционное развитие демократических основ государственной жизни без ограничения либеральных свобод путем создания институтов общественного самоуправления. Такая перестройка подразумевала не только политические трансформации, но и хозяйственные изменения с введением элементов государственного регулирования экономики, хотя ее базисом оставались рыночные отношения. Любопытно, что, с точки зрения авторов проектов будущей конфедерации, ее высшим органом должен был стать Совет Содружества, который обязывался созывать ежегодные конференции с участием представителей народов, объединенных английским в качестве государственного языка, христианской религией как основы общественной жизни и демократическими принципами организации системы управления.

По воспоминаниям членов второго лейбористского правительства Дж.Р. Макдональда (июль 1929 – август 1931 г.), главной причиной, сделавшей невозможным проведение в жизнь амбициозной программы реорганизации Британской империи, стал мировой экономический кризис начала 1930-х годов²⁶. Вместе с тем автору статьи представляется необходимым указать еще как минимум три фактора, затруднявших ее реализацию: ожесточенное сопротивление консервативных сил, очевидную разнородность колониальных владений и, что представляется наиболее существенным, воздействие идеологии и практики «коммунистического милитаризма».

Характерным примером столкновения идей переноса революционных методов за рубеж и стремления придать «доктрине Монро» «второе дыхание» послужила ситуация в северо-западной Индии второй половины 1920-х годов.

Обращаясь к индийской тематике, упомянем выступление лорда Биркинхеда на октябрьской 1926 г. Имперской конференции в Лондоне. «Мы должны быть готовы встретить российскую агрессию против Индии в новой и гораздо более опасной форме, поскольку она подразумевает атаку извне, одновременную с внутренними беспорядками или следующую за ними». Отстаивая неприкосновенность имперских рубежей, Биркинхед регулярно обрушивался с нападками на политику большевиков, которых он в публичных выступлениях называл захватившей власть «бандой евреев и грузин», уничтоживших царскую семью, присвоивших собственность британских подданных на территории России и доведших ее до военного поражения, демонстрируя миру «обман, жестокость и антигуманность социализма»²⁷.

Хотя обычно О. Чемберлен дистанцировался от мнения Биркинхеда, в сущности, его трактовка «доктрины Монро» для Азии не сильно отличалась от взглядов министра по делам Индии. Так, на очередном заседании КИО 26 ноября 1926 г. глава Форин офис назвал основным геополитическим противником Британии именно Советский Союз, но никак не Германию, Японию или США²⁸. Развивая эту мысль, составитель одного из меморандумов для подкомитета по обороне Индии, начальник Имперского Генерального штаба Дж. Милн 25 марта 1927 г. указывал на сочетание ряда неблагоприятных для Британии тенденций: возрастание советского влияния на Среднем Востоке, ослабление режима в Афганистане и нестабильное состояние имевшей ключевое геополитическое значение Северо-Западной пограничной провинции Индии (СЗПП)²⁹.

Наибольшую угрозу официальный Лондон усматривал в сочетании двух основных подходов Кремля к национальным движениям указанного региона: «большевизации» СЗПП с помощью левых экстремистов в их составе и одновременно привлечение к сотрудничеству умеренных националистов, как, например, одного из лидеров ИНК Дж. Неру. Не случайно осенью 1927 г. советское правительство пригласило его вместе с семьей посетить СССР по случаю десятилетия революции. Результатом поездки явилась публикация впечатлений

²⁶ Howe S. *Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918–1964*. Oxford, 1993. P. 44–52.

²⁷ Цит. по: *Campbell J.F.E. Smith. First Earl of Birkenhead*. London, 1991. P. 747, 786.

²⁸ The CID meeting, 25 November 1926 // TNA. CAB2/4.

²⁹ Memorandum by Milne for the Cabinet, 25 March 1927 // *Howard M. The Continental Commitment: The Dilemma of British Defense Policy in the Era of the Two World Wars*. London, 1972. P. 90–91.

Неру, отразивших в целом благоприятное мнение индийского политика о Стране Советов. «В общем-то Россия и Индия должны жить как лучшие соседи без малейших трений. Их постоянный характер, наблюдаемый нами сегодня, определяется конфликтом между Англией и Россией, а не между Индией и Россией», — сделал вывод Неру. И задался вопросом: «Существует ли причина того, что мы в Индии обязаны унаследовать вековое соперничество Англии против России?» Отвечая на него, он указывал, что в основе лежали «зависть и алчность британского империализма». Поэтому интересы индийцев, безусловно, заключались в том, чтобы «положить ему конец, лишив поддержки и возможности дальнейшего усиления»³⁰.

Возвращаясь к характеристике первого из упоминавшихся подходов, отметим, что, согласно известным решениям о «левом повороте», принятым VI Конгрессом Коминтерна в Москве летом 1928 г., распространение коммунистической пропаганды только усилилось³¹. После вынужденного закрытия в связи с дипломатическим давлением Лондона и Анкары курсов подготовки революционных активистов в Ташкенте ее центр был перенесен в Баку. Кроме того, по данным контрразведывательных и полицейских структур англо-индийского правительства, руководство ИККИ в сотрудничестве с ОГПУ с 1925 г. финансировали секретные центры и легальные организации по связям с Индией в Кабуле и Мазари-Шарифе, отнюдь этого не скрывая. Так, например, 14 ноября 1930 г. газета «Известия» сообщала о выделении Москвой 200 тыс. долл. индийским революционерам³².

Что касается второго направления воздействия большевиков на протестное движение, упомянем финансовую поддержку стачки трудящихся Бомбея, которая продолжалась несколько недель. По оценкам индийских историков, из 75 тыс. рупий, собранных в фонде солидарности со стачечниками, 32,5 тыс. рупий они получили из СССР³³. Не случайно 3 мая 1928 г. газета Times информировала читателей о «руке Москвы» в бомбейской забастовке и вызванных ею волнениях рабочих³⁴. Однако решения съезда ИНК о мирной стратегии борьбы за независимость, последовавшие после работы в Индии упоминавшейся комиссии Саймона, а также призывы М. Ганди к ненасильственному сопротивлению британским колониальным властям на местах вызвали критику Сталина, руководства Коминтерна и советской прессы³⁵.

На протяжении 1931 г. опасения сторонников «доктрины Монро» только усилились, о чем свидетельствовало многократное (29 раз!) обсуждение парламентариями систематического вмешательства СССР в дела Индии³⁶. Характерно, что еще летом 1930 г. для борьбы с этой угрозой 5 тыс. казаков-эмигрантов (всего к началу 1930-х годов в Маньчжурии находилось около 12 тыс. россиян) — ветеранов Первой мировой войны и Белого движения — обратились к британскому консулу в Харбине с прошением приступить к формированию отдельной бригады для отправки в Индию, чтобы бороться против движений, инициированных агентами Коминтерна³⁷.

Непосредственно англо-индийские власти были особенно встревожены сотрудничеством коммунистов с национальными движениями, как, например, с членами упоминавшейся партии «Гадар», что приводило к инфильтрации агентов Коминтерна в различные организации и фонды, особенно профсоюзы и религиозные сообщества³⁸. Дело о попытке анти-

³⁰ Цит. по: *Nehru J. Soviet Russia: Some Random Sketches and Impressions*. Bombay, 1929. P. 1–3. О поездке Неру в СССР см.: *Samra C.S. India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947*. Bombay etc., 1959. P. 111–114.

³¹ О подрывной деятельности эмиссаров Коминтерна в Индии см.: *Spratt P. Blowing Up India. Reminiscences and Reflections of a Former Comintern Emissary*. Calcutta, 1955. P. 31–46; *Haithcox J.M.N. Roy and Comintern Policy 1920–1939*. Princeton (NJ), 1971. P. 80–107.

³² Известия. 14.XI.1930 г.

³³ *Samra C.S. Op. cit.* P. 114–115.

³⁴ *Жирова Н.С.* Указ. соч. С. 101.

³⁵ *Roy M.N. Imperialism and Indian Nationalism*, 5 January 1928 // TNA. KV 3/148; *Das D. India from Curzon to Nehru and After*. London, 1969. P. 129–141.

³⁶ *Попов В.И.* Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929–1939 гг.). М., 1965. С. 46.

³⁷ Петиция группы бывших российских военнослужащих-казачков к Лэмбу, британскому консулу в Харбине, 27 июня 1930 г. // TNA. FO 228/4169.

³⁸ *Petrie D. Communism in India, 1924–27*. Calcutta, 1927. P. 80–82; 185–187, 275–316.

правительственного мятежа в городе Меерут (штат Уттар-Прадеш) показало, что расчеты большевистских эмиссаров вызвать массовые протестные выступления индийских рабочих имели под собой основание³⁹. Как подчеркивал директор Бюро политической разведки англо-индийского правительства Д. Петри, «СССР добивается в Индии не установления коммунистического режима, а разрушения изнутри политической системы британского правления»⁴⁰. Впрочем, подрывную деятельность коммунистических организаций на территории Индостана признавали сами советские дипломаты, правда, лишь в личных беседах с британскими коллегами, как, например, это сделал заместитель наркома М.М. Литвинов на неформальной встрече с О. Чемберленом 5 декабря 1927 г.⁴¹

В то же время активисты Коминтерна и работники агитпропа не прекращали попыток воздействия на обывателей, особенно молодежь, через театральные постановки и публикации в прессе. Так, летом 1931 г. один из театров Москвы поставил пьесу «Индия», а в апреле следующего года на подмостках уже ленинградской театральной площадки осуществлялось сценическое действие под названием «Бомбей». Содержанием обоих представлений являлось революционное движение индийского народа против английских колонизаторов. Кроме того, 10 мая 1932 г. на страницах «Инпрекора» — новостного журнала ИККИ, выходившего на русском и трех западноевропейских языках, был опубликован так называемый Проект платформы действий комсомольских организаций Индии, что вызвало очередную ноту протеста Форин офис⁴².

Завершая рассмотрение интересующего нас периода, попытаемся оценить результаты практического воплощения в жизнь идей советского «коммунистического милитаризма» и британского издания «доктрины Монро».

По мнению автора, к объединяющим характеристикам указанных концепций необходимо отнести их генетическую связь с Большой игрой — периодом бескомпромиссного соперничества России и Великобритании второй половины XIX — начала XX в. за доминирование на пространствах Центральной Азии. Как показывают события 1920-х годов, идеологическая составляющая геополитической конкуренции двух империй продолжала оказывать ощутимое воздействие на их отношения в регионах Азии и после формального окончания противостояния Москвы и Лондона после 1907 г.⁴³

Второй общий момент рассмотрения этих доктрин состоит в проблемах их формулирования на фоне межведомственных противоречий, столкновения личных амбиций, а также инициатив дипломатов, чиновников и военных администраторов на местах, которые нередко искажали директивные попытки центральных органов воплотить в жизнь те или иные положения концепций, о которых идет речь. Иными словами, неверное толкование методов распространения коммунистической революции за рубеж либо подходов к охране имперских границ сводило на нет концептуальные усилия лиц, облеченных высокими полномочиями как в Москве, так и в Лондоне.

Наконец, сходными по осуществлению «коммунистического милитаризма» и британской «доктрины Монро» оказались результаты этой деятельности. Ведь хорошо известно, что Кремлю не удалось разжечь пламя «мировой революции» с помощью националистических движений, с одной стороны, тогда как, с другой стороны, усилия британских правящих кругов сохранить империю, пусть в трансформированном виде, также потерпели фиаско, правда, после завершения Второй мировой войны.

³⁹ Andrew C. Defence of the Realm: The Authorized History of MI5. London, 2010. P. 137—138; Уолтон К. Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6. М., 2016. С. 54—55.

⁴⁰ Цит. по: Petrie D. Op. cit. P. 321.

⁴¹ Henderson A., Dovgalevsky V. Anglo-Soviet Relations, 1918—1929 // Bulletin of International News. 1929. Vol. VI. № 7. P. 8.

⁴² Simon to Bogomolov, 24 May 1932 // Soviet Union. Political Reports. 1917—1970 / ed. R. Jarman. Vol. 4. Oxford, 2004. P. 297, 530.

⁴³ См. подробнее: Сергеев Е.Ю. Большая игра. 1856—1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 289—299.

По сути, как Москва, так и Лондон оказались неспособны использовать тенденцию к деколонизации в собственных интересах, хотя и с некоторым временным лагом, поскольку успехи национально-освободительных движений 1950–1980-х годов не привели к достижению целей, провозглашенных творцами «коммунистического милитаризма» и «доктрины Монро», – созданию всемирной Республики Советов по большевистским лекалам либо торжеству либеральных ценностей в государствах Азии и Африки по образцу западных демократий.

Библиография / References

- Вертинский А.В.* Комиссия Саймона и борьба в политических кругах Великобритании вокруг индийской конституционной реформы (1927–1930 гг.) // Из истории буржуазной дипломатии и меж-империалистических противоречий в первой половине XX в. Томск, 1986. С. 57–73.
- Глазами разведки. СССР и Европа, 1919–1938 годы. Сборник документов из российских архивов / сост. М. Уль, В. Хаустов, В. Захаров. М., 2015.
- Гус М.С.* Британский империализм и Восток. Харьков, 1926.
- Жирова Н.С.* Сотрудничество индийской партии «Гадар» с Коминтерном (1922–1943). Липецк, 2016.
- Исэров А.А.* Монро доктрина 1823 г. // Большая российская энциклопедия (БРЭ). URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2228217 (дата обращения: 22.03.2024).
- Маздур И.* Британский империализм в Индии и подготовка интервенции против СССР. М., 1933.
- Малкин С.Г.* Патрулируя империю: колониальный контроль и военная мысль Великобритании в эпоху Интербеллума. Самара, 2024.
- Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999.
- Миняжетдинов И.Х.* Коминтерн в «английском» Ираке: в поисках правильного ракурса // Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна / отв. ред. Н.Г. Романова, К.В. Орлова. М., 2021. С. 77–114.
- Попов В.И.* Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929–1939 гг.). М., 1965.
- Сергеев Е.Ю.* Большая игра 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
- Сергеев Е.Ю.* Комитет имперской обороны – главный орган координации внешней политики Великобритании // Европейские сравнительно-исторические исследования / ред. А.А. Улунян, Е.Ю. Сергеев. Вып. 4. М., 2014. С. 129–143.
- Сергеев Е.Ю.* Обманчивый рассвет: Советский Союз и Великобритания в 1925–1932 гг. М., 2024.
- Судейкин А.Г.* Колониальная политика лейбористской партии Великобритании между двумя мировыми войнами. М., 1976.
- Уолтон К.* Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6. М., 2016.
- Черникова Л.П.* Троцкий и идея мировой революции в контексте будущего Китая // Коминтерн и Восток: к 100-летию Коминтерна / отв. ред. Н.Г. Романова, К.В. Орлова. М., 2021. С. 218–261.
- Chernikova L.P.* Trotsky i ideya mirovoi revoliutsii v kontekste budutshogo Kitaya [Trotsky and the Idea of World Revolution in the context of China's Future] // Comintern i Vostok: k stoletiyu Cominterna [The Comintern and the Orient: Devoted to the Centennial of the Comintern] / red. N.G. Romanova, K.V. Orlova. Moskva, 2021. S. 218–261. (In Russ.)
- Glasami razvedki. SSSR i Evropa, 1919–1938 gody. Sbornik dokumentov iz rossiiskikh arkhivov [Through the Eyes of Intelligence. Collection of Documents from Russian Archives] / sost. M. Ul', V. Khaustov, V. Zakharov. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Gus M.S.* Britanskii imperialism i Vostok [British Imperialism and the Orient]. Kharkov, 1926. (In Russ.)
- Iserov A.A.* Monroe doctrina 1823 g. [Monroe Doctrine 1823] // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya (BRE) [Great Russian Encyclopedia (GRE). URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2228217 (access date: 22.03.2024). (In Russ.)
- Malkin S.G.* Patruliruya imperiyu: kolonial'nyi kontrol' i voennaya mysl' Velikobritanii v epokhu Interbelluma [Policing the Empire: Colonial Control and Military Thought of Great Britain in the Interbellum Epoch]. Samara, 2024. (In Russ.)
- Mamaeva N.L.* Comintern i Gomin'dan [The Comintern and Guomindang]. 1919–1929. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Mazdur I.* Britanskii imperialism v Indii i podgotovka interventsii protiv SSSR [British Imperialism and the Preparations for Intervention against the USSR]. Moskva, 1933. (In Russ.)
- Minyazhetdinov I.Kh.* Comintern v "angliiskom" Irake: v poiskakh pravil'nogo rakursa [The Comintern in "British" Iraq: In Search of the Optimal Angle] // Comintern i Vostok: k stoletiyu Cominterna [The Comintern and the Orient: Devoted to the Centennial of the Comintern] / red. N.G. Romanova, K.V. Orlova. Moskva, 2021. S. 77–114. (In Russ.)
- Popov V.I.* Diplomaticcheskie otnosheniya mezhdu SSSR i Anglii [Diplomatic Relations between the USSR and England] (1929–1939). Moskva, 1965. (In Russ.)

Sergeev E. Yu. Bol'shaya igra 1856–1907: Mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Asii [The Great Game 1856–1907: Myths and Realities of Russo-British Relations in Central and East Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Sergeev E. Yu. Komitet imperskoi oborony – glavnyi organ koordinatsii vneshnei politiki Velikobritanii [Committee of Imperial Defence – The Main Coordinative Body of British Foreign Policy] // Evropeiskie sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya [European Comparative Studies] / red. A.A. Ulunian, E.Yu. Sergeev. Iss. 4. Moskva, 2014. S. 129–143. (In Russ.)

Sergeev E. Yu. Obmanchivyi rassvet: Sovetskii Soyuz i Velikobritaniya v 1925–1932 gg. [Illusory Dawn: The Soviet Union and Great Britain in 1925–1932]. Moskva, 2024. (In Russ.)

Sudeikin A.G. Kolonial'naya politika leiboristskoi partii Velikobritanii mezhdru dvumya mirovymi voynami [Colonial Policy of Great Britain's Labour Party in the Interim of Two World Wars]. Moskva, 1976. (In Russ.)

Vertinskii A.V. Komissiya Saimona i bor'ba v politicheskikh krugakh Velikobritanii vokrug indiidkoi konstitutsionnoi reform [Simon's Commission and the Struggle around Indian Constitutional Reform in Great Britain's Political Circles] (1927–1930) // Iz istorii burzhuaznoi diplomatii i mezhimperialisticheskikh protivorechii v pervoi polovine XX v. [From the History of Bourgeois Diplomacy and Interimperialistic Contradictions in the First Half of the 20th Century]. Tomsk, 1086. S. 57–73. (In Russ.)

Walton C. Britanskaya razvedka vo vremena kholodnoi voyny. Sekretnye operatsii MI5 i MI6. Trans. from English [Empire of Secrets: British Intelligence, The Cold War, and The Twilight of Empire]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Zhirova N.S. Sotrudnichestvo indiiskoi partii "Gadar" s Kominternom (1922–1943) [Collaboration of the Indian "Gadar" Party with the Comintern (1922–1943)]. Lipetsk, 2016. (In Russ.)

Andrew C. Defence of the Realm: the Authorized History of MI5. London, 2010.

Campbell J. F.E. Smith. First Earl of Birkenhead. London, 1991.

Das D. India from Curzon to Nehru and After. London, 1969.

Fisher J. The Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British Responses to Bolshevik and Other Intrigues against the Empire during the 1920s // Journal of Asian History. 2000. Vol. XXXIV. № 1. P. 1–34.

Gilderhus M.T. The Monroe Doctrine: Meanings and Implications // Presidential Studies Quarterly. 2006. Vol. XXXVI. № 1. P. 5–16.

Haithcox J. M.N. Roy and Comintern Policy 1920–1939. Princeton (NJ), 1971.

Henderson A., Dovgalevsky V. Anglo-Soviet Relations, 1918–1929 // Bulletin of International News. 1929. Vol. VI. № 7. P. 3–12.

Hevia J. The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012.

Hillmer N. The Foreign Office, the Dominions and the Diplomatic Unity of the Empire, 1925–29 // Retreat from Power. Studies in Britain's Foreign Policy of the Twentieth Century / ed. D. David. London; Basingstoke, 1981. Vol. 1. P. 64–77.

Howard M. The Continental Commitment: The Dilemma of British Defense Policy in the Era of the Two World Wars. London, 1972.

Howe S. Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918–1964. Oxford, 1993.

Kapur H. Soviet Russia and Asia. A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966.

Kennedy P. The Realities Behind Diplomacy. Background Influences on British External Policy 1865–1980. London, 1981.

Kepel G. Jihad: The Trail of Political Islam. Cambridge (Mass.), 2002.

Moreman T. "Small Wars" and "Imperial Policing": The British Army and the Theory and Practice of Colonial Warfare in the British Empire, 1919–1939 // Journal of Strategic Studies. 1996. Vol. XIX. № 4. P. 105–131.

Nehru J. Soviet Russia: Some Random Sketches and Impressions. Bombay, 1929.

Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York, 2004.

Orde A. Great Britain and International Security 1920–1926. London, 1978.

Petrie D. Communism in India, 1924–27. Calcutta, 1927.

Samra C.S. India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. Bombay, etc., 1959.

Soviet Union. Political Reports. 1917–1970 / ed. R. Jarman. Vol. 4. Oxford, 2004.

Sylvest C. A Commanding Group? Labour's Advisory Committee on International Questions 1918–1931 // The British Labour Party and the Wider World / eds P. Cornthorn, J. Davis. London; New York, 2008. P. 48–63.

Thomas J.H. Labour and the Empire // World Today. 1924. № 5. P. 487–489.

Thomas M. Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914. Berkeley; Los Angeles, 2008.

Thorpe A. Introduction // The British Labour Party and The Wider World / eds P. Cornthorn, J. Davis. London; New York, 2008. P. 1–24.

Veeser C. A World Safe for Capitalism Dollar Diplomacy and America's Rise to Global Power. New York, 2002.

© 2024 г. Л.В. ЛАННИК

МЕТАМОРФОЗЫ ПРЕВОСХОДСТВА: ГЕРМАНСКИЕ ВОЕННЫЕ МИССИИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА КАК (ПОСТ)ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ЭКСПАНСИИ

Ланник Леонтий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00482 «Трансформации идей превосходства на Западе и в России в конце XIX в. — начале XXI в.».

Аннотация. Поражение Германии в Первой мировой войне деформировало развитие ее вооруженных сил, однако не заставило отказаться от замысла ревизии Версальского мира. Резкое сокращение рейхсвера и рейхсмарине и политические кризисы обострили проблему сохранения кадрового потенциала. Одним из инструментов ее преодоления стало возобновление военных миссий в различной форме и на разных континентах. Как официальные, так и начавшиеся еще ранее неофициальные миссии формировали будущие альянсы и позволяли обойти ограничения. Многие сюжеты из истории такого рода активности в СССР, Китае, Японии, некоторых странах Латинской Америки хорошо известны, какие-то направления остаются почти неизученными, а значение их недооценивается — в Финляндии, Турции, Ираке, Афганистане и т.д. Условия работы зависели от конъюнктуры международных отношений и от традиций сотрудничества, заложенных еще до 1914 г. и испытывавших мощное воздействие Великой войны. Историография проблемы продолжает развиваться, однако фокусируется на двусторонних отношениях и не использует компаративные методы. Целостного рассмотрения феномена, необходимого для корректной оценки явления в истории межвоенного периода, пока не проводилось. Несмотря на ряд проблем с источниками и специфику историографии, исследование германских военных миссий позволит оживить целый ряд направлений, включая дискуссию о континуитете германской внешней политики, дальнейшее развитие транснациональной истории и анализ трансформации идей превосходства и самоидентификации европейских элит.

Ключевые слова: германское офицерство, рейхсвер, рейхсмарине, транснациональная история, военные миссии, межвоенный период, идеи превосходства, Веймарская республика, Турция, Китай, Япония, Латинская Америка.

L.V. Lannik**Metamorphoses of Superiority: German Military Missions in the Interwar Period as a (Post)Traumatic Experience of Expansion***Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: leo-lannik@yandex.ru**Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020**The study was funded by the Russian Science Foundation grant № 20-18-00482 “Transformations of the Ideas of Superiority in the West and Russia in the late 19th – early 21st centuries”.*

Abstract. Germany's defeat in the Great War deformed the development of its armed forces, yet did not force it to abandon the idea of revising the Versailles Peace. The sharp reduction of the Reichswehr and the Reichsmarine, as well as political crises, exacerbated the problem of maintaining human resources. One of the tools for its preservation was the resumption of military missions in different forms and on different continents. Both official and unofficial missions, initiated earlier, formed future alliances and made it possible to circumvent many restrictions. Many of the sites of these activities – in the USSR, China, Japan, some Latin American countries – are well known, some remain virtually unknown and their significance is greatly underestimated, e.g. in Finland, Turkey, Iraq, Afghanistan, etc. The circumstances of this activity were shaped by multiple factors and depended on the conjuncture of international relations, as well as on the traditions of co-operation established prior to 1914 and greatly affected by the Great War. The historiography of the problem continues to grow, but concentrates on bilateral relations and lacks comparative approaches. A holistic examination of these German military missions, which is necessary for a proper assessment of this phenomenon in the history of the interwar period, has not yet been undertaken. Despite a number of source-related and historiography-specific problems, the study of German military missions will allow for the development of a number of research directions, including a discussion of continuity in German foreign policy, further development of transnational history, and analysis of the transformation of ideas of superiority and self-identification of European elites.

Keywords: German officer corps, Reichswehr, Reichsmarine, cross-national history, interwar period, military missions, ideas of supremacy, Weimar Republic, Turkey, China, Japan, Latin Amerika.

Первая мировая война привела к коренной трансформации всех составляющих военно-политических потенциалов, в том числе военных элит¹, как имперских, так и национальных. Продиктованные победителями параметры послевоенного устройства означали начало нового и крайне трудного этапа в истории многих армий и флотов мира, в первую очередь тех стран, что были причислены к проигравшим и «виновным» в развязывании конфликта. Проходившая в крайне нестабильной социально-экономической обстановке демобилизация миллионных армий оставалась базовым содержанием истории вооруженных сил всех великих держав в первые послевоенные годы. В сочетании с диктатом победителей, политическим и национальным расколом, травматическим опытом Великой войны переход армий и флотов на условия мирного времени, уже тогда воспринимавшегося лишь как межвоенное, не мог не быть драматическим, а в распавшихся и переживших радикальные политические перемены империях – трагическим. Однако всякий кризис и чрезвычайные условия для военных элит становились мотивом к напряженному поиску новых путей «как жить по-старому», а также к разработке способов дальнейшей реализации впитанных за

¹ Компаративных сравнений военных элит, особенно межвоенного периода, фактически не проводится. Сборники статей лишь частично решают эту проблему: *Gehirne der Armeen? Die Generalstäbe der europäischen Mächte im Vorfeld der Weltkriege* / Hrsg. von L. Grawe. Paderborn, 2023. При этом образцы подобного исследования с фокусировкой на России существует уже около четверти века: *Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001.*

десять лет установок и отстаивания на практике мировоззрения, сложившегося в предшествующую эпоху.

Особенно показательной в этом отношении является история германского офицерства в межвоенный период. Версальский диктат, крушение монархии и ряд политических кризисов в становлении 100-тысячного рейхсвера и 15-тысячного рейхсмарине², а также убеждение в необходимости комплексных усилий для восстановления великодержавного статуса Германии — пусть (пока) не монархической — привели к до сих пор недооцениваемым в историографии появлению сразу нескольких проблем в истории межвоенного периода. Германские военные миссии за рубежом в 1919–1939 гг. сыграли важнейшую роль не только в эволюции вооруженных сил тех или иных государств, но и во внешней политике Германии, в складывании условий для повторной глобальной схватки, а также для принципиальных перемен в подходах германских военных к потенциальным союзникам, особенно за пределами Европы. «Правила игры» с правительством Веймарской республики и рядом антиреспубликанских сил правого спектра подрывались серией острых кризисов 1919–1923 гг., а выстроенный модус квази-аполитичных вооруженных сил оказался крайне не хрупким, будучи скорее предметом консенсуса, нежели укоренившимся в офицерских кругах убеждением. Как минимум на индивидуальном уровне это сказывалось на оценке перспектив всякой миссии за рубежом. Разная степень официальности военных эмиссаров, одиночный характер, а то и глубокая конспирация, как и недооцениваемая связь деятельности «эмигрантов», особенно политических, с упорно преследуемой германскими центральными инстанциями целью ревизии версальского мироустройства, обеспечили недостаточное исследование феномена в целом, несмотря на обилие интересных мемуарных свидетельств³ и блестящие разработки отдельных сюжетов и направлений. По сравнению с русской военной, политической и дипломатической эмиграцией или расколотой между рядом государств бывшей военно-чиновничьей габсбургской верхушкой германские элиты, даже наиболее оппозиционно настроенные к Веймарской республике, имели куда больше возможностей для содействия отечеству, несмотря на более жесткое давление версальского мироустройства и необратимые перемены 1917–1919 гг.

До лета 1914 г. Кайзеррейху приходилось лишь «учиться быть империей»⁴, однако за почти полвека, опираясь на свой демографический, культурный и индустриальный потенциал, он сумел создать прочные плацдармы для комплексного влияния на нескольких континентах. Несмотря на позитивную для Германии динамику межимперской конкуренции, многие возможности и инструменты в рамках прежней системы международных отношений к началу Великой войны были исчерпаны. Предоставленные победами кайзеровских армий возможности, максимум которых пришелся на зиму–лето 1918 г.⁵, оказались иллюзорными. Поражение поставило страну перед перспективой окончательной утраты статуса великой державы, а одним из базовых параметров послевоенного мироустройства Антанта

² См.: Ланник Л.В. Политические факторы трансформации кайзеровской военной элиты: на пути к рейхсверу 1918–1921 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 3 (27). С. 324–332; *Ego же*. Проблема сохранения кадрового потенциала германского офицерства в условиях версальских ограничений // Первая мировая война, Версальская система и современность. Вып. 3. СПб., 2015. С. 343–354.

³ Ни в Германии, ни за ее пределами почти не востребован исследователями труд баварского генштабиста Г. фон Кисслинга, хотя он не только был одним из важнейших профессиональных критиков недостатков германской военной машины, но и имел интереснейшую биографию, побывав с миссиями в Москве, Риме, Чили, Константинополе, Месопотамии и Персии, Палестине и Дамаске, а после «бурных лет» в Мюнхене еще раз в Чили, где остался навсегда, не взирая на членство в НСДАП: *Kiesling auf Kieslingstein H.v. Soldat in drei Weltteilen*. Leipzig, 1935.

⁴ *Grimmer-Solem E. Learning Empire: Globalization and the German Quest for World Status, 1875–1919*. Cambridge, 2021.

⁵ См.: Ланник Л.В. Непосильная гегемония. Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб., 2023.

сделала достаточные — как казалось в 1919—1920 гг. — меры для ликвидации возможностей к восстановлению военно-политического потенциала Германии.

Любую неофициальную (не говоря об официальной) работу германских специалистов и инструкторов за рубежом должны были курировать военные атташе, флотские атташе, к которым к концу 1930-х годов добавились и атташе из восстановленных германских ВВС. Система атташе при основных дипломатических представительствах и до Великой войны была развита далеко не достаточно⁶, затем серьезно деформирована военными перипетиями, а под влиянием версальских ограничений была в начале 1920-х годов на 5—10 лет ликвидирована вовсе⁷. Это гарантировало исключительную важность (и крайне слабую известность) неофициальных военных миссий, о которых на Вильгельмштрассе могли лишь подозревать, серьезно опасаясь внезапной резкой реакции Антанты. Постепенно и в Веймарской республике была признана необходимость официальных (и более контролируемых) военных представителей. Военные атташе приобрели важнейшее значение, хотя детали ряда их миссий останутся неизвестными из-за утраты многих германских военных архивов. Работа данного института исследована до сих пор частично⁸, многие основные сюжеты деятельности атташе становятся известны постепенно, по мере биографических исследований или разнообразных case-studies регионального фокуса. В Берлине подготовкой или контролем за офицерами (даже формально давно уволенными в запас), находящимися с различными миссиями за рубежом, занимался отдел иностранных армий (Т 3, в том числе Э. Кюленталь, К. Либманн, Ф. фон Бёттихер), один из наиболее профессиональных в нелегальном Генеральном штабе Германии. Лишь в 1928—1930 гг. часть из этих миссий (например, в Японии, но не в Испании, где действовал В. Канарис) оказалась предана огласке в рамках нашумевшей «аферы Ломанна»⁹, вскрывшей факты секретного перевооружения вооруженных сил и стоившей поста министру рейхсвера О. Гесслеру, главе рейхсмарине Х. Ценкеру и повлекшей многочисленные перестановки в рейхсвере, призванные скрыть руководителей нелегальной сети военных агентов влияния. Международный контекст скандала достаточно умело скрыли за внутривнутриполитическими дрызгами, что можно считать следствием целенаправленного воздействия на общественное мнение заинтересованных инстанций.

Бывшие кайзеровские офицеры, намеренные продолжить службу на благо отечества в составе иностранных армий, на европейской арене имели крайне узкий спектр возможностей. Служба в армиях стран-победительниц и созданных ими новых соседей Германии была исключена, хотя симпатии и антипатии варьировались в зависимости: от взаимных территориальных и исторических претензий, от предыстории становления независимых государств (и роли в этом Кайзеррейха), от возможностей и положения стран, вынужденных искать различные источники военно-политической состоятельности (как Литва, например) или гарантий от непростого соседства (как Финляндия, Эстония и Румыния). Колониальные владения Антанты достигли максимальных пределов, но не могли предоставить шанса на закрепление германского влияния, по меньшей мере до распада англо-французского блока и частичной переориентации их союзников (Италии и Японии). Это не исключало

⁶ Например, в Китае атташе не было вообще, как и в скандинавских странах, а отделения военно-морского атташе в Османской империи от прочих балканских стран начали добиваться лишь накануне войны: *Giessler K.-V.* Die Institution des Marineattachés im Kaiserreich. Boppard a.R., 1976; *Gräwe L.* Deutsche Feindaufklärung vor dem Ersten Weltkrieg: Informationen und Einschätzungen des deutschen Generalstabs zu den Armeen Frankreichs und Russlands 1904 bis 1914. Paderborn, 2017.

⁷ *Meisner M.O.* Militärattachés und Militärbevollmächtigte in Preussen und im Deutschen Reich: Ein Beitrag zur Geschichte der Militärdiplomatie. Berlin, 1957; *Kehrig M.* Die Wiedereinrichtung des deutschen Attachédienstes nach dem Ersten Weltkrieg (1919—1933). Boppard a.R., 1966; *Giessler K.-V.* Op. cit. S. 246—253.

⁸ Попытка закрыть лакуну хотя бы о военно-морских атташе: *Riccus W.* Die Institution der Marineattachés. Berlin, 2023.

⁹ См. подробнее: *Remmele B.* Die maritime Geheimrüstung unter Kapitän z.S. Lohmann // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1997. № 56. S. 313—376.

прогерманских симпатий в некоторых частях Британской империи (в Южно-Африканском Союзе, например, а тем более в Индийском Союзе), однако не открывало возможностей для немцев-эмигрантов систематически влиять на военную и политическую элиту доминионов и колоний. В известной степени так же обстояли дела в США, где по итогам единственной крупной кампании 1918 г. многие осознали необходимость компетентного сотрудничества для развития массовой армии¹⁰. Но официальная германская миссия была невозможна ни в рамках базовых конструкций Версальской системы, ни хотя бы по соображениям престижа великой державы.

Армии и флоты проигравших государств были чрезвычайно сокращены, не оставляя даже теоретических кадровых возможностей. Отношения с нейтральными государствами с осени 1918 г. оставались натянутыми, так что даже симпатизировавшие Германии военные элиты Швеции, Испании, в меньшей степени Швейцарии и Нидерландов рисковали вызвать недовольство Антанты в случае поступления на службу в их вооруженные силы и минимального количества офицеров с таким трудом разбитой армии. Политика к ограничению вооружений, продолжавшаяся до начала 1930-х годов, диктовала перспективу сокращения вооруженных сил, а не привлечения «безработных» зарубежных специалистов сколь угодно высокого класса, включая офицеров генштаба и летчиков. Последние пытались продолжить совершенствование навыков в качестве испытателей новых, якобы гражданских, моделей, пилотов возникавшей в межвоенный период сети авиамаршрутов, подвизались в различных спортивных союзах, где вели подготовку будущего резерва люфтваффе, получив даже некоторые плюсы от особенностей работы в «версальских» условиях¹¹. Несколько меньше шансов — в связи со спецификой, а также из-за крайне негативного восприятия действий кайзеровских субмарин — было у офицеров-подводников, хотя они имели ценнейший опыт действий самого перспективного рода военно-морских вооружений.

В сотрудничестве с германскими офицерами различного статуса — от официальных эмиссаров до принявших новое гражданство эмигрантов — более заинтересованы были страны, менее подверженные давлению Версаля, в первую очередь Советская Россия/СССР¹². Либо приграничные с последним государства, усилению вооруженных сил которых придавалось Антантой такое значение, что могли быть сделаны определенные послабления ради германских инструкторов, в первую очередь в армиях Финляндии, в меньшей степени Эстонии и Литвы. В сфере возможного оставались контакты с румынской военной элитой, сохранившей прогерманское крыло и после 1918—1919 гг., а также экзотические проекты участия в становлении Албанского государства.

Контроль Антанты оказывался куда слабее вне Европы. Развитию вооруженных сил ряда независимых, но крайне уязвимых государств Ближнего и Среднего Востока, за исключением сумевшей отстоять независимость кемалистской Турции и до некоторой степени Ирана во главе с новой династией Пехлеви, в Лондоне и Париже уделяли заведомо слабое внимание. Репутация германских офицеров была достаточно высока, однако порой отягощалась опытом противостояния в Великой войне. Желających испытать себя в Йемене, Неджде и Хиджазе, а затем в Саудовской Аравии, как и в глубинах Центральной Азии, было очень немного, а потому данные направления так и остались теоретическими в общей картине подготовки потенциальных союзников в новой схватке с Британской империей и ее партнерами. Куда более перспективным направлением работы считался Египет,

¹⁰ Это привело к регулярным командировкам, визитам высших офицеров рейхсвера и стажировкам ряда специалистов по меньшей мере до 1933 г. Первой крупной миссией подобного рода была поездка в 1922 г. в США Ф. фон Бёттихера, будущего военного атташе в Вашингтоне в 1933—1941 гг.: Beck A. M. *Hitler's Ambivalent Attaché: Gen. Lt. Friedrich von Boetticher in America 1933—1941*. Washington, 2005.

¹¹ Budraß L. *Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland 1918—1945*. Düsseldorf, 1997.

¹² Крайне популярная некогда тема сотрудничества рейхсвера, а затем вермахта с РККА нуждается в историографической «перезагрузке», однако имеющихся об этом в историографии сведений достаточно, чтобы перейти к постановке данного направления работы по использованию германского кадрового потенциала в контекст комплексных усилий подобного рода в других странах мира.

но британский контроль, несмотря на активное антиколониальное движение, оставался здесь слишком сильным для широкой деятельности германских эмиссаров, хотя заложенные в годы Великой войны и даже до нее археологом и дипломатом М. фон Оппенхаймом¹³ связи поддерживались, в том числе послом в Каире (а позднее в Кабуле) Х. Пильгером.

Специфические возможности открывались для любителей экзотики и в Абиссинии. В годы Первой мировой войны лишь драматическая борьба за престол при самом активном вмешательстве Антанты предотвратила сближение Аддис-Абебы с Османской империей и Германией, начавшееся еще при Менелике II и продолжавшееся вплоть до свержения Иясу V осенью 1916 г. В межвоенный период, особенно после вступления на престол Хайле Селассие I в 1930 г., Абиссиния активно искала военных инструкторов и поставщиков оружия, так что на службе в эфиопской армии оказались бывшие османские (Вехиб-паша), русские (Ф. Коновалов) и, видимо, германские офицеры. Заинтересованная в апробировании возможных союзников на колониальной периферии, а также в подрыве возможностей Муссолини к самостоятельной политике, именно Германия в конце 1935 — начале 1936 г. согласилась продать Абиссинии крупную партию вооружения, что не помешало признать аннексию страны Италией, когда цель — складывание с осени 1936 г. «оси» Берлин — Рим — была достигнута.

Основное внимание Вильгельмштрассе, а также весомые результаты следует констатировать на ключевых для германской внешней политики межвоенного периода направлениях в Азии: Турции, Иране, Афганистане, Китае, Японии. Благодаря победе кемалистов в войне за независимость Турции и заключению Лозаннского мира именно с Мустафой Кемалем связывали основные надежды на дальнейшую ревизию антантовского миропорядка не только в Москве, но и в Берлине. Несмотря на крайне выдержанный и самостоятельный курс Турецкой республики во внешней политике, а также слухи о неприятии Ататюрком германских агентов влияния по итогам тесного сотрудничества Кайзеррейха и Османской империи¹⁴, систематическая работа по развитию старых и обретению новых каналов воздействия¹⁵ для будущего совместного выступления продолжалась и в межвоенный период. Первым военным атташе в Анкаре стал Г. Роде, который прибыл в Порту еще в 1910 г., так что успел поучаствовать в Балканских войнах, вернулся в Османскую империю к концу Великой войны, сохранив, по-видимому, достаточно крепкие связи со многими турецкими военными и политиками¹⁶.

Благодаря надежному трансферу власти после смерти Ататюрка в ноябре 1938 г. и высокой преемственности курса (по меньшей мере до конца Второй мировой войны) при И. Инёню возможности для очередного витка¹⁷ германского воздействия на развитие Турции в логике поэтапной ревизии Версальской системы, проведенной очередной раз в 1935—1939 гг. в Хатае при явном заимствовании опыта Саара, аншлюса и Судетенланда, следует оценить как очень крупные. Однако эскалация Второй мировой войны деформировала сложившуюся динамику, активно пестуемую опытным атташе, бывшим рейхсканцлером, а затем послом в Анкаре Ф. фон Папеном.

Пробой прогерманских и зачастую постосманских сил в регионе стали события, вызванные разгромом Франции и захватом колониальных владений вишистского правительства.

¹³ *Gossmann L.* The passion of Max von Oppenheim. Archaeology and Intrigue in the Middle East from Wilhelm II to Hitler. Cambridge, 2014.

¹⁴ *Wallach J.L.* Anatomie einer Militärhilfe. Die preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835—1919. Düsseldorf, 1976; *Ланник Л.В.* «Отуреченное офицерство»: персональное измерение межимперского коалиционного взаимодействия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10. URL: <https://history.jes.su/s207987840028560—5—1/дата> (дата обращения: 20.04.2024).

¹⁵ См.: *Mangold-Will S.* Begrenzte Freundschaft — Deutschland und die Türkei 1918—1933. Göttingen, 2013.

¹⁶ Роде был плодовитым публицистом еще до войны, но в 1920—1930-х годах продолжал анализ геополитической обстановки. См., например: *Rohde H.* Der Kampf um Asien: 2 Bde. Stuttgart, 1924—1926.

¹⁷ Прежний заканчивают 1938 г., что имеет ряд аргументов как за, так и против: *Grüßhaber G.* The “German Spirit” in the Ottoman and Turkish Army, 1908—1938: a history of military knowledge transfer. Berlin, 2018.

Достаточно слабо известная в России, в отличие от Великобритании и Франции, кампания весны—лета 1941 г. на Ближнем Востоке против иракских союзников Германии и войск генерала Анри Денца в Сирии и Ливане обрела бы куда меньшие масштабы, если бы не каналы германского влияния в регионе, заложенные еще в годы Великой войны. Глава Особого штаба «F» генерал люфтваффе Г. Фельми получил назначение на Ближний Восток благодаря своему богатому опыту в авиации на Палестинском фронте. Помимо ряда иных офицеров (В. Кольхааса, например¹⁸), попытке срочно развернуть способную противостоять британским войскам иракскую армию содействовали как германские дипломаты (Ф. Гробба, карьера которого в регионе стартовала задолго до Второй мировой войны)¹⁹, так и ряд других акторов, сохранявших статус частных лиц и регулярно координировавших действия с центральными инстанциями Третьего рейха. Офицерские круги, ориентировавшиеся на иракских лидеров из «Золотого квадрата», имели в виду не только политические параллели с националистическим и антизападным направлением в политике нацистов, но и конкретные примеры эффективности германской военной модели, которую могли транслировать лишь неофициальные инструкторы, а не дипломаты. Германские образцы не могли не быть притягательными для бывших офицеров османской армии в верхах Ирака (Сидки Бекри, Салах ад-Дин ас-Сабах, Махмуд Салман и др., то же касается и их политического противника Ясина аль-Хашими), имевших опыт союзнического взаимодействия, в том числе в Месопотамии и Палестине, и ориентировавшихся на прагматический подход кемалистов к частичному продолжению традиционного сотрудничества с военными специалистами из Центральной Европы. Именно поэтому стали возможны операции на базе ряда курдских кланов и после якобы столь безоговорочной победы Великобритании и ее союзников в схватке за Средний Восток в 1941 г.²⁰

Теснейшим образом с событиями в Ираке была связана и трагическая история очередного иранского нейтралитета. Богатый опыт воздействия на Персию, как позитивный, так и негативный, был получен Германией еще в годы Великой войны. В последующие два десятилетия его пытались дополнить и эффективно использовать те же чиновники внешнеполитического ведомства Германии (АА), что пытались добиться прогерманского курса Тегерана еще в 1914—1918 гг., в том числе Р. Надольны и В. фон Блюхер²¹. В годы Веймарской республики оба продолжили дипломатическую карьеру именно на Ближнем и Среднем Востоке, в столицах Турции и Персии. Позднее Надольны тщетно пытался «перезагрузить» советско-германские отношения на посту посла в Москве²². В. фон Блюхер в 1935 г. отправился на финальное в карьере назначение в Хельсинки, способствуя возрастанию влияния К.-Г. Маннергейма и форсированному укреплению заложенного в годы Великой войны и Гражданской войны в Финляндии «германо-финского боевого братства»²³.

Летом—осенью 1941 г. последовала повторная (после 1914—1918 гг.) оккупация Ирана войсками Великобритании и СССР, проведенная в рамках борьбы с укоренившимся и поистине комплексным германским влиянием, в том числе в военной сфере. С осени 1939 г. его курировал посол в Тегеране Э. Эттель, бывший кайзеровский флотский офицер, ряд лет проработавший в Турции и Персии, а затем в Колумбии в авиационной сфере

¹⁸ К сожалению, его мемуары почти неизвестны даже в Германии: *Kohlhaas W. Hitler-Abenteuer im Irak. Ein Erlebnis-Bericht.* Freiburg, 1989.

¹⁹ *Grobba F. Männer und Mächte im Orient: 25 Jahre diplomatischer Tätigkeit im Orient.* Göttingen u.a., 1967.

²⁰ Однако подробности продолжавшегося воздействия Германии на регион становятся известны лишь постепенно и почти неизвестны в отечественной историографии: *Rosbeiani P.Z. Das Unternehmen "Mammut". Ein politisch-militärisches Geheimdienstunternehmen in Südkurdistan in den Jahren 1942/43 und seine Vorgeschichte: diss...* Berlin, 2011.

²¹ *Blücher W.v. Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen.* Bieberach, 1949.

²² Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversther? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917—1953 / Hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.

²³ См. подробнее: *Jonas M. NS-Diplomatie und Bündnispolitik 1935—1944: Wipert von Blücher, das Dritte Reich und Finnland.* Paderborn u.a., 2011.

(от компании «Юнкерс»). Эттель не отказался от широких планов на Ближнем и Среднем Востоке и после того, как был вынужден покинуть Иран. Он занимался поддержкой панарабских и антибританских сил вплоть до конца 1943 г., очевидно, пользуясь тем фундаментом, что был заложен германскими эмиссарами еще в 1920–1930-е годы в процессе оформления всевластия Реза-шаха Пехлеви²⁴.

Не упускали в Берлине из виду и традиционный потенциальный плацдарм, речь идет об Афганистане, для удара по Индии, считавшегося смертельным для Британской империи. Неудача соответствующей миссии в годы Великой войны лишь доказала, что подобные проекты нуждаются в надежных контрагентах и длительной подготовке. Задержавшихся после побега из русского плена в Туркестане «в гостях у эмира» офицеров армий бывших Центральные держав²⁵ было для этого недостаточно, хотя их работа продолжалась и в 1930-е годы, и не только в Кабуле, но и в Герате, и Кандагаре. Необходимы были и местные контрагенты. Важнейшим посредником в германо-советско-афганских сделках стал влиятельный коммерсант и основатель банковской системы Афганистана А.М. Забули, роль которого в событиях 1917–1922 гг., к сожалению, не вполне ясна, однако вне сомнения предоставила ему широкие связи в Москве и не только. К концу 1920-х годов он добился огромного влияния на торговый оборот Афганистана и СССР²⁶, прибыли от которого шли на сделки через Берлин, в том числе в военной сфере. На посту министра торговли и промышленности Забули добился беспрецедентного сотрудничества Германии и Афганистана, бурного роста военной миссии офицеров вермахта в стране, а затем принял участие в очень широких планах совместных советско-германских усилий по наращиванию влияния в Центральной Азии. Партнерами Забули и занимавшего некоторое время пост посла в Берлине Гуляма Сиддик-хана Чархи²⁷ были Ф. Тодт и А. Шпеер, а также представитель организаций по экспорту вооружения в Кабуле К. Шнелль, выдающийся специалист по Турции посол в Кабуле К. Цимке, а также основные действующие лица германских миссий в Афганистане в 1915–1916 гг. В. фон Хентиг и О. Нидермайер²⁸ и ряд иных «специалистов по Востоку» в различных ведомствах Третьего рейха. Приданные различным «бюро» и «представительствам фирм» в Москве германские офицеры (А. Герстенберг, например) осуществляли координацию военного сотрудничества континентального масштаба. Главным фактором риска с осени 1933 г. стали конфликты между Германией и СССР, однако полностью сотрудничество не прекращалось, по-видимому, вплоть до лета 1941 г. Афганистан как общий антибританский плацдарм играл в этом взаимодействии более крупную роль, чем принято считать. С осени 1939 г. планировался многократный рост товарооборота, невозможный без советского содействия и едва ли направленный на цели исключительно мирного строительства инфраструктуры Афганистана. Многолетнее влияние Германии

²⁴ Данные о вкладе и позиции германских эмиссаров в приходе к власти династии Пехлеви лишь постепенно поступают в научный оборот. См. новейшую публикацию: Iran und der Aufstieg von Reza Schah: Telegramme und Berichte des Geschäftsträgers der Deutschen Gesandtschaft 1920–1925 / Hrsg. von W. Keitz. Berlin, 2023.

²⁵ Под давлением Британии они были выдворены из страны в начале 1920-х годов, но, по-видимому, не все или не навсегда. См.: Рыбичка Э. В гостях у афганского эмира. М., 1935.

²⁶ Целый ряд смежных сюжетов см.: Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008.

²⁷ См. подробнее: Тихонов Ю.Н. Деятельность Гуляма Сиддик-хана Чархи в 1930–1945 гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2005. № 2. С. 40–50.

²⁸ Многие из взаимодействия Третьего рейха и Афганистана в 1930-х годах до сих пор не изучено, несмотря на ряд свидетельств и определенный интерес исследователей, в частности из-за засекреченности ряда документов, связанных с деятельностью Нидермайера в годы Второй мировой войны: Hentig W.O. Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen, 1962; Seidt H.-U. Berlin, Kabul, Moskau: Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. München, 2002.

на развитие афганской армии, индустрии и инфраструктуры²⁹ было купировано началом Великой Отечественной войны, однако неофициальные каналы сохранялись по меньшей мере несколько лет, как и в остальных странах Ближнего и Среднего Востока.

Огромные перспективы для будущей ревизии версальских ограничений усматривали в Восточной Азии, хотя в годы Великой войны Германская империя оказалась в состоянии войны как с ведущей региональной державой Японией, так и с охваченным расколом и вспышками гражданской войны Китаем³⁰. Лишившаяся Циндао и концессий в Китае, Германия справедливо полагала, что итогами участия в Великой войне в Поднебесной крайне недовольны, да и вступление в ряды воюющих держав последовало лишь под мощным давлением Антанты и на грани саботажа³¹. Бурное возмущение усилением японского влияния, в том числе за счет прежней германской сферы, и сильные антибританские настроения можно было использовать для постепенного восстановления военного и торгово-промышленного сотрудничества. Дополнительные шансы к этому открывали и советские контакты с крепнущим с начала 1920-х годов Гоминьданом, который с 1924–1925 гг. превратился в ядро будущего объединенного Китая. Сунь Ятсен симпатизировал германскому опыту национального объединения и питал уважение к индустриальной мощи, которую ему довелось наблюдать в Кайзеррейхе. Условием для конструктивной перезагрузки отношений были не только общие стратегические задачи «антиверсальского спектра», но и смена тональности³², переход от «политики канонерок»³³ к подлинно постколониальному взаимодействию без претензий на возвращение к эпохе Циндао и концессий.

С установлением весной 1927 г. сравнительно уверенного лидерства Чан Кайши и значительного расширения территории, подконтрольной его правительству, для германских военных миссий открылись возможности стратегического воздействия³⁴. Важнейшую роль в приглашении — поначалу в частном порядке и только отставных — германских генштабистов сыграл Чжу Цзяхуа, получивший образование в германских университетах и много лет занимавший министерские посты. В середине 1920-х годов он не раз предлагал уехать в Китай германским военным, по политическим причинам оказавшимся за пределами рейхсвера, в том числе М. Гофману, а потом тем, кто вынужден был покинуть его ряды, как В. Рейнхардт и В. Хайе. Однако долгое время планы срывались из-за различных обстоятельств, особенно личного характера, ведь никакого противодействия официальных германских инстанций замыслам неофициальных миссий в Китае не прослеживается, как и безусловной поддержки. Пользовавшийся крайне неоднозначной репутацией энтузиаст развития тяжелой артиллерии и химического оружия, бывший соратник Э. Людендорфа полковник Макс Бауэр³⁵, побывавший с военной миссией в Мадриде, а затем в Москве в 1923–1924 гг., с конца 1926 г. проложил дорогу массированному участию германской военной индустрии в наращивании сил Гоминьдана.

После того как он скончался в Шанхае в мае 1929 г. в разгар реализации проекта, на его место прибыл коллега и политический соратник полковник Г. Крибель, к тому времени

²⁹ См. общий обзор с концептуальным тезисом о значимости Германии: *Hauner M. Anspruch und Wirklichkeit: Deutschland als Dritte Macht in Afghanistan, 1915–1939 // Studien zur Geschichte Englands und der deutsch-britischen Beziehungen / Hrsg. von L. Kettenacker u. a. München, 1981. S. 222–244.*

³⁰ *Ratenhof U. Die Chinapolitik des Deutschen Reiches 1871 bis 1945: Wirtschaft, Rüstung, Militär. Boppard a.R., 1987 (zweite Auflage 2018).*

³¹ Великая война в Восточной Азии (не считая кампании под Циндао) пока на стадии первичного исследования: *The East Asian dimension of the First World War: global entanglements and Japan, China and Korea, 1914–1919 / eds J. Schmidt, K. Schmidt-pott. Frankfurt a.M.; New York, 2020.*

³² Это подчеркивали китайские исследователи: *Von der Kolonialpolitik zur Kooperation: Studien zur Geschichte der deutsch-chinesischen Beziehungen / Hrsg. von Kuo Heng-yü. München, 1986.*

³³ См. подробнее: *Eberspächer C. Die deutsche Yangtse-Patrouille: deutsche Kanonenbootpolitik in China im Zeitalter des Imperialismus 1900–1914. Bochum, 2004.*

³⁴ *Deutsch-chinesische Beziehungen 1928–1937. “Gleiche” Partner unter “ungleichen” Bedingungen. Eine Quellensammlung / Hrsg. von B. Martin, bearb. von S. Kuß. Berlin, 2003.*

³⁵ *Vogt A. Oberst Max Bauer. Generalstabsoffizier im Zwielficht. 1869–1929. Osnabrück, 1974.*

находившийся в тесном контакте с А. Гитлером и вместе с ним осужденный к пяти годам крепости в 1924 г. Радикальный националист не смог выстроить отношения с Чан Кайши, обладая слишком низким уровнем познаний о менталитете и культуре неевропейских наций. Тем не менее германские военные (как и экономисты) в Китае к этому моменту стали частью стратегического курса Веймарской республики, а потому якобы частные миссии «отставников» уже с трудом маскировались, а контроль центральных инстанций только усиливался. Последовательно поддерживали все новые проекты в Восточной Азии германские магнаты, в том числе владельцы пароходств, а также деловые круги в Шанхае, где значительно окрепла немецкая колония, затмившая культурный феномен в Циндао³⁶. В 1930 г. Крибеля сменил один из лучших генштабистов Германии, незадолго до этого ушедший в отставку глава Войскового управления Г. Ветцель, проработавший в Китае четыре года³⁷. Во время его миссии последовали болезненные поражения японо-китайской войны 1931–1932 гг., постоянно подталкивавшие к непростому выбору между дальнейшим усилением Китая (при неоднозначной, особенно после боев на КВЖД в 1929 г., позиции СССР) и перспективным союзником Японией. Для решения столь сложной задачи, как повышение устойчивости в бою китайской пехоты, не только велись массовые закупки (стальных шлемов, например), но и привлекались все новые инструкторы (которых вскоре было более полусотни).

Весной 1933 г. — к этому времени Япония вышла из Лиги Наций, а Германия из переговоров по разоружению — начались попытки привлечь к миссии при Чан Кайши Г. фон Секта. Могли сказаться и внутриполитические германские мотивы: были опасения мятежа рейхсвера против правительства А. Гитлера, пока это считалось возможным, т.е. до смерти в августе 1934 г. П. фон Гинденбурга, но после «дня Потсдама» 21 марта 1933 г.³⁸ В апреле-августе 1933 г. — отчитавшись после этого лично рейхспрезиденту — Сект предпринял далекую инспекционную поездку в Китай, не без колебаний согласившись принять миссию у коллеги Ветцеля. Он ссылаясь на возраст и нежелательное внимание великих держав к усилению германского влияния, однако в марте 1934 г. все же отправился на Дальний Восток в сопровождении двух полковников. Далеко не случайно в 1933–1935 гг. в длительном и якобы частного характера путешествии находился давний соратник и адъютант Г. фон Секта, дважды служивший военным атташе в Москве Г. Кёстринг³⁹. Он посетил ряд азиатских колоний (Британскую Индию, Бирму, Филиппины, будущие Индонезию и Малайзию), Сиам, Афганистан, Персию, Китай, Корею и Японию, всюду проводя многочисленные консультации с местными потенциальными агентами влияния, германскими эмиссарами и представителями военных элит. Вскоре в СССР Кёстринг получил возможность задействовать свой мировой кругозор для анализа бурных событий конца 1930-х годов, в чем ему весьма содействовал военно-морской атташе, опытный работник флотской разведки Н. фон Брумбах⁴⁰.

Миссия Секта при Чан Кайши оказалась недолгой, хотя сам он оценивал ее как успешную, причиной ее завершения через год стало состояние его здоровья. При отъезде Секта заранее подобранный его преемник А. фон Фалькенхаузен, имевший опыт работы в Османской империи, уже выезжал в Китай⁴¹. Его конструктивное содействие укреплению

³⁶ Freyeisen A. Shanghai und die Politik des Dritten Reiches. Würzburg, 2000.

³⁷ К сожалению, ни одной биографии Г. Ветцеля нет до сих пор, а сам он мемуаров или хотя бы статей о деталях своей миссии не оставил.

³⁸ В самой полной и первой из биографий Г. фон Секта данные события подаются, разумеется, совершенно иначе, ведь книга вышла еще в 1940 г.: Rabenau F.v., Seeckt H.v. Aus seinem Leben. Bd. 2. Leipzig, 1940. S. 676ff.

³⁹ General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion, 1921–1941 / bearb. von H. Teske. Frankfurt a.M., 1966.

⁴⁰ Пика сотрудничество достигло в 1939–1940 гг., см. подробнее: Philbin T.R. The lure of Neptune: German-Soviet naval collaboration and ambitions, 1919–1941. Columbia, 1994.

⁴¹ Его мемуары не опубликованы до сих пор, хотя представляют значительный интерес, сохранившись в целом ряде версий: Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA). N246/40–48.

власти Гоминьдана в боях с коммунистами было осложнено началом очередной японо-китайской войны в июле 1937 г., которая способствовала принятию Берлином стратегического решения о переориентации дальнейших усилий в Восточной Азии на Японию. И до этого между китайскими военными и политиками и германскими советниками шли постоянные и принципиальные споры о стратегии развития вооруженных сил Гоминьдана⁴², однако долгое время это вело к кадровым решениям, но не к свертыванию совместного проекта в целом. С весны 1938 г. дальнейшая работа германской военной миссии — из-за позиции не только И. фон Риббентропа, но и Г. Геринга, блокировавшего военные поставки в Китай, — стала невозможной, хотя определенные контакты и каналы влияния сохранились и в дальнейшем⁴³. Содействовал этому лично Чан Кайши и его сын Цзян Вэйго, получивший военное образование в Германии и служивший в вермахте в первых его военных кампаниях⁴⁴. Хотя многообещающие проекты германского влияния на развитие националистического Китая, главным образом его военной промышленности и армии, были свернуты, результаты работы эмиссаров из Веймарской республики и Третьего рейха ощущались в армии Гоминьдана едва ли меньше, чем последствия советской военной помощи, особенно Народно-освободительной армии Китая, и вполне сопоставимы — даже при учете событий Второй мировой войны — с американскими усилиями по поддержке Чан Кайши и его режима.

С конца 1920-х годов в Китае действовали и другие подданные Германии по линии Коминтерна, следует выделить Г. Неймана и О. Брауна, однако результаты их вклада были направлены на благо СССР, а не Веймарской республики или Третьего рейха. В регионах, не охваченных официальными миссиями, в государствах, с которыми поддерживала отношения Германия, разведывательную информацию собирали неофициальные лица, имевшие разнообразное прикрытие, в частности культурно-научные миссии. Помимо широко известных — и не только собственно германских — примеров многогранной активности в Центральной Азии: многолетнего партнера высших военных инстанций Кайзеррейха и Веймарской республики Свена Хедина во Внешней Монголии и Синьцзяне и идеологизированных миссий Н.И. Рериха в Тибете, можно назвать продолжавшиеся не один десяток лет исследования на различных уровнях легальности выдающегося специалиста по Монголии и офицера резерва германской разведки в годы Великой войны Г. Констена⁴⁵.

«Пруссские» традиции были сильны и в стране Восходящего Солнца, определив специфическую позицию ее военных элит в эпоху мировых войн⁴⁶. Несмотря на горькое разочарование (вызванное ошибками в оценке ситуации) вступлением Японии в войну на стороне Антанты в конце августа 1914 г., в Германии были сильны позиции тех, кто полагал столкновение Токио с Лондоном и Вашингтоном неизбежным, а потому ожидал возможности использовать импульсы к неминуемой ревизии Версальско-Вашингтонской системы на Дальнем Востоке. Эти расчеты строились на очевидном недовольстве японских

⁴² Интересные результаты дает сопоставление взгляда германских и тайваньских специалистов на проблему: *Martin B.* Das Deutsche Reich und Guomindang-China, 1927–1941 // *Von der Kolonialpolitik zur Kooperation*. S. 325–375; *Ma Wen-ying.* Die deutsche Beraterschaft in China in der Zwischenkriegszeit 1927–38. Münster, 1996; *Che-Wei Chang.* Oskar Trautmann, ein deutscher Diplomat in Ostasien. Individuum, Nation und Diplomatie aus der Perspektive der Globalgeschichte, 1877–1950: diss... Bonn, 2021. S. 2–3, 93ff.

⁴³ Остатки миссии покинули Китай 5 июля 1938 г., а окончательный разрыв последовал только после признания Берлином правительства Ван Цзинвэя в июле 1941 г. См.: *Kirby W.C.* Germany and Republican China. Stanford, 1984.

⁴⁴ В его биографии существенного внимания германскому сюжету не уделяется, хотя сам маршал оценивал всех своих советников-немцев чрезвычайно высоко: *Панцов А.В.* Чан Кайши. М., 2019.

⁴⁵ Его биография лишь частично раскрывает не-научную сторону его деятельности, хотя контр-агенты Констена в его разведывательной работе не сомневались: *Götting D.* “Etzel”: Forscher, Abenteurer und Agent; die Lebensgeschichte des Mongoleiforschers Hermann Consten (1878–1957). Berlin, 2012.

⁴⁶ См.: *Japan und die Mittelmächte im Ersten Weltkrieg und in zwanziger Jahren* / Hrsg. von J. Kreiner. Bonn, 1986; *Krebs G.* Japan und die preussische Armee // *Japan und Preußen* / Hrsg. von G. Krebs. München, 2002. S. 125–144.

элит статусом их страны на Парижской конференции и явным блокированием дальнейшей экспансии Японии в Китае. С начала 1920-х годов (особенно с 1924 г.) целая группа флотских офицеров и инженеров, покровительствуемая бывшим главой германской дипломатии (АА) П. фон Хинтце, — А. Шинцингер, К. Хаке, В. фон Кнорр, Й.Б. Манн, при участии еще одного главы АА, а затем посла в Токио В. Зольфа, В. Канариса и К. Бартенбаха, а также служившего до Великой войны в Циндао В. Ломанна — проводила масштабную подготовку секретного военного сотрудничества с Японией⁴⁷. С 1933 г. необычайно активно содействовал интенсификации сотрудничества Г. Дирксен, сменивший пост посла в Москве на такой же в Токио⁴⁸. Велись разработки, как и в Аргентине, и СССР, например, в сфере химического и биологического оружия, ставились эксперименты по строительству современных субмарин в интересах флотов сотрудничающих стран, а также масштабный обмен разведывательной информацией. Несколько осторожнее в нелегальном флотоводческом (а также авиационном) взаимодействии с Германией проявили себя инстанции Нидерландов, Финляндии и Турции. До сих пор мало известна сфера сотрудничества спецслужб, имевшая зачастую не политический, а именно военный фокус⁴⁹.

Скандал вокруг нелегальных программ вооружений флота и якобы коррупционных сделок в военной индустрии — «аферы Ломанна» — окончательно стих лишь после гибели последнего в апреле 1930 г. Это вовсе не остановило дальнейшее развитие усилий в этой сфере, ведь стратегические условия — отказ Японии от союза с Великобританией по итогам Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. и во многом общие проблемы прежнего пути модернизации, воспринимаемого долгое время как «догоняющего» развития, — остались неизменными. Куда сложнее были этические моменты, связанные с развитием разного рода расовых теорий и реакции на них в Японии и Китае. После жестких стычек на Парижской конференции из-за постоянных кризисов Лиги Наций германские эмиссары в Восточной Азии обязаны были выбрать между усвоенными за десятилетия стереотипами и прагматикой стратегической подготовки к будущей схватке против Антанты. С приходом к власти нацистов и с резкой интенсификацией связей с Японией проблема стала более острой, вынудив к очень сложным трансформациям якобы незыблемых идеологических принципов⁵⁰. Однозначно оценить воздействие расистского компонента нацистской политики и очевидные усилия по обоснованию союза Токио и Берлина на успехи и пределы сотрудничества Японии и Третьего рейха не удастся, по-видимому, никогда.

С японской сферой влияния (по меньшей мере в контексте крепнущего в 1920—1930-х годах панasiatизма) был тесно связан Сиам, где также была определенная традиция взаимодействия с Германией⁵¹. Хотя отношения были омрачены участием королевства в Антанте и даже символическим присутствием сиамского контингента в оккупационных войсках в Рейнланде, противодействие давлению Великобритании и Франции и здесь вынуждало искать противовес гегемонам текущего мироустройства, которым, помимо Японии, могла стать только Германия. Сказывались и конфликты в Лиге Наций, членом которой был Сиам как страна-победитель, ведь правительство испытывало давление держав Запада под предлогом контроля над эпидемической обстановкой, а также борьбы с торговлей опиумом

⁴⁷ См. подробнее: *Sander-Nagashima B.J.* Deutsch-japanische Marinebeziehungen 1919–1942: diss... Hamburg, 1998.

⁴⁸ См.: *Dirksen H.v.* Moskau, Tokio, London. Erinnerungen und Betrachtungen zu 20 Jahren deutscher Außenpolitik 1919–1939. Stuttgart, 1949.

⁴⁹ Однако долгое время этому не уделялось внимания, в том числе из-за внешнеполитической конъюнктуры последующих десятилетий. См., например: *Silvennoinen O.* Geheime Waffenbrüderschaft: die sicherheitspolizeiliche Zusammenarbeit zwischen Deutschland und Finnland 1933–1944 / Aus dem K. Finn von, K. Reichel. Darmstadt, 2010.

⁵⁰ См.: *Bieber H.-J.* SS und Samurai. Deutsch-japanische Kulturbeziehungen 1933–1945. München, 2014.

⁵¹ См. подробнее: *Petersson N.P.* Imperialismus und Modernisierung: Siam, China und die europäischen Mächte 1895–1914. München, 2000.

и рецидивами работорговли⁵². Довоенного уровня — насколько известно к настоящему моменту⁵³ — участия Берлина и его эмиссаров в военном развитии и модернизации Таиланда вплоть до начала Второй мировой войны добиться не удалось, а позднее для этого не стало и шансов. Визиты высокопоставленных эмиссаров и культурный обмен не компенсировали отсутствие крупных военных контрактов и возможностей для столь необходимой Германии базы в Восточной Азии, которая бы не пересекалась с интересами Японии, а ее мог бы предоставить только Сиам. Территориальные амбиции правителей в Бангкоке и потребность в крупных инвестициях обусловили ориентацию Таиланда на Токио, что не исключало возможности наращивания германского влияния взамен заметно ослабевшего в серии политических переворотов 1920—1930-х годов британского.

Весьма широкие перспективы для временного переноса военных производств и опытов и крайне выгодного для индустрии Германии развития запрещенных технологий предоставляла Латинская Америка. Несмотря на крепнущее давление США и исторически (с начала XIX в.) господствующие позиции Великобритании⁵⁴, континент вплоть до окончания Второй мировой войны так и не стал зоной бесспорной гегемонии Лондона и Вашингтона или даже всех основных держав Антанты. Расстановка сил и симпатий существенно менялась от страны к стране и под влиянием перемен в международном разделении труда, так что определенные шансы на то, чтобы успешно конкурировать с традиционным гегемоном, были у Кайзеррейха и в Бразилии, и в Боливии⁵⁵, и с некоторыми оговорками, и в отдельные периоды в Мексике, Уругвае, Парагвае, Венесуэле и даже на Кубе.

Особенно прочные позиции Германия еще с конца XIX в. сохраняла в Чили и Аргентине, опираясь не только на опыт многолетних и успешных военных миссий в этих странах, но и на многочисленную немецкую диаспору (включая послевоенную, 1919—1921 гг., волну эмиграции), а также на явные симпатии военных элит, где было много офицеров, стажировавшихся в Кайзеррейхе, а в межвоенный период занявших высокие политические посты (генерал Х. Урибуру, Х. Перон). Германские генштабисты стояли у истоков высшего военного образования (академий генерального штаба) в ряде латиноамериканских стран, и десятки еще кайзеровских штаб-офицеров воспитали сотни командиров армий континента, особенно в тех его государствах, которым придавали исключительное значение и сулили — в контексте дредноутной гонки — заметное положение на мировой политической арене по меньшей мере до 1914 г. Закладывались основы постоянных поставок вооружений, которые всегда отличались значительной инерцией из-за высокой стоимости (и не только финансовой) перехода на продукцию иной национальной оружейной школы. Начало Первой мировой войны застало германские представительства в стадии развертывания дополнительных инстанций, в частности постов военно-морских атташе в нескольких странах Латинской Америки. Обрыв связей с Германией и крах надежд на постоянное крейсерство кайзеровских судов на коммуникациях мировой Британской империи прервало дальнейшее развитие каналов влияния Берлина на далекий регион⁵⁶, однако вовсе не ликвидировало их. Формально Латинская Америка оказалась в составе Антанты или — уже в ходе Парижской конференции — «ассоциированных с ней наций». Власти Веймарской республики скептически оценивали возможности дальнейшего проведения

⁵² См.: *Hell S.M. Siam and the League of Nations. Modernization, sovereignty and multilateral diplomacy, 1920–1940: diss...* Leiden, 2007.

⁵³ См. подробнее: *Stoffers A. Thailand und Deutschland: Wirtschaft, Politik und Kultur.* Berlin; Heidelberg, 2014.

⁵⁴ Целый ряд сюжетов по отдельным странам Иberoамерики см.: Великобритания и Латинская Америка (XVI—XXI вв.) / под ред. Е.А. Ларина. М., 2022.

⁵⁵ См. подробнее: *Schäfer J. Deutsche Militärhilfe an Südamerika. Militär- und Rüstungsinteressen in Argentinien, Bolivien und Chile vor 1914.* Düsseldorf, 1974. Широкий контекст германской активности в Латинской Америке в годы Великой войны см.: *Rinke S. Im Sog der Katastrophe: Lateinamerika und der Erste Weltkrieg.* Frankfurt a.M.; New York, 2015.

⁵⁶ См. подробнее: *Giessler K.-V. Die Op. cit.* S. 211–213.

Weltpolitik, но лишь в первые годы межвоенного периода. Версальский диктат достаточно быстро мотивировал к формированию новых военных миссий на прежних направлениях и порой даже во главе с теми же специалистами.

В 1921 г. в Аргентину на пять лет вернулся успешно работавший в стране до Великой войны и существенно укрепивший по ее итогам авторитет выдающегося генштабиста В. Фаупель. Одновременно в Боливию вновь прибыл довоенный реформатор ее армии полковник Г. Кундт. Будущий глава Иbero-Американского института и представитель при Ф. Франко Фаупель повлиял и на военно-политическое развитие Перу. Вопреки давлению Антанты, уже в 1925 г. Чили официально пригласило германских инструкторов, проработавших в стране до 1937 г. Нарастание германского влияния привело к быстрому росту торгового оборота, превысившего максимумы начала 1910-х годов. В Чили набирали популярность движения, ориентировавшиеся на фашистские и нацистские лозунги и атрибутику. В Колумбии реализовывали масштабные проекты в сфере авиации (по меньшей мере до официального появления люфтваффе), ведь фирма «Юнкерс» нуждалась в развитии на разных площадках, снижая свою зависимость от СССР, где совместное производство в Филях закончилось еще в 1926 г.⁵⁷ Сильный удар по германской экспансии за Атлантикой нанесла Великая депрессия⁵⁸, хотя она же предоставила дополнительные возможности для пересмотра сложившихся и казавшихся неизменными границ сфер влияния. Лишь начало Второй мировой войны и резкое ослабление связей Латинской Америки и Третьего рейха прервало дальнейшее развитие данной тенденции, постепенно вернув потенциальных союзников Германии на проамериканский и пробританский курс, однако исторический след германских военных миссий не следует недооценивать. Принявшие чилийское подданство Г. фон Кислинг и О. Циппелиус провели в работе по укреплению армии и полиции Чили остаток жизни, сохраняя влияние до окончания Второй мировой войны. Аргентина, благодаря межвоенному сотрудничеству, стала одним из основных центров (пост)нацистской эмиграции⁵⁹.

Повышенное внимание военных инстанций Веймарской республики, а затем Третьего рейха к Южной Америке обеспечивал много лет проработавший в иbero-американском пространстве В. Канарис. На основе личных контактов с королем Альфонсом XIII он полагал, что действительно широкие возможности открываются не только в Новом Свете, но и собственно в Испании⁶⁰, пережившей крайне травматический опыт войны в Марокко, а затем годами балансировавшей на грани гражданской войны, пока она не разразилась летом 1936 г. Испания не только нуждалась в нелегальных поставках вооружений из Германии, но и была готова принять офицеров, желавших продолжить военную карьеру, хотя бы в статусе добровольцев в колониальной войне. Именно так предвзяли опыт легиона «Кондор», формированием которого занимался Г. Вильберг, проводивший в рейхсвере весь период нелегального развития германской военной авиации⁶¹. Прикрывал действия легиона один из ближайших соратников Г. фон Секта, имевший большой опыт работы в Османской империи, Г. Фишер, для этого к 1937 г. покинувший перспективную карьеру военного атташе (в Будапеште и Риме). Успешное для Третьего рейха окончание Гражданской войны в Испании показало не только перспективы последовательной работы по воздействию на военные элиты потенциальных союзников, но и границы импровизированного прямого

⁵⁷ См.: *Schmitt G.* Hugo Junkers und seine Flugzeuge. Stuttgart, 1986. S. 130–145.

⁵⁸ *Rinke S.* Der letzte freie Kontinent: deutsche Lateinamerikapolitik im Zeichen transnationaler Beziehungen, 1918–1933: 2 Bde. Stuttgart, 1996.

⁵⁹ Разумеется, историю германо-аргентинских отношений едва ли корректно сводить именно к такому аспекту, ведь оно имеет более сложную структуру. См.: *Die Beziehungen zwischen Deutschland und Argentinien* / Hrsg. von P. Birle. Frankfurt a.M., 2010.

⁶⁰ В отличие от большинства работ о Канарисе, концентрирующихся на его неоднозначной карьере в годы Третьего рейха, одно из недавних исследований рассматривает его не менее интересную, но куда менее известную деятельность до 1934 г.: *Suhr H.* Wilhelm Canaris: Lehrjahre eines Geheimdienstchefs (1905–1934). Kiel; Hamburg, 2020.

⁶¹ См. подробнее: *Corum J.* The Luftwaffe: Creating the Operational Air War, 1918–1940. Lawrence, 1997.

военного участия в региональных конфликтах, а также способствовало определенной эйфории в ряде германских инстанций, ускорив отказ от многолетней, затратной, но поистине плодотворной стратегии формирования союзников по ревизии Версальского-Вашингтонского устройства по всему миру.

Приведенной палитры примеров массовой германской военно-политической активности во многих странах мира, не считая Антанту и ее сателлитов, а также СССР (что требует особого очередного рассмотрения), достаточно, чтобы систематизировать данный опыт в рамках общего явления последовательной подготовки ревизии Версаля на дипломатическом и военно-техническом фундаменте не только после прихода Гитлера к власти, но и почти непрерывно с момента подписания договора от 28 июня 1919 г. Это позволило бы отказаться от априорных концепций «республиканской интермедии» и весьма спорного разрыва в не менее спорном континуитете между Вторым и Третьим рейхами по крайней мере в данном аспекте⁶².

С учетом приоритетов современной историографии, часто фиксирующейся на сфере образов, на особенностях рецепции и на межкультурном трансфере, тематика германских военных миссий различной степени официальности может стать весьма востребованной для истории «ориентализма» и «окцидентализма» различных версий, трансформации набора «околоколониальных» воззрений в среде тех военных специалистов и тем более дипломатов, что оказались весьма устойчивы к нацистской идеологии именно благодаря своему «заморскому» опыту. Либо, напротив, посчитали ультранационалистический курс единственной возможностью совместить интересы Германии и нуждающихся в ее поддержке в борьбе с гегемонией Запада ряда государств Азии, Африки и Латинской Америки. Ключевым параметром, позволяющим проводить сравнение между преимущественно официальными довоенными миссиями кайзеровских офицеров в различных странах и зачастую неофициальными, либо куда более индивидуальными командировками отставных офицеров рейхсвера, кажется, на первый взгляд, сам статус эмиссаров. Однако при всей важности этой характеристики для моделей контроля центральными инстанциями в Берлине и для условия пребывания в стране-реципиенте зачастую официальность миссии является лишь ресурсным коэффициентом, а неофициальность никак не отменяет ни общей логики работы эмиссара, ни его мотивации.

Особой проблемой является обеспечение источниками базовых гипотез о трансформации восприятия миссий и той периферии, где им приходилось работать. Служебные отчеты зачастую отсутствуют или не содержат эмоционально окрашенных нюансов, особенно важных для исследования данного аспекта. Неофициальные отзывы носили частный характер, а потому их обнаружение почти непосильно для отдельного исследователя. Столь популярный некогда контент-анализ, в данном случае мемуарной литературы, едва ли релевантен, ведь слишком много параметров, делающих любые выводы манипулятивными: от условий и сроков написания и издания до возможности и намерения публиковать те или иные воспоминания, от авторских приоритетов в изложении и стиле до намеренных фальсификаций со стороны издателей и т.д. Невзирая на указанные проблемы, материалы военных миссий, особенно межвоенного периода, крайне показательны, ведь тональность в очном взаимодействии изменилась необратимо хотя бы из-за травмы поражения Германии (и ее союзников), из-за порой стесненных личных обстоятельств эмиссаров, в связи с общей динамикой кризиса доминирования Европы, весьма отчетливой задолго до крушения колониальной системы. Репутация и самоощущение кайзеровского офицера 1914 г. и отставного (порой вынужденно) офицера рейхсвера рубежа 1920–1930-х годов, которым довелось продолжить службу отечеству за рубежом, особенно вдали от «цивилизованного

⁶² Хотя наличествует и ряд других сфер, которые предоставляют массу аргументов в пользу пересмотра столь устоявшейся схемы: Германская империя – Веймарская республика – Третий рейх; например, конституционное устройство Германии в 1871–1945 гг.

мира», весьма отличаются, вопреки значительной преемственности во многих параметрах формирования военной элиты на протяжении первой половины XX в.

Перспективным направлением исследований может стать сравнительная характеристика опыта неофициальных, а то и вынужденных военных миссий за рубежом офицеров из разных стран, не имевших — временно или навсегда — возможности продолжить военную карьеру на родине. Далеко не случайно судьба сталкивала их в самых разных уголках мира или в составе одной из армий, но куда чаще по разные стороны фронта в многочисленных региональных конфликтах. Очередной раунд схватки между русским и германским офицерством в войне Чак в 1932–1935 гг. лишь наиболее яркий и известный тому пример, наряду с серией эпизодов в Гражданской войне в Китае, особенно в 1934–1937 гг. Не менее захватывающей дуэлью оставалось и противостояние контрразведок и разведчиков-востоковедов РККА⁶³ и рейхсвера/вермахта (в Турции, Афганистане, Китае, Японии...), исследование которого способно существенно обогатить представление о многих процессах и событиях в схватке основных игроков на международной арене межвоенного периода.

Библиография / References

- Великобритания и Латинская Америка (XVI–XXI вв.) / под ред. Е.А. Ларина. М., 2022.
- Густерин П.В. Восточный факультет Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Саарбрюккен, 2014.
- Ланник Л.В. «Отуреченное офицерство»: персональное измерение межимперского коалиционного взаимодействия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10. URL: <https://history.jes.su/s207987840028560-5-1/> (дата обращения: 20.04.2024).
- Ланник Л.В. Непосильная гегемония. Германская империя на фронтах Гражданской войны в России. СПб., 2023.
- Ланник Л.В. Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016.
- Ланник Л.В. Политические факторы трансформации кайзеровской военной элиты: на пути к рейхсверу 1918–1921 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 3 (27). С. 324–332.
- Ланник Л.В. Проблема сохранения кадрового потенциала германского офицерства в условиях версальских ограничений // Первая мировая война, Версальская система и современность. Вып. 3. СПб., 2015. С. 343–354.
- Рыбичка Э. В гостях у афганского эмира. М., 1935.
- Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001.
- Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008.
- Тихонов Ю.Н. Деятельность Гуляма Сиддик-хана Чархи в 1930–1945 гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2005. № 2. С. 40–50.
- Gusterin P.V. Vostochnyi fakul'tet Voennoi akademii RKKA im. M.V. Frunze [Oriental Faculty of the Military Academy of the Red Army named after M.V. Frunze]. Saarbrücken, 2014. (In Russ.)
- Lannik L.V. "Otturechennoe ofitserstvo": personal'noe izmerenie mezhimpersko-go koalitsionnogo vzaimodeistviia ["Renounced officers": a personal dimension of inter-imperial coalition interaction] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T. 14. Vyp. 10. URL: <https://history.jes.su/s207987840028560-5-1/> (access date: 20.04.2024). (In Russ.)
- Lannik L.V. Neposil'naia gegemoniia. Germanskaia imperiia na frontakh Grazhdan-skoi voiny v Rossii [Unbearable hegemony. The German Empire on the fronts of the Civil War in Russia]. Sankt-Peterburg, 2023. (In Russ.)
- Lannik L.V. Pobedonosnye proigravshie. Germanskaia voennaia elita 1914–1921 [Victorious losers. The German military elite 1914–1921]. Sankt-Peterburg, 2016. (In Russ.)
- Lannik L.V. Politicheskie faktory transformatsii kaizerovskoi voennoi elity: na puti k reikhsveru 1918–1921 gg. [Political factors of the transformation of the Kaiser's military elite: on the way to the Reichswehr 1918–1921] // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia [Historical Journal: scientific research]. 2015. № 3 (27). S. 324–332. (In Russ.)
- Lannik L.V. Problema sokhraneniia kadrovogo potentsiala germanskogo ofitserstva v usloviakh versal'skikh ogranichenii [The problem of preserving the personnel potential of the German officers in the conditions of the Versailles restrictions] // Pervaia mirovaia voina, Versal'skaia sistema i sovremennost' [The First World War, the Versailles system and modernity]. Vyp. 3. Sankt-Peterburg, 2015. S. 343–354. (In Russ.)

⁶³ Ряд сведений см.: Густерин П.В. Восточный факультет Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе. Саарбрюккен, 2014.

- Rybachka E. V gostiakh u afganskogo emira* [Visiting the Afghan Emir]. Moskva, 1935. (In Russ.)
- Sergeev E. Iu.* "Inaia zemlia, inoe nebo...": Zapad i voennaia elita Rossii ["Another earth, another sky...": The West and the military elite of Russia] (1900–1914 gg.). Moskva, 2001. (In Russ.)
- Tikhonov Iu. N.* Afganskaia voina Stalina. Bitva za Tsentral'nuiu Aziyu [Stalin's Afghan War. The Battle for Central Asia]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Tikhonov Iu. N.* Deiatel'nost' Gulama Siddik-khana Charkhi v 1930–1945 gg. [The activities of Ghulam Siddiq-Khan Charkhi in 1930–1945] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost' [East. Afro-Asian societies: history and modernity]. 2005. № 2. S. 40–50. (In Russ.)
- Velikobritaniia i Latinskaia Amerika (XVI–XXI vv.) [Great Britain and Latin America (16th–21st centuries)] / pod red. E.A. Larina. Moskva, 2022. (In Russ.)
- Beck A.M.* Hitler's Ambivalent Attaché: Gen. Lt. Friedrich von Boetticher in America 1933–1941. Washington, 2005.
- Bieber H.-J.* SS und Samurai. Deutsch-japanische Kulturbeziehungen 1933–1945. München, 2014.
- Blücher W.v.* Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Biberach, 1949.
- Botschafter Rudolf Nadolny: Rußlandkenner oder Rußlandversteh'er? Aufzeichnungen, Briefwechsel, Reden 1917–1953 / Hrsg. W. Baumgart, J. Zinke. Paderborn, 2017.
- Budraß L.* Flugzeugindustrie und Luftrüstung in Deutschland 1918–1945. Düsseldorf, 1997.
- Che-Wei Chang.* Oskar Trautmann, ein deutscher Diplomat in Ostasien. Individuum, Nation und Diplomatie aus der Perspektive der Globalgeschichte, 1877–1950: diss... Bonn, 2021.
- Corum J.* The Luftwaffe: Creating the Operational Air War, 1918–1940. Lawrence, 1997.
- Deutsch-chinesische Beziehungen 1928–1937. "Gleiche" Partner unter "ungleichen" Bedingungen. Eine Quellensammlung / Hrsg. von B. Martin, bearb. von S. Kuß. Berlin, 2003.
- Die Beziehungen zwischen Deutschland und Argentinien / Hrsg. von P. Birle. Frankfurt a. M., 2010.
- Dirksen H.v.* Moskau, Tokio, London. Erinnerungen und Betrachtungen zu 20 Jahren deutscher Außenpolitik 1919–1939. Stuttgart, 1949.
- Eberspächer C.* Die deutsche Yangtse-Patrouille: deutsche Kanonenbootpolitik in China im Zeitalter des Imperialismus 1900–1914. Bochum, 2004.
- Falkenhause A.v.* Erinnerungen: Bundesarchiv-Militärarchiv. N 246/40-48.
- Freyeisen A.* Shanghai und die Politik des Dritten Reiches. Würzburg, 2000.
- Gehirne der Armeen? Die Generalstäbe der europäischen Mächte im Vorfeld der Weltkriege / Hrsg. von L. Grawe. Paderborn, 2023.
- General Ernst Köstring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion, 1921–1941 / bearb. von H. Teske. Frankfurt a.M., 1966.
- Giessler K.-V.* Die Institution des Marineattachés im Kaiserreich. Boppard a.R., 1976.
- Gossmann L.* The passion of Max von Oppenheim. Archaeology and Intrigue in the Middle East from Wilhelm II to Hitler. Cambridge, 2014.
- Götting D.* "Etzel": Forscher, Abenteurer und Agent; die Lebensgeschichte des Mongoleiforschers Hermann Consten (1878–1957). Berlin, 2012.
- Göttrup H.* Wilhelm Wassmuss: Der deutsche Lawrence. Berlin, 2013.
- Grawe L.* Deutsche Feindaufklärung vor dem Ersten Weltkrieg: Informationen und Einschätzungen des deutschen Generalstabs zu den Armeen Frankreichs und Russlands 1904 bis 1914. Paderborn, 2017.
- Grimmer-Solem E.* Learning Empire: Globalization and the German Quest for World Status, 1875–1919. Cambridge, 2021.
- Grobba F.* Männer und Mächte im Orient: 25 Jahre diplomatischer Tätigkeit im Orient. Göttingen u.a., 1967.
- Grüßhaber G.* The "German Spirit" in the Ottoman and Turkish Army, 1908–1938: a history of military knowledge transfer. Berlin, 2018.
- Hauner M.* Anspruch und Wirklichkeit: Deutschland als Dritte Macht in Afghanistan, 1915–1939 // Studien zur Geschichte Englands und der deutsch-britischen Beziehungen / Hrsg. von L. Kettenacker u.a. München, 1981. S. 222–244.
- Hell S.M.* Siam and the League of Nations. Modernization, sovereignty and multilateral diplomacy, 1920–1940: diss... Leiden, 2007.
- Hentig W.O.* Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen, 1962.
- Japan und die Mittelmächte im Ersten Weltkrieg und in zwanziger Jahren / Hrsg. von J. Kreiner. Bonn, 1986.
- Jonas M.* NS-Diplomatie und Bündnispolitik 1935–1944: Wipert von Blücher, das Dritte Reich und Finnland. Paderborn u.a., 2011.
- Kehrig M.* Die Wiedereinrichtung des deutschen Attachedienstes nach dem Ersten Weltkrieg (1919–1933). Boppard a.R., 1966.
- Kiesling auf Kieslingstein H.v.* Soldat in drei Weltteilen. Leipzig, 1935.
- Kirby W.C.* Germany and Republican China. Stanford, 1984.
- Kohlhaas W.* Hitler-Abenteuer im Irak. Ein Erlebnis-Bericht. Freiburg, 1989.

- Krebs G.* Japan und die preussische Armee // Japan und Preußen / Hrsg. von G. Krebs. München, 2002. S. 125–144.
- Ma Wen-ying.* Die deutsche Beraterschaft in China in der Zwischenkriegszeit 1927–38. Münster, 1996.
- Mangold-Will S.* Begrenzte Freundschaft – Deutschland und die Türkei 1918–1933. Göttingen, 2013.
- Martin B.* Das Deutsche Reich und Guomindang-China, 1927–1941 // Von der Kolonialpolitik zur Kooperation: Studien zur Geschichte der deutsch-chinesischen Beziehungen / Hrsg. von Guo Heng-yü. München, 1986. S. 325–375.
- Meisner M.O.* Militärattachés und Militärbevollmächtigte in Preussen und im Deutschen Reich: Ein Beitrag zur Geschichte der Militärdiplomatie. Berlin, 1957.
- Petersson N.P.* Imperialismus und Modernisierung: Siam, China und die europäischen Mächte 1895–1914. München, 2000.
- Philbin T.R.* The lure of Neptune: German-Soviet naval collaboration and ambitions, 1919–1941. Columbia, 1994.
- Rabenau F.V., Seeckt H.V.* Aus seinem Leben. Bd. 2. Leipzig, 1940.
- Ratenhof U.* Die Chinapolitik des Deutschen Reiches 1871 bis 1945: Wirtschaft, Rüstung, Militär. Bop-pard a.R., 1987.
- Remmele B.* Die maritime Geheimrüstung unter Kapitän z.S. Lohmann // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1997. № 56. S. 313–376.
- Riccus W.* Die Institution der Marineattachés. Berlin, 2023.
- Rinke S.* Der letzte freie Kontinent: deutsche Lateinamerikapolitik im Zeichen transnationaler Beziehungen, 1918–1933: 2 Bde. Stuttgart, 1996.
- Rinke S.* Im Sog der Katastrophe: Lateinamerika und der Erste Weltkrieg. Frankfurt a. M.; New York, 2015.
- Rohde H.* Der Kampf um Asien: 2 Bde. Stuttgart, 1924–1926.
- Rosbeiani P.Z.* Das Unternehmen “Mammut”. Ein politisch-militärisches Geheimdienstunternehmen in Südkurdistan in den Jahren 1942/43 und seine Vorgeschichte: diss... Berlin, 2011.
- Sander-Nagashima B.J.* Deutsch-japanische Marinebeziehungen 1919–1942: diss... Hamburg, 1998.
- Schäfer J.* Deutsche Militärhilfe an Südamerika. Militär- und Rüstungsinteressen in Argentinien, Bolivien und Chile vor 1914. Düsseldorf, 1974.
- Schmitt G.* Hugo Junkers und seine Flugzeuge. Stuttgart, 1986.
- Seidt H.-U.* Berlin, Kabul, Moskau: Oskar Ritter von Niedermayer und Deutschlands Geopolitik. München, 2002.
- Silvennoinen O.* Geheime Waffenbrüderschaft: die sicherheitspolizeiliche Zusammenarbeit zwischen Deutschland und Finnland 1933–1944 / Aus dem K. Finn von, K. Reichel. Darmstadt, 2010.
- Stoffers A.* Thailand und Deutschland: Wirtschaft, Politik und Kultur. Berlin; Heidelberg, 2014.
- Suhr H.* Wilhelm Canaris: Lehrjahre eines Geheimdienstchefs (1905–1934). Kiel; Hamburg, 2020.
- The East Asian dimension of the First World War: global entanglements and Japan, China and Korea, 1914–1919 / eds J. Schmidt, K. Schmidtpott. Frankfurt a.M.; New York, 2020.
- Vogt A.* Oberst Max Bauer. Generalstabsoffizier im Zwielficht. 1869–1929. Osnabrück, 1974.
- Von der Kolonialpolitik zur Kooperation: Studien zur Geschichte der deutsch-chinesischen Beziehungen / Hrsg. von Guo Heng-yü. München, 1986.
- Wallach J.L.* Anatomie einer Militärhilfe. Die preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919. Düsseldorf, 1976.

DOI: 10.31857/S0130386424040102

© 2024 г. **Н.В. МЕЛЬНИКОВА**

ВОКРУГ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА: АМЕРИКАНСКАЯ РАЗВЕДКА И ИНФОРМАТОРЫ, 1945–1949 годы

Мельникова Наталья Викторовна — старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия).

E-mail: melnatvik@mail.ru

Scopus Author ID: 57208648890; ORCID: 0000-0002-0371-9729

Аннотация. Деятельность разведки была важным фактором реализации программ по овладению энергией атома в военных целях как в США, так и в СССР. В научной литературе подробно описаны действия советской разведки в Соединенных Штатах, однако информация о противоположной стороне остается относительно малоизученной. Цель данной статьи заключается в анализе деятельности американской разведки, ее источников, методов и приемов, использованных для сбора сведений о ядерных возможностях Советского Союза. Выявляются фактические ресурсы, результативность и ограничения разведывательной деятельности США в отношении советского атомного проекта. В центре внимания автора 1945–1949 гг. За это время советский проект достиг ключевых результатов, приведших к созданию и испытанию первой отечественной атомной бомбы, были разработаны основные принципы системы безопасности. К работе привлечены рассекреченные документы американских разведывательных служб из архивов ЦРУ, Архива национальной безопасности США, Государственного департамента США, делопроизводственные документы из фондов отечественных архивов, источники личного происхождения и материалы периодической печати. Исследование, не останавливаясь на известном факте недооценки американской стороной советского потенциала в стратегической ядерной сфере, позволяет говорить о нескольких иных аспектах. Наиболее эффективным средством для получения информации о советском атомном проекте в исследуемый период было общение с людьми, прямо или косвенно участвовавшими в проекте. Американские разведслужбы располагали отдельными данными о руководстве, структуре, местоположении, характере работ некоторых советских атомных объектов. То, что они были неполны, несмотря на активную разведывательную работу, свидетельствует об оправданности правил секретности и режимности проекта — краеугольного камня государственной безопасности страны в эпоху холодной войны.

Ключевые слова: ядерные державы, ядерный паритет, ядерная безопасность, СССР, государственная безопасность, разведка, США.

N.V. Melnikova

The Soviet Atomic Program: American Intelligence and Informants, 1945–1949

Natalia Melnikova, Institute of History and Archaeology of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

E-mail: melnatvik@mail.ru

Scopus Author ID: 57208648890; ORCID: 0000-0002-0371-9729

Abstract. Intelligence operations played an important role in the development of nuclear energy programs for military purposes in both the United States and the Soviet Union. While there is extensive information on Soviet intelligence activities in the USA, there remains a lack of information on American intelligence operations in the USSR. The author aims to examine the methods and sources used by American intelligence to gather information on Soviet nuclear capabilities from 1945 to 1949, a period marked by significant advancements in the Soviet atomic program. She highlights the importance of engaging with individuals involved in the Soviet atomic program as a key source of intelligence. By focusing on leadership structures, facility locations, and operational details, American intelligence services were able to gain valuable insights into the Soviet atomic program, albeit incomplete. This underscores the crucial role of Soviet atomic program's secrecy and security measures in safeguarding national interests during the Cold War era.

Keywords: nuclear powers, nuclear parity, nuclear security, USSR, state security, intelligence, USA.

В развитии ядерно-энергетических программ военного назначения деятельность разведывательных служб СССР и США играла важную роль, обеспечивая безопасность, информационное превосходство, военные и политические преимущества, становясь тем самым критическими факторами для обеих стран во время гонки ядерных вооружений и холодной войны. Действия советской разведки при реализации атомного проекта СССР описаны как в отечественной, так и в зарубежной литературе¹. Однако как велась работа с американской стороной, известно меньше. В российских публикациях этот аспект фрагментарно рассматривается через историю дипломатии или военно-промышленного комплекса². Зарубежные историки в этом сюжете более сосредоточиваются на организационном становлении «атомных» аналитических структур и поиске причин провала разведслужб Запада (и прежде всего США) при оценке возможностей советского атомного проекта³. Показательно, что о тех, кто работал на советскую атомную разведку, широко известно (им даже посвящены отдельные исследования⁴), но сведения о действиях и акторах с противоположной стороны довольно скудны⁵ (если только речь не идет о советских перебежчиках, раскрывавших данные о советской «атомной» разведке⁶). Общий посыл зарубежных исследователей «атомной» исторической тематики (в том числе «атомной»

¹ См., например: *Rhodes R. The Making of the Atomic Bomb*. New York, 1986; *Яцков А.А. Атом и разведка* // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 3. С. 103–107; *Albright J., Kunstel M. Bombshell: the Secret Story of America's Unknown Atomic Spy Conspiracy*. New York, 1997; *Лота В.И.* Вклад военных разведчиков в создание отечественного атомного оружия. 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 11. С. 40–44 и др.

² *Мальков В.Л.* «Манхэттенский проект»: разведка и дипломатия. М., 1995; *Быстрова И.В.* Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006; *Bukharin O.A.* The Cold War Atomic Intelligence Game, 1945–1970 // *Studies in Intelligence*. 2007. Vol. 48. № 2. URL: <https://www.cia.gov/static/826e930085a20f893b891b25417c0a1f/Cold-War-Atomic-Intel.pdf> (дата обращения: 23.01.2024); *Батюк В.И.* Начало советско-американской ядерной гонки (1945–1949 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 66–77; *Мальков В.Л.* История межгосударственных отношений России и США в XX веке. М., 2020.

³ См., например: *Goodman M.S.* Spying on the Nuclear Bear: Anglo-American Intelligence and the Soviet Bomb. Stanford, 2007; *Houghton V.* The Nuclear Spies: America's Atomic Intelligence Operation against Hitler and Stalin. Ithaca, New York, 2019 и др.

⁴ См., например: *Кузнецова Р.В.* Гений научно-технической разведки. Л. Квасников на службе Отечеству. М., 2016; *Максимов А.Б.* Атомная бомба Анатолия Яцкова. М., 2017; *Greenspan N.T.* Atomic Spy: the Dark Lives of Klaus Fuchs. New York, 2020; *Hagedorn A.* Sleeper Agent: The Atomic Spy in America Who Got Away. New York, 2021 и др.

⁵ Самым известным, вероятно, является проект «Венона» по расшифровке советских донесений, одним из результатов которого было раскрытие нескольких советских «атомных» агентов. См., например: *Venona. Soviet Espionage and the American Response, 1939–1957* / eds. R.L. Benson, M. Warner. Washington, 1996.

⁶ *Kessler L.* Clever girl: Elizabeth Bentley, the spy who ushered in the McCarthy era. New York, 2003; *Knight A.* How the Cold War Began: The Igor Gouzenko Affair and the Hunt for Soviet Spies. New York, 2005.

американской разведки) заключается в подчеркивании разницы между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Первый имел своих шпионов в США и обладал значимой информацией о Манхэттенском проекте, а вторые не располагали агентами в СССР и мало что знали о советских разработках ядерного оружия (что и стало одной из причин неверных прогнозов). Так ли это было? Вопрос о деятельности американских разведывательных служб в отношении советского атомного проекта тесно связан с вопросом о целесообразности высокой степени секретности и условий режимности. Затрагивая проблему государственной безопасности, данный сюжет представляет собой самостоятельный интерес в контексте тематики холодной войны.

Статья посвящена периоду 1945–1949 гг. С одной стороны, он был решающим для советского атомного проекта – как для реализации основной цели, так и для становления принципов его системы безопасности. С другой – он наиболее сложен для американской разведки, располагавшей, как это часто представляют, минимумом данных и возможностей. Неожиданность испытания советской атомной бомбы в 1949 г. американские исследователи называют самым травмирующим моментом холодной войны для правительства США, военных и простых граждан⁷. Не повторяя известный факт о том, что американская разведка не сумела точно определить, когда СССР сможет создать ядерное оружие, сосредоточимся на источниках, методах, содержании информации и ее сравнении с советскими реалиями. Исследование базируется на рассекреченных документах американских разведывательных служб, отложившихся в Архиве ЦРУ, Архиве национальной безопасности США, Государственном департаменте США, на делопроизводственных документах из фондов отечественных архивов, на воспоминаниях работников спецслужб и материалах периодической печати.

За «фасадом» американской разведки находились различные службы, подразделения и агентства, которые собирали и анализировали советскую «атомную» информацию, начиная от разведывательной группы Инженерного округа Манхэттен, Отдела внешней разведки госдепартамента, служб военной разведки и т.д. В апреле 1946 г. директор Центральной разведки сформулировал задачу в отношении СССР как «получение разведывательных данных максимально высокого качества в минимальные сроки»⁸. И именно зарубежные разработки в области атомной энергии признавались первостепенной областью внешней разведки США⁹. В работу по этому направлению в 1947 г. включились созданные Центральное разведывательное управление и Объединенный комитет по разведке в области ядерной энергии. Сбор разведывательной информации осуществляли главным образом кадровые разведчики, которые действовали в СССР под видом дипломатов, журналистов (заброска нелегальных агентов активизировалась только к рубежу 1940–1950-х годов)¹⁰. Они вербовали советских граждан или использовали их «втемную». При этом, как отмечают историки американских спецслужб М. Эйдж, В. Хоутон, в разведке США было мало сотрудников, знавших русский язык, не хватало квалифицированных ученых, а советский контрразведывательный аппарат считался мощным. Поэтому СССР расценивался как трудная цель¹¹.

Поскольку во время Второй мировой войны американские спецслужбы основное

⁷ Herken G. "A Most Deadly Illusion": The Atomic Secret and American Nuclear Weapons Policy, 1945–1950 // Pacific Historical Review. 1980. Vol. 49. № 1. P. 51.

⁸ Memorandum by the Director of Central Intelligence Sidney Souers, CIG 8, "Development of Intelligence on the U.S.S.R.", April 29, 1946 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945-50Intel/d148> (дата обращения: 06.02.2024).

⁹ Memorandum by the Director of Central Intelligence, NIA 6, "Coordination of intelligence activities related to foreign atomic energy developments and potentialities", August 13, 1946 // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP10-01569R000100040004-3.pdf> (дата обращения: 06.02.2024).

¹⁰ История советских органов государственной безопасности. М., 1977. С. 450.

¹¹ Aid M.M. The National Security Agency and the Cold War // Intelligence and National Security. 2001. Vol. 16. № 1. P. 29–30; Houghton V. Op. cit. P. 123.

внимание уделяли Германии и Японии, они испытывали недостаток средств сбора информации в Советском Союзе¹². Положительно зарекомендовавшая себя в годы войны радиоразведка на сей раз оказалась неэффективной. Радиосообщения передавались редко и по защищенным линиям. Перехватить и расшифровать их было очень сложно¹³. Благодаря радиоразведке удалось получить некоторые данные о внедрении советских агентов в Манхэттенский проект, но не о советском атомном проекте. Открытые источники — публичные радиопередачи, в которых американские разведслужбы пытались искать любые упоминания о советском проекте, — тем более не приносили результата (благодаря высоким стандартам безопасности вокруг проекта в СССР). Некоторую информацию удавалось извлечь из фотоснимков, которые делали дипломаты из окон железнодорожных вагонов¹⁴. Кроме этого, Стратегическое командование ВВС США выполняло разведывательные полеты вблизи юго-западных районов Советского Союза¹⁵, но мы не располагаем сведениями об их результатах.

Наиболее доступным методом, который применялся в первую очередь, был анализ информации, которую СССР мог получить открытым путем (как опубликованная в Советском Союзе книга Генри Смита «Атомная энергия для военных целей»). В этом же ряду стоял анализ текущих советских научных и промышленных возможностей с учетом прошлых результатов деятельности, а также собственного прошлого опыта и перспектив США в развитии атомного производства. Основываясь на этом, авторы первых аналитических записок Управления отчетов и оценок в 1945–1946 гг. уже высказывали предположения о том, что разработка СССР атомной бомбы возможна¹⁶. Кроме того, с помощью анализа кадровых перестановок в советской властной иерархии и слухов удалось идентифицировать Л.П. Берия как куратора советского атомного проекта¹⁷.

Другим источником являлись международные научные связи: аккумулировались мнения западных ученых, которые были знакомы или ранее работали с советскими коллегами; актуализировались послевоенные научные контакты. В последнем вопросе американские спецслужбы объединяли усилия с британскими, интерпретируя данные, полученные от дипмиссий в СССР. В частности, в декабре 1945 г. британской разведке стало известно, что советские исследования продвигаются быстро, но до создания бомбы еще далеко. Сведения поступили от химика-органика Бренды Трипп, представительницы Британского совета и сотрудницы британского посольства, ответственной за поддержание научных связей. Летом того же года она входила в состав британской делегации, участвовавшей в торжествах по случаю 220-летия Академии наук СССР¹⁸. К указанному выше выводу она пришла «в беседах с советскими физиками», а также сообщила, что слышала упоминания о И.В. Курчатове как о выдающемся специалисте в области атомной физики, позволившие

¹² Ziegler Ch. Intelligence Assessments of Soviet Atomic Capability, 1945–1949: Myths, Monopolies and Maskirovka // Intelligence and national security. 1997. Vol. 12. № 4. P. 10.

¹³ Goodman M.S. Op. cit. P. 19.

¹⁴ Lowenhaupt H.S. On the Soviet Nuclear Scent // URL: <https://www.cia.gov/resources/csi/studies-in-intelligence/archives/vol-11-no-4/on-the-soviet-nuclear-scent/> (дата обращения: 07.03.2024).

¹⁵ Goodman M.S. Op. cit. P. 26.

¹⁶ Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». С. 177; ORE1 “Soviet Foreign and Military Policy”, 23 July 1946 // URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/30005-76-central-intelligence-group-office-research-and-evaluation-ore-1-soviet-foreign> (дата обращения: 26.01.2024); ORE3/1 “Soviet Capabilities for the Development and Production of Certain Types of Weapons and Equipment”, 31 October 1946 // URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000256604.pdf (дата обращения: 26.01.2024).

¹⁷ Weekly Summary Excerpt, 25 October 1946, Significance of Personnel Changes in Soviet Hierarchy // Assessing the Soviet Threat: The Early Cold War Years / ed. W.J. Kuhns. P. 85. URL: <https://www.cia.gov/static/Assessing-the-Soviet-Threat-The-Early-Cold-War-Years.pdf> (дата обращения: 09.02.2024).

¹⁸ Подробнее об этом см.: Ковалев М.В., Груздинская В.С. «Все были очень впечатлены дружелюбием, гостеприимством и энтузиазмом советских ученых»: отчет представителя «British Council» в СССР Бренды Трипп о поездке британской делегации в Москву и Ленинград на празднование 220-летнего юбилея Академии наук СССР, июль 1945 г. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 87–107.

предполагать его связь с проектом¹⁹. Это было практически единственное упоминание И.В. Курчатова в известных на сегодняшний день разведывательных отчетах того времени.

От британской же разведки в США поступила информация о немецких специалистах, которые отправились в Советский Союз для работы над созданием атомной бомбы. Это направление оказалось продуктивным для получения разведанных. Сведения передавали агенты из Восточной Германии, которые, в свою очередь, имели «субагентов» в различных городах Германии²⁰. К февралю 1946 г. было установлено местоположение некоторых групп немецких специалистов, прежде всего на восточном берегу Черного моря, где действовали лаборатории, а впоследствии институты «А» и «Г», возглавлявшиеся Манфредом фон Арденне и Густавом Герцем соответственно. Поскольку советские спецслужбы блокировали любые попытки агентурной работы с немецкими специалистами, усилия американской стороны сосредоточились на перлюстрации их писем. По утверждению ветерана разведки ЦРУ Генри Левенгаупта, армейское управление безопасности США перехватило большое количество таких писем, и «пользы от этого оказалось не меньше, чем от всей агентурной сети в Восточной Германии»²¹. Несмотря на цензурирование писем советской стороной, определенные выводы можно было сделать, основываясь на описании личных контактов внутри групп немецких специалистов, а также характеристик природы, погоды, ландшафта. Первое говорило о составе групп (из чего можно было понять и характер деятельности), второе давало возможность идентифицировать места расположения атомных объектов.

Эту информацию дополняли возвращавшиеся из СССР немцы. Одним из таких был физик Адольф Кребс, проходивший в СССР собеседование у Николауса Рилиа, руководителя группы по производству металлического урана в городе Электросталь²². Вернувшись в 1946 г. сначала в Восточную Германию, он уехал затем в западную зону, где на него вышли американские разведслужбы. Благодаря ему американская разведка установила причастность к проекту некоторых советских ученых и государственных деятелей — А.И. Лейпунского, А.П. Завенягина, специализации групп немецких ученых в Сухуми и Электростали, добычу урановой руды «недалеко от Ташкента в Центральной Азии». Сообщение Кребса про группу Хайнца Позе, которая «расположилась где-то к востоку от Урала», стало основанием начала слежки за этим регионом²³ (о том, что Позе работал в Обнинске, американские спецслужбы смогли выяснить только в начале 1950-х годов). Очевидно, во избежание подобных утечек информации в последующем для немецких специалистов, участвовавших в советских «работах по урану», устанавливались «карантинные» сроки — не менее двух лет, после которых им разрешалось покинуть страну. Тем не менее в ходе операции Wringer («Выжиматель»), начавшейся в июне 1949 г.²⁴, от репатриировавшихся из СССР немцев и австрийцев удалось получить много точной информации (хотя и нестратегического характера). Однако наибольшую пользу американской разведке эти данные принесли только в следующее десятилетие.

Были ли в Советском Союзе американские шпионы в 1945–1949 гг., собиравшие сведения об атомном проекте? Данные на сей счет противоречивы. В 1975 г. председатель Комиссии по атомной энергии Дэвид Лилиенталь в интервью говорил, что еще до 1950 г.

¹⁹ Goodman M.S. Op. cit. P. 21; Haddon C. Union Jacks and Red Stars on Them: UK Intelligence, the Soviet Nuclear Threat and British Nuclear Weapons Policy, 1945–1970: PhD thesis. London, 2008. P. 71–72.

²⁰ Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». С. 176.

²¹ Lowenhaupt H.S. Op. cit.

²² Steury D.P. How the CIA Missed Stalin's Bomb. Dissecting Soviet Analysis, 1946–1950 // Studies in Intelligence. 2005. Vol. 49. № 1 // URL: <https://www.cia.gov/static/cf745b3d96a35d42228add593f41887d/CIA-Missed-Stalins-Bomb.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

²³ Lowenhaupt H.S. Op. cit.

²⁴ См., например: Oral History Interview with USAF Colonel Robert Work, 30 July 1999 // URL: https://www.governmentattic.org/23docs/AIA-OH1colRobtWork_1999.pdf (дата обращения: 04.03.2024); Boog H. The Wringer Project: German ExPOWs as Intelligence Sources on the Soviet Union // Secret Intelligence in the Twentieth Century / eds H. Bunger, J.G. Heitmann, M. Wala. London; Portland, 2003. P. 83–91.

разведслужбы США отправляли секретные миссии в СССР для сбора информации о качестве советской урановой руды²⁵. Майкл Гордин утверждает, что в указанный период в СССР не было американских «наземных агентов» (в 1949 г. ЦРУ только запустило пятилетнюю программу подготовки группы из бывших советских граждан для заброски на территорию СССР)²⁶. В любом случае, как писал в воспоминаниях Рэймонд Гартхофф (аналитик по СССР в стратегическом исследовательском центре RAND Corporation в 1950–1957 гг.), до 95% разведанных добывалось различными способами, помимо шпионажа²⁷. С помощью таких методов в исследуемый период в основном и устанавливалось расположение и размеры советских атомных объектов. А это само по себе служило источником для дальнейших выводов. Уже в середине 1946 г. Объединенный комитет начальников штабов США имел сведения, что СССР добывал уран в Киргизии, Казахстане, на Кавказе, в Чехословакии и Болгарии; возможными местами добычи указывались также Карелия, р. Колыма, Якутск, о. Диксон²⁸. При этом был сделан ошибочный вывод, что Советский Союз не располагает высококачественной урановой рудой. В 1947 г. очень точно был идентифицирован Комбинат № 6 с его рудниками (Таджикистан) – первое отечественное предприятие сырьевой отрасли атомной промышленности. Это произошло благодаря перебежчику, бывшему шоферу, который развозил хлеб между объектами комбината²⁹. Судя по директивам МГБ СССР и его региональных управлений³⁰, в 1946 и 1947 гг. советские органы безопасности располагали информацией о стремлении иностранных разведок получить сведения и об иных отечественных атомных объектах, в том числе о промышленных предприятиях, которые возводились на Урале (заводы № 813, 814, 817). Это подтверждают документы с «другой стороны», например сообщение от апреля 1946 г., полученное Управлением стратегических служб США при обстоятельствах, заставлявших аналитиков считать его достоверность как «весьма значительную». В нем говорилось о «расположенном в 13 милях от Магнитогорска» атомграде, центре «исследовательской и промышленной деятельности Советов в сфере атомных дел», который управлялся попавшими в плен членами СС и находился на особом режиме НКВД³¹. Несмотря на ошибки, касавшиеся расстояний, состояния работ и управленцев из «бывших членов СС», можно предположить, что речь шла о комбинате № 817 (комбинат «Маяк»), который только начинал строиться. На подобных объектах в СССР создавались группы по ведению контрразведывательной работы. В принадлежности к англо-американским разведорганам на рубеже 1940–1950-х годов в одном только поселении при упомянутом комбинате № 817 подозревались 142 человека³². По доступным источникам не удалось установить, имел ли кто-то из них реальное отношение к зарубежным разведкам.

К концу 1947 г. сведения о советском атомном проекте, имевшиеся в распоряжении американских разведорганов, были резюмированы в меморандуме директора Центральной разведки США Роско Хилленкоттера³³. Он констатировал, что текущая добыча руды позволит СССР получать от 80 до 100 т урана в год, а сделанных за 3–5 лет запасов хватит для производства от 8 до 15 атомных бомб. В меморандуме подчеркивалось, что основные усилия «русского проекта по атомной энергии» направлены на получение плутония, в то

²⁵ Herken G. *The Winning Weapon: The Atomic Bomb in the Cold War, 1945–1950*. New York, 1982. P. 358.

²⁶ Gordin M. *Red Cloud at Dawn: Truman, Stalin, and the End of the Atomic Monopoly*. New York, 2009. P. 82.

²⁷ Garthoff R.L. *A Journey through the Cold War: A Memoir of Containment and Coexistence*. Washington (DC), 2001. P. 100.

²⁸ Быстрова И.В. Указ. соч. С. 272–273.

²⁹ Lowenhaupt H.S. *Mission to Birch Woods* // URL: <https://www.cia.gov/static/Mission-to-Birch-Woods.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).

³⁰ Каплюков В. Команда «К» // Родина. 2007. № 12. С. 114.

³¹ Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». С. 179.

³² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10208. Оп. 2. Д. 830. Л. 194.

³³ Memorandum by the Director of Central Intelligence R. Hillenkoetter “Status of Russian Atomic Energy Project”, 15 December 1947 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v01/d450> (дата обращения: 02.02.2024).

время как металлический уран если и добыт, то в очень ограниченном количестве. Разделение изотопов урана не осуществляется, поскольку у страны нет средств для проведения этой операции в промышленных масштабах, а нехватка оборудования тормозит программу. На основании обобщения противоречивых и расплывчатых отчетов о местонахождении советских атомных объектов в меморандуме выделены «важные центры атомного развития»: Ферганская долина, Электросталь, юг Центрального Урала, а также Чехия, Болгария и Эстония. В то же время в СССР запасы урана для советского атомного проекта составили 3,7 тыс. т, а добыча — более 634 т (на 1 января 1948 г.)³⁴. Были построены предприятия по добыче урановой руды не только на территории СССР (Узбекистан, Таджикистан, Эстония), но и в Восточной Германии, Болгарии, Польше, Чехословакии; обнаружены месторождения урана на Кавказе, Колыме, в Киргизии, на Украине. Еще в 1946 г. завод № 12 (Электросталь) смог вырабатывать в месяц около 2 т металлического урана, что позволило запустить в Лаборатории № 2 первый советский физический уран-графитовый котел. В течение 1947 г. создавался опытный котел «уран — тяжелая вода», на Урале шло активное строительство промышленных комбинатов по наработке плутония и урана-235, был получен первый препарат плутония, закончены проекты атомной бомбы из плутония и урана-235³⁵. Таким образом, данные американской разведки о проделанной работе в проекте страдали неточностями, тогда как сведения о местах расположения атомных объектов в целом соответствовали реальности.

1948 г. не принес американским разведслужбам серьезных результатов³⁶. Пытаясь определить, не разрабатывает ли СССР атомный реактор с графитовым замедлителем по тому же принципу, что и американский завод в Хэнфорде, госдепартамент США запросил у разведки информацию о возможных объектах по производству графита. В качестве таковых были названы завод «Электродный забредье» под Челябинском, Таджинский графитовый комбинат в Кыштыме (Челябинская область), завод «Электро-Угли» под Ногинском, Кемеровский коксохимический завод, Днепрорский электродный завод³⁷. О главном источнике советского графита — Московском электродном заводе — известно не было. Специальный помощник заместителя Госсекретаря по вопросам атомной энергии Гордон Арнесон признавал в июле 1949 г., что предыдущие попытки собрать сведения о производстве графита в Советском Союзе потерпели неудачу³⁸.

В 1949 г. ЦРУ получило перебежчика из СССР, который раскрыл важные детали. Зарубежная пресса время от времени писала о советских ученых или рабочих, бежавших из Советского Союза или с советских предприятий в Европе. В числе последних было советско-германское предприятие «Висмут», которое не единожды фигурировало в публикациях западноберлинских, лондонских и парижских СМИ как источник «поставки» таких дезертиров. В частности, в конце 1940-х годов сообщалось о двух работниках «Висмута», неких Феде (sic!) Николаевиче Астахове и Остапчеве, которые через Западный Берлин

³⁴ Создание первой советской ядерной бомбы / под ред. В.Н. Михайлова. М., 1995. С. 197.

³⁵ Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 3 / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Саров; Москва, 2002. С. 763–781.

³⁶ Director of Central Intelligence R.H. Hillenkoetter, memorandum to the President, “Estimate of the Status of the Russian Atomic Energy Project”, 6 July 1948 // URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/19576-national-security-archive-doc-05-document-3> (дата обращения: 06.02.2024); Untitled estimate, 10 December 1948 // URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/19580-national-security-archive-doc-09-untitled> (дата обращения: 06.02.2024).

³⁷ Memorandum from R. Gordon Arneson to Mose L. Harvey, Chief, East European Branch, DRE, 9 November 1948 // URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/19578-national-security-archive-doc-07-memorandum> (дата обращения: 06.02.2024). Таких предприятий как «Электродный забредье» под Челябинском, Таджинский графитовый комбинат в Кыштыме не существовало. Днепрорский электродный завод ошибочно назван «Днепрорским».

³⁸ Memorandum for the Secretary [of State] from R. Gordon Arneson, “Attached Statement on Status of USSR Atomic Energy Project”, 7 July 1949 // URL: <https://archive.org/details/6385911-National-Security-Archive-Doc-11-Memorandum-for/mode/1up> (дата обращения: 22.02.2024).

перебрались в Западную Европу. Проверка Главным управлением советским имуществом за границей конкретно этого случая показала, что указанные сообщения были ложными³⁹. Но другие случаи с перебежчиками, трудившимися на советских атомных предприятиях, действительно имели место. Г. Левенгаупт называет ученого, которому ЦРУ присвоило псевдоним «Гонг». Согласно его показаниям, он работал в Институте общей и неорганической химии над технологией производства металлических мембран для разделения изотопов урана методом газовой диффузии. «Гонг» рассказал о существовании специальных лабораторий № 1, 2 и 3, тесно связанных с Первым главным управлением при Совете Министров СССР⁴⁰. Однако слабая осведомленность «Гонга» привела к тому, что он перепутал специализацию лабораторий № 2 и № 3 и их руководителей, назвав А.И. Алиханова руководителем Лаборатории № 2, а И.К. Кикоина — заместителем начальника Лаборатории № 3. Тем не менее это были значимые сведения, раскрывшие само существование лабораторий и позволившие определить, что Кикоин отвечал в советском атомном проекте за исследования в области газовой диффузии. Несмотря на все полученные данные, в расширенном отчете ЦРУ от 24 августа 1949 г. (т.е. за пять дней до первого советского испытания атомного заряда) не давалось определенной оценки масштаба «атомных» работ в СССР⁴¹.

Примером работы информаторской цепочки может служить следующий эпизод. Он связан с репортажем, который появился в конце сентября 1949 г. после официального заявления Гарри Трумэна о первом атомном взрыве в СССР. Статью под разными заголовками перепечатали почти 30 региональных американских газет. Автор этого репортажа — Леон Деннен, специальный корреспондент Newspaper Enterprise Association (одного из ведущих новостных синдикатов США). Это весьма любопытная личность, чья судьба тесно связана с Советским Союзом⁴². Родившись в Нью-Йорке в 1908 г., еще ребенком Деннен переехал с родителями на Украину, где его отец стал редактором антибольшевистской газеты. После революции в России родственники Деннена, по его собственным словам, оказались разбросанными по всему Союзу⁴³. Отслужив в морской пехоте США и окончив университет Висконсина, Деннен вернулся в СССР, где работал под руководством К.Б. Радека. Мы не располагаем информацией, был ли это иностранный отдел «Известий» или Бюро международной информации. В любом случае оба использовались для информирования руководства СССР и дипломатических ведомств и даже для выполнения специальных заданий в обход официальных каналов⁴⁴. Деннен, говоривший на 15 языках, бывал в разных городах СССР и как минимум до середины 1930-х годов придерживался просоветских взглядов⁴⁵. Однако впоследствии он занял противоположные позиции и больше никогда не питал теплых чувств к СССР⁴⁶. Во время Второй мировой войны Деннен, имея статус специалиста по коммунизму и европейским делам, работал в Международной организации по делам беженцев (в том числе под прикрытием). После войны Деннена наняла Американская федерация труда, чтобы создавать по всей Европе «свободные профсоюзы» в противовес тем, в которых доминировали коммунисты. Он также работал консультантом и помощником на

³⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 480. Л. 111.

⁴⁰ Lowenhaupt H.S. On the Soviet Nuclear Scent.

⁴¹ Status of the U.S.S.R. Atomic Energy Project, 24 August 1949 // URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80R01731R000800100052-0.pdf> (дата обращения: 13.02.2024).

⁴² Leon Dennen // New York Times. 4.XII.1974; Leon Dennen, Columnist, Dies // The Index-Journal. 4.XII.1974.

⁴³ Dennen L. Where the Ghetto Ends: Jews in Soviet Russia. New York, 1934. P. 50.

⁴⁴ Кен О. Карл Радек и Бюро Международной Информации ЦК ВКП(Б), 1932–1934 // Cahiers du Monde russe. 2003. № 44. P. 150.

⁴⁵ См.: Dennen L. The Human Consequences of the Five-Year Plan // The Nation. 1933. December 27; *Его же*. Where the Ghetto Ends; *Его же*. Birobidjan // Soviet Russia Today. 1935. Vol. 4. Iss. 9. P. 41–42, 47; *Его же*. White Guard Terrorists in the USA. New York, 1935.

⁴⁶ См., например: Dennen L. Trouble Zone: Brewing Point of World War III? New York, 1945; *Его же*. The Soviet Peace Myth. New York, 1951.

радио «Свободная Европа», финансируемом ЦРУ⁴⁷. Радио вещало с базы в отеле «Балтимор» в Париже. Туда стекалось «множество беженцев из-за железного занавеса, которые часто прибывали без гроша в кармане и без друзей»⁴⁸.

Возможно, Деннен стал таким другом для бежавшего из СССР в 1947 г. в Западную Европу «помощника комиссара уральского танкового производства». Человека, рассказавшего ему о советском атомном проекте, Деннен описывает как некогда влиятельного коммуниста в Румынии и близкого друга одного из лидеров румынского коммунистического движения Анны Паукер. Он находился в СССР в 1937–1947 гг. Во время Второй мировой войны работал на Челябинском тракторном заводе (ЧТЗ) первым заместителем некоего руководителя по фамилии Хесин. Выявить среди руководящих работников ЧТЗ человека с такой фамилией не удалось. Не установлено также, идет ли речь о Э.Н. Хесине, главном конструкторе Харьковского радиозавода, во время войны эвакуированного на Урал и размещенного в городе Касли, в 20 км от которого в 1946 г. началось строительство первого советского реакторного завода («Маяк»).

Репортаж очень примечательный и содержит много важных подробностей⁴⁹. «Сбежавший советский промышленный чиновник» сообщал, что СССР работал над атомным проектом «по крайней мере на четырех огромных заводах, известных как “атомные крепости”». В них были сконцентрированы «сотни захваченных немецких ученых, ключевых российских атомных экспертов и тысячи насильно удерживаемых рабочих». До этих центров быстро доводилась самая свежая информация, поступающая от «шпионов из Соединенных Штатов, Канады и Великобритании, и выводы Фредерика Жолио-Кюри, французского руководителя Комиссариата по атомной энергии и высокопоставленного коммуниста». «Могу утверждать на основании моих личных данных, — добавляет от себя Деннен, — что разведывательные органы США знают о местах расположения этих крепостей, которые состоят из сложных производств, окруженных сотнями миль безлюдных земель и патрулируемых тайной полицией МВД».

Далее Деннен описывает предполагаемые места атомного взрыва в СССР: «В Сухуми, в южном Закавказье на Черном море. (Мой осведомитель сказал, что работал над строительством атомной крепости в Сухуми еще в сентябре 1939 г., во время вторжения в Польшу.) В центральноазиатской пустыне Каракум, к югу от Аральского моря в Туркмении, и в южной зоне Урала. Эта крепость находится недалеко от границы Ирана и окружена 700 квадратными километрами нейтральной зоны. (Мой информатор сказал, что в начале 1936 г. тысячи закабаленных рабочих работали над расширением этого завода и испытательного полигона. Он сказал, что многие из этих заключенных были с тех пор казнены под различными предлогами и лишь немногие останутся в живых.)

Под Златоустом, к югу от Челябинска, располагается атомная лаборатория, питающаяся от самых мощных генераторов в уральской промышленной сети. Златоуст — это территория старейшего промышленного центра России, основанного Петром Великим. [Эта лаборатория] оснащена американским оборудованием. Согласно заслуживающим доверия сведениям, профессор Петр Капица, известный британско-российский ученый, жив и работает на этом заводе. Он был задержан в России во время ее посещения перед войной.

В Ташкенте, в Узбекистане. Это — главный офис ведущего российского атомного физика профессора Иоффе, который проводил эксперименты по использованию солнечной энергии. Как говорили, советская академия наук получила секретный отчет о том, что профессор Иоффе преуспел в расщеплении атома в 1937 г.».

Имеющиеся у нас сведения не позволяют утверждать, что Деннен работал на американскую разведку (хотя факты его биографии заставляют задуматься). Но сообщения

⁴⁷ Подробнее об этом см.: *Puddington A. Broadcasting freedom: the Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty. Lexington, 2000.*

⁴⁸ Leon Dennen, Columnist, Dies // *The Index-Journal*. 1974. 4 December.

⁴⁹ Переведено по: *Dennen L. Hundreds of Scientists, Thousands of Slave Laborers Work in Soviet Atomic Fortresses* // *The San Bernardino County Sun*. 25.IX.1949. P. 1.

его информатора являют собой яркий пример того, как и какие данные о проекте могли оказываться в распоряжении противной стороны. В репортаже обращают на себя внимание указания на реальные факты. Прежде всего это сообщение о наличии в СССР к 1949 г. четырех «огромных заводов», состоящих из «нескольких сложных производств». Они располагались в закрытых городах, которые сегодня известны как Саров, Озерск, Новоуральск и Лесной. Наиболее близким к ним (а именно, к Озерску) можно считать упомянутый автором статьи город Златоуст, в 130 км от которого действовали основные производства будущего комбината «Маяк» (промышленный реактор, радиохимический и металлургический заводы). Подлинными объектами, работавшими на советский атомный проект, существовали, как уже говорилось, и в Сухуми. Но расположенные там институты вряд ли можно назвать «атомными крепостями» и уж тем более отнести начало их создания в этом качестве к 1936 г., как это следует из свидетельства информатора. Соответствовало действительности и наличие буферных зон безопасности вокруг атомных объектов, масштабный расход электроэнергии, быстрый обмен информацией, некоторое отношение к проекту П.Л. Капицы и А.Ф. Иоффе (хотя их место работы кардинально неверно).

Как видим, наиболее действенным средством в рассматриваемый период было получение информации у тех, кто так или иначе участвовал в каких-то работах проекта, был близок к нему (возвращавшиеся из СССР немецкие специалисты, перебежчики). Нельзя сказать, что американская разведка совсем не обладала важной информацией о советском атомном проекте в 1945–1949 гг. и обходилась только предположениями⁵⁰. В распоряжении спецслужб США были и конкретные факты о руководителях, структуре, атомных объектах, характере их работ и местоположении. То, что они были неполны, — заслуга установленной в атомном проекте системы секретности (через сегрегацию информации, людей и работ) и советской контрразведки. В публицистических и популярных изданиях правила секретности и режимные ограничения отечественного атомного проекта называются «тотальными», «жесточайшими», «параноидальными»⁵¹. Некоторые авторы даже полагают, что секреты могли быть мнимыми и в их соблюдении не имелось необходимости⁵². Рассекреченные документы американских спецслужб, воспоминания их сотрудников и другие источники свидетельствуют об активной разведывательной работе вокруг советского атомного проекта. На этом фоне «атомные» секретность и режимность (которые не были столь демоническими, как их представляют) выглядят оправданными, учитывая, что на кону стояла задача обеспечения национальной безопасности и независимости. Американские разведслужбы смогли идентифицировать и правильно охарактеризовать атомные объекты СССР только к 1962–1965 гг.⁵³ Таким образом, воплотилось в жизнь то, о чем говорил член Специального комитета М.Г. Первухин: «чтобы заграничная разведка... не разнюхала»⁵⁴.

Библиография / References

Атомный проект СССР: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Кн. 3 / под общ. ред. Л.Д. Рябева. Саров; М., 2002.

⁵⁰ См., например: *Батюк В.И.* Указ. соч. С. 77; *Steury P.* Op. cit.; *Goodman M.S.* Op. cit., и др.

⁵¹ *Емельяненко А.Ф.* Архипелаг Средмаш. М., 2000. С. 14; *Фёдоров Ю.* Живущие в стеклянном доме // Радио «Свобода». 30.08.2015. URL: <https://www.svoboda.org/a/27214509.html> (дата обращения: 24.06.2024); *Губарев В.С.* Ядерная заря. Курчатов против Оппенгеймера. М., 2023. С. 162.

⁵² См.: *Кутенева Н.* Тайны закрытых городов. М., 2021. С. 20, 22.

⁵³ National Intelligence Estimate 11–2A–63 “The Soviet Atomic Energy Program”, 2 July 1963 // <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp79r01012a022200020001–4> (дата обращения: 27.02.2024); National Intelligence Estimate 11–2A–63 “The Soviet Atomic Energy Program”, 19 May 1965 // <https://www.cia.gov/readingroom/document/0000278468> (дата обращения: 27.02.2024).

⁵⁴ *Первухин М.Г.* Как была решена атомная проблема в нашей стране // Творцы атомного века. Славский Е.П. М., 2013. С. 116.

- Батюк В.И. Начало советско-американской ядерной гонки (1945–1949 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 66–77.
- Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930 – 1980-е годы). М., 2006.
- Губарев В.С. Ядерная заря. Курчатов против Оппенгеймера. М., 2023.
- Емельяненко А.Ф. Архипелаг Средмаш. М., 2000.
- История советских органов государственной безопасности. М., 1977.
- Каплюков В. Команда «К» // Родина. 2007. № 12. С. 114–117.
- Ken O. Karl Radek и Бюро Международной Информации ЦК ВКП(Б), 1932–1934 // Cahiers du Monde russe. 2003. № 44. Р. 135–178.
- Ковалев М.В., Груздинская В.С. «Все были очень впечатлены дружелюбием, гостеприимством и энтузиазмом советских ученых»: отчет представителя «British Council» в СССР Брендэ Трипп о поездке британской делегации в Москву и Ленинград на празднование 220-летнего юбилея Академии наук СССР, июль 1945 г. // Исторический архив. 2020. № 4. С. 87–107.
- Кузнецова Р.В. Гений научно-технической разведки. Л. Квасников на службе Отечеству. М., 2016.
- Кутепова Н. Тайны закрытых городов. М., 2021.
- Лота В.И. Вклад военных разведчиков в создание отечественного атомного оружия. 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 11. С. 40–44.
- Максимов А.Б. Атомная бомба Анатолия Яцкова. М., 2017.
- Мальков В.Л. «Манхэттенский проект»: разведка и дипломатия. М., 1995.
- Мальков В.Л. История межгосударственных отношений России и США в XX веке. М., 2020.
- Первухин М.Г. Как была решена атомная проблема в нашей стране // Творцы атомного века. Славский Е.П. М., 2013. С. 103–126.
- Создание первой советской ядерной бомбы / под ред. В.Н. Михайлова. М., 1995.
- Яцков А.А. Атом и разведка // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 3. С. 103–107.
- Atomnyj projekt SSSR: Dokumenty i materialy: [USSR Atomic Project: Documents and Materials]: v 3 t. T. 2. Kn. 3 / pod obshh. red. L.D. Rjabeva. Sarov; Moskva, 2002. (In Russ.)
- Batjuk V.I. Nachalo sovetsko-amerikanskoy jadernoj gonki (1945–1949 gody) [Start of the US-Soviet Nuclear Arms Race (1945–1949)] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2016. № 6. С. 66–77. (In Russ.)
- Bystrova I.V. Sovetskij voenno-promyshlennyj kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930–1980-e gody) [The Soviet military-industrial complex: problems of formation and development (1930s – 1980s)]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Emel'janenkov A.F. Arhipelag Sredmash [Archipelago Sredmash]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Gubarev V.S. Jadernaja zarja. Kurchatov protiv Oppengejmera [Nuclear Daybreak. Kurchatov vs. Oppenheimer]. Moskva, 2023. (In Russ.)
- Istorija sovetskikh organov gosudarstvennoj bezopasnosti [History of Soviet State Security Agencies]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Jackov A.A. Atom i razvedka [Atom and Intelligence] // Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki [Studies in the History of Science and Technology]. 1992. № 3. С. 103–107. (In Russ.)
- Kapljukov V. Komanda "K" [Team "K"] // Rodina [Motherland]. 2007. № 12. С. 114–117. (In Russ.)
- Ken O. Karl Radek i Bjuro Mezhdunarodnoj Informacii CK VKP(B), 1932–1934 [Karl Radek and the Bureau of International Information of the CPSU's Central Committee, 1932–1934] // Cahiers du Monde russe. 2003. № 44. Р. 135–178. (In Russ.)
- Kovalev M.V., Gruzinskaja V.S. "Vse byli ochen' vpechatleny druželjubiem, gostepriimstvom i jentuziazmom sovetskikh uchenyh": otnet predstavitelja «British Council» v SSSR Brendy Tripp o poezdke britanskoy delegacii v Moskvu i Leningrad na prazdnovanie 220-letnego jubileja Akademii nauk SSSR, ijul' 1945 g. ["Everyone was Enormously Impressed with the Friendliness, Hospitality, and Enthusiasm of the Soviet scientists": A Visit of the British Delegation to Celebrate the 220th Anniversary of the USSR Academy of Sciences. 1945] // Istoricheskij arhiv [Historical Archive]. 2020. № 4. С. 87–107. (In Russ.)
- Kuteпова N. Tajny zakrytyh gorodov [Secrets of Closed Towns]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Kuznecova R.V. Genij nauchno-tehnicheskoy razvedki. L. Kvasnikov na sluzhbe Otechestvu [A genius of scientific and technical intelligence. L. Kvasnikov in the service of the Fatherland]. Moskva, 2016.
- Lota V.I. Vklad voennykh razvedchikov v sozdanie otechestvennogo atomnogo oruzhija. 1941–1945 gg. [Contribution of military intelligence servicemen to creation of the atomic weapon of this country. 1941–1945] // Voенно-istoricheskij zhurnal [Military Historical Journal]. 2006. № 11. С. 40–44. (In Russ.)
- Maksimov A.B. Atomnaja bomba Anatolija Jackova [Atomic bomb by Anatoly Yatskov]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Mal'kov V.L. "Manhjettenskij projekt": razvedka i diplomatija [The Manhattan Project: Intelligence and Diplomacy]. Moskva, 1995. (In Russ.)

- Mal'kov V.L.* Istorija mezhgosudarstvennyh otnoshenij Rossii i SShA v XX veke [History of interstate relations between Russia and the USA in the 20th century]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Pervuhin M.G.* Kak byla reshena atomnaja problema v nashej strane [How the atomic problem was solved in our country] // *Tvorcy atomnogo veka*. Slavskij E.P. [Creators of the Atomic Age. Slavsky E.P.]. Moskva, 2013. S. 103–126. (In Russ.)
- Sozdanie pervoj sovetskoj jadernoj bomby* [Creation of the First Soviet Nuclear Bomb] / pod red. V.N. Mihajlova. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Aid M.M.* The National Security Agency and the Cold War // *Intelligence and National Security*. 2001. Vol. 16. № 1. P. 27–66.
- Albright J., Kunstel M.* Bombshell: The Secret Story of America's Unknown Atomic Spy Conspiracy. New York, 1997.
- Boog H.* The Winger Project: German ExPOWs as Intelligence Sources on the Soviet Union // *Secret Intelligence in the Twentieth Century* / eds H. Bunker, J.G. Heitmann, M. Wala. London; Portland, 2003. P. 83–91.
- Bukharin O.A.* The Cold War Atomic Intelligence Game, 1945–1970 // *Studies in Intelligence*, 2007. Vol. 48. № 2. URL: <https://www.cia.gov/static/826e930085a20f893b891b25417c0a1f/Cold-War-Atomic-Intel.pdf> (access date: 23.01.2024).
- Dennen L.* The Soviet peace myth. New York, 1951.
- Dennen L.* Trouble zone: brewing point of World War III? New York, 1945.
- Dennen L.* Where the Ghetto Ends: Jews in Soviet Russia. New York, 1934.
- Dennen L.* White Guard Terrorists in the USA. New York, 1935.
- Garthoff R.L.* A Journey through the Cold War: A Memoir of Containment and Coexistence. Washington (DC), 2001.
- Goodman M.S.* Spying on the Nuclear Bear: Anglo-American Intelligence and the Soviet Bomb. Stanford, 2007.
- Gordin M.* Red Cloud at Dawn: Truman, Stalin, and the End of the Atomic Monopoly. New York, 2009.
- Greenspan N.T.* Atomic Spy: the Dark Lives of Klaus Fuchs. New York, 2020.
- Haddon C.* Union Jacks and Red Stars on Them: UK Intelligence, the Soviet Nuclear Threat and British Nuclear Weapons Policy, 1945–1970: PhD thesis. London, 2008.
- Hagedorn A.* Sleeper Agent: The Atomic Spy in America Who Got Away. New York, 2021.
- Herken G.* "A Most Deadly Illusion": The Atomic Secret and American Nuclear Weapons Policy, 1945–1950 // *Pacific Historical Review*. 1980. Vol. 49. № 1. P. 51–76.
- Herken G.* The Winning Weapon: The Atomic Bomb in the Cold War, 1945–1950. New York, 1982.
- Houghton V.* The Nuclear Spies: America's Atomic Intelligence Operation against Hitler and Stalin. Ithaca, New York, 2019.
- Kessler L.* Clever girl: Elizabeth Bentley, the spy who ushered in the McCarthy era. New York, 2003.
- Knight A.* How the Cold War Began: The Igor Gouzenko Affair and the Hunt for Soviet Spies. New York, 2005.
- Puddington A.* Broadcasting freedom: the Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty. Lexington, 2000.
- Rhodes R.* The Making of the Atomic Bomb. New York, 1986.
- Steury D.P.* How the CIA Missed Stalin's Bomb. Dissecting Soviet Analysis, 1946–1950 // *Studies in Intelligence*. 2005. Vol. 49. № 1. URL: <https://www.cia.gov/static/cf745b3d96a35d42228add593f41887d/CIA-Missed-Stalins-Bomb.pdf> (access date: 01.02.2024).
- Venona.* Soviet Espionage and the American Response, 1939–1957 / eds. R.L. Benson, M. Warner. Washington, 1996.
- Ziegler Ch.* Intelligence Assessments of Soviet Atomic Capability, 1945–1949: Myths, Monopolies and Maskirovka // *Intelligence and national security*. 1997. Vol. 12. № 4. P. 1–24.

© 2024 г. А.А. ЩЕЛЧКОВ

СОЮЗНИКИ ПОНЕВОЛЕ: СССР, КОМПАРТИЯ АРГЕНТИНЫ ПЕРЕД ЛИЦОМ ВОЕННОЙ ДИКТАТУРЫ (1976–1983)

Щелчков Андрей Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: sch2000@mail.ru

Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612-2018
Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. Данная статья ставит перед собой задачу исследовать сложные и противоречивые отношения между Коммунистической партией Аргентины (КПА), Советским Союзом и военным режимом в Аргентине в 1976–1983 гг. В это время в регионе преобладали праворадикальные военные диктатуры, отличавшиеся открыто террористической политикой в отношении левых сил, массовыми нарушениями прав человека, что ставило в двусмысленное положение международное коммунистическое движение ввиду тесного сотрудничества СССР и аргентинской военной хунты. В отношениях СССР с военным режимом в Аргентине сложилась уникальная ситуация их взаимной заинтересованности. Важнейшим фактором этого противоречивого положения была поддержанная КПСС позиция компартии Аргентины сотрудничества с режимом, который другие компартии и левые силы квалифицировали как фашистский, ультрареакционный и антикоммунистический. СССР находил морально-политическое оправдание своего сотрудничества с аргентинским режимом в политике местных коммунистов, поддерживавших режим и оправдывавших его репрессии против леворадикальных движений, прежде всего монтонерос. В свою очередь, компартия Аргентины, оправдывая свою политику, ссылаясь на растущее сотрудничество хунты с СССР. В статье исследуются причины такой политики компартии, вызвавшей напряжение в международном коммунистическом движении и последующую изоляцию КПА. Конкретные политические интересы СССР находили поддержку у аргентинских коммунистов, которые равным образом видели в них гарантию защиты своих интересов в условиях жесткого правого военного режима в стране. Впервые вводимый в научный оборот ряд документов из архива ЦК КПСС позволяет комплексно проанализировать сложный процесс координации внешнеэкономических и политических интересов СССР в Аргентине в этот острый период холодной войны.

Ключевые слова: Аргентина, СССР, внешняя политика, международное коммунистическое движение, Коммунистическая партия Аргентины, военные режимы, монтонерос, холодная война.

A.A. Schelchkov**Unwilling Allies: The USSR, the Communist Party of Argentina, and the Military Dictatorship in Argentina, 1976–1983**

*Andrey Schelchkov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: sch2000@mail.ru*

Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612-2018

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. The author of this article aims to explore the complex and contradictory relationship between the Communist Party of Argentina, the Soviet Union, and the military regime in Argentina between 1976 and 1983. It was a period of right-wing military dictatorship domination in the region, characterised by outright terrorist policies against left-wing forces, mass violations of human rights, which put the International Communist Movement in an ambiguous position due to the USSR's close cooperation with the Argentine military junta. A unique situation of mutual interest between Soviet foreign policy and the military dictatorship developed in the USSR's relations with the military regime in Argentina. The most important factor in this contradictory situation was the position of the Communist Party of Argentina, supported by the CPSU, on co-operation with a regime that other communist parties and leftist forces qualified as fascist, ultra-reactionary, and anti-communist. The USSR found moral and political justification for its cooperation with the Argentine regime in the policies of local communists who supported the regime, justifying its repression of leftist radical movements, especially the Montoneros. The Argentine Communist Party justified its policy by referring to the junta's growing cooperation with the USSR. The article explores the reasons for this policy of the Communist Party, which caused tension in the international communist movement and the subsequent isolation of the Argentinian Communist Party. The specific political interests of the USSR were supported by the Argentine communists, who, in turn, saw in them a guarantee of their interests in the conditions of the harsh right-wing military regime in the country. For the first time in historiography, this paper, drawing on records from the archive of the CPSU Central Committee, documents the complex process of reconciling the USSR's economic and political interests in Argentina during this difficult period of the Cold War.

Keywords: Argentina, USSR, foreign policy, International Communist Movement, Communist Party of Argentina, military regime, Montoneros, Cold War.

Советско-латиноамериканские отношения в 1973–1983 гг. по-прежнему остаются малоизученной темой. Исследователь Р. Педемонте назвал этот период «годами молчания»¹. Особое место следует отвести советско-аргентинским отношениям после военного переворота 1976 г., перегруженным не только историческими противоречиями, но и серьезными моральными проблемами. В нашей историографии эта тема подробно не была изучена, а в аргентинской существующие исследования опирались в основном на опубликованные источники, что связано с недоступностью в прошлом советских архивов². Здесь мы претендуем представить документально подтвержденную картину, опираясь на материалы

¹ *Pedemonte R.* Una historiografía en deuda: las relaciones entre el continente latinoamericano y la Unión Soviética durante la Guerra Fría // *Historia Crítica*. 2015. № 55. P. 240.

² Следует упомянуть работы: *Gilbert I.* El oro de Moscú. Historia secreta de las relaciones argentino-soviéticas. Buenos Aires, 1994; *Campione D.* El Partido Comunista de Argentina y el golpe de 1976 // *Revista Herramienta*. URL: <http://www.rebelion.org/docs/24748.pdf> (дата обращения: 24.01.2022); *Kozul P.R.* La postura política del Partido Comunista Argentino entre los años 1976–1983. ¿Rumbo a una política errante o errante en una política sin rumbo? // *Revista Izquierdas*. Santiago de Chile. 2013. № 16. P. 75–94; *Pedemonte R.* Una historiografía en deuda: las relaciones entre el continente latinoamericano y la Unión Soviética durante la Guerra Fría // *Historia Crítica*. 2015. № 55. P. 231–254; *Casola N.* El PC argentino y la dictadura militar. Militancia, estrategia política y represión estatal. Buenos Aires, 2015.

архива международного отдела ЦК КПСС, находящиеся в Российском государственном архиве новейшей истории. Нас интересует взаимосвязь внешнеполитического курса СССР с политической линией Коммунистической партии Аргентины (КПА) в годы военной диктатуры, их влияние на ситуацию в международном коммунистическом движении (МКД).

Военному перевороту марта 1976 г. в Аргентине предшествовал бурный период, характеризующийся нарастающей неуправляемостью и политическим хаосом. После десятилетия военного правления в 1973 г. страна вернулась к конституционному режиму. На выборах победили перонисты, которые с 1955 по 1970 г. не допускались к участию в политике. В страну вернулся Х.Д. Перон, и после его смерти в 1974 г. пост президента заняла его вдова М.Э. Мартинес де Перон, при которой отмечалось вооруженное противостояние левых перонистов (монтонерос), выступавших за начало революции социалистического типа, и правого квазифашистского крыла той же партии, его представлял министр Х. Лопес Реги, стоявший за печально знаменитой террористической организацией «Аргентинский антикоммунистический альянс». В Аргентине в 1960—1970-е годы шел противоречивый процесс институционализации компартии в политической системе, отмеченный нарастанием антикоммунистической истерии³. Страх перед левой коммунистической угрозой, глубокий экономический кризис и политический хаос сделали неизбежным и даже желаемым большинством населения страны вмешательство военных.

После военного переворота в марте 1976 г. деятельность партий была приостановлена, но не запрещена. В июне 1976 г. были распущены и запрещены левые политические и профсоюзные организации, в то время как компартия продолжала действовать легально, хотя были поставлены вне закона некоторые организации, руководимые коммунистами. Компартия была парламентской партией, и ее деятельность должна была быть приостановлена, но не запрещена.

На следующий день после переворота, 25 марта 1976 г., КПА выпустила заявление: «КПА, хотя и не разделяет все положения официальных правительственных документов, не может не согласиться с ними, так как они совпадают с теми положениями ее программы, которые преследуют своей целью экономическую независимость, безопасность при сохранении суверенитета и социальной справедливости». Там же высказывалась надежда, что этот переворот не станет повторением предыдущих, чья направленность состояла лишь в сохранении латифундий, что вело только к усилению зависимости от империализма, а станет началом настоящих прогрессивных перемен. Партия призывала к национальному демократическому согласию в виде военно-гражданского правительства⁴.

Сразу после переворота в провинции были посланы эмиссары партии, чтобы как можно быстрее довести до сведения партийной массы позицию руководства. В некоторых районах коммунисты узнали об этой декларации и о позиции партии из передач московского радио еще до приезда делегатов из центра⁵. Членам партии рекомендовалось сотрудничать с властями, являться по повесткам, не скрываться и объявлять полиции и военным о своей принадлежности КПА, что, по идее, должно было служить гарантией от репрессий. Часто так оно и было, однако там, где местные военные власти возглавляли так называемые пиночетисты, репрессии обрушивались и на коммунистов. Так было в Кордобе, ею управлял «пиночетист» Л.Б. Менендеса⁶.

³ Богославский Э. La Federación Argentina de Entidades Democráticas Anticomunistas: el pánico moral en la Argentina de los años sesenta // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 5 (91). URL: <https://history.jes.su/s207987840010186-3-1/> (дата обращения: 24.01.2022). DOI: 10.18254/S207987840010186-3

⁴ Resoluciones y declaraciones. Año 1976/1977. Buenos Aires, 1978. P. 10—11.

⁵ Casola N. “¡Los comunistas no somos subversivos!”. El PC y la dictadura militar argentina (1976—1983) // ARCHIVOS de historia del movimiento obrero y la izquierda. 2013. № 2. P. 144.

⁶ В 2008 г. был осужден и приговорен к пожизненному заключению за преступления против человечности.

КПА стремилась сохранить свой партийный аппарат и структуры в национальном масштабе⁷. Аргентинские исследователи Х. Сернадас, О. Таркус и Р. Питталуга отмечали: «Хотя компартия после 1945 г. переживала различные сложные периоды, ее аппарат (по сравнению с политическим влиянием партии) достиг гигантских масштабов (что выразилось в числе партработников на зарплате, в недвижимости, иной собственности, в журналистском и издательском аппарате, во влиянии в банковско-кооперативном секторе). Это объясняло, как в политике партии в момент глубокого социально-политического кризиса в 1975–1976 гг. взяли верх интересы этого обширного слоя партфункционеров, стремившихся прежде всего защитить свои материальные интересы»⁸. Сверхзадачу по сохранению построенной структуры и «здания» партии отчасти можно объяснить частыми сменами нелегальности, подполья и полуполигальности в 1950–1960-е годы, поэтому самосохранение становилось приоритетным даже по сравнению со стратегическими политическими задачами.

Оценивая первый год диктатуры и подтверждая правильность выбранной политики, генеральный секретарь партии Х. Арнедо Альварес в беседе в советском посольстве заявил, что «КПА полностью сохранила свою структуру, партийные организации продолжают работать по увеличению своих рядов»⁹. Повышение числа членов партии было большим достижением и подтверждением правильности линии «конструктивного» сотрудничества с режимом.

В мае 1976 г. ЦК КПА принял доклад О. Гиольди «Обновленная демократия или пиночетизм», в котором утверждалось, что президент Х.Р. Видела¹⁰ не является представителем крайних групп в ВС, что противоречило заявлениям последнего о готовности перешагнуть через горы трупов «врагов национальной безопасности»¹¹. КПА держалась версии существования внутри ВС различных группировок, отдавая очевидное предпочтение умеренной «легалитской» во главе с Виделой, противопоставляя ей «пиночетистское» ультранационалистическое¹². Сам Видела в воспоминаниях отмечал, что военные еще до переворота договорились с компартией о поддержке, заверяя, что будут действовать против повстанческих групп, а не против коммунистов¹³.

Х.Р. Виделу и Р.Э. Виолу¹⁴ руководители компартии считали «умеренными», способными к диалогу, противостоящими «пиночетистам» во главе с Л.Б. Менендесом. В первой декларации после переворота КПА с одобрением высказалась о линии хунты, не пошедшей по пути «пиночетизма», хотя отмечалось, что такая опасность остается и следует быть готовыми противостоять этому¹⁵. КПА предлагала демократическим силам сплотиться для защиты военного режима. Наибольший энтузиазм вызвало интервью Виделы газете *Clarín* 30 января 1977 г. и его «Проект национального развития». Вслед за этим партия призвала все политические силы объединиться вокруг президента во имя реализации его планов¹⁶.

⁷ Cernadas J., Tarcus H. Las izquierdas argentinas y el golpe del 24 de marzo de 1976. Una selección documental // Políticas de la Memoria. 2006–2007. № 6/7. P. 31.

⁸ Cernadas J., Pittaluga R., Tarcus H. La historiografía del Partido Comunista de la Argentina. Un estado de la cuestión // El Rodaballo. 1998. № 8. P. 39.

⁹ Информация, 25 марта 1977 г. // Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 73. Д. 1833. Л. 24.

¹⁰ В 1985 г. был осужден за убийства, пытки и незаконное лишение свободы и приговорен к пожизненному заключению.

¹¹ Kozul P.R. Op. cit. P. 87.

¹² Resoluciones y declaraciones. P. 27–28.

¹³ Reato C. Disposición final. La confesión de Videla sobre los desaparecidos. Buenos Aires, 2012. P. 262.

¹⁴ В 1985 г. был осужден за убийства, пытки и незаконное лишение свободы и приговорен к 17 годам тюрьмы.

¹⁵ Resoluciones y declaraciones. P. 13.

¹⁶ Отношение Коммунистической партии Аргентины к военному правительству Х. Виделы, 19 февраля 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1832. Л. 24.

Ключевым человеком в контактах с военными руководителями страны, главным закулисным переговорщиком был один из лидеров КПА Ф. Надра¹⁷. Согласно советскому докладу о положении в КПА в 1977 г.: «Компартия проводила и проводит значительную политическую работу в вооруженных силах. В течение 1976 г. состоялось около 800 встреч на различном уровне между представителями КПА и вооруженных сил. Член исполкома ЦК КПА Р. Искарро в беседе с послом тов. С.П. Докаревым 20 января 1977 г. отмечал, что все эти встречи в подавляющем большинстве случаев носили дружественный характер. Контакты с военными умеренно-националистического толка приобрели особое значение, так как они помогали нейтрализовать репрессии против КПА со стороны реакционных элементов»¹⁸.

18–19 декабря 1976 г. в условиях подполья состоялся пленум ЦК КПА, на котором были представлены практически все региональные комитеты партии (41 человек). На нем была поддержана линия на достижение соглашения между гражданскими и военными. Коммунисты оставляли за собой право критики, но поддерживали Виделу перед лицом опасности со стороны «пиночетистов» в аргентинской армии. Но при этом часть членов ЦК на пленуме возложили именно на Виделу ответственность за террор, за исчезновения и убийства людей, что диссонировало с линией руководства¹⁹.

КПА поддерживала «антитеррористическую» политику военных против так называемых ультраправых²⁰. Не была новостью вражда компартии с революционной левой оппозицией, кого поддерживали «кубинские товарищи». Военные принимали решение по компартии, во многом исходя из неспособности КПА предпринять какие-либо революционные действия. Генерал К. Далья Теа впоследствии признавал: «У нас было общее согласие, что не надо запрещать КПА, чтобы недовольная молодежь уходила к этой партии, а не искала насильственных действий»²¹. КПА не называла режим фашистским и даже избегала термина «диктатура»²².

Поддержка режима компартией сыграла важную роль в создании образа диктатуры за рубежом как умеренного правительства, а декларации левых радикалов о геноциде и репрессиях выглядели преувеличенными. Позиция КПА в значительной степени повлияла на европейскую социал-демократию и через нее на политику их стран в отношении диктатуры. Только в 1979 г. после визита представителей Межамериканской комиссии по правам человека в страну этот образ был развеян, и международная общественность стала серьезно относиться к сообщениям об убийствах и исчезновениях людей в Аргентине²³. Коммунисты уже не могли закрывать глаза на явный политический террор, убийства и исчезновения людей. Они робко протестовали, а в разговорах с советскими товарищами говорили об «отсутствии правопорядка и законности» в стране²⁴. Им удавалось иногда отстоять некоторых своих арестованных руководителей и активистов, но, как и другим партиям, приходилось удовлетворяться этим и пассивно наблюдать за ходом репрессий.

Коммунисты высказывали надежду, что военный режим перейдет к демократическому транзиту, к воссозданию республиканских институтов. В 1977 г. О. Гиольди в интервью журналу «Латинская Америка» даже назвал Аргентину «демократическим оазисом», окруженным соседними государствами, где установлены фашистские диктатуры²⁵.

¹⁷ Запись беседы с членом Исполкома ЦК КПА Родольфо Гиольди, 9 октября 1977 г. // Там же. Д. 1833. Л. 87.

¹⁸ Отношение Коммунистической партии Аргентины к военному правительству Х. Виделы, 19 февраля 1977 г. // Там же. Д. 1832. Л. 20–21.

¹⁹ Запись беседы с 1-м советником посольства ВНР Миклошем Бернатом, 14 января 1977 г. // Там же. Д. 1834. Л. 31.

²⁰ Resoluciones y declaraciones. P. 12.

²¹ Gilbert I. Op. cit. P. 314.

²² Campione D. Op. cit.

²³ Casola N. El PC argentino y la dictadura militar. P. 184–185.

²⁴ Запись беседы с членом руководства аргентинских друзей Эктором Агости, 22 апреля 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1833. Л. 51.

²⁵ Интервью с членом Исполкома ЦК Компартии Аргентины Орестесом Гиольди // Латинская Америка. 1977. № 3. С. 126.

Руководство компартии чувствовало некоторую неловкость даже перед советскими товарищами за столь фронтальную поддержку режима, ибо это вступало в явное противоречие с декларируемыми принципами МКД и внешней политикой СССР. Руководство компартии, объясняя свою позицию в первый год диктатуры, убеждало советских товарищей, что Видела вот-вот объявит о транзите и восстановлении демократии, иначе все политические партии, в том числе и КПА, будут вынуждены изменить свою позицию и обратиться к мобилизации масс²⁶. Как мы уже знаем, этого так и не произошло, но и изменения позиции компартии также не было.

Коммунисты по всей стране проводили совещания с представителями других партий, в первую очередь с радикалами и перонистами, рассчитывая, что эти межпартийные контакты станут основой переходного военно-гражданского правительства²⁷. Эта линия на межпартийное объединение (*multipartidaria*) была определена до переворота и подтверждена в первой же декларации после него²⁸. Даже после поражения в Мальвинской войне, когда военное правительство доживало последние кризисные дни, КПА по-прежнему говорила о «переходном военно-гражданском правительстве», так как ни военные, ни гражданские отдельно не способны предложить решение проблем государства²⁹. По иронии судьбы, когда в момент кризиса военного режима *multipartidaria* была создана, компартию туда не пригласили.

Отношения КПА и режима не были безоблачными: сотни коммунистов пострадали от репрессий, были арестованы, их пытали, были убитые и пропавшие без вести³⁰. Партия протестовала против репрессий (как правило, перед местными военными или полицейскими властями), но при этом не критиковала сам режим. Советское посольство так комментировало политику КПА: «Руководство компартии, поддерживая политический курс виделистов, понимает, что Видела ведет с КПА двойную игру, но и “мы с ним по тактическим соображениям ведем тоже двойную игру”, — подчеркнул Арнедо. Он заметил, что партия работает в трудных условиях. За два года были арестованы сотни активистов, 109 человек пропали без вести, несколько раз взрывались бомбы около Центрального и местных комитетов КПА, проводились обыски партийных помещений»³¹. Эта двойная игра продолжалась до конца режима, и ни режим, ни компартия явно не выиграли в ней.

Если с КПСС у КПА было не только полное понимание, но и совпадение интересов, то с другими партиями возникла некоторая напряженность. Ввиду роста критики в левом лагере позиций компартии в отношении репрессивного режима КПА приняла решение создать в Европе Комитет своих представителей в Париже, Риме и Праге (журнал «Проблемы мира и социализма»), в задачу которого входило разъяснение своей позиции и в целом ситуации в Аргентине³². Даже выверенные формулировки в советской печати, в том числе и в научной, не полностью устраивали аргентинских коммунистов, которые представили в ЦК КПСС целый список претензий к ним. Надо признать, что советская сторона принимала соответствующие меры и снимала могущие вызвать недовольство «друзей» формулировки³³. Аргентинских коммунистов особенно раздражали советские публикации о латиноамериканском фашизме, в частности в газете «Правда» 5 апреля 1978 г.³⁴ Антифашизм составлял одну из основополагающих частей доктрины как компартии Аргентины,

²⁶ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА тов. Фернандо Надра, 9 марта 1977 г. // Там же. Оп. 73. Д. 1833. Л. 21.

²⁷ Casola N. El Partido Comunista argentino y la última dictadura militar. P. 51.

²⁸ Resoluciones y declaraciones. P. 12.

²⁹ Aguila G. El Partido Comunista Argentino entre la dictadura y la transición democrática (1976–1986) // Revista de la Historia Actual. Rosario. 2008. Vol. 6. № 6. P. 63.

³⁰ Ibid. P. 64.

³¹ Запись беседы с Генеральным секретарем КПА Херонимо Арнедо Альваресом, 29 марта 1978 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 1351. Л. 37.

³² Докладная записка в ЦК Болгарской коммунистической партии, 19 февраля 1976 г. // Там же. Оп. 73. Д. 1832. Л. 28.

³³ Записка В. Чернышова в ЦК КПСС, 15 марта 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1351. Л. 10; Запись беседы с членом Исполкома ЦК КПА тов. Оскаром Аревало, 1 февраля 1978 г. // Там же. Л. 12–15.

³⁴ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА т. Оскаром Аревало, 10 мая 1978 г. // Там же. Л. 54.

так и КПСС с середины 1930-х годов, что делало неприемлемыми всякие разговоры о фашистском характере военной диктатуры³⁵.

Если в Европе можно было убеждать товарищей в своей правоте и лучшем знании местных реалий, то с партиями соседних стран, также переживавших период военных диктатур, возникли большие трения. Прежде всего это касалось Уругвая. Аргентинские коммунисты высказывали недовольство деятельностью и идеями лидера компартии Уругвая Р. Арисменди о положении в Латинской Америке, о фашизме и тактике борьбы. Эта тема нашла отражение в речи Альвареса на декабрьском 1976 г. пленуме ЦК. Взрыв недовольства КПА вызвала статья Арисменди, опубликованная в Венгрии³⁶. Аргентинское руководство повсюду заявляло, что тезисы Арисменди не соответствуют действительности, и просило КПСС намекнуть ему, чтобы тот не вмешивался в дела аргентинской партии³⁷.

Подобное напряжение между компартиями соседних стран не устраивало Москву, всегда выступавшую за консолидацию МКД, а разногласия должны были решаться не публично, а в тиши московских кабинетов при обязательном посредничестве советских товарищей.

Советские партийные чиновники настояли на встрече в Москве лидеров партий Южного конуса, главной темой которой была особая позиция аргентинских коммунистов в отношении диктатуры. На встрече, модеримуемой советскими коллегами, присутствовали Р. Искарро от КПА, Л.К. Престес (Бразилия), Л. Корвалан (Чили) и Р. Арисменди (Уругвай). В итоге Арисменди не удовлетворился объяснениями, хотя и признал, что КПА лучше разбирается в местной ситуации, и он одобрительно воспринял информацию Искарро³⁸. Внешне конфликт был улажен. Помимо уругвайцев, критическую позицию в отношении КПА заняли чилийские коммунисты, после переворота 1973 г. сильно изменившие свои стратегические установки. Если лично Корвалан избегал критики в адрес КПА, то в самой партии звучала острая критика аргентинцев³⁹.

Проблемы были с позицией кубинцев, которые также критиковали КПА, прежде всего за их крайне негативную позицию по отношению к левым организациям, которым покровительствовали в Гаване⁴⁰. КПА жаловалась на кубинцев в советское посольство. Однако эти жалобы были напрасными, советские власти уважали идейно-политические пристрастия Кубы, корни которых восходили к началу их революции и бурным 1960-м. Этот вопрос выходил за рамки возможного влияния КПСС, так как для этого следовало задействовать первых лиц, а сами противоречия не представлялись столь острыми для СССР.

Сложной проблемой не только для КПА, но и для Москвы оставался террор против левых повстанческих групп, важнейшей из которых была левоперонистская организация монтонерос. Их лидер М. Фирменич при содействии Кубы до переворота побывал в Москве, постоянно заявлял о своих симпатиях СССР и верности марксизму-ленинизму⁴¹. После переворота в мае 1976 г. советские дипломаты провели совещание с кубинскими коллегами, которые их проинформировали о ситуации в движении монтонерос. Фирменич постоянно находился в контакте с кубинцами. Он сообщал о готовности вести вооруженную борьбу с режимом, что его движение располагает 5 тыс. бойцов, их годовой бюджет составляет 14 млн долл., а общий фонд более 70 млн. Фирменич предлагал в который раз информировать

³⁵ Casola N. El PC argentino y la dictadura militar. P. 4.

³⁶ Запись беседы с советником посольства ГРД в Аргентине Эрихом Хемпелем, 13 января 1977 г. // РГНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1834. Л. 28.

³⁷ Запись беседы с политическим ответственным по вопросам культуры ЦК КПА Франсиско Линаресом, 31 мая 1977 г. // Там же. Д. 1833. Л. 54.

³⁸ Запись беседы с политическим ответственным по вопросам культуры ЦК КПА Франсиско Линаресом, 31 мая 1977 г. // Там же. Л. 55.

³⁹ Запись беседы с членом Исполкома ЦК КПА тов. Оскаром Аревало, 1 февраля 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1351. Л. 15.

⁴⁰ Запись беседы с политическим ответственным по вопросам культуры ЦК КПА Франсиско Линаресом, 31 мая 1977 г. // Там же. Оп. 73. Д. 1833. Л. 55.

⁴¹ Gilbert I. Op. cit. P. 305.

советское посольство о планах и действиях движения, но советские дипломаты уклонились от ответа⁴². Советские службы предпочитали действовать через кубинцев, не подвергая опасности ни свои хорошие отношения с режимом, ни «друзей» (коммунистов). Кубинские дипломаты доставляли в посольство материалы (записи выступлений Фирменича, документы монтерос и других левых радикалов), которые переправлялись в ЦК КПСС. Кубинцы стремились привлечь СССР к оказанию помощи «левакам», но советская сторона предпочитала оставить им шефство над этим флангом левых партий и групп в Латинской Америке⁴³.

В августе 1977 г. Альварес обратился в советское посольство в связи с проблемой монтерос. Он сетовал, что монтерос в Европе опираются на поддержку компартий Италии и Испании, а на пресс-конференции монтерос в Мексике присутствовали представители СССР и ЧССР, что поставило под удар позицию КПА в Аргентине. Компартия была вынуждена решительно осудить монтерос в специальном заявлении, которое было опубликовано в самых реакционных газетах. Беспокойство КПА было вызвано тем, что «пиночетисты» считали ее вдохновителем монтерос и других «левых экстремистов», призывая запретить компартию.

КПА искала пути решения этого кризиса. Надра сообщал, что «было решено через доверительное лицо, находящееся в окружении президента Х. Виделы, направить ему письмо, в котором еще раз разъяснялась позиция друзей [коммунистов] по отношению к деятельности террористических организаций, и в частности монтерос, в связи с сообщениями в печати об упомянутых эпизодах в Мексике»⁴⁴. В этом письме лидеры КПА указывали, что поддерживают его курс, а также просили расследовать, кто инспирирует кампанию в прессе против коммунистов, а значит, и против курса правительства⁴⁵. Это был конфиденциальный документ (сразу же поступивший в распоряжение советского посольства), выдержанный в верноподданническом духе.

КПА возлагала вину на Кубу. Альварес, прося поддержки Москвы, отмечал: «Кубинцы принимают меры, чтобы связать монтерос с компартиями Италии, Испании, Португалии, Мексики, представляя их как революционеров... В действительности лидер монтерос Фирменич является сомнительным лицом. Это право настроенный националист, фашист»⁴⁶. Более того, лидеры КПА утверждали, что именно из-за деятельности монтерос в стране произошел переворот 1976 г.⁴⁷ Альварес пытался переубедить кубинцев относительно монтерос, но ему это не удалось, надежда оставалась только на предстоящую встречу с Ф. Кастро в Гаване.

Встреча Кастро с Альваресом на Кубе во многом разочаровала последнего. Стороны клялись в дружбе и взаимной поддержке. На острый вопрос о монтерос Фидель заявил, что «кубинское руководство не оказывает содействия террористической организации монтерос». В том, что это не так, Альварес убедился, увидев своими глазами, как много членов этой группы находится на Кубе, а видные кубинские чиновники не скрывали своих симпатий монтерос, о чем они напрямую заявляли аргентинскому «товарищу». После поездки руководители КПА с сарказмом рассказали об этом в советском посольстве⁴⁸. Кубинская позиция была крайне неудобна КПА, так как последняя не могла по многим причинам открыто критиковать ее, а особое положение Кубы в коммунистическом движении на

⁴² Запись беседы с советником посольства Кубы Хусто Эрнандесом де Мединой, 21 мая 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 2832. Л. 45–47.

⁴³ Запись беседы с первым секретарем посольства Кубы тт. Роберто К. Карбрера Барриос и Густаво Эрнандес Перес, 16 марта 1977 г. // Там же. Оп. 73. Д. 1834. Л. 50.

⁴⁴ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА тов. Фернандо Надра, 3 августа 1977 г. // Там же. Д. 1833. Л. 70–71.

⁴⁵ Перевод письма от 20 июля 1977 г. // Там же. Л. 75–77.

⁴⁶ Запись беседы с генеральным секретарем ЦК КПА тов. Арнедо Альваресом, 3 августа 1977 г. // Там же. Л. 65–68.

⁴⁷ Запись беседы с членом руководства аргентинских друзей Фернандо Надра, 14 сентября 1977 г. // Там же. Л. 84.

⁴⁸ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА Родольфо Гиольди, 9 октября 1977 г. // Там же. Л. 87–89.

континенте в 1970—1980-е годы превращало эти расхождения в некоторую неформальную, но изоляцию КПА среди латиноамериканских партий. В позиции Кубы ничего не менялось, и в 1979 г. во время празднования 20-й годовщины Кубинской революции, несмотря на все просьбы аргентинцев, Кастро не принял Альвареса, целый месяц ожидавшего этого на Кубе. Это был период острого кризиса отношений с КПА⁴⁹.

В свою очередь, кубинцы резко отзывались о КПА и пытались убедить советских товарищей в своей правоте. Они осуждали позицию КПА, сожалели, что компартии социалистических стран, и КПСС в том числе, следуя просьбам КПА, отказываются от контактов с монтонерос⁵⁰. Кубинцы просили советских товарищей встретиться с находившимся на Кубе Фирменичем, заверяя, что их задача наладить диалог всех левых сил⁵¹. Для советских дипломатов кубинцы были проблемой, так как общая линия соцстран на экономическое сотрудничество могла стать заложницей идеологических и политических установок кубинцев в Аргентине.

Кубинцам все же удалось добиться в апреле 1978 г. приема Фирменича в советском посольстве в Гаване, что было сделано с соблюдением всех элементов секретности. Фирменич убеждал, что его движение пользуется огромным влиянием в обществе, и при проведении выборов оно наверняка получило бы 21—22% голосов.

Об отношениях с КПА Фирменич говорил так: «И в прошлом компартия допускала много ошибок в своей политике, но теперь ее политика еще хуже». А вот с КПСС монтонерос хотели бы иметь «стабильные отношения». Это нужно и КПСС с учетом будущего, так как сейчас аргентинские трудящиеся не понимают, почему СССР поддерживает экономическое сотрудничество с реакционным правительством Виделы⁵². Однако этот намек на будущее и роли в нем монтонерос не впечатлил советских товарищей, хотя в поддержку своей правоты Фирменич ссылаясь на частые встречи с Кастро и другими кубинскими руководителями, поддерживающими именно его движение, а не КПА. Фирменич откровенно объяснил свое стремление к установлению отношений с СССР тем, что последние оказывают большое влияние на такие государства, как Алжир и Ливию, которые в случае благосклонности Москвы могли бы оказывать монтонерос поддержку, в том числе и оружием⁵³.

Другой проблемой было движение солидарности с политическими заключенными латиноамериканских диктатур. В Москве по этому поводу было проведено совещание и предложено создать постоянный комитет, что напоминало коминтерновскую Международную организацию помощи борцам революции. КПА идею комитета не поддержала. После совещания кубинцы продолжали настаивать на создании постоянно действующего комитета, и эта тема вновь возникла на совещании партий во время Гаванского фестиваля молодежи. Тогда аргентинцы согласились, но при условии, что кубинцы не будут использовать комитет в пользу монтонерос⁵⁴.

В СССР внимательно следили за эволюцией монтонерос, которые заявляли о принятии марксизма-ленинизма и разрыве с перонизмом, а главным противоречием с КПА был выбор тактики противостояния военному режиму. Любопытны выводы и рекомендации экспертов в «аналитической записке» 1978 г. в международный отдел ЦК КПСС: «Надо отметить, что свои разногласия с компартией монтонерос не выражают в резкой форме,

⁴⁹ Запись беседы с послом Болгарии П. Карадионовым, 10 апреля 1979 г. // Там же. Оп. 76. Д. 1209. Л. 15.

⁵⁰ Запись беседы с членом руководства КПА Атосом Фава, 10 июля 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1350. Л. 67.

⁵¹ Запись беседы с генеральным секретарем перонистского движения Монтонерос Марио Фирменичем, 19 апреля 1978 г. // Там же. Д. 1351. Л. 45.

⁵² Запись беседы с первым секретарем посольства Кубы Роберто Кабрера Барриос, 16 ноября 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1834. Л. 114.

⁵³ Запись беседы с первым секретарем партии Монтонерос, главнокомандующим вооруженными силами монтонерос Марио Фирменичем, 19 ноября 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1351. Л. 79.

⁵⁴ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА тов. Оскаром Аревало, 1 февраля 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1351. Л. 15.

не отрицают возможности единства левых сил. В то же время нельзя не отметить, что аргентинские коммунисты, правильно критикуя монтонерос за националистические взгляды и уклоны, в то же время занимают чрезмерно жесткую позицию, не учитывая во всем объеме изменения, происходящие в рядах этой организации, рост ее международного авторитета в рядах левых сил в различных странах, в частности Италии и Испании»⁵⁵. В СССР понимали, что рано или поздно военные уступят власть и что не следует занимать слишком категорические позиции в отношении левой оппозиции, несогласной с КПА. К тому же политика КПА уже не представлялась безупречной, о чем постоянно напоминали видные лидеры латиноамериканской иммиграции в Москве.

В КПА были обеспокоены общим настроением недопонимания ее политики. Руководители КПА просили содействия КПСС в организации разъяснительной кампании в партийной и дружественной прессе в Европе. С этой целью в 1979 г. была организована поездка секретаря ЦК КПА А. Фавы в Европу⁵⁶. Аргентинская компартия, всегда самая лояльная КПСС и претендующая на ведущую роль на континенте, в годы диктатуры если и не оказалась в изоляции, то выглядела одинокой среди своих соратников из соседних стран, находилась под постоянным прессом критики и обвинений в оппортунизме и даже малодушном предательстве интересов социализма и рабочего класса. КПСС стоило больших трудов смягчать эту критику, отводить ее и от себя самой, сохраняя баланс сил в МКД, переживавшем не лучшие времена.

Не отрицая важности партийного «фронта» в советско-аргентинских отношениях, главной проблемой было сохранение достигнутого уровня межгосударственных связей и коммерческих интересов. В первых же документах хунта заявила о приверженности ценностям западной, христианской цивилизации, верности принципам независимости и суверенитета страны⁵⁷. Декларировалась также задача противостоять проникновению и подрывной деятельности марксистских сил на континенте. При этом хунта не собиралась жертвовать экономическими выгодами сотрудничества с социалистическими странами⁵⁸.

Политическая оценка военного режима в Аргентине в первом докладе посольства соответствовала типичным установкам советской идеологии: подчеркивалось стремление властей помешать усилению влияния коммунистов в рабочем движении и указывалось, что «за спиной военных стояли иностранные монополии и земельная олигархия»⁵⁹. Через месяц после переворота советский посол был принят в МИД Аргентины, где были произнесены все необходимые заявления о важности сотрудничества. Военные заверяли о заинтересованности в реализации многочисленных проектов, начатых или намеченных еще предыдущими правительствами. Советский посол подчеркнул, что СССР занимает первое место во внешней торговле Аргентины, и настаивал на реализации предыдущих договоренностей, а также на разрешении открытия представительств различных советских внешнеторговых организаций. Также был сделан запрос на проведение в Буэнос-Айресе торгово-промышленной выставки СССР⁶⁰. Все эти заверения и планы должны были демонстрировать, что политические изменения в Аргентине не влияли на линию расширения сотрудничества.

Генерал Виола, сменивший Виделу на посту президента в 1981 г., уже после падения диктатуры вспоминал: «Главное в нашем процессе была борьба с коммунизмом. Естественно,

⁵⁵ Аналитическая записка, 1978 г. // Там же. Оп. 75. Д. 1349. Л. 64.

⁵⁶ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА Рубеном Искарро, 25 апреля 1979 г. // Там же. Оп. 76. Д. 1210. Л. 34.

⁵⁷ Documentos básicos y bases políticas de las Fuerzas Armadas para el proceso de la Reorganización Nacional. Buenos Aires, 1980. P. 8.

⁵⁸ Russell R. Argentina y la política exterior del régimen autoritario (1976–1983): una evaluación preliminar. // Estudios Internacionales. 1984. № 17 (66). P. 173.

⁵⁹ Деятельность профсоюзов Аргентины в условиях военного режима, 2 июня 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 2831. Л. 12.

⁶⁰ Запись беседы с министром иностранных дел Аргентины контр-адмиралом Сесаром Аугусто Гуссетти, 30 апреля 1976 г. // Там же. Д. 2832. Л. 40.

не должно было быть тесных отношений с Москвой. Однако, несмотря на это, международная ситуация нас принудила иметь соответствующие отношения с Россией, которая тогда была главным покупателем нашего экспорта». Со временем СССР даже стали рассматривать как союзника⁶¹.

Военные были убеждены в выгодности для режима позиции компартии. Видела утверждал, что терпимое отношение военных к КПА обеспечило им жизненно важные связи с СССР, прежде всего экономические, учитывая проблемы с европейским рынком из-за протестов в связи с нарушением прав человека в Аргентине⁶². На момент переворота экономические отношения успешно развивались, но тогда еще не достигли критически важного для обеих стран уровня, что в отношении СССР произошло после ввода войск в Афганистан в 1979 г. Позиция же компартии определилась уже в 1976 г. и практически не менялась вплоть до 1981 г.

Важным элементом советской политики, что учитывали коммунисты других стран, было создание определенных образов в общественном мнении СССР в отношении явлений международной жизни, революционной борьбы за социализм. В середине 1970-х годов в советской пропаганде утвердились тезисы о фашистской природе латиноамериканских диктатур, главным примером которой был режим Пиночета в Чили. Бразильская, боливийская и уругвайская диктатуры местными коммунистами объявлялись фашистскими или военно-фашистскими. В общественных и научных кругах шла политическая, хотя и в форме академической, дискуссия о природе правых диктатур и фашизме в Латинской Америке⁶³. В советской непропагандистской, научной литературе, в аналитических справках самым широко применяемым термином к диктатурам в Южном конусе был «правовластный режим фашистского типа»⁶⁴.

Выработка характеристик, по которым режим признавался фашистским, носила не только академический характер. Для СССР и МКД, где VII конгресс Коминтерна и речи Димитрова были своего рода священным писанием, принятие характеристики «фашизм» в отношении политического режима требовало принципиальной антифашистской политики фронтального противостояния. Если с Чили было все просто, отношения были прерваны, а позиция осуждения пиночетовского режима была принципиальной и категоричной, то в отношении таких стран, как Боливия или Бразилия, политика СССР выглядела двусмысленной ввиду нараставшего экономического сотрудничества. Эта проблема была нетривиальной прежде всего для внутренней идеологической последовательности в СССР. Аргентинский случай добавлял сложностей.

Заявления аргентинских коммунистов, что военные в их стране перестали быть антикоммунистами, служили оправданием советскому исключительно прагматическому желанию развивать экономическое сотрудничество⁶⁵. Из советской печати исчезли все упоминания об аргентинской диктатуре, а в специализированных изданиях («Проблемы мира и социализма», журнал «Латинская Америка») слово предоставлялось самим аргентинским коммунистам, излагавшим вполне устраивающую КПСС и внешнеполитическое ведомство СССР версию. Этот факт подчеркнул в беседе с адмиралом Массерой⁶⁶ советский посол: «Советские органы информации, отражая доброжелательное отношение советского народа к народу Аргентины, комментируют сообщения иностранных и аргентинских агентств с предельной

⁶¹ Gilbert I. Op. cit. P. 317–318.

⁶² Reato C. Op. cit. P. 263.

⁶³ Эта ставшая знаменитой дискуссия была опубликована в журнале «Латинская Америка» в 1975 г. еще до переворота в Аргентине.

⁶⁴ Справка ИЛА АН СССР, 13 июня 1977 г. // РГАН. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1831. Л. 73.

⁶⁵ Запись беседы с аргентинским историком марксистов Леонардо Пасо, 22 апреля 1976 г. // Там же. Оп. 69. Д. 2832. Л. 43.

⁶⁶ В 1985 г. был осужден за убийства, пытки и незаконное лишение свободы, приговорен к пожизненному заключению.

осторожностью и деликатностью, не задевая престижа дружественного государства»⁶⁷. Иными словами, Москва закрывала глаза на террор и репрессии диктатуры в Аргентине.

КПА всегда была большим энтузиастом развития экономических связей между Аргентиной и СССР, другими социалистическими странами. Экономическое присутствие СССР в стране давало КПА дополнительный рычаг влияния и даже предоставляло некую гарантию от репрессий со стороны диктатуры. Руководители молодежной федерации коммунистов прямо заявляли в посольстве, что военные понимают, что «Аргентина поддерживает выгодные ей торговые отношения со странами социалистического мира, которые воздерживаются от резкой критики военного режима, в связи с чем поставить вне закона компартию и ФКМА»⁶⁸ означало бы подорвать эти отношения и способствовать изоляции Аргентины на международной арене»⁶⁹.

Резкое увеличение взаимной торговли Аргентины и СССР произошло в 1980 г., когда США объявили бойкот СССР после ввода войск в Афганистан, но Аргентина отказалась присоединиться к эмбарго, и торговля с СССР достигла рекордных показателей⁷⁰. В те годы на СССР приходилось около 42% всего экспорта Аргентины, в том числе и 80% зерновых⁷¹. Важным аспектом этой торговли было положительное сальдо в пользу Аргентины в 2 млрд 985 млн долл.⁷² Между тем, не желая идти на серьезный конфликт с США, режим присоединился к бойкоту московской олимпиады.

Будет неверным считать советско-аргентинские отношения безоблачными. Были и серьезные конфликты. Так, в сентябре 1977 г. в южной Атлантике аргентинские военные арестовали несколько советских и болгарских рыболовецких судов, якобы находившихся в 200-мильной зоне Аргентины. Затем последовал арест и штраф, хотя советская сторона настаивала, что суда находились вне 200-мильной зоны. Советское посольство через коммунистов прозондировало настроения военных по этому инциденту⁷³. Реакция советских властей была умеренной, на уровне министерства рыбного хозяйства СССР, заявившего, что инцидента можно было избежать, если бы аргентинская сторона проявила порядочность и такт⁷⁴. Конфликт был улажен уплатой штрафа.

В действительности не было никаких политических симпатий или даже нейтральных отношений между режимами в СССР (а значит, и их местной «агентуры» — КПА) и в Аргентине. Военные власти препятствовали распространению и даже запрещали некоторые советские издания, в том числе и художественную литературу, фильмы, выступления художественных коллективов, ограничениям подвергался журнал АПН *Novedades*, буклеты и альбомы промышленной выставки. Как отмечали в советском посольстве, после некоторого периода умеренности и тишины в прессе в 1977 г. резко возросло число антисоветских публикаций⁷⁵. В СССР ситуация была сложнее. Властям не хотелось создавать некоторого диссонанса между пропагандой, информацией и реальной политикой экономического сотрудничества с реакционной диктатурой, поэтому, в отличие от кампаний солидарности и разоблачений преступлений чилийского режима, аргентинская диктатура обходилась молчанием.

⁶⁷ Информация от 27 марта 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1834. Л. 46.

⁶⁸ Федерация коммунистической молодежи Аргентины.

⁶⁹ Запись беседы с членами руководства Федерации коммунистической молодежи Аргентины, 9 декабря 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1834. Л. 6.

⁷⁰ Об афганском кризисе, союзниках и противниках СССР см.: *Рабун Т.В.* Союзники СССР и советская политика в Афганистане в 1980-е годы // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 185–201. DOI: 10.31857/S013038640012271-6

⁷¹ *Яковлева Н.М., Яковлев П.П.* Россия — Аргентина: история и современность. М., 2017. С. 23.

⁷² *Casola N.* El PC argentino y la dictadura militar. P. 66.

⁷³ Запись беседы с членом исполкома ЦК КПА Родольфо Гиольди, 9 октября 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1833. Л. 87.

⁷⁴ Латинская Америка. 1978. № 1. С. 19.

⁷⁵ О некоторых тенденциях антикоммунистической и антисоветской пропаганды в Аргентине, 24 января 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1832. Л. 7–11.

В литературе существует убеждение, что особенность позиции КПА по отношению к диктатуре объясняется заинтересованностью СССР в экономических отношениях с Аргентиной и растущим сотрудничеством двух стран. Как писала Н. Касола, факт сохранения дипломатических и экономических отношений с СССР служил для КПА доказательством того, что в Аргентине нефашистский режим⁷⁶. Но и для СССР сотрудничество коммунистов с режим было прекрасным оправданием своей внешнеэкономической политики. Сохранение и даже улучшение отношений с СССР было для КПА символом иного характера режима, так как это был разрыв шаблона, сложившегося в годы холодной войны, когда вслед за право-реакционным переворотом всегда следовало прекращение отношений с СССР⁷⁷.

С приходом к власти в США в 1977 г. Дж. Картера правозащитная повестка американской внешнеполитической линии подтолкнула военный режим в Аргентине в объятия СССР. Антикоммунистическая кампания внутри страны сочеталась с сотрудничеством советской и даже кубинской дипломатии на международных площадках, где те также подвергались жесткой критике со стороны США, а ответом и аргентинцев, и социалистических стран было указание на вмешательство в свои внутренние дела. Парадоксально, СССР стал главным защитником аргентинского военного режима в международных организациях перед лицом обвинений в нарушении прав человека. Выступая в советском посольстве в 1977 г., Альварес неадекватно сравнил международную правозащитную деятельность, поддерживаемую правительством Дж. Картера, направленную против СССР и против Аргентины, назвав ее лживой и лицемерной⁷⁸. Во время встречи советского посла с адмиралом Массерой собеседники были едины в осуждении кампании США по защите прав человека как формы вмешательства во внутренние дела⁷⁹.

Некоторое время, до прихода к власти Л. Галтиери в 1981 г., аргентинский военный режим был ситуационным союзником СССР, активизировав свое участие в Движении неприсоединения, наращивая экономическое сотрудничество с Москвой. Галтиери, в отличие от Виделы или Виолы, был проамериканским деятелем внутри хунты, и при нем политические контакты были заморожены, и только начало Мальвинской войны привело к интенсивным, но краткосрочным контактам с СССР.

Н. Касола утверждала, что, с одной стороны, КПА опиралась на отношения с СССР для давления на военных при защите своих членов от репрессий, а с другой — военные использовали публичные заявления коммунистов в поддержку режима для своего оправдания перед лицом обвинений в нарушении прав человека⁸⁰. Это мнение вполне подтверждается документами ЦК КПСС.

Проблема прав человека была самым неудобным и сложным вопросом для внешней политики СССР и для международной линии КПСС. Эта тема затрагивала глубинные, этические проблемы, которые было невозможно прикрыть традиционной риторикой и классовым подходом. Учитывая вполне последовательную линию КПСС в отношении чилийского или парагвайского режимов, единственным спасением для советской политики и ее международного образа была позиция аргентинской компартии, принимавшей на себя моральный груз поддержки диктатуры и отказа ее осуждения не только внутри коммунистического движения, но и на международной арене. Тем не менее даже внутри СССР, где можно было задавать нужную повестку дня, КПСС выбирало позицию замалчивания или передавала слово своим аргентинским соратникам, КПА.

На первом этапе после переворота советские наблюдатели и дипломаты однозначно оценивали военный режим как реакционное правительство, стоящее на службе иностранных монополий и землевладельческой олигархии, а главное — враждебное рабочему классу.

⁷⁶ Casola N. El PC argentino y la dictadura militar. P. 53.

⁷⁷ Scooco M. El Partido Comunista argentino y sus organizaciones de masas en relación con el movimiento de derechos humanos // ARCHIVOS de historia del movimiento obrero y la izquierda. 2019. № 15. P. 105.

⁷⁸ Информация, 25 марта 1977 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1833. Л. 24.

⁷⁹ Информация от 27 марта 1977 г. // Там же. Д. 1834. Л. 47.

⁸⁰ Casola N. El PC argentino y la dictadura militar. P. 54.

Но затем акценты сместились. В случае с аргентинским военным режимом сложилась уникальная ситуация взаимной заинтересованности и взаимной обусловленности позиций местных коммунистов, советской внешней политики и военной диктатуры. Позиция КПА была неслучайной, а явилась результатом не только политической целесообразности в глазах партийной бюрократии, но и соответствовала реформистской стратегии партии, укоренившейся в предыдущие десятилетия. Конкретные политические интересы СССР находили поддержку аргентинских коммунистов, которые, в свою очередь, опирались на символический капитал отношений с советской страной как некую гарантию своих интересов, понимаемых как сохранение партийной бюрократии и партийных структур. Моральные издержки циничного прагматизма пришлось оплачивать КПА, в то время как для СССР мало что изменилось с падением военного режима и восстановлением демократии.

Библиография / References

Богославский Э. La Federación Argentina de Entidades Democráticas Anticomunistas: el pánico moral en la Argentina de los años sesenta // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 5 (91). URL: <https://history.jes.su/s207987840010186-3-1/> (дата обращения: 24.01.2022). DOI: 10.18254/S207987840010186-3

Рабуш Т.В. Союзники СССР и советская политика в Афганистане в 1980-е годы // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 185–201. DOI: 10.31857/S013038640012271-6

Яковлева Н.М., Яковлев П.П. Россия – Аргентина: история и современность. М., 2017.

Bogoslavskii E. La Federación Argentina de Entidades Democráticas Anticomunistas: el pánico moral en la Argentina de los años sesenta // Elektronnyinauchno-obrazovatel'nyjzhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educationalJournal "History"]. 2020. T. 11. Vyp. 5 (91). URL: <https://history.jes.su/s207987840010186-3-1/> (access date: 24.01.2022). DOI: 10.18254/S207987840010186-3 (In Russ.)

Iakovleva N.M., Iakovlev P.P. Rossiia – Argentina: istoriia i sovremennost' [Russia – Argentina: History and Modernity]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Rabush T.V. Soiuzniki SSSR i sovetskaja politika v Afganistane v 1980-e gody [Allies of the USSR and Soviet policy in Afghanistan in the 1980s] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 3. S. 185–201. DOI: 10.31857/S013038640012271-6 (In Russ.)

Águila G. El Partido Comunista Argentino entre la dictadura y la transición democrática (1976–1986) // Revista de la Historia Actual. Rosario. 2008. Vol. 6. № 6. P. 57–69.

Campione D. El Partido Comunista de Argentina y el golpe de 1976 // Revista Herramienta. URL: <http://www.rebellion.org/docs/24748.pdf> (access date: 24.01.2022).

Casola N. “¡Los comunistas no somos subversivos!”. El PC y la dictadura militar argentina (1976–1983) // ARCHIVOS de historia del movimiento obrero y la izquierda. 2013. № 2. P. 133–156.

Casola N. El Partido Comunista argentino y la última dictadura militar. La cuestión de la legalidad // Contracorriente. Una revista de historia social y literatura de América Latina. 2016. Vol. 13. № 2. P. 37–69.

Casola N. El PC argentino y la dictadura militar. Militancia, estrategia política y represión estatal. Buenos Aires, 2015.

Cernadas J., Pittaluga R., Tarcus H. La historiografía del Partido Comunista de la Argentina. Un estado de la cuestión // El Rodaballo. 1998. № 8. P. 31–40.

Cernadas J., Tarcus H. Las izquierdas argentinas y el golpe del 24 de marzo de 1976. Una selección documental // Políticas de la Memoria. 2006–2007. № 6/7. P. 29–78.

Documentos básicos y bases políticas de las Fuerzas Armadas para el proceso de la Reorganización Nacional. Buenos Aires, 1980.

Gilbert I. El oro de Moscú. Historia secreta de las relaciones argentino-soviéticas. Buenos Aires, 1994.

Kozul P.R. La postura política del Partido Comunista Argentino entre los años 1976–1983. ¿Rumbo a una política errante o errante en una política sin rumbo? // Revista Izquierdas. Santiago de Chile. 2013. № 16. P. 75–94.

Pedemonte R. Una historiografía en deuda: las relaciones entre el continente latinoamericano y la Unión Soviética durante la Guerra Fría // Historia Crítica. 2015. № 55. P. 231–254.

Reato C. Disposición final. La confesión de Videla sobre los desaparecidos. Buenos Aires, 2012.

Resoluciones y declaraciones. Año 1976/1977. Buenos Aires, 1978.

Russell R. Argentina y la política exterior del régimen autoritario (1976–1983): una evaluación preliminar. // Estudios Internacionales. 1984. № 17 (66). P. 170–201.

Scooco M. El Partido Comunista argentino y sus organizaciones de masas en relación con el movimiento de derechos humanos // ARCHIVOS de historia del movimiento obrero y la izquierda. 2019. № 15. P. 99–118.

КОСМИЧЕСКАЯ «НИТЬ АРИАДНЫ» ДЛЯ ФРАНЦИИ И ЕВРОПЫ В СЕРЕДИНЕ XX–XXI веков

Клинова Марина Вилениновна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН; ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России (Москва, Россия).

E-mail: marina.v.klinova@gmail.com

Scopus Author ID: 57192279062; ORCID: 0000-0002-8548-9356; Researcher ID: L-3233-2017

Аннотация. В XXI в. процесс освоения космоса приобретает особую актуальность с экономической, политической и военной точек зрения. Данная сфера становится потенциальной ареной конфликтов между ведущими мировыми державами. В настоящей статье анализируется исторический опыт получения доступа в космос стран Западной Европы и их регионального объединения — Европейского Союза (ЕС). Отсутствие в отечественной историографии подробного исследования роли Франции в процессе создания первой европейской ракеты-носителя определяет новизну статьи. Источниковая база работы включает архивные документы, материалы Национального собрания Франции, официальных структур ЕС и Европейского космического агентства (ЕКА), научные статьи, монографии, мемуарную литературу. Основная цель исследования — проанализировать историю разработки и становления европейской программы освоения космоса с помощью семейства ракет-носителей Ariane (Ариадна) и участие Франции в этих процессах. Ключевыми задачами автора являются: выявить историческую роль ученых из побежденной во Второй мировой войне Германии в создании научно-технической базы Франции, позволившей ей стать во второй половине XX в. единственной ядерной державой в ЕС и войти в число мировых лидеров в сфере освоения космического пространства; рассмотреть процесс достижения автономного доступа в космос Западной Европы с помощью создания собственных ракет-носителей при ключевом финансовом и техническом вкладе Франции и при участии ЕКА; проанализировать роль космических технологий и программ в обеспечении безопасности, организации разведки из космоса. Анализ источников и литературы по теме позволяет сделать следующие выводы: ценовая политика в европейской космической отрасли и стратегическая конкуренция с США и Китаем мешает производителям ракет-носителей из стран ЕС укрепить позиции на этом рынке; несмотря на большой опыт послевоенных научных и технических исследований и связанных с ними достижений в области освоения космоса, Франции и ЕС сложно обеспечить стратегическую автономию в этой важной сфере человеческой деятельности.

Ключевые слова: Франция, ЕС, космос, освоение космоса, ракетно-космическая техника, новые технологии, космические исследования, космическая безопасность.

M.V. Klinova

The “Ariadne’s Space Thread” for France and Europe in the Mid-Twentieth and Twenty-First Centuries

Marina Klinova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Institute for International Studies MGIMO University (Moscow, Russia).

E-mail: marina.v.klinova@gmail.com

Scopus ID: 57192279062; ORCID: 0000-0002-8548-9356; Researcher ID: L-3233-2017

Abstract. In the twenty-first century, the importance of space exploration is increasing in the economic, political, and military spheres of social life. In this article, the author analyses, starting from the twentieth century, the historical experience of gaining access to space in the countries of Western Europe, including its regional integration association, the European Union, by means of launch vehicles. The absence of a detailed study of the role of France in the process of creating the first European launch vehicle in Russian historiography determines its novelty. The source base comprises archives, documents and materials of the French National Assembly, official structures of the EU and the European Space Agency (ESA), research articles, monographs drawing on memoirs. The purpose of the study is to analyze the history of the development and establishment of the French and European space exploration programs using the Ariane family of launch vehicles and the role of France in these processes. The author’s objectives are to identify the historical role of scientists from Germany, defeated in World War II, in the creation of France’s scientific and technical base, which allowed it to become the only nuclear power in the EU in the second half of the twentieth century and one of the world leaders in space exploration; to consider the process of providing autonomous access to space for Western Europe by creating its own launch vehicles with the key financial and technical contribution by France and with the participation of ESA; to analyse the role of space technologies and programmes in ensuring security, organizing reconnaissance from space. An analysis of the sources and literature on the topic leads to the conclusion that the pricing policy in the European space industry and strategic competition with space powers prevents European launch vehicles from strengthening their position in this market and achieving autonomy from third countries in access to outer space. Despite the long experience of post-war scientific and technological research and related advances in space exploration, it is difficult for France and Europe to achieve strategic autonomy in this important branch of human endeavour.

Keywords: France, European Union, space, space exploration, rocket-space technology, new technologies, space research, space security.

Освоение космоса представляет собой сферу активного взаимодействия различных государств, которое принимает как форму сотрудничества, так и конкуренции. По мнению некоторых аналитиков, отношения великих держав в этой области «можно рассматривать как проекцию земной геополитики»¹. Дискуссии на темы, связанные с космосом, охватывают широкий спектр вопросов — от обеспечения стратегической безопасности (включая ликвидацию киберугроз со стороны государственных и негосударственных акторов) до проблем экологии².

Тема освоения космического пространства приобретает особую актуальность в контексте интеграции военного и гражданского секторов промышленности, необходимой для достижения синергетического эффекта в развитии высоких технологий. Данная проблематика занимала важное место при формировании доктрин национальной безопасности в ряде

¹ Wang S.-C. *Transatlantic Space Politics: Competition and Cooperation above the Clouds*. 1st ed. Abington, 2013. P. 154.

² Doboš B. *Geopolitics of the Outer Space: A European Perspective (Contributions to Political Science)*. Prague, 2019. P. 85.

стран. В XXI в. эти вопросы привлекают особое внимание в связи с возрастающим значением космоса как в гражданской, так и в военной области, прогрессом технологий двойного назначения. Расширение исследований в высокотехнологичной аэрокосмической отрасли³, в области искусственного интеллекта и робототехники, а также постепенная коммерциализация этих сфер повышают значимость международного сотрудничества в создании и согласовании правовых норм⁴, регулирующих отношения между государствами и организациями касательно исследования и использования космического пространства, которое становится потенциальной ареной конфликтов между ведущими мировыми державами⁵.

Настоящее исследование является первой в отечественной научной литературе попыткой рассмотрения широкого круга вопросов, связанных с разработкой и становлением французской и европейской программ освоения космоса с помощью семейства ракет-носителей Ariane⁶ (Ариадна). В рамках данной работы анализируется роль немецких специалистов в разработке и реализации французского космического проекта, изучается проблематика, связанная с участием Франции (как ключевого актора) в процессе достижения европейскими странами автономного доступа в космос; исследуются передовые европейские технологии в этой сфере.

Франция стала играть ведущую роль на европейском континенте в сфере создания ракет-носителей и освоении космоса в XX в. По понятным причинам часть информации, связанной с вкладом французских специалистов в разработку аэрокосмической техники, с их достижениями и взаимодействием с исследователями в этой области из других европейских стран, засекречена. Работу с источниками затрудняет действующий во Франции с 1979 г. Закон об архивах, согласно которому необходимо «соблюдать профессиональную тайну в отношении любого документа, который по закону не может быть доступен общественности». Для перевода в открытый доступ документов государственного архива, касающихся гражданской сферы, установлен общий период в 30 лет, а для сведений, связанных с вопросами государственной безопасности или национальной обороны, перечень которых устанавливается декретом Государственного совета, — 60 лет⁷.

Еще строже регулируется доступ к архивам Военно-исторической службы (Service Historique de la Défense, SHD) Министерства вооруженных сил Франции, где с 1 января 2005 г. объединены документы из фондов сухопутных, военно-воздушных, военно-морских сил, жандармерии, а также сведения, касающиеся производства вооружений. Возможности для исследовательской деятельности в промышленных архивах также ограничены. Ряд данных вообще не подлежит передаче в открытый доступ. В связи с вышесказанным основное внимание исследователей, изучающих данную проблематику, фокусируется на сведениях из печатных источников (включая стенограммы парламентских слушаний), монографиях, публикациях международных организаций и научных центров, свидетельствах специалистов, принимавших участие в разработке аэрокосмической техники. Анализ этих материалов дает представление о роли государства и частных компаний в освоении космоса, а также об их сотрудничестве и конкуренции. Источниковая база настоящего исследования включает официальные документы парламента Франции, Европарламента, Еврокомиссии, публикации СМИ, оцифрованные данные из Национального архива Франции. При написании статьи были использованы историко-генетический и историко-сравнительный

³ Сабирзянова И.Р., Уланов А.А. Перспективы развития международного космического рынка. М., 2023. С. 14–15.

⁴ Энтина Е.Г. Методы повышения конкурентоспособности космической деятельности ЕС // Современная Европа. 2023. № 7. С. 49–63.

⁵ Semo M. L'espace, nouveau théâtre de conflictualité // Esprit défense. 2023. № 9. P. 32–37.

⁶ Европейская ракета-носитель Ariane названа по имени героини древнегреческого мифа Ариадны, нить которой, согласно легенде, вывела Тесея из лабиринта Минотавра. Создатели ракеты надеялись, что аналогичным образом Европа найдет свой путь в космос.

⁷ Loi n° 79–18 du 3 janvier 1979 sur les archives // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000322519> (дата обращения: 16.06.2024).

методы, что позволило проследить эволюцию процесса создания ракет-носителей в условиях европейской интеграции и соперничества с США.

Многие исследователи, например Филипп Варното (ученик видного французского историка Мориса Ваисса), Доминик Монжен, Венсан Шевалье⁸, полагают, что импульс освоению космоса был дан еще до президентства Шарля де Голля, в период Четвертой республики (1946–1958). Де Голль сыграл огромную роль в становлении космической программы Франции, условия для ее создания начали складываться в первые годы после окончания Второй мировой войны⁹. Уже тогда представители военно-политического истеблишмента страны проявляли интерес к идеям создания ракет-носителей, милитаризации космоса и «космических войн будущего» с применением систем спутниковой связи, наблюдения, высокоточного наведения¹⁰. В связи с этим представляется примечательной метафора: «У французской космической программы нет отца, но есть важные действующие лица, сыгравшие решающую роль, — такие как де Голль»¹¹. Сам Ш. де Голль так характеризовал участие Франции в освоении космоса: «Мы начали, и мы продолжим»¹².

Вопрос о создании баллистических ракет и космических ракет-носителей впервые приобрел актуальность во Франции в период восстановления страны после Второй мировой войны. Некоторые государственные деятели Четвертой республики рассматривали разработку программ освоения космоса и создания атомной энергетики как «противоядие от чувства упадка, порожденного поражением 1940 года»¹³. В 1945 г. Ш. де Голль вернул Франции утраченный статус победителя, которым она обладала после Первой мировой войны, и «повернул фатальное для Франции течение истории в спасительное русло»¹⁴. Возрастающая роль Парижа в европейской политике в послевоенный период способствовала ускорению научно-технического развития страны. С момента своего создания в 1945 г. Комиссариат по атомной энергии (Commissariat à l'énergie atomique, CEA) играет важную роль в исследованиях, разработках и инновациях в этой сфере, решая важные стратегические задачи. Потребность Франции в ракетах и пусковых установках после учреждения CEA привела к созданию Центра исследования реактивных снарядов (Centre d'études des projectiles autopropulsés, CEPRA)¹⁵ и Лаборатории баллистических и аэродинамических исследований (Laboratoire de recherche balistiques et aérodynamiques, LRBA)¹⁶ по изучению немецкой ракеты V2 (ее главный конструктор Вернер фон Браун после 1945 г. продолжал работу в США).

⁸ См., в частности: *Mongin D. Aux origines du programme atomique militaire français // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1993. № 31. P. 13–21; Varnoteaux Ph. L'aventure spatiale française. De 1945 à la naissance d'Ariane. Paris, 2015; Chevalier V. French Space Policy and Gaullism // Astropolitics: The selected essays. Prague, 2017. P. 90–99.*

⁹ *Чихачёв А. Ю. Праздник, который уже не с тобой // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 157.*

¹⁰ *Mongin D. Op. cit. P. 13–14; Varnoteaux Ph. La naissance de la politique spatiale française // Vingtième siècle. Revue d'histoire. 2003. № 77. P. 60.*

¹¹ *Chevalier V. French Space Policy...*

¹² *Triay Ph. Archives d'Outre-mer — 1964: visite du général de Gaulle en Guyane // Franceinfo. 06.09.2014. URL: <https://la1ere.francetvinfo.fr/archives-outre-mer-1964-visite-du-general-gaulle-guyane-696736.html> (дата обращения: 06.01.2024).*

¹³ *Vaisse M. La naissance de la politique spatiale française (1958–1964) // Aéronautique, marchés, entreprises: Mélanges en mémoire d'Emmanuel Chadeau / eds J.-P. Barrière, M. de Ferrière. Villeneuve-d'Ascq, 2004. P. 33–42.*

¹⁴ *Нарочницкая Е. А. Политическая философия Шарля де Голля — взгляд из XXI в. Международное измерение // Современная Европа. 2020. № 7. С. 188.*

¹⁵ Центр исследования реактивных снарядов был создан 24 августа 1945 г., ликвидирован 31 декабря 1967 г. Его деятельность получила положительные оценки ученых и политических деятелей. См.: *Répression des fraudes (1967–2015) (1549 W) // France Archives. URL: <https://francearchives.gouv.fr/fr/fin dingaid/7fe66ad8bf105e891459c373a3b7f773d41c2e07> (дата обращения: 14.06.2024).*

¹⁶ Лаборатория баллистических и аэродинамических исследований была создана 17 мая 1946 г. В рамках ее деятельности был разработан ряд жидкостных пусковых установок.

Следует особо отметить участие во французском ракетостроении немецких инженеров, которые работали в Германии вплоть до последних месяцев Второй мировой войны на созданной в 1937 г. базе около города Пенемюнде, а после войны — во Франции, по распоряжению генерала де Голля¹⁷. В 1945—1946 гг. немецкие специалисты вошли в состав конструкторского бюро LRBA (г. Вернон), созданного для работы над проектом зондирующей ракеты на жидком топливе Véronique (VERnon + electrONIQUE)¹⁸ на базе технологии V2. При вертикальном запуске уже в 1944 г. V2 достигала 188 км, уровня суборбитального полета¹⁹. В этой работе участвовали две группы ученых: одна отвечала за управление и пилотирование, другая — за двигатель. Всего над проектом одновременно работали 250 французских специалистов и 40 немецких²⁰. В числе последних — Карл-Хайнц Брингер, создатель двигателя «Викинг» (Viking) для будущей ракеты-носителя Ariane, а также Рольф Энгель — инженер-ракетостроитель, который позднее стал советником основанного в 1946 г. Национального управления аэрокосмических исследований (Office National d'Études et de Recherches Aérospatiales, ONERA) в Париже²¹. В настоящее время ONERA проводит исследования для Национального центра космических исследований (Centre National d'Études Spatiales, CNES) и созданного в 1975 г. Европейского космического агентства (ЕКА), деятельность которого направлена на развитие технологий в сфере освоения космоса²². Немецкие технологии были использованы при создании французских ракет-зондов Dragon, Centaure, Éridan, Bélair, Tacite.

Представляется очевидным, что вклад немецких ученых и инженеров в достижение Францией европейского лидерства в освоении космоса нельзя недооценивать. Тем не менее вплоть до сегодняшнего дня в Пятой республике тема участия специалистов из Германии в создании французской военно-космической ракеты практически не обсуждается ни в научной, ни в публицистической литературе. Двигатель ракеты Ariane изобрел К.-Х. Брингер, однако «во Франции не хотели, чтобы люди могли сказать, что над ней работали немцы. Это был французский проект, и точка! Сегодня еще есть люди, которые не хотят, чтобы мы об этом говорили. Я не могу этого объяснить. Американцы, со своей стороны, никогда не стеснялись говорить об этом»²³, — вспоминает сын Йозефа Шлотцера, одного из участников проекта создания баллистической ракеты V2, а затем первой версии Ariane 1.

На заре космической эры Франции для развития технологий в этой сфере ключевое значение имело и сотрудничество с США. Астрофизик Жак Бламон, первый научный директор Национального центра космических исследований, отмечал: «Во Франции в ту эпоху всему приходилось учиться у американцев»²⁴.

¹⁷ См.: *Ludmann-Obier M.-F.* Un aspect de la chasse aux cerveaux: les transferts de techniciens allemands en France: 1945—1949 // *Relations internationales*. 1986. № 46. P. 195—208.

¹⁸ См.: *Huwart O.* Du V2 à Véronique: la naissance des fusées françaises. Rennes, 2005.

¹⁹ См.: *Dornberger W.* V-2. New York, 1954. P. 230.

²⁰ *Calissano F., Filippi F., Jarre G., Forte F.* Les industries aéronautiques et spatiales de la Communauté, comparées à celles de la Grande-Bretagne et des États-Unis. Rapport Général pour la Commission des Communautés européennes // *Études*. 1969. T. 3. № 7042. P. 563.

²¹ *Pernot F.* Allemagne 1945: Les Français et la chasse aux savants allemands // *Bulletin de l'Association des Anciens de l'ONERA*. 2007. Avril. Hors-série. P. 7.

²² Regulation (EU) 2021/696. Mid-term Evaluation of the Performance of the Implementation of the EU Space Programme and of EUSPA. Brussels, 2024. P. 6 // *New Space Economy*. URL: <https://newspaceconomy.ca/2024/02/26/report-mid-term-evaluation-of-the-performance-of-the-implementation-of-the-eu-space-programme-and-euspa-eu-2023/> (дата обращения: 16.06.2024).

²³ Цит. по: *La France serait-elle devenue la troisième puissance aérospatiale sans les ingénieurs du IIIe Reich recrutés dès 1945?* // *Franceinfo*. 04.03.2018. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/europe/allemande/video-la-france-serait-elle-devenue-la-troisieme-puissance-aerospatiale-sans-les-ingenieurs-du-iii-e-reich-recrutes-des-1945_2640040.html (дата обращения: 06.01.2024).

²⁴ Цит. по: *Chevalier V.* Op. cit. P. 97.

За руководство исследованиями, «инициацию» и координацию военных и гражданских ракетных разработок в интересах национальной обороны отвечал созданный в 1948 г.²⁵ Комитет научной деятельности в сфере национальной обороны (Comité d'Action Scientifique de Défense Nationale, CASDN)²⁶. В 1954 г. правительство Пьера Мендес-Франса, бывшего премьер-министром Франции в 1954–1955 гг., приступило к работе над ядерной программой. Реализация атомного проекта получила продолжение при преемниках П. Мендеса-Франса на посту главы правительства. В рамках этого проекта предполагалось создание первой французской ракеты-носителя. Несмотря на усилия, предпринимаемые различными государственными институтами в данном направлении, на протяжении длительного времени исследования, связанные с ракетой-носителем, оставались разрозненными и получали недостаточное финансирование.

Потребностью независимых Стратегических ядерных сил (Force nucléaire stratégique, FNS) в ракетах, способных нести французские ядерные заряды, — «своего рода гражданский арсенал, зависимый от Министерства обороны»²⁷, — было обусловлено создание в 1959 г. Компании по исследованию и производству баллистических ракет (Société d'Étude et de Réalisation d'Engins Balistiques, SEREB). Эта компания, являвшаяся государственным агентом и генеральным подрядчиком FNS, занималась разработкой твердотопливных пусковых установок на основе военной баллистической программы. В SEREB вошли три государственных (Nord Aviation, SNECMA, Sud Aviation) и три частных (Avions Marcel Dassault, Engins Matra, SEPR) компании с долей в капитале каждой по 0,2 млн долл.²⁸ Деятельность SEREB способствовала сбалансированному распределению задач и взаимовыгодному партнерству между государственными и частными акторами в сфере ракетостроения. Это дало импульс самостоятельной ядерной программе, что соответствовало приверженности президента де Голля независимой внешней политике²⁹.

Важным шагом на пути координации взаимодействия различных институтов в сфере изучения космоса стало создание в 1961 г., в период премьерской каденции Мишеля Дебре (1959–1961), уже упомянутого выше Национального центра космических исследований (CNES), работавшего в контакте с ONERA. Усилия этой организации были направлены, в частности, на то, чтобы убедить общественность в способности европейцев осваивать космос без американской помощи и в необходимости не отдавать лидерам космической гонки (США и СССР) «на откуп» эту сферу высоких технологий. Большинство проектов CNES по решению задач будущего (использование облачных технологий, больших данных и т.д.) разрабатываются в настоящее время в кооперации с компаниями Германии и Италии, с международными структурами.

С осуществлением в 1960-х годах программы «Драгоценные камни» (Pierres précieuses)³⁰ Франция стала осваивать космос с помощью ракеты-носителя «Бриллиант» (Diamant). Запуск спутников, разработанных во Франции без участия других стран, был призван продемонстрировать независимость Пятой республики в области космических технологий³¹. LRBA использовала в этом гражданском проекте опыт, приобретенный за десятилетие

²⁵ Décret n° 48-861 du 24 mai 1948 portant création du comité d'action scientifique de la défense nationale. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/download/securePrint?token=04p2B5a5uga9eX6Tf4G5> (дата обращения: 14.06.2024).

²⁶ Varnoteaux Ph. L'aventure spatiale... P. 53–56.

²⁷ Varnoteaux Ph. Il y a 60 ans naissait l'ancêtre d'Ariane Group // Air & Cosmos. 17.09.2019. URL: <https://air-cosmos.com/article/il-y-a-60-ans-naissait-lancetre-darianegroup-21715> (дата обращения: 01.01.2024).

²⁸ Calissano F., Filippi F., Jarre G., Forte F. Op. cit. P. 567.

²⁹ Чернега В.Н. Эволюция франко-германских отношений в 1949–2022 годах: от германской проблемы до франко-германского тандема и идеи «державы Европы» // Новая и новейшая история. 2023. № 4. С. 156. DOI: 10.31857/S013038640024674-9

³⁰ В рамках программы «Драгоценные камни» были разработаны следующие ракеты: «Агат», «Топаз», «Рубин», «Изумруд», «Сапфир» (Agate, Topaze, Rubis, Emeraude, Saphir).

³¹ Vaisse M., Messmer P. Armement et Ve République. Fin des années 1950 – fin des années 1960. Paris, 2002. P. 375–391.

(с 1950 по 1960 г.) работы в военной сфере. Данное утверждение верно и в отношении деятельности SEREB в период с 1959 по 1969 г., благодаря которой в 1965 г. был осуществлен запуск ракетой-носителем *Diamant* первого французского искусственного спутника Земли *Asterix*. В 1966 г. Пятая республика вышла из военных структур НАТО, что позволило Ш. де Голлю начать реализацию новой ядерной программы. Франция стала третьей космической державой после СССР и США. Успешное испытание в 1968 г. водородной бомбы в Полинезии сделало ее и ядерной державой. Первые ракеты для Сил ядерного сдерживания Франции появились в 1971 г.

С начала 1970-х годов Франция стимулирует внутриевропейское сотрудничество в области разработки и производства ракет-носителей, основной вектор которого направлен на обеспечение в краткосрочной и долгосрочной перспективе независимого доступа в космос. Для достижения этой цели западноевропейские государства объединили усилия в создании ракеты-носителя «Европа» (*Eurogra*), однако в 1973 г. после серии неудачных запусков документация и технологии по данному проекту были переданы разработчикам гражданской программы CNES «Ариан» (*Ariane*).

Следует отметить, что до осуществления этой программы для вывода на орбиту европейских спутников связи, например франко-германского геостационарного спутника «Симфония» (*Symphonie*), ставшего результатом приоритетного для Франции одноименного гражданского космического проекта, использовались американские ракеты-носители «Дельта» (*Delta*). В 1973 г. США согласились запустить не коммерческий, а лишь экспериментальный спутник. Подобная позиция Вашингтона способствовала созданию европейских ракет-носителей: сначала *Ariane 1* (1979 г.), ставшей прямым конкурентом американских ракет³², затем *Ariane 2*, 3, 4, 5. Их мощность и грузоподъемность возрастали от версии к версии. Однако процесс технического совершенствования *Ariane* не был гладким. В частности, при переходе от 4-й к 5-й и от 5-й к 6-й версиям *Ariane* возникали кризисные ситуации. После провала в 2022 г. коммерческого полета с потерей двух спутников *Pléiades Neo* компании Airbus были перенесены запуски ракет *Ariane 6* и *Vega-C*³³. Как отмечается в докладе парламента Франции от 23 ноября 2022 г., это ослабляет позиции *Ariane*. Вновь начинает приобретать актуальность вопрос об использовании неевропейских ракет-носителей³⁴.

Из 12 стран — участниц основанного в 1975 г. ЕКА именно Франция сыграла ключевую роль в создании *Ariane*. На нее пришлось 60% финансирования проекта³⁵, техническая разработка ракеты-носителя (в создание двигателя серьезный вклад внесли также инженеры из Италии и ФРГ), постройка стартовой площадки (в Куру, на территории Французской Гвианы). Следует отметить, что из всех европейских стран, входящих в ЕКА, Франция имеет наиболее выгодные позиции для запуска ракет-носителей. Близость космодрома Куру к экватору позволяет развивать большую скорость уже на старте. Этот космодром использовался как испытательная площадка для всех типов *Ariane*.

Запуски с помощью *Ariane* для ЕКА и европейских правительств в целях научных наблюдений за Землей, налаживания военной связи, демонстрации технических достижений, коммерческого обслуживания Международной космической станции осуществляла

³² Wang S.-C. The Making of New “Space”: Cases of Transatlantic Astropolitics // *Geopolitics*. 2009. Vol. 14. № 3. P. 443.

³³ *Vega* — (Vettore Europeo di Generazione Avanzata) — легкая четырехступенчатая одноразовая ракета-носитель, разрабатываемая с 1998 г. совместно ЕКА и Итальянским космическим агентством (ASI) при финансовом участии ряда европейских стран. С 2000 г. эти разработки являются частью программы *Ariane*.

³⁴ Les enjeux du conseil ministériel de l'Agence spatiale européenne // *Assemblée nationale*. 22–23.11.2022. P. 46. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/opendata/RAPPANR5L16B0502.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

³⁵ *Doboš B.* Op. cit. P. 93.

первая французская компания — оператор пусковых систем Arianespace³⁶. По данным на 2022 г., с момента своего создания в 1980 г. Arianespace запустила свыше 1100 спутников³⁷. За период с 1980 по 2023 г. эта компания заключила свыше 650 контрактов на обслуживание полетов³⁸ с помощью ракет-носителей Ariane и Vega. Деятельность Arianespace позволила обеспечить устойчивость европейской системы запусков и независимость от США в контексте транспортно-логистических миссий, а также способствовала появлению новых государственных и частных акторов, получивших возможность создать сеть телекоммуникационных спутников.

Объединение усилий западноевропейских стран в рамках проекта Ariane позволило запустить около 250 ракет для вывода на орбиту спутников и зондов в течение 40 лет с момента начала реализации этой программы. Дополнительный импульс сотрудничеству европейских государств в сфере освоения космоса придал Лиссабонский договор 2007 г. (Договор о функционировании Европейского Союза). Согласно этому документу, космос является стратегическим элементом политики, цель которой — содействие научно-техническому прогрессу, промышленной конкурентоспособности, реализации других направлений деятельности ЕС. «Сотрудничество в рамках ЕКА дает возможность сохранить автономное производство», — подчеркивает Андре-Юбер Руссель, исполнительный директор базирующейся во Франции ArianeGroup³⁹. Эта действующая с 2015 г. совместная компания Airbus⁴⁰ и Safran Group⁴¹ (Airbus Safran Launchers) является успешным примером евроинтеграции в сфере высоких технологий. ArianeGroup производит баллистические ракеты M51 для подводных лодок французских Океанских сил сдерживания (Force océanique stratégique, FOST) и коммерческие космические ракеты-носители (заключая соглашения с заинтересованными компаниями на основе государственно-частного партнерства). Деятельность ArianeGroup подтверждает актуальность тезиса о «вынужденности — финансовой, экономической, технологической — общеевропейского сотрудничества, особенно в сфере космических... технологий»⁴².

В настоящее время можно отметить зависимость производства европейских космических ракет-носителей от коммерческого рынка. Доля заказов, поступаемых в Ariane от негосударственных компаний, составляет до 75%. Налицо узость европейского институционального рынка запусков: они покрывают лишь около 34% спроса в Европе по сравнению с 73% в США⁴³. Институциональные (некоммерческие) запуски зарезервированы для национальных операторов. На сегодняшний день в международной практике отсутствуют четкие критерии определения некоммерческих и коммерческих запусков. В ряде случаев это не позволяет получить достоверные сведения о рыночной доле операторов. По некоторым данным, в 2019 г. на коммерческие запуски приходилось от 1/4 до 1/3 общего числа запусков в мире⁴⁴.

³⁶ 74% акционерного капитала Arianespace принадлежит ArianeGroup.

³⁷ Arianespace supporting the European Union's Copernicus programme with Vega C // Arianespace. 29.11.2022. URL: <https://www.arianespace.com/press-release/arianespace-supporting-the-european-unions-copernicus-programme-with-vega-c/> (дата обращения: 16.06.2024).

³⁸ Arianespace // Centre Spatial Guyanais. 28.02.2023. URL: <https://centrespatialguyanais.cnes.fr/fr/centre-spatial-guyanais/acteurs/arianespace> (дата обращения: 16.06.2024).

³⁹ Primas S., Bockel J.-M. Lanceurs spatiaux: restaurer l'ambition spatiale européenne // Sénat. Rapport d'information (2019–2020). 2019. № 131. P. 7, 89. URL: <https://www.senat.fr/rap/r19-131/r19-1311.pdf> (дата обращения: 01.01.2024).

⁴⁰ Уставной капитал Airbus Safran Launchers сформирован при государственном участии Франции, Германии и Испании.

⁴¹ Safran Group (с участием французского государства в капитале) была образована в 2005 г. путем слияния организаций SNECMA и SAGEM.

⁴² Сидоров А. С. Евросоюз на пути к совместной оборонной политике // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 105.

⁴³ Primas S., Bockel J.-M. Op. cit. P. 58.

⁴⁴ Ibid. P. 76.

В отличие от рынков космических услуг США и Китая, в Европе изначально не было принято отдавать предпочтение собственным производителям. Во Франции и в ЕС в целом запуск разработанного на государственные средства спутника может быть осуществлен с использованием ракеты-носителя, созданной за пределами континента. Подобная ситуация представляется практически невозможной в странах, являющихся лидерами в освоении космоса, что ограничивает возможности европейских компаний-разработчиков на рынках США, Китая и других держав. На эту проблему обратил внимание и А.-Ю. Руссель: «Американский и китайский рынки, на которые приходится две трети мирового оборота, недоступны для европейских ракет-носителей»⁴⁵.

Европейцы часто обращаются к компании SpaceX Илона Маска за технической помощью в сфере освоения космоса. В 2018 г. разработанная этой компанией ракета-носитель Falcon 9 вывела на орбиту люксембургский спутник сверхзащищенной связи GovSat-1⁴⁶ и испанский военный спутник «Мир» (Paz). Согласно заключенному в 2013 г. контракту, с использованием ракеты Falcon 9 были запущены три спутника SARah радиолокационной разведки ФРГ. В 2016 г. при полете германского спутника Birs вместо ракеты-носителя Vega была использована индийская PSLV. По словам тогдашнего министра вооруженных сил Франции Флоранс Парли, подобные действия европейских правительств «направлены на потерю нами автономии доступа в космос»⁴⁷. Схожие риски отмечались и в докладе Европарламента от 7 ноября 2023 г., посвященном стратегии космической обороны ЕС⁴⁸. Напомним, что ЕС декларирует необходимость «объединения политической воли в поддержку проведения космической политики»⁴⁹.

Для противодействия подобной практике в 2018 г. Франция, Италия, Германия, Испания, Швейцария (в лице национальных космических агентств) и ЕКА подписали в Мадриде Совместную декларацию о приоритетном использовании европейских ракет-носителей для запусков некоммерческих спутников (satellites institutionnels). В 2019 г. в Тулузской декларации о будущем устойчивом развитии и декарбонизации авиации, принятой на саммите ЕС, Франция и Германия, подчеркивая «стратегическое значение независимого доступа Европы к космосу», поддержали принцип «предпочтения европейских ракет-носителей Ariane 6»⁵⁰. В 2022 г. ключевые страны – участницы ЕКА (Франция, Германия и Италия) договорились о гарантиях будущей эксплуатации ракет Ariane 6 и Vega-C и об использовании микро- и мини-пусковых установок за счет компании. Так, в условиях обострения конкуренции на рынке космических услуг был неоднократно официально продекларирован принцип предпочтения европейских аппаратов. Следует отметить, что в бюджете ЕКА программы, связанные с разработками ракет-носителей и телекоммуникационных спутников, являются факультативными, а вклад в них – добровольным⁵¹.

В начале 2000-х годов на Ariane приходилась большая часть запусков телекоммуникационных спутников. В последующее десятилетие Arianespace продолжала пользоваться благоприятной конъюнктурой рынка. По данным на 2009 г., производя в год от 12 до 15 запусков и удовлетворяя более 50% мирового спроса на этот вид космических услуг, компания получала таким образом почти 1 млрд евро (80% всех доходов), став лидером

⁴⁵ Ibid. P. 58.

⁴⁶ GovSat – совместное предприятие Люксембурга и Европейского общества спутников (Société Européenne des Satellites, SES), глобального спутникового оператора связи. Подробнее см.: GOVSAT // Luxembourg Space Agency. 08.11.2023. URL: <https://space-agency.public.lu/en/expertise/space-directory/GovSat.html> (дата обращения: 16.06.2024).

⁴⁷ Цит. по: Primas S., Bockel J.-M. Op. cit. P. 58.

⁴⁸ Danjean A. Strategic compass and EU space-based defence capabilities. Report // European Parliament. 07.11.2023. P. 8. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_IDA\(2022\)702569](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_IDA(2022)702569) (дата обращения: 16.06.2024).

⁴⁹ Regulation (EU) 2021/696.

⁵⁰ Déclaration franco-allemande de Toulouse // Élysée. 16.10.2019. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/10/16/declaration-franco-allemande-de-toulouse> (дата обращения: 16.06.2024).

⁵¹ Primas S., Bockel J.-M. Op. cit. P. 71.

на открытом рынке спутников⁵². По состоянию на февраль 2023 г. свыше половины действующих коммерческих спутников в мире были запущены именно Arianespace⁵³. Однако за последнее десятилетие количество запусков европейских коммерческих спутников на геостационарную орбиту сократилось более чем вдвое. У трех крупнейших спутниковых операторов — Intelsat, Eutelsat, SES — наблюдалось снижение оборота. Количество контрактов, открытых для конкуренции на коммерческом рынке, за период с 2015 по 2018 г. сократилось с 24 до семи. Из этих семи контрактов пять были заключены с Arianespace, два — с американскими компаниями⁵⁴.

Ситуация стала меняться с приходом на рынок космических услуг SpaceX. Укреплению позиций этой компании во многом способствовала агрессивная ценовая политика, которую проводят США в данной сфере. Политолог Шенг-Чи Вонг из Государственного университета Чжэнчжи (Тайвань) отмечает, что «в космической политике Европы и США разделение на “нас” и “других” определяется скорее расчетом затрат и выгод в контексте соответствующих стратегических интересов, чем общими ценностями или коллективной идентичностью, присущей сообществу трансатлантической безопасности»⁵⁵. В ходе конкуренции с Arianespace SpaceX неоднократно прибегала к снижению цен. По экспертным данным 2023 г., орбитальный запуск Falcon 9 оценивался в 67 млн долл., а Ariane 5 — почти в 2,7 раза дороже — 178 млн долл.⁵⁶ При этом по состоянию на 2018 г. грузоподъемность Ariane 5 была на 2 т больше. За период с 2013 по 2018 г. SpaceX снизила цены на оказание космических услуг втрое, увеличив полезную нагрузку запусков в восемь раз, а их частоту — в семь раз⁵⁷.

Успех SpaceX в конкуренции с Arianespace во многом обусловлен поддержкой, которую оказывает компании Илона Маска американская администрация: 57% источников финансирования контрактов по разработке и запускам. Большая часть получаемых средств расходуется на научно-исследовательскую работу. В информационном докладе Сената Франции за 2019–2020 гг., посвященном освоению космоса, отмечалось, что выгода SpaceX от контрактов с правительством США связана с тем, что оговоренные в этих контрактах цены на оказание услуг часто вдвое выше по сравнению с теми, которые компания Илона Маска устанавливает на коммерческом рынке. В отличие от Arianespace, она нередко использовала многоразовые ракеты. Стоимость запуска для SpaceX порядка 44 млн долл. позволяла в те годы назначать цену на услуги от 50 до 60 млн долл. по сравнению с почти 150 млн долл. у Ariane 5⁵⁸. Таким образом, SpaceX получает преимущества перед европейской компанией, в том числе вследствие использования нерыночных методов конкуренции. Интересно отметить, что именно в этом США нередко упрекают своих европейских партнеров⁵⁹. С появлением новых акторов, таких как компания Blue Origin американского предпринимателя Джеффа Безоса, ожидается дальнейшее обострение конкуренции на рынке космических услуг.

Ответом Европы на растущие требования рынка стала разработка новой ракеты-носителя Ariane 6, первый запуск которой с космодрома Куру был успешно осуществлен 9 июля

⁵² *Ruello A.* Débat autour de la stratégie commerciale d'Arianespace // *Les Echos*. 13.03.2009. URL: <https://www.lesechos.fr/2009/03/debat-autour-de-la-strategie-commerciale-darianespace-451235> (дата обращения: 01.01.2024).

⁵³ Arianespace // *Centre Spatial Guyanais*. 28.03.2023. URL: <https://centrespatialguyanais.cnes.fr/fr/centre-spatial-guyanais/acteurs/arianespace> (дата обращения: 01.01.2024).

⁵⁴ *Primas S., Bockel J.-M.* Op. cit. P. 29.

⁵⁵ *Wang S.-C.* Transatlantic Space Politics... P. 8.

⁵⁶ *Urban R.* How Much Does It Cost to Launch a Rocket? // *Space Impulse*. 16.08.2023. URL: <https://spaceimpulse.com/2023/08/16/how-much-does-it-cost-to-launch-a-rocket/> (дата обращения: 16.06.2024).

⁵⁷ *Primas S., Bockel J.-M.* Op. cit. P. 28–29, 100.

⁵⁸ *Ibid.* P. 35, 100.

⁵⁹ *Сидоров А.А.* Особенности современного протекционизма США и ЕС в отношении России // *Вестник МГИМО-Университета*. 2022. № 4. С. 81–101.

2024 г. По замыслу инженеров-конструкторов, конкурентоспособность Ariane 6 должна повысить улучшенная версия двигателя с блоком повторного зажигания, позволяющим в ходе одного запуска размещать несколько грузов на разных орбитах. Наличие подобного двигателя приобретает особую актуальность при использовании мини-спутников и их многочисленных модификаций, применяемых, в частности, в метеорологических целях, для определения геолокации и т.д.

В последние годы Европа стремится укрепить свои позиции в экономике космоса, в том числе стимулируя создание новых компаний, разработку и продвижение стартапов. Согласно данным Dealroom — глобального поставщика аналитических данных о стартапах, — венчурные инвестиции в европейские космические компании с января 2022 г. по июнь 2023 г. составили 18% мировых венчурных инвестиций в космическую сферу⁶⁰. Расширяется сеть инвесторов ЕКА: 21 фонд венчурного капитала призван способствовать коммерциализации космической отрасли. ЕКА также поддерживает малый и средний бизнес. В настоящее время по количеству созданных после 2000 г. стартапов в сфере космических технологий в Европе лидируют Великобритания (271), Франция (222) и Германия (200). Эти страны занимают первые позиции и в венчурном финансировании данной сферы⁶¹.

Среди организаций, играющих ведущую роль в разработке и проведении космической политики в Европе с использованием Ariane на современном этапе, следует выделить ЕКА, Еврокомиссию, а также Агентство по космической программе Европейского Союза (EUSPA), которое было создано в 2021 г. с целью обеспечения надежного функционирования космической программы ЕС. В задачи EUSPA входит коммерциализация навигационных услуг европейских спутников, содействие реализации Европейского зеленого курса и достижению автономии ЕС в космосе.

По мере осложнения геополитической обстановки в мире развивается сотрудничество (в частности, осуществляется обмен информацией) в военно-космической сфере между странами — участницами структур ЕС по космическому наблюдению и слежению (Space Surveillance and Tracking, SST). В 2014 г. был создан многосторонний форум — Объединенная инициатива космических операций (Combined Space Operations Initiative, CSPO) — в составе США, Великобритании, Австралии, Канады. В 2015 г. к Инициативе присоединилась Новая Зеландия. В последние годы сотрудничество в рамках форума расширяется. В 2020 г. в CSPO официально вошли Франция и Германия, а с присоединением в 2023 г. Италии, Норвегии и Японии число стран — участниц Инициативы выросло до 10.

С конца 1990-х годов европейские страны развивают региональные интеграционные флагманские программы с участием Ariane. К числу наиболее масштабных следует отнести Galileo, Copernicus и EGNOS. Остановимся несколько подробнее на каждой из них.

Galileo — совместный проект ЕС и ЕКА по разработке европейской глобальной системы спутниковой навигации — предоставляет высокоточные данные глобального позиционирования более 2 млрд пользователей во всем мире. 12 из 28 спутников Galileo были запущены с помощью Ariane 5 (первый запуск состоялся в 2011 г.). Примечательно, что эта группировка спутников находится под контролем гражданских властей (в отличие от американской GPS)⁶².

Copernicus — система фото- и электронного наблюдения за поверхностью Земли из космоса с непрерывным мониторингом. Ее разработки начались в 1990-е годы. Copernicus

⁶⁰ Отчет: Космос составляет 1% всех венчурных инвестиций в Европе в период с 2003 по 2023 г. (Dealroom 2023) // Новая космическая экономика. 14.07.2023. URL: <https://newspaceconomy.ca/2023/07/14/report-space-represents-1-of-all-vc-investments-in-europe-between-2003-and-2023-dealroom-2023/> (дата обращения: 05.01.2024).

⁶¹ European Space Tech lifting off. 2022, December. P. 29, 32 // The European Space Agency. URL: https://commercialisation.esa.int/wp-content/uploads/2022/12/Space-tech-report_Amaldi_ESA_12_2022-1.pdf (дата обращения: 06.01.2024).

⁶² Ariane 5: a unique launcher for iconic missions — Galileo // Ariangroup. 08.08.2023. URL: <https://www.ariane.group/en/news/ariane-5-a-unique-launcher-for-iconic-missions-galileo/> (дата обращения: 16.06.2024).

позволяет получить доступ к разнообразной экономической, политической и военной информации, что особенно актуально в современном глобальном мире. Франция делает коммерчески доступной спутниковую информацию с низким разрешением (США лидируют по информации с высоким разрешением)⁶³. Работа системы стала возможной благодаря использованию ракет-носителей Vega C, которые предоставляет Arianespace. Эта компания планирует осуществить запуск пяти спутников Sentinel в рамках программы Copernicus в 2024–2026 гг.⁶⁴

Созданная в 2005 г. Европейская геостационарная служба навигационного покрытия (European Geostationary Navigation Overlay Service, EGNOS)⁶⁵ помогает GPS, ГЛОНАСС, Galileo соответствовать строгим эксплуатационным требованиям Международной организации гражданской авиации (ИКАО) на критических этапах полета спутников, в частности, при заходе на посадку. Размещенные в Европе 40 опорных станций и три геостационарных спутника⁶⁶ позволяют EGNOS предоставлять морским, наземным, авиационным пользователям на территории ЕС данные для безопасной навигации. EGNOS действует в Европе (включая небольшую часть территории РФ) и Северной Африке. В будущем планируется распространить услуги этой геостационарной службы на соседние с ЕС страны. Для запуска спутников EGNOS также использует ракету-носитель Ariane. Сочетание взаимодополняющих EGNOS и Galileo способствует расширению возможностей для определения точного местоположения объектов.

В заключение следует отметить развитие европейского военного сотрудничества в космосе. В 2023 г. при 117-м запуске Ariane 5 генеральным подрядчиком ArianeGroup под управлением Arianespace на орбиту были выведены два спутника связи: H2Sat для правительства Германии (Немецкого аэрокосмического центра DLR, компании OHB System, действующего от имени Федерального министерства экономики и защиты климата при участии Федерального министерства обороны) и SYRACUSE 4B для Генерального управления вооружений и Министерства вооруженных сил Франции в сотрудничестве с Воздушно-космическими силами и Космическим командованием. Цель последнего из упомянутых спутников — поддержка военных операций НАТО. В проекте SYRACUSE объединили усилия Airbus Defence and Space (подразделение Airbus Group, ответственное за оборонную и аэрокосмическую продукцию и услуги) и Thales Alenia Space (франко-итальянский производитель аэрокосмической продукции). Спутники SYRACUSE обеспечивают связь военного руководства с войсковыми соединениями во время боевых операций.

История создания общеевропейской ракеты-носителя Ariane (при ключевой роли Франции в сотрудничестве с ФРГ в этом процессе), охватывающая обширный период освоения космоса, доказывает важность международного сотрудничества в сфере высоких технологий для прогресса в гражданской и военной областях, тесно связанных между собой. Несмотря на значительные успехи в реализации ряда научно-технических программ, в настоящее время перспективы Европы в освоении космоса на фоне обострения конкуренции между США и Китаем остаются неясными, что связано как с нерешенностью ряда финансовых вопросов, так и с коммерциализацией этой сферы. В настоящее время Франция и другие ведущие европейские державы пытаются достичь стратегической автономии в аэрокосмической области, несмотря на то что располагают не столь значительными ресурсами для реализации новых программ по сравнению со своими основными конкурентами. Страны ЕКА при более скромных (даже совокупных) финансовых возможностях по сравнению с США стремятся не сдавать позиций в сфере освоения космоса, хотя эта задача становится все более сложной.

⁶³ Nye J.S. *Soft Power and Great-Power Competition*. Singapore, 2023. P. 11.

⁶⁴ Arianespace supporting...

⁶⁵ В 2011 г. EGNOS была сертифицирована для гражданской авиации.

⁶⁶ *Reillon V. Politique spatiale de l'UE. Perspective historique, spécificités et enjeux majeurs* // Parlement européen. 30.01.2017. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/595917/EPRS_IDA\(2017\)595917_FR.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/595917/EPRS_IDA(2017)595917_FR.pdf) (дата обращения: 16.06.2024).

Библиография / References

- Нарочницкая Е.А.* Политическая философия Шарля де Голля — взгляд из XXI в. Международное измерение // Современная Европа. 2020. № 7. С. 188–198.
- Сабирзянова И.Р., Уланов А.А.* Перспективы развития международного космического рынка. М., 2023.
- Сидоров А.А.* Особенности современного протекционизма США и ЕС в отношении России // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 4. С. 81–101.
- Сидоров А.С.* Евросоюз на пути к совместной оборонной политике // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 99–110.
- Чернега В.Н.* Эволюция франко-германских отношений в 1949–2022 годах: от германской проблемы до франко-германского тандема и идеи «державы Европы» // Новая и новейшая история. 2023. № 4. С. 151–166. DOI: 10.31857/S013038640024674-9
- Чихачёв А.Ю.* Праздник, который уже не с тобой // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 151–164.
- Энтина Е.Г.* Методы повышения конкурентоспособности космической деятельности ЕС // Современная Европа. 2023. № 7. С. 49–63.
- Chernega V.N.* Evoliutsiia franko-germanskikh otnoshenii v 1949–2022 godakh: ot germanskoi problemy do franko-germanskogo tandema i idei “derzhavy Evropy” [The Evolution of Franco-German Relations in 1949–2022: From the German Problem to the Franco-German Tandem and the Idea of the “Power of Europe”] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2023. № 4. S. 151–166. DOI: 10.31857/S013038640024674-9 (In Russ.)
- Chikhachev A.Iu.* Prazdnik, kotoryi uzhe ne s toboi [An already Immoveable Feast] // Rossiia v global’noi politike [Russia in Global Affairs]. 2024. T. 22. № 1. S. 151–164. (In Russ.)
- Entina E.G.* Metody povysheniia konkurentosposobnosti kosmicheskoi deiatel’nosti ES [Methods of Improving the Competitiveness of EU Space Activities] // Sovremennaiia Evropa [Contemporary Europe]. 2023. № 7. S. 49–63. (In Russ.)
- Narochnitskaia E.A.* Politicheskaiia filosofiia Sharlia de Gollia — vzgliad iz XXI v. Mezhdunarodnoe izmerenie [Charles de Gaulle’s Political Philosophy — a View from the 21st C. International Dimension] // Sovremennaiia Evropa [Contemporary Europe]. 2020. № 7. S. 188–198. (In Russ.)
- Sabirzianova I.R., Ulanov A.A.* Perspektivy razvitiia mezhdunarodnogo kosmicheskogo rynka [Prospects for the Development of the International Space Market]. Moskva, 2023. (In Russ.)
- Sidorov A.A.* Osobennosti sovremennogo proteksionizma SShA i ES v otnoshenii Rossii [Features of the Modern Protectionism of the USA and the EU towards Russia] // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2022. Vol. 15. № 4. S. 81–101. (In Russ.)
- Sidorov A.S.* Evrosioiz na puti k sovместnoi oboronnoi politike [The European Union on the Way to Common Defense Policy] // Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]. 2010. № 12. S. 99–110. (In Russ.)
- Calissano F., Filippi F., Jarre G., Forte F.* Les industries aéronautiques et spatiales de la Communauté, comparées à celles de la Grande-Bretagne et des États-Unis. Rapport Général pour la Commission des Communautés européennes // Études. 1969. T. 3. № 7042. P. 451–670.
- Chevalier V.* French Space Policy and Gaullism // Astropolitics: The selected essays. Prague, 2017. P. 90–99.
- Danjean A.* Strategic compass and EU space-based defence capabilities. Report // European Parliament. 07.11.2023. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_IDA\(2022\)702569](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_IDA(2022)702569) (access date: 16.06.2024).
- Doboš B.* Geopolitics of the Outer Space: A European Perspective (Contributions to Political Science). Prague, 2019.
- Dornberger W.* V-2. New York, 1954.
- Huwart O.* Du V2 à Véronique: la naissance des fusées françaises. Rennes, 2005.
- Ludmann-Obier M.-F.* Un aspect de la chasse aux cerveaux: les transferts de techniciens allemands en France: 1945–1949 // Relations internationales. 1986. № 46. P. 195–208.
- Mongin D.* Aux origines du programme atomique militaire français // Matériaux pour l’histoire de notre temps. 1993. № 31. P. 13–21.
- Nye J.S.* Soft Power and Great-Power Competition. Singapore, 2023.
- Pernot F.* Allemagne 1945: Les Français et la chasse aux savants allemands // Bulletin de l’Association des Anciens de l’ONERA. 2007. Avril. Hors-série. P. 2–8.
- Primas S., Bockel J.-M.* Lanceurs spatiaux: restaurer l’ambition spatiale européenne // Sénat. Rapport d’information (2019–2020). 2019. № 131. P. 1–109. URL: <https://www.senat.fr/rap/r19-131/r19-131.pdf> (access date: 01.01.2024).

Reillon V. Politique spatiale de l'UE. Perspective historique, spécificités et enjeux majeurs // Parlement européen. 30.01.2017. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/595917/EPRS_IDA\(2017\)595917_FR.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/595917/EPRS_IDA(2017)595917_FR.pdf) (access date: 14.06.2024).

Ruello A. Débat autour de la stratégie commerciale d'Arianespace // Les Echos. 13.03.2009. URL: <https://www.lesechos.fr/2009/03/debat-autour-de-la-strategie-commerciale-darianespace-451235> (access date: 01.01.2024).

Semo M. L'espace, nouveau théâtre de conflictualité // Esprit défense. 2023. № 9. P. 32–37.

Triay Ph. Archives d'Outre-mer – 1964: visite du général de Gaulle en Guyane // Franceinfo. 6 septembre 2014. URL: <https://la1ere.francetvinfo.fr/archives-outre-mer-1964-visite-du-general-gaulle-guyane-696736.html> (access date: 06.01.2024).

Urban R. How Much Does It Cost to Launch a Rocket? // Space Impulse. 16.08.2023. URL: <https://spaceimpulse.com/2023/08/16/how-much-does-it-cost-to-launch-a-rocket/> (access date: 16.06.2024).

Vaïsse M. La naissance de la politique spatiale française (1958–1964) // Aéronautique, marchés, entreprises: Mélanges en mémoire d'Emmanuel Chadeau / eds J.-P. Barrière, M. de Ferrière. Villeneuve-d'Ascq, 2004. P. 33–42.

Vaïsse M., Messmer P. Armement et Ve République. Fin des années 1950 – fin des années 1960. Paris, 2002.

Varnoteaux Ph. Il y a 60 ans naissait l'ancêtre d'ArianeGroup // Air & Cosmos. 17.09.2019. URL: <https://air-cosmos.com/article/il-y-a-60-ans-naissait-lancetre-darianegroup-21715> (access date: 01.01.2024).

Varnoteaux Ph. L'aventure spatiale française. De 1945 à la naissance d'Ariane. Paris, 2015.

Varnoteaux Ph. La naissance de la politique spatiale française // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2003. № 77. P. 59–68.

Wang S.-C. The Making of New "Space": Cases of Transatlantic Astropolitics // Geopolitics. 2009. Vol. 14. № 3. P. 433–461.

Wang S.-C. Transatlantic Space Politics: Competition and Cooperation Above the Clouds. 1st ed. Abington, 2013.

DOI: 10.31857/S0130386424040134

© 2024 г. А.К. ДУДАЙТИ

ГЕОПОЛИТИКА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА ТУРЦИИ И ИРАНА ПОСЛЕ ВТОРОЙ КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЫ

Дудайти Альберт Константинович — доктор исторических наук, доцент Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия).

E-mail: adudaiti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7103-959X

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-59-56010 от 03.03.2021 г.

Аннотация. После Второй карабахской войны (2020) усилилась борьба Турции и Ирана за влияние на Южном Кавказе. При наличии значительного числа работ, посвященных отношениям двух государств, динамика их взаимодействия в этом регионе в постконфликтный период до сих пор не являлась предметом научного изучения. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать эволюцию внешнеполитической стратегии Турции и Ирана на Южном Кавказе в последние годы. Актуальность исследования обусловлена возросшей политической и экономической ролью двух государств на постсоветском пространстве. Основная цель настоящей статьи — выявить особенности стратегических подходов Анкары и Тегерана к решению проблем, вызванных новыми угрозами и вызовами на Южном Кавказе после окончания Второй карабахской войны. Ключевыми задачами автора являются: рассмотрение факторов, лежащих в основе соперничества двух государств с учетом их воздействия на геополитические процессы на Южном Кавказе; анализ влияния конфликта на баланс сил в регионе и на внешнюю политику обеих стран; изучение реакции внешних акторов на усиление турецко-иранского противостояния. При работе над статьей были использованы официальные документы, выступления государственных деятелей, публикации в международных СМИ и т.д. Детальный анализ этих материалов позволяет сделать следующие выводы: после окончания Второй карабахской войны Турция действовала дипломатические, экономические и военные механизмы для укрепления своих позиций на Южном Кавказе, используя поддержку Азербайджана; Иран же пытался скорректировать свою региональную стратегию, учитывая новые геополитические риски и возможности, следствием чего стало развитие стратегического партнерства с Арменией; постконфликтная ситуация на Южном Кавказе характеризовалась сложными политическими процессами, связанными с нерешенными вопросами территориальной интеграции, этнической напряженностью и поиском устойчивого мира.

Ключевые слова: Армения, Азербайджан, международные отношения, внешняя политика, геополитика, Южный Кавказ, войны, Турция, Иран, Зангезурский коридор.

A.K. Dudayti

Geopolitics in the South Caucasus: The Dynamics of Regional Rivalry Between Turkey and Iran After the Second Karabakh War

Albert Dudayti, North Ossetian State University after K.L. Khetagurov (Vladikavkaz, North Ossetia – Alania, Russia).

E-mail: adudaiti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7103-959X

The study was carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of scientific project № 20-59-56010, March 3, 2021.

Abstract. After the Second Karabakh War, the rivalry between Turkey and Iran for influence and positions in the South Caucasus has intensified. While there is a number of works focusing on Turkish-Iranian relations in the South Caucasus, the dynamics of their confrontational interaction in the region in the post-conflict period have not yet been examined. The relevance of the study is conditioned by the increased role of both Turkey and Iran in the contemporary geopolitics of the South Caucasus and their influence on the complex political and economic processes in the region. In the article, the author traces the strategy of both countries in the South Caucasus and highlights the negative impact of the Nagorno-Karabakh conflict on the regional interests of the two countries. The study draws on historical data and a comparative study of the political and economic strategies of both Turkey and Iran in the South Caucasus, based on official documents, speeches of government officials, and international reactions to the actions of both countries in the region. Based on the data presented, the author concludes that there is a growing rivalry between Turkey and Iran in the South Caucasus. Based on their rich historical ties to the region, these countries are making efforts to realise their geopolitical interests. The conflict of interests between Turkey, which seeks to strengthen its influence in the South Caucasus by supporting Azerbaijan, and Iran, which strives to maintain its sphere of regional influence by further developing strategic partnership relations with Armenia, may increase tension and confrontation in the region.

Keywords: Armenia, Azerbaijan, international relations, foreign policy, geopolitics, South Caucasus, wars, Turkey, Iran, Zangezur corridor.

Исследование динамики соперничества Турции и Ирана на Южном Кавказе представляет особую актуальность в контексте анализа геополитических изменений, произошедших после Второй карабахской войны. Анкара и Тегеран стремятся укрепить свои позиции в этом стратегически важном регионе, что влияет на политическую стабильность и безопасность не только на постсоветском пространстве, но и в более широком международном контексте.

В отечественной и зарубежной научной литературе имеется целый ряд публикаций, посвященных взаимодействию Турции и Ирана в регионе в конце XX – начале XXI в.¹ Изучение этих работ позволяет получить достаточно полное представление о геополитических трансформациях на Южном Кавказе после распада СССР и о развитии региональных отношений Турции и Ирана в этот период, включая их политический, экономический и другие аспекты. Однако проблематика, связанная с обострением соперничества двух стран после Второй карабахской войны, не получила широкого освещения в современной историографии. Настоящее исследование является попыткой заполнить данный пробел.

¹ См., например: *Аватков В.А., Касьяненко А.В.* Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия-Турция-Иран» // *Мировая политика*. 2021. № 3. С. 1–18; *Ибрагимов А.Г.* Прагматичная внешняя политика Ирана на Южном Кавказе // *Постсоветские исследования*. 2022. Т. 5. № 6. С. 620–626; *Mahammadi M., Huseynov V.* Iran's Policies Toward the Karabakh Conflict // *The Nagorno-Karabakh Conflict: Historical and Political Perspectives* / eds H. Yavuz, M. Gunter. London, 2022; *Golmohammadi V., Markedonov S.M.* How Iran Perceives Turkey's Rise in the South Caucasus // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. № 1. P. 152–175.

После распада СССР и формирования однополярной системы международных отношений Южный Кавказ стал уникальным полем активного взаимодействия Ирана и Турции. Эти страны на протяжении столетий проявляли повышенный интерес к региону и стремились укрепить в нем свое влияние. С одной стороны, динамика турецко-иранских отношений открывала новые возможности для сотрудничества двух государств, но с другой — порожидала новые вызовы как для Анкары, так и для Тегерана в контексте геополитической конкуренции и поиска баланса интересов на Южном Кавказе². В 1990-х — начале 2000-х годов наблюдались явные признаки усиливающегося соперничества между Турцией и Ираном в различных регионах³. На Ближнем Востоке это проявлялось в гражданских конфликтах в Сирии и борьбой за влияние на Ливан. В этих странах Анкара и Тегеран стремились укрепить свои геополитические позиции, что приводило к нарушению исторически сложившегося баланса сил. На Южном Кавказе поддержка правительством Реджепа Тайипа Эрдогана Азербайджана в конфликте с Арменией из-за Нагорного Карабаха способствовала расширению турецкого влияния и углублению дипломатических, военных и экономических связей между Анкарой и Баку. Так закладывались основы для стратегического союза, во многом определяющего новый геополитический облик региона⁴.

Согласно ожиданиям многих аналитиков, события осени 2020 г. в Нагорном Карабахе, следствием которых стала интеграция части этой территории в состав Азербайджана, могли привести к разрядке политической напряженности на Южном Кавказе и создать предпосылки для долгосрочного мирного разрешения конфликта, что способствовало бы установлению стабильности в регионе и развитию экономического сотрудничества между Арменией и Азербайджаном⁵. Это снижало вероятность возникновения новых очагов напряженности.

По мнению ряда экспертов, Анкара стала ключевым игроком в процессе урегулирования нагорно-карабахского конфликта⁶. В то же время достигнутый Азербайджаном успех ограничивал влияние РФ на Южном Кавказе. Это способствовало изменению динамики геополитических отношений в регионе, который Москва традиционно рассматривала как зону своих интересов, вызвав обеспокоенность Тегерана. Ослабление российских позиций на Южном Кавказе могло привести к вмешательству США и ЕС в процесс урегулирования конфликта, что могло создать потенциальную угрозу для Ирана⁷. В период, предшествовавший событиям осени 2020 г., решение нагорно-карабахской проблемы по азербайджанскому и турецкому сценарию рассматривалось в политологических и экспертных кругах обещающим шагом в сторону укрепления мира на Южном Кавказе. Так, 7 мая 2014 г. американский сопредседатель Минской группы ОБСЕ Джеймс Уорлик заявил, что урегулирование конфликта мирным путем, согласно принципу территориальной целостности государств, может способствовать установлению стабильности в регионе⁸. Другие эксперты отмечали, что активное участие Азербайджана в международных организациях по сотрудничеству в области безопасности, таких как ОБСЕ, и поддержка Турции в этом процессе, приведут к достижению долгосрочного мира. Энн Дерс, занимавшая должность посла США в Азербайджане с 2006 по 2009 г., отметила в интервью корреспонденту

² Аватков В.А., Касьяненко А.В. Указ соч. С. 11.

³ Aydin M. Turkish Foreign Policy: Framework and Analysis. Ankara, 2004. P. 109–110.

⁴ Javadi Arjmand M.J. Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // Journal of Iran and Central Eurasia Studies. 2018. Vol. 1. Iss. 1. P. 17.

⁵ Turkey-Iran Rivalry in the Changing Geopolitics of the South Caucasus // News about Turkey. 28th September 2023. URL: <https://newsaboutturkey.com/2023/09/28/turkey-iran-rivalry-in-the-changing-geopolitics-of-the-south-caucasus/> (дата обращения: 19.12.2023).

⁶ Ibidem.

⁷ Iran hosts Armenia-Azerbaijan talks, Russia says main issue resolved in Nagorno-Karabakh // Reuters. October 23, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/russias-lavrov-visit-tehran-monday-ria-2023-10-22/> (дата обращения: 20.12.2023).

⁸ Warlick unveils position of the OSCE Minsk Group and called Baku and Yerevan to accept it // Turan. 7 May 2014. URL: <https://turan.az/en/politics/warlick-unveils-position-of-the-osce-minsk-group-and-called-baku-and-yerevan-to-accept-it> (дата обращения: 20.12.2023).

информационного агентства «Азертадж» 28 января 2009 г., что «нынешний момент является наиболее подходящим для поиска согласованного пути решения нагорно-карабахской проблемы». При этом дипломат подчеркнула активную роль США в данном процессе⁹. Однако после окончания Второй карабахской войны динамичные изменения в геополитическом балансе сил, предвещавшие появление новых вызовов для государств этого региона, создавали сложный контекст, требовавший особого внимания и дипломатической гибкости.

Усиление турецкого влияния на Южном Кавказе вызывало опасения у Ирана и России, поскольку возможное изменение баланса сил могло создать угрозу интересам этих держав¹⁰. Во время Второй карабахской войны влияние РФ в регионе, ее традиционная роль посредника между Ереваном и Баку, а также наличие российской военной базы в Армении создавали благоприятные условия для достижения мирного соглашения. Факторы геополитической стратегии и взаимозависимости государств Южного Кавказа оказались важными в процессе поиска путей решения конфликта. С конца 2021 г. прослеживалось постепенное ослабление влияния России на ситуацию вокруг Нагорного Карабаха, чему во многом способствовали внутривнутриполитические изменения в странах региона¹¹. Одновременно с этим США и ЕС начали принимать более активное участие в мирных переговорах по Нагорному Карабаху¹². Это свидетельствовало о расширении числа акторов, вовлеченных в процесс урегулирования¹³. В сентябре 2023 г. российские миротворческие силы сыграли важную роль в разрешении конфликта между Нагорно-Карабахской Республикой (НКР) и Азербайджаном, подтверждая тем самым стремление Москвы к достижению политической стабильности в регионе и предотвращению дальнейшей эскалации боевых действий. Вмешательство миротворцев способствовало началу переговорного процесса и обеспечило основу для прекращения огня, что создавало благоприятные условия для установления мира.

Конструктивные усилия Анкары в урегулировании нагорно-карабахского конфликта содействовали положительной политической динамике в регионе Южного Кавказа, что позволило Турции и Азербайджану поставить на повестку дня вопрос создания Зангезурского коридора. Этот коридор протяженностью около 40 км, который должен был проходить через территорию Сюникской области Армении, рассматривался Баку в качестве возможного средства для обеспечения транспортного сообщения между западными районами Азербайджана и его эксклавом — Нахичеванской Автономной Республикой, а также восточной частью Турции. В случае реализации данного проекта Анкара могла укрепить экономические связи с Азербайджаном и странами Центральной Азии, получив сухопутный доступ к Каспийскому бассейну¹⁴. В то же время создание Зангезурского коридора лишало Тегеран возможности активного участия в региональной экономике, так как в этом случае появился бы новый маршрут для транспортировки товаров из Центральной Азии и Китая в Европу в обход территории Исламской Республики, что могло привести

⁹ Посол США: «Мы будем способствовать урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта» // AZE. az. 28.01.2009. URL: https://aze.az/news_posol_ssha_myi_12229.html (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁰ *Avdaliani E.* Iran battles Turkish influence in Caucasus // Aze.Media. November 2, 2022. URL: <https://aze.media/iran-battles-turkish-influence-in-south-caucasus/> (дата обращения: 20.12.2023).

¹¹ *Mirovalev M.* What role is Russia playing in the Nagorno-Karabakh conflict? // Al Jazeera. 19 October, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/10/19/is-russia-reduced-to-a-secondary-role-in-nagorno-karabakh> (дата обращения: 21.12.2023).

¹² Минская Группа сделала новое заявление по Нагорному Карабаху // Rusarminfo. 14.04.2021. URL: <https://rusarminfo.ru/2021/04/14/minskaya-gruppa-sdelala-novoe-zayavlenie-ponagornomu-karabaxu/> (дата обращения: 21.12.2023); Statement by the Co-Chairs of the OSCE Minsk Group. Geneva, 28 May 2021 // OSCE. 28 May 2021. URL: <https://www.osce.org/minskgroup/487879/> (дата обращения: 21.12.2023).

¹³ *Poghosyan B.* US policy in the South Caucasus prior to and after the 2020 Karabakh War in the Context of the Evolving Regional and International Geopolitics // Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University. 2022. Vol. 1. № 3. P. 40–41.

¹⁴ *Veliev C.* Turkey's Role in the South Caucasus // Academia. The South Caucasus. Between integration and fragmentation. May 2015. URL: https://www.academia.edu/33562845/Turkeys_Role_in_the_South_Caucasus (дата обращения: 22.12.2023).

к потере Ираном транзитных доходов и снижению его значимости как торгового партнера. Кроме того, возможное усиление экономического влияния Турции в регионе вследствие функционирования данного коридора способствовало бы ослаблению геополитических позиций Тегерана. В качестве альтернативы турецкому проекту в 2021 г. Иран предложил Азербайджану восстановить железную дорогу Тебриз – Нахичевань, значительная часть которой проходила через территорию Исламской Республики. Эта дорога была построена еще в 1908 г., но перестала действовать с началом нагорно-карабахского конфликта. По словам министра иностранных дел Ирана Мохаммада Джавада Зарифа, ее восстановление было необходимо для расширения торгово-экономических связей Исламской Республики с соседними государствами, а также получения доступа к евразийскому рынку¹⁵.

Тегеран стремился извлечь выгоду из событий на Южном Кавказе, пытаясь адаптироваться к новым геополитическим реалиям и поддерживая инициативу «3+3»¹⁶. Этот формат сотрудничества был призван объединить усилия Армении, Азербайджана, Грузии, а также России, Турции и Ирана по решению проблем безопасности, экономики и транспорта в регионе, а также способствовать устойчивому развитию отношений и улучшению взаимопонимания между вышеперечисленными странами¹⁷. Россия, Турция и Иран рассчитывали использовать имеющийся у них опыт разрешения региональных конфликтов (в частности, в Сирии) для обеспечения мира и стабильности на Южном Кавказе. Однако ожидания от сотрудничества в формате «3+3» оказались неоправданными вследствие противоречия интересов этих стран на постсоветском пространстве. Данное обстоятельство затрудняло согласование общей стратегии. Влияние на динамику региональных отношений США и стран ЕС также ставило под сомнение дальнейшую реализацию инициативы «3+3».

В контексте обсуждаемой темы важно отметить, что в рассматриваемый период Турция играла ведущую роль в процессе формирования основанной 12 ноября 2021 г. Организации тюркских государств (ОТГ), способствуя сближению Азербайджана со странами Центральной Азии. Это давало Анкаре стратегическое преимущество в соперничестве с Тегераном за влияние на Южном Кавказе¹⁸.

За два месяца до начала конфликта, в июле 2020 г., Р.Т. Эрдоган заявил, что Армения является «оккупантом в Нагорном Карабахе»¹⁹. Анкара предоставляла Баку не только дипломатическую, но и военную помощь, включая поставки оружия. В результате этих действий турецкое влияние на ход конфликта в Нагорном Карабахе существенно возросло. Сотрудничество Турции и Азербайджана в ряде сфер продолжалось и после окончания войны. Важным событием, способствовавшим дальнейшему развитию отношений между Анкарой и Баку, стало подписание 15 июня 2021 г. Шумшинской декларации. Этот документ подтверждал курс двух стран на стратегическое партнерство. В нем подчеркивалась важность укрепления безопасности на Южном Кавказе, а также совместных усилий по

¹⁵ *Kaleji V.* Iran and South Caucasus Railway Connections after the Nagorno-Karabagh War // The Central Asia-Caucasus analyst. 08 July, 2021. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13677-iran-and-south-caucasus-railway-connections-after-the-nagorno-karabakh-war.html> (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁶ Инициатива «3+3» была выдвинута в 1996 г. президентом Армении Левоном Тер-Петросяном и предполагала создание форума для обсуждения вопросов безопасности и сотрудничества между Арменией, Азербайджаном и Грузией, а также Турцией, Ираном и Россией в качестве наблюдателей.

¹⁷ Региональная платформа «3+3» выглядит все более перспективной для Кавказа – министр иностранных дел Лавров // ТАСС. 5 декабря 2023 г. URL: https://tass.com/politics/1715999?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (дата обращения: 19.12.2023).

¹⁸ *Mustofayev M.* The Organization of Turkic States: A New Approach to Global and Regional Challenges // Perceptions. Journal of International Affairs. 2022. Vol. 27. Iss. 1. P. 107–108.

¹⁹ “Erdogan explained clearly to Putin that Armenia is an occupier” Ibrahim Kalin // Eurasia Diary News. 28.07.2020. URL: <https://ednews.net/en/news/world/435840-erdogan-explained-clearly-to-putin-that-armenia-is-an-occupier> (дата обращения: 21.12.2023).

развитию экономики и инфраструктуры²⁰. Сотрудничество Турции и Азербайджана во многом определяло геополитические интересы двух стран и являлось важным фактором региональной стабильности. В период, когда Баку укреплял свои военные возможности при турецкой поддержке, Анкара рассматривала Азербайджан как «плацдарм» для усиления своего влияния на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Союз с Азербайджаном способствовал и расширению экономических связей Турции на Южном Кавказе, в частности через включение Анкары в такие важные проекты, как нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан²¹, железнодорожный транспортный коридор Баку – Тбилиси – Карс, Южно-Кавказский газопровод (Баку – Тбилиси – Эрзурум)²².

В изучаемый период Южный Кавказ рассматривался Анкарой как географический и экономический «мост» в Центральную Азию. В рамках турецкой стратегической доктрины оба этих региона мыслились как единое пространство, формирующее основу тюркского мира, простирающегося от Адриатического моря до Великой Китайской стены²³. Еще в 2009 г. с целью углубления интеграционных процессов со странами Центральной Азии по инициативе Анкары была основана межправительственная организация Совет сотрудничества тюркских государств (ССТГ). В ее состав вошли Турция, Азербайджан, Казахстан, Киргизстан и Узбекистан. Венгрия, Туркменистан и Турецкая Республика Северного Кипра получили статус наблюдателей при Совете. Как отмечалось выше, в 2021 г. на основе ССТГ была создана Организация тюркских государств, которая была призвана подчеркнуть возросшую роль «тюркского мира» в глобальной политике. Нелишне предположить, что, по замыслу лидеров Турции, реализация проекта Зангезурского коридора должна была способствовать дальнейшей интеграции тюркоязычных стран.

Одновременно с этими процессами наблюдались усилия Тегерана по расширению и развитию сотрудничества с государствами Южного Кавказа. Исторические и культурные узы, объединяющие иранцев с народами этого региона, являлись важным фактором, благоприятствовавшим развитию связей между ними в рассматриваемый период²⁴. Особое значение придавалось отношениям с Азербайджаном. В Тегеране исходили из убеждения, что общая шиитская вера и историческое прошлое двух народов являются прочной основой для сближения с Баку²⁵, которому могли способствовать и миллионы этнических азербайджанцев, проживающих на территории Ирана.

Еще в начале 1990-х годов Иран предпринимал попытки вовлечь Азербайджан в зону своего влияния²⁶. В данный период было подписано несколько двусторонних соглашений о торговле, включая договор о поставках нефти и газа из Ирана в Азербайджан и обратно. Одновременно с этим реализовывались программы культурного обмена, укреплялись религиозные связи между двумя странами. Однако после прихода к власти в Азербайджане в июне 1992 г. лидера Народного фронта Абульфаза Эльчибея отношения между Тегераном и Баку стали ухудшаться. Иранское правительство опасалось распространения азербайджанского национализма на территории северо-западных провинций страны, в регионе,

²⁰ The full text of the Shusha Declaration // Aze.Media. June 18, 2021. URL: <https://aze.media/the-full-text-of-the-shusha-declaration/> (дата обращения: 20.12.2023).

²¹ Erşen E., Çelikpala M. Turkey and the changing energy geopolitics of Eurasia // Energy Policy. 2019. Vol. 128. P. 586.

²² Гаджиев К. С. Отношения Ирана и Турции с государствами Южного Кавказа // Россия и новые государства Евразии. 2020. № II (XLVII). С. 103.

²³ Суванова М. С. Политика Турции на Южном Кавказе // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5. № 3. С. 287.

²⁴ Mehdi S., Jahangir K. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. № 3 (75). P. 25–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iran-s-eastern-policy-potential-and-challenges> (дата обращения: 22.12.2023).

²⁵ Ибрагимов А. Г. Указ. соч. С. 622.

²⁶ Avdaliani E. Iran in the South Caucasus: Adjustment and Evolution // RUSI. 26 February 2021. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/iran-south-caucasus-adjustment-and-evolution> (дата обращения: 20.12.2023).

населенном преимущественно этническими азербайджанцами. Это не могло не повлиять и на позицию Тегерана по нагорно-карабахскому конфликту.

В ходе Первой карабахской войны Иран предпринимал посреднические усилия с целью прекращения огня и снижения напряженности в регионе. В 1992 г. президент Ирана Хашеми Рафсанджани (1989–1997) встречался с лидерами Армении и Азербайджана для обсуждения условий остановки боевых действий и поиска дипломатического решения конфликта. При этом руководство Исламской Республики подчеркивало, что выступает за сохранение статус-кво в регионе²⁷. В то же время Тегеран стремился оказывать опосредованное влияние на участников конфликта. В частности, предпринимались попытки ужесточения контроля над единственным транспортным коридором, соединявшим территорию Азербайджана с нахичеванским эксклавом, который проходил через территорию Ирана. Для азербайджанской стороны создавались дополнительные сложности и ограничения в перемещении грузов и людей, что, по замыслу иранского руководства, должно было способствовать скорейшему согласию Баку на мирные переговоры²⁸.

Вскоре после начала Второй карабахской войны Иран пересмотрел основные принципы своей региональной политики²⁹. В частности, Исламская Республика поддержала действия Азербайджана по «освобождению» Нагорного Карабаха. Теперь официальный Тегеран рассматривал территории, находившиеся под контролем НКР, как «оккупированные мусульманские земли»³⁰. Поворот в подходе к нагорно-карабахской проблеме был обусловлен осознанием руководством страны политических выгод, которые мог получить Иран в случае победы Азербайджана в войне. Поддерживая предполагаемого победителя, Тегеран рассчитывал сыграть роль посредника в ходе последующих переговоров между сторонами конфликта. В случае реализации этого сценария Иран получал возможность участвовать в формировании послевоенного порядка и укрепить свои позиции на Южном Кавказе. Предпринятый Тегераном геополитический маневр также открывал новые перспективы для более тесного и активного взаимодействия с ключевыми региональными игроками с целью разрешения военных и политических конфликтов. Кроме того, недостаточно последовательная позиция иранского правительства в вопросе нагорно-карабахского урегулирования в предшествовавший период вызывала негативную реакцию у представителей азербайджанского населения страны. Рост протестных настроений в северо-западных провинциях являлся предметом беспокойства для государственного руководства Ирана³¹. Этим обстоятельством также была обусловлена смена внешнеполитического вектора и поддержка официальным Тегераном проводимой Баку военной операции в Нагорном Карабахе.

Между тем последующее развитие событий показало, что выгодный для Исламской Республики сценарий урегулирования конфликта не был реализован. После победы Азербайджана в войне благоприятные условия для обеспечения безопасности Ирана и продвижения его экономических интересов в регионе так и не были созданы и даже не являлись предметом обсуждения в ходе переговоров по нагорно-карабахскому урегулированию. Тегеран стремился получить гарантии защиты от угроз со стороны Израиля, усилившего свое влияние на Южном Кавказе в результате военных поставок Азербайджану в период, предшествовавший Второй карабахской войне. Однако эти усилия оказались тщетными, поскольку Иран не обладал достаточными ресурсами, чтобы оказать давление на Азербайджан с целью прекращения сотрудничества с Иерусалимом. Кроме того, Баку рассматривал

²⁷ Joint Statement of the Heads of State in Tehran. 7 May, 1992 // United Nations. 7 May, 1992. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/ArmeniaAzerbaijanIran_JointStatementHeadsOfState1992.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

²⁸ Behravesht M., Azizi H. Iran, and the Nagorno-Karabakh Conflict: Preserving the Status Quo // Gulf International Forum. 2020. URL: <https://gulif.org/iran-and-the-nagorno-karabakh-conflict-preserving-the-status-quo/> (дата обращения: 20.12.2023).

²⁹ Golmohammadi V., Markedonov S.M. Op. cit. P. 154.

³⁰ Mohammadi M., Huseynov V. Op. cit. P. 381.

³¹ Наджафов Г.Н. Иран и государства Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1 (55). С. 43.

получение современных видов вооружений от Израиля как способ обеспечения своей безопасности и защиты собственных интересов в регионе. Азербайджанское правительство не было готово пойти на уступки Ирану в данном вопросе. Вследствие этого возникла вероятность того, что официальный Тегеран займет проармянскую позицию в нагорно-карабахском конфликте и будет стремиться к развитию контактов с Ереваном. Действительно, во второй половине 2021 г. активизировались ирано-армянские двусторонние отношения. 21 октября в городе Капане (центр Сюникской области Армении) было открыто Генеральное консульство Исламской Республики Иран. В этот же период возобновились встречи между официальными представителями двух стран, прерванные после начала Второй карабахской войны. В настоящее время сотрудничество между Ереваном и Тегераном продолжает развиваться в различных областях, включая экономику, торговлю, энергетику, культуру. Сегодня двусторонние отношения продолжают представлять особую важность и актуальность как для Ирана, так и для Армении.

Окончание Второй карабахской войны ознаменовало новый этап в турецко-иранском соперничестве на Южном Кавказе, который характеризовался ослаблением экономического и дипломатического влияния Тегерана в регионе и усилением позиций Анкары, успешно реализовывавшей свои геополитические задачи в постконфликтных условиях³². Следствием этих изменений стало формирование в регионе нового многополярного «ландшафта». Статус России как доминирующей державы на Южном Кавказе был поставлен под сомнение, в то время как Турция и Азербайджан начали играть более значимую роль в региональных процессах. Анкара и Баку де-факто отвергли прежний статус-кво, установившийся на Южном Кавказе еще в 1990-е годы, в условиях которого реализовывалась внешнеполитическая стратегия Ирана³³.

Предыдущий геополитический «порядок» ограничивал попытки западных стран укрепить их позиции на Южном Кавказе, а также создавал преграды на пути расширения влияния Турции, что соответствовало интересам Ирана. Новая ситуация, сложившаяся в регионе в постконфликтный период, с точки зрения иранского руководства, угрожала безопасности страны вследствие роста напряженности на ее северной границе, усиления миграционных потоков и т.д. В Тегеране с недовольством наблюдали за успешно развивавшимся политическим и экономическим сотрудничеством Турции с Азербайджаном и Грузией. Иранский военно-политический истеблишмент видел в этом сотрудничестве потенциальную угрозу своим интересам на Южном Кавказе. Кроме того, Исламская Республика выражала беспокойство по поводу планов реализации проекта Зангезурского транспортного коридора. В Анкаре данному проекту придавалось особое значение, что отметил Р.Т. Эрдоган в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 19 сентября 2023 г.³⁴ Тегеран опасался дальнейшей реализации «пантюркистской» программы в регионах Южного Кавказа и Центральной Азии и даже в северо-западных районах Ирана. Данный сценарий мог быть осуществлен в случае успеха продвигаемого Анкарой и Баку транспортного проекта.

Как отмечалось выше, получение Турцией выхода к Каспийскому морю способствовало бы расширению влияния Анкары на Южном Кавказе и изменению геополитического баланса в регионе. Вопрос безопасности и сохранения территориальной целостности Ирана получал вследствие этого особую актуальность. Одной из целей Зангезурского проекта являлось укрепление связей Азербайджана с Турцией и другими странами, что могло создать геополитическую угрозу для Ирана. В Тегеране считали, что подобные изменения на Южном Кавказе связаны с серьезными рисками и поэтому не могут быть допущены.

³² Андреева Е. С. Влияние конфликта в Нагорном Карабахе 2020 г. на политику Ирана на Южном Кавказе // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5 (68). С. 110–111.

³³ Veliev C. Op. cit.

³⁴ Speech of the President of Türkiye Recep Tayyip Erdoğan at the 78th session of the United Nations General Assembly // The America Times. September 20, 2023. URL: <https://www.america-times.com/speech-of-the-president-of-turkiye-recep-tayyip-erdogan-at-the-78th-session-of-the-united-nations-general-assembly/> (дата обращения: 22.12.2023).

Идея создания Зангезурского коридора рассматривалась иранскими лидерами не как самостоятельный проект, а, скорее, как важная часть грандиозного плана, инициированного НАТО и Турцией, целью которого являлось максимальное ослабление влияния Исламской Республики в регионе³⁵.

Важно отметить, что проект Зангезурского коридора в целом был поддержан Россией, что было обусловлено стремлением Москвы получить контроль над этим маршрутом. По условиям соглашения о прекращении огня в зоне нагорно-карабахского конфликта, подписанного 9 ноября 2020 г., ответственность за транспортное сообщение между западными районами Азербайджана и Нахичеванской Автономной Республикой возлагалась на Пограничную службу ФСБ России³⁶. Данное решение было направлено на развитие сотрудничества РФ с Турцией и Азербайджаном и являлось стратегически важным для Москвы в условиях санкционного режима, введенного США и ЕС после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г.³⁷ Это не могло не повлиять на отношения Анкары с Тегераном, который выражал недовольство тем, что Турция оценивала иранскую внешнюю политику как чересчур амбициозную, особенно в таких регионах, как Южный Кавказ и Ближний Восток³⁸. Как отмечалось выше, интересы Ирана в данных регионах сталкивались с интересами других влиятельных держав, что усиливало напряженность во взаимоотношениях с ними. В связи с этим сотрудничество Турции с ведущими западными странами в постконфликтный период вызывало дополнительные опасения Ирана относительно перспектив развития ситуации на Южном Кавказе. Тем не менее, столкнувшись с необходимостью учитывать возросшее после Второй карабахской войны влияние Турции в регионе, в Тегеране вынуждены были предпринимать осторожные шаги в направлении активизации отношений с Анкарой. Прежде всего речь шла о развитии экономических связей (преимущественно в таких сферах, как энергетика и транспорт), в которых Иран был особенно заинтересован: актуальность сотрудничества с Турцией в этой сфере была очевидной в условиях западных санкций, введенных против Тегерана в 1979 г. и не отмененных вплоть до настоящего времени. Кроме того, реализация прежнего курса на противостояние региональным амбициям Анкары осложнялась тем, что внешнеполитические действия Ирана имели весьма ограниченную поддержку со стороны России.

Одним из наиболее серьезных вызовов для иранской политики на Южном Кавказе стало развитие израильско-азербайджанского сотрудничества в разных сферах — политической, экономической, военно-технической³⁹. Напомним, что с 2008 г. Израиль осуществлял поставки вооружений Азербайджану в обмен на нефть, а также разведывательные данные об иранской военной инфраструктуре, что не могло не вызывать беспокойства в Тегеране. Вплоть до сегодняшнего дня отношения с Азербайджаном являются частью региональной стратегии еврейского государства, направленной на ослабление влияния Ирана на Южном Кавказе⁴⁰. После вооруженных столкновений между армянскими и азербайджанскими военными вблизи иранской границы находившийся с визитом в Баку 3 октября 2022 г.

³⁵ См.: *Chedia A.R. Zangezur Corridor: Economic Potential and Political Constraints // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. № 1. P. 194–216.*

³⁶ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // *Kremlin.ru*. 10 ноября 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 19.12.2023).

³⁷ *Kaleji V. Russia and Iran Diverge in the South Caucasus // The Central Asia-Caucasus analyst. June 15, 2023. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13758-russia-and-iran-diverge-in-the-south-caucasus.html>* (дата обращения: 19.12.2023).

³⁸ *Rezaei F. Iran's Foreign Policy After the Nuclear Agreement: Politics of Normalizers and Traditionalists. London, 2018. P. 189–215.*

³⁹ *Евсеев В.В., Сажин В.И. Иран, уран и ракеты. М., 2009. С. 134.*

⁴⁰ *Дудайти А.К. Основные направления региональной политики Ирана на Южном Кавказе в постсоветский период (1991–2011 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 4. С. 557.*

министр обороны Израиля Бени Ганц выразил поддержку руководству Азербайджана⁴¹. Ответом на это стало проведение во второй половине октября того же года на северо-западе Ирана военных учений сухопутных войск Корпуса стражей Исламской революции под кодовым названием «Сила». Эти учения являлись своеобразным сигналом азербайджанскому руководству о том, что Иран расценивает дальнейшее сближение Баку и Иерусалима как угрозу собственной безопасности. В этих условиях нельзя было исключить, что в случае возникновения конфликта между Азербайджаном и Арменией из-за Зангезурского коридора Иран, сохраняя претензии на роль регионального лидера, мог прибегнуть к более решительным действиям, включая предоставление Еревану военной помощи, а также поддержку Курдской рабочей партии на территории Турции⁴². Подобные действия не могли не остаться без ответа со стороны Анкары, связанной с Баку союзническими обязательствами. Вооруженное столкновение между Турцией и Ираном негативно отразилось бы на системе безопасности на Южном Кавказе и привело бы к обострению межэтнической напряженности в регионе⁴³.

Региональное соперничество Ирана и Турции, а также развитие военно-политического сотрудничества между Азербайджаном и Израилем имели негативные последствия для Южного Кавказа. Вынужденное признание Арменией факта установления азербайджанского суверенитета над Нагорным Карабахом не привело к снижению напряженности в зоне конфликта, так как Баку продолжал претендовать на Зангезурский коридор, контроль над которым представлял особую актуальность в контексте турецко-азербайджанских двусторонних отношений. Кроме того, существовала опасность более широкой военной конфронтации на Южном Кавказе с участием Ирана, Турции и Израиля. Последствия такого масштабного конфликта могли быть разрушительными: пострадала бы экономика (включая торговые маршруты), прекратились бы поступления инвестиций, регион оказался бы отброшенным в своем развитии на десятилетия назад. Вспышка военных действий вызвала бы новые жертвы среди гражданского населения, массовое перемещение беженцев и разрушение гражданской инфраструктуры.

Эскалация напряженности на Южном Кавказе была чревата негативными последствиями и для ЕС. Этот регион, являющийся коридором для поставок нефти и газа на европейский рынок, играет важную роль в обеспечении энергетической безопасности континента. Широкомасштабный конфликт на Южном Кавказе может привести к прекращению или к перебоям в снабжении стран ЕС энергоресурсами. В условиях отсутствия российского сырья из-за сложившейся ситуации на Украине потеря каспийских нефти и газа стала бы катастрофой для европейских государств. Вследствие нестабильной обстановки в регионе ставились под угрозу и экономические интересы ЕС — от инвестиций до торгового партнерства и инфраструктурных проектов. Исходя из этого, в Брюсселе выражали серьезную обеспокоенность обострением ситуации на Южном Кавказе. ЕС поддерживал усилия посредников и международных организаций в поиске устойчивого решения нагорно-карабахского конфликта⁴⁴.

После Третьей карабахской войны (19–20 сентября 2023 г.) Турция и Иран продолжали бороться за влияние на Южном Кавказе. Конфликт интересов Анкары и Тегерана являлся следствием противоречий, обусловленных разными стратегическими целями двух стран: Турция поддерживала Азербайджан, рассчитывая путем реализации масштабных

⁴¹ Ben Aharon E. Between Geopolitics and Identity Struggle: Why Israel Took Sides with Azerbaijan in the Nagorno-Karabakh Conflict. Frankfurt a. M.; Leibnitz, 2023. P. 24.

⁴² Mateo A. G. Power games in the Caucasus: Iranian influence on the Nagorno-Karabakh conflict // Aze. Media. December 11, 2021. URL: <https://aze.media/power-games-in-the-caucasus-iranian-influence-on-the-nagorno-karabakh-conflict/> (дата обращения: 20.12.2023).

⁴³ Vatanka A. Iran, Turkey, and the future of the South Caucasus // Middle East Institute. May 4, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus> (дата обращения: 20.12.2023).

⁴⁴ Addressing Azerbaijan's concerns amid rising tensions ahead of Brussels meeting // Caliber.Az. 04 April 2024. URL: <https://caliber.az/en/post/232042/> (дата обращения: 12.05.2024).

инфраструктурных проектов укрепить свои позиции на Южном Кавказе, а Иран стремился сохранить собственную сферу влияния в этом регионе в том числе путем расширения сотрудничества с Арменией. Впрочем, региональное соперничество в целом не мешало развитию двусторонних отношений между Турцией и Ираном в период до и после Третьей карабахской войны. Анкара и Тегеран поддерживали активные экономические связи. Так, в 2020 г. объем двусторонней торговли составил 6 млрд долл. (с перспективой увеличения до 30 млрд долл.).⁴⁵ Кроме того, Иран является крупным поставщиком природного газа в Турцию. Еще в 2001 г. был запущен газопровод Тебриз — Анкара, ставший важным элементом энергетической безопасности Турции⁴⁶. Наконец, две страны развивали сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом. Проводимые их спецслужбами совместные операции и обмен разведывательной информацией способствовали снижению террористической активности в приграничных районах.

В начале 2020-х годов геополитическая обстановка в регионе Южного Кавказа претерпела значительные изменения. Исследование эволюции внешнеполитических подходов Турции и Ирана в период после окончания Второй карабахской войны позволяет выявить новые аспекты в стратегических приоритетах двух стран, а также определить степень влияния соперничества Анкары и Тегерана на баланс сил в регионе. Турция задействовала дипломатические, экономические и военные механизмы для укрепления своих позиций на Южном Кавказе. Иран же пытался скорректировать свою региональную стратегию, учитывая новые геополитические риски и возможности. Постконфликтная ситуация на Южном Кавказе характеризовалась сложными политическими процессами, связанными с нерешенными вопросами территориальной интеграции, этнической напряженностью и поиском устойчивого мира. Взаимодействие Турции и Ирана в рассматриваемый период стало ответом на вызовы, с которыми эти государства столкнулись в таких сферах, как политика, безопасность и экономика. Данными вызовами во многом обусловлена важность глубокого понимания динамично меняющейся геополитической карты Южного Кавказа и учета степени влияния различных акторов на сложные процессы в этом беспокойном регионе постсоветского пространства.

Библиография / References

Аватков В.А., Касьяненко А.В. Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия-Турция-Иран» // Мировая политика. 2021. № 3. С. 1–18.

Андреева Е.С. Влияние конфликта в Нагорном Карабахе 2020 г. на политику Ирана на Южном Кавказе // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 5 (68). С. 104–116.

Гаджиев К.С. Отношения Ирана и Турции с государствами Южного Кавказа // Россия и новые государства Евразии. 2020. № II (XLVII). С. 94–106.

Дудайти А.К. Основные направления региональной политики Ирана на Южном Кавказе в постсоветский период (1991–2011 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 4. С. 556–562.

Евсеев В.В., Сажин В.И. Иран, уран и ракеты. М., 2009.

Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Kremlin.ru. 10 ноября 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 19.12.2023).

Ибрагимов А.Г. Прагматичная внешняя политика Ирана на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 6. С. 620–626.

Минская Группа сделала новое заявление по Нагорному Карабаху // Rusarminfo. 14.04.2021. URL: <https://rusarminfo.ru/2021/04/14/minskaya-gruppa-sdelala-novoe-zayavlenie-ponagornomu-karabahu/> (дата обращения: 21.12.2023).

Наджафов Г.Н. Иран и государства Южного Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1 (55). С. 41–50.

⁴⁵ President Urges Removing Barriers to Expansion of Iran-Turkey Trade Ties // Tanzim News Agency. 25 January 2024. URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2024/01/25/3028785/president-urges-removing-barriers-to-expansion-of-iran-turkey-trade-ties> (дата обращения: 30.01.2024).

⁴⁶ Harutyunyan S. Türkiye: the prospect of becoming an international energy center // Noravank Foundation. 19.03.2009. URL: http://noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID=3593 (дата обращения: 30.01.2024).

Посол США: «Мы будем способствовать урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта» // AZE.az. 28.01.2009. URL: https://aze.az/news_posol_ssha_myi_12229.html (дата обращения: 20.12.2023).

Региональная платформа «3+3» выглядит все более перспективной для Кавказа — министр иностранных дел Лавров // ТАСС. 5 декабря 2023 г. URL: https://tass.com/politics/1715999?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (дата обращения: 19.12.2023).

Суванова М.С. Политика Турции на Южном Кавказе // Проблемы постсоветского пространства. 2018. Т. 5. № 3. С. 284—297.

Andreeva E.S. Vliianie konfliktu v Nagornom Karabahe 2020 g. na politiku Irana na Iuzhnom Kavkaze [Impact of the 2020 nagorno-karabakh conflict on Iran's policy in the South Caucasus] // Problemy national'noi strategii [Problems of national strategy]. 2021. № 5 (68). S. 104—116. (In Russ.)

Avatkov V.A., Kas'ianenko A.V. Voenno-politicheskie otnosheniia na Iuzhnom Kavkaze v kontekste treugol'nika "Rossiia-Turciia-Iran" [Political-military relations in the South Caucasus in the context of the "Iran-Russia-Turkey" triangle] // Mirovaia politika [Global Politics]. 2021. № 3. S. 1—18. (In Russ.)

Dudajti A.K. Osnovnye napravleniia regional'noi politiki Irana na Iuzhnom Kavkaze v postsovetskii period (1991—2011 gg.) [Main directions of Iran's regional policy in the South Caucasus in the post-Soviet period (1991—2011)] // Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia [Humanities and legal studies]. 2022. Т. 9. № 4. S. 556—562. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.4.4 (In Russ.)

Evseev V.V., Sazhin V.I. Iran, uran i rakety [Iran, uranium and missiles]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Gadzhev K.S. Otnosheniia Irana i Turcii s gosudarstvami Iuzhnogo Kavkaza [Relations of Iran and Turkey with the States of the South Caucasus] // Rossiia i novye gosudarstva Evrazii [Russia and New States of Eurasia]. 2020. № II (XLVII). S. 94—106. (In Russ.)

Ibragimov A.G. Pragmatichnaia vneshniaia politika Irana na Iuzhnom Kavkaze [Pragmatic Foreign Policy of Iran in the South Caucasus] // Postsovetskie issledovaniia [Post-Soviet Studies]. 2022. Т. 5. № 6. S. 620—626. (In Russ.)

Minskaia Gruppa sdelala novoe zaiavlenie po Nagornomu Karabakhu [The Minsk Group made a new statement on Nagorno-Karabakh] // Rusarminfo. 14.04.2021. URL: <https://rusarminfo.ru/2021/04/14/minskaya-gruppa-sdelala-novoe-zayavlenie-ponagornomu-karabaxu/> (access date: 21.12.2023). (In Russ.)

Nadzhafov G.N. Iran i gosudarstva Iuzhnogo Kavkaza [Iran and the States of the South Caucasus] // Tsentral'naia Aziia i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]. 2008. № 1 (55). S. 41—50. (In Russ.)

Posol SSHa: "My budem sposobstvovat' uregulirovaniu Nagorno-Karabakhskogo konfliktu" [US Ambassador: "We will contribute to the resolution of the Nagorno-Karabakh conflict"] // AZE.az. 28.01.2009. URL: https://aze.az/news_posol_ssha_myi_12229.html (access date: 20.12.2023). (In Russ.)

Regional'naia platforma "3+3" vygliadit vse bolee perspektivnoi dlia Kavkaza — ministr inostrannykh del Lavrov [Regional "3 + 3" platform looking ever more promising for Caucasus — Foreign Minister Lavrov] // TASS. 5 dekabria 2023 g. [December 5, 2023]. URL: https://tass.com/politics/1715999?utm_source-yandex.ru&utm_medium-organic&utm_campaign-yandex.ru&utm_referrer-yandex.ru (access date: 19.12.2023). (In Russ.)

Suvanova M.S. Politika Turtsii na Iuzhnom Kavkaze [Turkish policy in the South Caucasus] // Problemy postsovetskogo prostranstva [Post-Soviet Space Problems]. 2018. Т. 5. № 3. S. 284—297. (In Russ.)

Zaiavlenie Prezidenta Azerbajdzhanskoi Respubliki, Prem'er-ministra Respubliki Armeniia i Prezidenta Rossiiskoi Federatsii [Statement by President of the Republic of Azerbaijan, Prime Minister of the Republic of Armenia and President of the Russian Federation] // Kremlin.ru. 10 noiabria 2020 g. [November 10, 2020]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (access date: 12.19.2023). (In Russ.)

Addressing Azerbaijan's concerns amid rising tensions ahead of Brussels meeting // Caliber.Az. 04 April 2024. URL: <https://caliber.az/en/post/232042/> (access date: 12.05.2024).

Avdaliani E. Iran battles Turkish influence in Caucasus // Aze.Media. November 2, 2022. URL: <https://aze.media/iran-battles-turkish-influence-in-south-caucasus/> (access date: 20.12.2023).

Avdaliani E. Iran in the South Caucasus: Adjustment and Evolution // RUSI. 26 February 2021. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/iran-south-caucasus-adjustment-and-evolution> (access date: 20.12.2023).

Aydin M. Turkish Foreign Policy: Framework and Analysis. Ankara, 2004.

Behravesht M., Azizi H. Iran, and the Nagorno-Karabakh Conflict: Preserving the Status Quo // Gulf International Forum. 2020. URL: <https://gulffif.org/iran-and-the-nagorno-karabakh-conflict-preserving-the-status-quo/> (access date: 20.12.2023).

Ben Aharon E. Between Geopolitics and Identity Struggle: Why Israel Took Sides with Azerbaijan in the Nagorno-Karabakh Conflict. Frankfurt a. M.; Leibnitz, 2023.

Chedia A.R. Zangezur Corridor: Economic Potential and Political Constraints // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. № 1. P. 194—216.

"Erdogan explained clearly to Putin that Armenia is an occupier" Ibrahim Kalin // Eurasia Diary. 28.07.2020. URL: <https://ednews.net/en/news/world/435840-erdogan-explained-clearly-to-putin-that-armenia-is-an-occupier> (access date: 21.12.2023).

- Ersen E., Çelikpala M.* Turkey and the changing energy geopolitics of Eurasia // *Energy Policy*. 2019. Vol. 128. P. 584–592.
- Golmohammadi V., Markedonov S.M.* How Iran Perceives Turkey's Rise in the South Caucasus // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22. № 1. P. 152–175.
- Harutyunyan S.* Türkiye: the prospect of becoming an international energy center // *Noravank Foundation*. 19.03.2009. URL: http://noravank.am/eng/articles/detail.php?ELEMENT_ID-3593 (access date: 30.01.2024).
- Iran hosts Armenia-Azerbaijan talks, Russia says main issue resolved in Nagorno-Karabakh // *Reuters*. October 23, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/russias-lavrov-visit-tehran-monday-ria-2023-10-22/> (access date: 20.12.2023).
- Javadi Arjmand M.J.* Iran and Turkey in the South Caucasus: Competition and Cooperation // *Journal of Iran and Central Eurasia Studies*. 2018. Vol. 1. Iss. 1. P. 15–31.
- Joint Statement of the Heads of State in Tehran. 7 May, 1992 // *United Nations*. 7 May, 1992. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/ArmeniaAzerbaijanIran_JointStatementHeadsofState1992.pdf (access date: 20.12.2023).
- Kaleji V.* Iran and South Caucasus Railway Connections after the Nagorno-Karabagh War // *The Central Asia-Caucasus analyst*. 08 July, 2021. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13677-iran-and-south-caucasus-railway-connections-after-the-nagorno-karabakh-war.html> (access date: 19.12.2023).
- Kaleji V.* Russia and Iran Diverge in the South Caucasus // *The Central Asia-Caucasus analyst*. June 15, 2023. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13758-russia-and-iran-diverge-in-the-south-caucasus.html> (access date: 19.12.2023).
- Mahammadi M., Huseynov V.* Iran's Policies Toward the Karabakh Conflict // *The Nagorno-Karabakh Conflict: Historical and Political Perspectives* / eds H. Yavuz, M. Gunter. London, 2022.
- Mateo A.G.* Power games in the Caucasus: Iranian influence on the Nagorno-Karabakh conflict // *Aze. Media*. December 11, 2021. URL: <https://aze.media/power-games-in-the-caucasus-iranian-influence-on-the-nagorno-karabakh-conflict/> (access date: 20.12.2023).
- Mehdi S., Jahangir K.* Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. № 3 (75). P. 25–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iran-s-eastern-policy-potential-and-challenges> (access date: 22.12.2023).
- Mirovalev M.* What role is Russia playing in the Nagorno-Karabakh conflict? // *Al Jazeera*. 19 October, 2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/10/19/is-russia-reduced-to-a-secondary-role-in-nagorno-karabakh> (access date: 21.12.2023).
- Mustofaev M.* The Organization of Turkic States: A New Approach to Global and Regional Challenges // *Perceptions. Journal of International Affairs*. 2022. Vol. 27. Iss. 1. P. 105–120.
- Poghosyan B.* US policy in the South Caucasus prior to and after the 2020 Karabakh War in the Context of the Evolving Regional and International Geopolitics // *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*. 2022. Vol. 1. № 3. P. 37–50.
- President Urges Removing Barriers to Expansion of Iran-Turkey Trade Ties // *Tanzim News Agency*. 25 January 2024. URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2024/01/25/3028785/president-urges-removing-barriers-to-expansion-of-iran-turkey-trade-ties> (access date: 30.01.2024).
- Rezaei F.* Iran's Foreign Policy after the Nuclear Agreement: Politics of Normalizers and Traditionalists. London, 2018.
- Speech of the President of Türkiye Recep Tayyip Erdoğan at the 78th session of the United Nations General Assembly // *The America Times*. September 20, 2023. URL: <https://www.america-times.com/speech-of-the-president-of-turkiye-recep-tayyip-erdogan-at-the-78th-session-of-the-united-nations-general-assembly/> (access date: 22.12.2023).
- Statement by the Co-Chairs of the OSCE Minsk Group. Geneva, 28 May 2021 // *OSCE*. 28 May 2021. URL: <https://www.osce.org/minskgroup/487879/> (access date: 21.12.2023).
- The full text of the Shusha Declaration // *Aze. Media*. June 18, 2021. URL: <https://aze.media/the-full-text-of-the-shusha-declaration/> (access date: 20.12.2023).
- Turkey-Iran Rivalry in the Changing Geopolitics of the South Caucasus // *News about Turkey*. 28th September 2023. URL: <https://newsaboutturkey.com/2023/09/28/turkey-iran-rivalry-in-the-changing-geopolitics-of-the-south-caucasus/> (access date: 19.12.2023).
- Vatanka A.* Iran, Turkey, and the future of the South Caucasus // *Middle East Institute*. May 4, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/iran-turkey-and-future-south-caucasus> (access date: 20.12.2023).
- Veliev C.* Turkey's Role in the South Caucasus // *Academia. The South Caucasus. Between integration and fragmentation*. May 2015. URL: https://www.academia.edu/33562845/Turkeys_Role_in_the_South_Caucasus (access date: 22.12.2023).
- Warlick unveils position of the OSCE Minsk Group and called Baku and Yerevan to accept it // *Turan*. 7 May 2014. URL: <https://turan.az/en/politics/warlick-unveils-position-of-the-osce-minsk-group-and-called-baku-and-yerevan-to-accept-it> (access date: 20.12.2023).

DOI: 10.31857/S0130386424040145

© 2024 г. П.А. ДАЦЕНКО

**К ВОПРОСУ О РОЛИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ
ГЕРМАНСКОГО КРИЗИСА 1850 года. Переписка П.К. Мейендорфа с МИД
об Ольмюцком соглашении 29 ноября 1850 года**

Даценко Павел Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: dachenko3322@mail.ru

Scopus Author ID: 57219486864; ORCID: 0000-0002-0191-5208; Researcher ID: AAO-6260-2021

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. В германском кризисе 1850 г. российская дипломатия сыграла важную стабилизирующую роль. В частности, российский посланник в Вене барон П.К. Мейендорф внес заметный вклад в урегулирование австро-прусского конфликта, грозившего обернуться крупной европейской войной. В публикуемых донесениях П.К. Мейендорфа и ответных депешах российского канцлера К.В. Нессельроде, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), излагаются ход, результаты и оценка переговоров, проведенных в Ольмюце главами министерств иностранных дел Пруссии и Австрии 28–29 ноября 1850 г. П.К. Мейендорф, сопровождавший австрийского министра Ф. цу Шварценберга в поездке, передавал в Петербург ценные сведения, стремясь предоставить в положительном ключе позицию не только Вены, но и Берлина, чтобы развеять опасения Николая I относительно намерений Пруссии. При этом роль и вклад Мейендорфа в заключение этого соглашения до сих пор остаются предметом споров среди зарубежных историков, часть которых считает присутствие Мейендорфа несущественным фактором для исхода переговоров. Не претендуя на вынесение однозначного решения по этому вопросу, статья призвана ввести в научный оборот новые источники, позволяющие уточнить детали встречи министров, на полтора десятилетия отсрочившей военный конфликт между Австрией и Пруссией за лидерство в Германии.

Ключевые слова: дипломатия, германский вопрос, Австрия, Пруссия, Россия, дипломаты, архивные документы, публикации, П.К. Мейендорф, Ф. цу Шварценберг, О. фон Мантейфель, австро-прусский дуализм.

P.A. Datsenko

On the Role of Russian Diplomacy in Resolving the Autumn Crisis of 1850: Diplomatic Correspondence between Peter von Meyendorff and the Ministry of Foreign Affairs on the Punctuation of Olmütz, 29 November 1850

Pavel Datsenko, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dachenko3322@mail.ru

Scopus Author ID: 57219486864; ORCID: 0000-0002-0191-5208; Researcher ID: AAO-6260-2021

This study has been supported by a Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation grant (Agreement № 075-15-2024-537).

Abstract. During the Autumn Crisis of 1850, Russian diplomacy played a significant stabilising role. In particular, the Russian envoy to Vienna, Baron Peter von Meyendorff, made a considerable contribution to the peaceful resolution of the Austro-Prussian conflict, which threatened to escalate into a pan-European war. The author analyses Meyendorff's political correspondence with Chancellor Nesselrode from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, a translation of which is appended. These papers outline the course, results, and evaluation of the negotiations held at Olmütz between the heads of the Prussian and Austrian foreign ministries on 28–29 November 1850. Meyendorff, who accompanied Austrian Minister Schwarzenberg on this trip, sent important and valuable information to St. Petersburg in an attempt to present both Vienna's and Berlin's position in a positive light in order to dispel Nicholas I's mistrust of Prussian intentions. At the same time, Meyendorff's role and contribution to the conclusion of this agreement are still a matter of debate among historians, with some of them considering Meyendorff's mediation to be only a minor factor in the positive outcome of the negotiations. Far from claiming to bring complete clarity to this issue, this article is meant to put into the academic circuit new archival sources on this crucial event, which determined the further course of the German question and postponed Austria-Prussia's armed confrontation for leadership in Germany for a decade and a half.

Keywords: diplomacy, German question, Austria, Prussia, Russian Empire, Peter von Meyendorff, Felix zu Schwarzenberg, Otto von Manteuffel, Austro-Prussian dualism.

Переговоры и соглашение, подписанное 29 ноября 1850 г. в моравском городе Ольмюце (современный Оломоуц) австрийским министром-президентом Ф. цу Шварценбергом и прусским министром иностранных дел О.Т. фон Мантейфелем, несмотря на значительный объем посвященных им исследований, не утрачивают своей актуальности. Это касается как современной историографии германского вопроса в целом, так и изучения деятельности российской дипломатии как сдерживающего фактора в австро-прусском соперничестве, которое в 1850 г. едва не привело к войне в Германии и к разрушению системы баланса сил в Европе. По мере ввода в научный оборот новых свидетельств и архивных источников, прежние интерпретации и мнения об аспектах переговоров и их участниках начинают рассматриваться с новых ракурсов, вновь поднимая ряд дискуссионных проблем. Помимо классического вопроса, кто из двух германских лидеров получил от этого соглашения наибольшую выгоду, и споров, обоснована ли версия об «унижении» Пруссии¹, среди исследователей нет единого мнения и в том, чьими усилиями переговоры, едва не провалившиеся в первый же день, на следующий день все же были успешно завершены.

Основным спорным моментом является роль третьего участника переговоров — российского посланника в Вене барона Петра Казимировича Мейендорфа, который сопровождал Ф. цу Шварценберга в поездке в Ольмюц и лично присутствовал при заключении соглашения. Долгое время немецкоязычная историография отмечала его вклад как решающий². Однако в конце 1950-х годов немецкий историк И. Хоффман указал на ряд обстоятельств, которые, по его мнению, не позволяют считать вклад Мейендорфа сколько-нибудь весомым³.

Прежде всего он отметил отсутствие в тот период телеграфной связи с Россией, из-за чего информацию в Санкт-Петербурге получали с серьезным опозданием: о самом факте встречи в Ольмюце в российской столице узнали лишь спустя несколько дней. По этой причине МИД физически не мог оперативно снабдить Мейендорфа необходимыми инструкциями,

¹ Из новых публикаций по этой теме см.: *Frischbier W.* “Die Schmach von Olmütz” — Mythos und Wirklichkeit // *Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte*. Bd. 25. Neue Folge. 2015. S. 53–81.

² См.: *Andreas W.* Die russische Diplomatie und die Politik Friedrich Wilhelms IV. von Preussen. Berlin, 1927. S. 63–64.

³ *Hoffmann J.* Russland und die Olmützer Punktation vom 29. November 1850 // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1959. Bd. 7. S. 59–71.

и, следовательно, «ни в коей мере нельзя говорить о прямом вмешательстве российского правительства в ольмюцкие переговоры»⁴.

Также Хоффман полагал, что сам Мейендорф не считал свое вмешательство в процесс переговоров необходимым. Полностью поддерживая в главных вопросах — урегулировании кризисов в Кургессене и Шлезвиг-Гольштейне — позицию Австрии, Мейендорф даже не был заинтересован в компромиссах, и смысл его присутствия сводился к психологическому давлению на Мантейфеля, чтобы тот не прерывал переговоры и подтвердил признание Пруссией прерогативы Австрии и ее союзников в Гессене⁵.

Исходя из этого, Хоффман пришел к выводу, что заслуг Мейендорфа в успешном завершении переговоров нет, и предложил считать решающим вклад австрийского посланника в Берлине генерала А. фон Прокеш-Остена. Последний в донесениях, полученных Шварценбергом уже в Ольмюце, гарантировал поддержку мирного курса Мантейфеля правящими кругами в Берлине, что, по мнению Хоффмана, и убедило австрийского министра на следующем раунде переговоров проявить ошеломившую всех присутствовавших уступчивость⁶.

Выводы Хоффмана оказали заметное влияние на последующую историографию и неоднократно приводились в работах, посвященных германскому вопросу 1849–1851 гг.⁷ и политической биографии Шварценберга⁸. На сегодняшний день эта версия, хотя и подвергается в ряде своих положений критике в российских⁹ и немецких¹⁰ исследованиях, не считается опровергнутой¹¹.

При существовании столь разных оценок роли Мейендорфа представляется тем более целесообразным обратиться к его политическим донесениям, хранящимся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), тем более что до сих пор в зарубежной

⁴ Ibid. S. 65.

⁵ Ibid. S. 66–67.

⁶ Ibid. S. 69–70.

⁷ Американский историк Л. Сондхаус отметил важность этой версии для ключевой проблемы, поднятой ревизионистским (Г. Румплер, Р.А. Остенсен и др.) направлением в западной и австрийской историографии: считать ли исход кризиса победой Шварценберга, способствовавшего восстановлению Германского союза и партнерства с Пруссией в традиции Меттерниха, или же он потерпел поражение, не сумев обеспечить создание в Центральной Европе конфедерации под единоличным управлением Габсбургов? См.: *Sondhaus L. Schwarzenberg, Austria and the German question, 1848–1851 // The International History Review. 1991. Vol. 13. № 1. P. 8–9.*

⁸ Ш. Липперт в монографии о Шварценберге опирался на версию Хоффмана, отметив, что «отсутствием непосредственного влияния российского правительства вопрос о роли Мейендорфа в Ольмюце еще не исчерпывается». См.: *Lippert S. Felix Fürst zu Schwarzenberg. Wien, 1996. S. 340–341.*

⁹ М.Г. Михеев в противовес аргументам Хоффмана приводит многочисленные сохранившиеся свидетельства российских и европейских монархов, политиков и дипломатов, которые почти единогласно выражали благодарность Мейендорфу за его вклад в предотвращение срыва переговоров. Также он приводит слова адъютанта прусского короля Леопольда фон Герлаха, предлагавшего провести планируемую встречу не в Ольмюце, а в Вене, чтобы наверняка обеспечить присутствие на ней российского дипломата. См.: *Михеев М.Г. Германская политика Австрии летом — осенью 1850 года и позиция России // Клио. 2022. № 11 (191). С. 52–53.*

¹⁰ С выводами Хоффмана полемизирует, например, В. Фришбир, считая аргумент об отсутствии инструкций из Петербурга преувеличенным. Он отмечает, что Мейендорф был «одним из лучших в дипломатической упряжи Николая I», указывает на высокий уровень доверия к нему со стороны императора и, соответственно, на значительную свободу в действиях и степень самостоятельности, которые дипломат такого уровня мог себе позволить. Мнение же Хоффмана о бессмысленности присутствия Мейендорфа на переговорах Фришбир оспаривает, просто указав, что его присутствие «не могло иметь иной цели, кроме посреднического участия в переговорах» (*Frischbier W. Op. cit. S. 75–78*).

¹¹ Современные немецкие исследования оценивают публикацию Хоффмана как частично верную в том, что Ольмюцкое соглашение не было полностью результатом прямого дипломатического вмешательства Мейендорфа, но явно преуменьшающую общее влияние России на тактику Шварценберга. См.: *Luchterhandt M. Österreich-Ungarn und die preußische Unionspolitik // Die Erfurter Union und das Erfurter Unionsparlament 1850 / Hrsg. von G. Mai. Köln, 2000. S. 104–105; Schulz M. Normen und Praxis. Das Europäische Konzert der Großmächte als Sicherheitsrat 1815–1860. München, 2009. S. 240–241.*

историографии материалы российских архивов по этой теме не использовались¹², а сюжеты, связанные с российской дипломатией 1848–1850 гг., рассматривались с опорой на ограниченный круг опубликованных источников.

В случае Мейендорфа таких источников фигурировало преимущественно два: во-первых, трехтомный сборник личной корреспонденции Мейендорфа, опубликованный в 1923 г. О. Гётчем, в котором содержатся письма посланника, адресованные канцлеру К.В. Нессельроде непосредственно из Ольмюца 17 (29) ноября 1850 г.,¹³ и, во-вторых, издание документов и писем Нессельроде, в котором Ольмюцкому соглашению посвящено ответное письмо канцлера Мейендорфу от 29 ноября (11 декабря) 1850 г.¹⁴

Эти и другие опубликованные материалы (например, краткое изложение хода переговоров в Ольмюце в труде Ф.Ф. Мартенса¹⁵) в целом позволяли зарубежным историкам реконструировать общую картину развития событий, но при этом ими не учитывались многие детали или свидетельства других дипломатов и политиков, присутствовавших в Ольмюце, и допускались некорректные выводы, которые оказываются сразу заметны при обращении к архивным документам.

К примеру, на основании даты ответного письма Нессельроде Мейендорфу, а также письма прусского военного атташе в Петербурге графа Х. цу Мюнстера от 8 декабря (н.ст.), в котором отмечается, насколько Николай I раздражен политикой Пруссии, Хоффман пришел к выводу, что в России «целых девять дней» не имели ни малейшего представления о самом факте встречи и именно поэтому продолжали готовиться к военному вмешательству в австро-пруссский конфликт, хотя он уже был давно улажен¹⁶. Однако в депешах Мейендорфа указано, что донесения вместе с письмом к Нессельроде и текстом самого соглашения были получены в Санкт-Петербурге уже 4 декабря (н.ст.)¹⁷. Осведомленность Николая об этом донесении в тот же день подтверждается записью в дневнике императрицы Александры Федоровны за 22 ноября (4 декабря): «Утром — хорошие новости из Ольмюца»¹⁸. Таким образом, указанный Хоффманом срок в «целых девять дней» в действительности был почти вдвое меньше, и не из-за неосведомленности Николай I сохранял в силе прежние военные приготовления в течение еще нескольких дней.

Основным документом, присланным Мейендорфом из Ольмюца, была его депеша под № 185, в которой и содержится описание предпосылок, хода и результатов переговоров. Следует отметить, что эта депеша уже становилась предметом внимания отечественных историков. Еще в труде Ф.Ф. Мартенса присутствует не прямое, но практически дословное цитирование ее отдельных фрагментов¹⁹. Но при этом не указан точный источник текста, а также опущены другие важные фрагменты депеши, например о получении Шварценбергом и Мейендорфом в ночь с 28 на 29 ноября важных донесений и писем из Берлина и Парижа.

В советской историографии к этому и другим официальным документам Мейендорфа обращалась С.А. Долгопольская-Кершнер в диссертации о роли российской дипломатии в германском кризисе 1849–1850 гг. Опираясь на дипломатическую переписку российских миссий в Вене и Берлине, она также реконструировала ход встречи в Ольмюце по версии Мейендорфа и пришла к выводу, что российский дипломат играл важную роль

¹² Следствием этого, в частности, стало приводимое в зарубежных трудах утверждение об отсутствии вообще каких-либо официальных отчетов о переговорах в Ольмюце. См.: *Frischbier W.* Op. cit. S. 69.

¹³ Эти письма, впрочем, не могут служить источником непосредственно о ходе переговоров уже в силу того, что одно из них было составлено еще 15 (27) ноября, а второе, судя по содержанию, было написано не позднее прибытия в Ольмюц. См.: *Peter von Meyendorff. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien / Hrsg. von O. Hoetzsch. Bd. II. Berlin; Leipzig, 1923. S. 345–348.*

¹⁴ *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760–1856. T. 10. Paris, 1904. P. 16–18.*

¹⁵ *Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. VIII. Трактаты с Германией. СПб., 1888. С. 386–387.*

¹⁶ *Hoffmann J.* Op. cit. S. 64.

¹⁷ См. документ № 4. В опубликованных источниках дата получения депеш не указана.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 672. Оп. 1. Д. 240. Л. 91 об.

¹⁹ *Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С. 386–387.*

в предотвращении срыва переговоров, но «не с той объективной беспристрастностью, о которой пишет сам Мейендорф, а оказывая давление на Мантейфеля в пользу Австрии»²⁰. Однако и здесь обширные выдержки из депеши Мейендорфа²¹ приводились лишь фрагментарно и не везде содержали корректный перевод.

Вместе с тем эти авторы обращались лишь к одному донесению Мейендорфа, в то время как дипломатический пакет, отправленный из Ольмюца, содержал, помимо этой депеши, еще ряд важных документов, которые также существенно дополняют общий контекст переговоров. Прежде всего, к донесению Мейендорфа прилагалась копия текста Ольмюцкого соглашения (со следами редактуры, которая, возможно, проводилась прямо на переговорах), а также оригинал на немецком и копия на французском письма Л. фон Герлаха П.К. Мейендорфу от 25 ноября (н.ст.), которое не было включено в сборник Гётча²² и не рассматривалось Хоффманом, хотя его пересказ есть в труде Мартенса²³.

Содержание этого письма, составленного еще до назначения встречи в Ольмюце, интересно тем, что оно является пересказом позиции и предложений Фридриха Вильгельма IV, которые были сформулированы 25–26 ноября и легли в основу инструкций Мантейфелю, а также были изложены королем в его личном письме Францу Иосифу, привезенном прусским министром в Ольмюц²⁴: король предлагал Австрии совместно (т.е. без участия бундестага) урегулировать кургессенский кризис и отмечал, что Пруссия уже предприняла для этого фактические шаги, отправив своих агентов в Кургессен добиваться возвращения ландтага к повиновению курфюрсту и согласия последнего вернуться во главе своей армии в Кассель. При этом присутствие прусских войск в Гессене было трактовано в письме как стремление сохранить правительство Мантейфеля у власти, поскольку в случае вывода войск король будет вынужден под давлением воинственных настроений в обществе и ландтаге назначить новый, более радикальный кабинет²⁵. Информировав Мейендорфа об этих деталях, Герлах призывал его употребить все свое влияние на Шварценберга и убедить его в самых мирных намерениях короля, несмотря на тяжелое внутреннее положение последнего. Тем самым это письмо было адресовано Мейендорфу как союзнику «партии мира» в Берлине и имело целью улучшить при помощи российского дипломата позицию Мантейфеля на переговорах.

Еще одно обстоятельство, которое не могло не учитываться на переговорах и было отмечено в депеше Мейендорфа — это большая вероятность вмешательства в конфликт Франции. Перед отъездом в Ольмюц Мейендорф отправил Нессельроде выдержки из полученного им из Парижа письма (без подписи), датированного 20 ноября (н.ст.), в котором особо подчеркивалась неясность позиции, которую займет Франция в случае начала войны²⁶. В депеше Мейендорф упоминает, что накануне второго дня переговоров были получены известия не только из Берлина, но и из Парижа, в которых говорилось о высокой вероятности вовлечения Франции в войну.

Наконец, следующая депеша Мейендорфа под № 187, также посвященная Ольмюцу, была отправлена 3 декабря (21 ноября) 1850 г., уже по возвращении посла в Вену. Причиной почти четырехдневной паузы в информировании МИД о развитии событий, вероятно, было ожидание новостей, как Ольмюцкое соглашение будет воспринято в Берлине и какую позицию займет прусский ландтаг. Получив сообщение о ратификации прусским королем

²⁰ Долгопольская-Кершнер С.А. Австро-прусская борьба за гегемонию в Германии в 1848–1850 гг. и позиция русского царизма: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956. С. 376.

²¹ Там же. С. 375–377, 381.

²² В сборнике приведено второе сопроводительное письмо Герлаха, датированное 26 ноября (н.ст.). См.: Peter von Meyendorff. Bd. II. S. 343–344.

²³ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. С. 387.

²⁴ Frischbier W. Op. cit. S. 70–71.

²⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 421–422.

²⁶ Там же. Л. 405–406 об.

всех пунктов соглашения, Мейендорф отправил эту депешу, в которой уделит внимание не только всеобщему успокоению в венских кругах, но и все еще имевшему место беспокойству Шварценберга, выполнит ли Пруссия условия по разоружению. Это опасение, которое сохранялось даже после ратификации соглашения, вероятно, разделяли и в МИД, в силу чего не спешили резко смягчать свою позицию по Пруссии.

В то же время однозначного ответа на то, каковы были мотивы смены Шварценбергом своей позиции, архивные донесения Мейендорфа не дают. Дипломат акцентирует внимание в депеше на своем удивлении резкой сменой тона австрийского министра, объясняя ее главным образом влиянием примирительной позиции молодого императора Франца Иосифа. Хотя это объяснение выглядит недостаточно убедительным (в 1850 г. лишь недавно вступивший на престол Франц Иосиф сам находился под огромным влиянием Шварценберга²⁷), оно может рассматриваться и как желание Мейендорфа дистанцироваться от признания своего вмешательства. На это он намекал в письмах после Ольмюца²⁸, хотя ни Нессельроде, ни другие дипломаты не были склонны в это верить²⁹. В более же поздних письмах Мейендорф охотнее соглашался с мнением, что его усилия внесли определенный вклад в предотвращение войны³⁰.

Некоторые исследователи обращают внимание еще на один эпизод, который по какой-то причине был проигнорирован самим Мейендорфом в его донесении, но упомянут в дневнике Г. фон Абекена, сопровождавшего О. фон Мантейфеля в качестве адъютанта и секретаря³¹. После ночного перерыва и работы над новой редакцией проекта соглашения Мантейфель ранним утром 29 ноября (н.ст.) перед возобновлением переговоров нанес визит Мейендорфу. Цель и детали этой встречи не раскрыты Абекем, но именно после этого визита Мантейфель, доработав проект, направился к Шварценбергу, который принял этот проект без всяких возражений. Однозначно судить о том, обсуждали ли Мантейфель с Мейендорфом формулировки пунктов во время их короткой встречи, нельзя в силу отсутствия более подробных свидетельств. Но то обстоятельство, что Мантейфель встретился сперва с Мейендорфом, а уже потом направился к Шварценбергу, не может быть проигнорировано как еще одно косвенное указание на важность присутствия российского посланника для прусской стороны.

Отсутствие упоминания об этом визите у Мейендорфа при этом может иметь разное объяснение: от незначительности предмета разговора (что, впрочем, вызывает вопрос о самой цели этого визита в напряженной обстановке) до возможного желания Мейендорфа поддержать репутацию Мантейфеля в Пруссии, передав ему одну заслугу в выработке успешно принятой второй редакции соглашения.

Таким образом, на сегодняшний день вопрос о степени активности Мейендорфа в Ольмюце по-прежнему остается открытым. Рассматриваемые здесь архивные документы призваны, во-первых, обогатить картину двух напряженных дней, в которые длились переговоры в Ольмюце, новыми сведениями со стороны непосредственного участника событий и, во-вторых, внести определенные уточнения в аргументы как сторонников, так

²⁷ Lippert S. Op. cit. S. 339–340.

²⁸ Так, в письме А.М. Горчакову в середине декабря 1850 г. Мейендорф подчеркнул нейтральный мотив своего присутствия в Ольмюце «в качестве если не участника, то по меньшей мере посвященного наблюдателя, пользовавшегося доверием обеих сторон». См.: П.К. Мейендорф – А.М. Горчакову, 3 (15) декабря 1850 г. // ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 572. Л. 18.

²⁹ Например, И.Ф. Паскевич выражал уверенность, что лишь в силу скромности Мейендорф не отметил свою роль в прошедших переговорах, но что «она очевидна для всех Ваших друзей, и Вы знаете, господин барон, что я уже долгое время себя к ним причисляю». См: И.Ф. Паскевич – П.К. Мейендорфу, 19 ноября (1 декабря) 1850 г. // Там же. Ф. 573. Оп. 1. Д. 704. Л. 33 об. – 34.

³⁰ Михеев М.Г. Указ. соч. С. 53.

³¹ Frischbier W. Op. cit. S. 69. Примечательно, что этот фрагмент был опубликован лишь начиная с третьего издания дневника Абекена, в первых двух он отсутствует.

и противников мнения о высокой роли российского дипломата в урегулировании одного из тяжелейших кризисов в германском вопросе в XIX в.

Документ № 1

**П.К. МЕЙЕНДОРФ – К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ (депеша) № 185. Ольмюц,
17 (29) ноября 1850 г.³²**

Господин канцлер,

Настоящая экспедиция³³ была подготовлена и должна была быть отправлена в момент получения в Вене решительного ответа берлинского кабинета об устранении или сохранении препятствий, мешавших маршу федеральных войск в Гессене, когда князь Шварценберг решил согласиться на встречу, несколько раз предложенную господином Мантейфелем, сообщившим ему, что, учитывая недавние события в Гессене³⁴ и питая надежду на мирное соглашение в этом государстве, он придавал этой встрече особое значение.

Получив приказ императора, князь Шварценберг согласился не без неудовольствия, поскольку он не видел, как при нынешнем положении дел в Берлине возможно соглашение. Однако, уступая в большей степени воле своего государя, чем своим личным убеждениям, он не захотел отказываться от этого последнего средства сохранения мира и предложил мне сопровождать его в Ольмюц.

Я с радостью согласился, добавив, что только из деликатности я не взял на себя смелость самому сделать это предложение.

Выехав из Вены вечером 15/27 числа, мы прибыли сюда 16/28 рано утром в дом кардинала-архиепископа Ольмюца. Господин фон Мантейфель по недоразумению прибыл только через двенадцать часов после нас. Это время мы провели за чтением депеш из Берлина от 25 ноября, которые представляли положение как безнадежное³⁵ — господин Мантейфель мучительно боролся с воинственными тенденциями большинства в кабинете, в армии, в ландтаге и в общественном мнении, имея в качестве поддержки лишь ненадежное одобрение короля. Этот министр вручил мне прилагаемое в переводе и в оригинале письмо, которое генерал Герлах адресовал мне от имени короля. В нем сказано, что прусское правительство работает над прекращением ненасильственного сопротивления в Гессене и готово высказаться за восстановление законной власти суверена, — однако это письмо не дает предстоящим здесь переговорам никакой основы, кроме проекта³⁶, успех которого в конце концов является гипотетическим и не имеет ничего общего с решающими последними событиями, обозначенными в депеше господина Мантейфеля.

Несмотря на это разочарование, князь Шварценберг, которому я представил этого министра, принял его очень учтиво.

Чтобы устранить недоверие, которое все еще лежало в основе всех убеждений князя Шварценберга против даже самых здравомыслящих прусских министров, я счел необходимым

³² Здесь и на следующей депеше отметка о доставке в МИД 22 ноября (4 декабря) 1850 г. фельд-герером из Варшавы.

³³ Вместе с пакетом из Ольмюца Мейендорф отправил еще пять донесений (под № 180–184), составленных еще 15 (27) ноября, в которых Мейендорф сообщал об отказе герцога Брауншвейга пропустить посланные бундстагом войска в Гольштейн, о позиции Франции и о составе австрийской армии в Богемии.

³⁴ Имеется в виду телеграмма О. фон Мантейфеля прусскому посланнику в Вене А. фон Бернstorфу от 26 ноября 1850 г., в которой намекалось на отправку в Кургессен прусских представителей М. Нибура и Р. фон Дельбрюка с целью организовать примирение между курфюрстом и оппозиционным ландтагом. См.: *Gerlach L. von. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs, Generals der Infanterie und General-Adjutanten König Friedrich Wilhelms IV. Bd. I. Berlin, 1891. S. 561.*

³⁵ Точно неизвестно, о каких депешах идет речь, однако скепсис в отношении возможного соглашения можно увидеть в письме Прокеш-Остена от 26 ноября. См.: *Aus den Briefen des Grafen Prokesch von Osten. Wien, 1896. S. 186.*

³⁶ Здесь и далее — подчеркнуто в оригинале

не участвовать в первых переговорах в надежде, что, когда они лучше узнают друг друга, между ними установится полное и взаимное доверие.

После трехчасового совещания я вошел к князю Шварценбергу — главным образом для того, чтобы помешать господину Мантейфелю отбыть в ту же ночь, как он намеревался. Я нашел, что они оба хорошо расположены друг к другу, но так и не добились прогресса в соглашении — князь Шварценберг требовал вывода прусских войск из Касселя в качестве условия для соглашения, а господин Мантейфель упорно повторял, что он может согласиться на это лишь как на результат соглашения.

Поскольку главным было сэкономить время и отложить на следующий день начавшиеся переговоры, я взял на себя смелость изложить новые основы соглашения, которые сформулировал следующим образом:

1) Пруссия публично признает в соответствии со своей депешей от 9 ноября³⁷ право Австрии и ее союзников на интервенцию в Гессен и Гольштейн;

2) Пруссия заявляет, что, послав свои войска в Гессен, она не желала препятствовать союзной экзекуции по восстановлению власти суверена, а напротив, желает сотрудничать с той же целью;

3) Пруссия будет представлена в сейме ad hoc по двум вопросам: о Гессене и Гольштейне, не отказываясь при этом от протестов против законности сейма в целом.

Этот последний пункт не показался приемлемым ни одной, ни другой стороне, но обсуждение велось по первым двум пунктам. Договориться не удалось, но так как была поздняя ночь и все устали, то было решено отложить переговоры до следующего дня.

Утро вечера мудренее, и ночью пришли хорошие новости из Берлина. Господин Прокеш просил только времени, чтобы добиться триумфа партии мира. С другой стороны, из Парижа пришло известие, что господин де Ла Итт не имеет никакой надежды защитить свою политику от курса господина де Персиньи, если разразится война³⁸.

Утром господин Мантейфель принес принцу Шварценбергу четыре статьи прилагаемой конвенции. К моему большому удивлению³⁹, они были приняты почти без изменений и после обсуждения, продолжавшегося не более двух часов. Со своей стороны господин Мантейфель подписал секретную статью об одновременном разоружении, хотя он знал, что этот пункт, которого придерживались также король и большинство кабинета, мог привести к его отставке и, следовательно, к войне.

Мы приложили все усилия, чтобы продемонстрировать ему абсурдность желания оставаться вооруженным до пересмотра Союзного акта. Благодаря уступкам, полученным сегодня от Австрии, Пруссия оказывается в равном с ней положении в Германии, паритет есть как в Гессене, так и в Гольштейне, а также — при созыве конференции, которая состоится в Дрездене. Все эти пункты я подчеркиваю в своем ответе генералу Герлаху и прошу строгого выполнения того, что здесь оговорено⁴⁰.

Этот результат связан с благоразумием взглядов молодого императора, воля которого привела к этой встрече; он связан и с примирительными намерениями, принесенными сюда князем Шварценбергом, и с мужеством, с которым господин Мантейфель взял на

³⁷ Эта депеша была отправлена в Вену как реакция на инцидент 8 ноября между прусскими и баварскими войсками у Бронцеля. В ней Мантейфель подтверждал готовность Пруссии к выполнению Варшавского соглашения от 31 октября (ропуск Эрфуртского союза, признание бундестага, предоставление военных дорог для интервенции в Кургессен и Гольштейн и т.д.). Копию депеш см.: АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 15. Л. 27—35 об.

³⁸ Ж.Э. Дюко де Ла Итт, министр иностранных дел Второй республики, представлял партию невмешательства, в то время как В. де Персиньи (на тот момент — депутат Законодательного собрания) активно выступал за участие Франции в войне.

³⁹ У Мартенса — «к великому удивлению и удовольствию».

⁴⁰ Это письмо Мейендорфа не опубликовано, но его содержание Герлах упоминает в своих воспоминаниях. См.: *Gerlach L. von.* Op. cit. S. 565.

себя обязательства, выполнение которых еще приведет к новой борьбе и многим осложнениям, но все они незначительны по сравнению с бедствиями войны.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 414–417 об.

Документ № 2

**П.К. МЕЙЕНДОРФ – К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ (депеша) № 186 Ольмюц,
17 (29) ноября 1850 г.**

Господин канцлер,

Встреча, состоявшаяся здесь между князем Шварценбергом и господином Мантейфелем, привела к соглашению по основным вопросам, обсуждаемым между двумя кабинетами, сформулированному в прилагаемой конвенции⁴¹.

В Гессене, как и в Гольштейне, допускается сотрудничество Пруссии для восстановления власти законного суверена.

Конференция министров, созванная двумя державами, откроется в Дрездене до 15 декабря⁴².

В секретной статье говорится, что эта конференция состоится только после того, как обе страны опубликуют сообщение о разоружении.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 424–424 об.

Документ № 3

**П.К. МЕЙЕНДОРФ – К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ (депеша) № 187. Вена,
21 ноября (3 декабря) 1850 г.**⁴³

Господин канцлер,

Результат переговоров в Ольмюце вызвал здесь всеобщее чувство удовлетворения. Оно еще более укрепилось полученным вчера по телеграфу из Берлина известием, что прусский кабинет ратифицировал согласованные пункты и что этот факт был с удовлетворением встречен благоразумной частью общественного мнения. Сегодня курьер от генерала Прокеша подтвердил сообщение о приказе, отданном прусским войскам, сосредоточенным в Гессене.

Всякая возможность конфликта, таким образом, была исключена, и князь Шварценберг распорядился передать по телеграфу федеральным войскам, предназначенным для занятия курфюршества, приказ выдвигаться без промедления. Эта мера была, с одной стороны, необходима для обеспечения существования федеральных войск⁴⁴, с другой стороны, она имела целью стимулировать Пруссию к безотлагательному выполнению взятых на себя обязательств и побуждению самого курфюрста вернуться с его войсками в Кассель, а затем урегулировать в соответствии с договоренностью одновременную оккупацию этого города австрийскими и прусскими войсками.

Можно предположить, что благодаря вмешательству федерального комиссара графа Рехберга и прусского комиссара генерала Брезе все эти меры в Гессене уже проводятся и что, таким образом, часть ольмюцких положений уже возымела эффект. Однако для того, чтобы они имели полный и безусловный результат и чтобы возможность войны стала совершенно маловероятной, необходимо, чтобы секретная статья о разоружении была введена в действие без промедления. Поскольку Пруссия обязалась первой озвучить предложения по этому вопросу, князь Шварценберг с большим нетерпением ожидает сообщений по этому

⁴¹ К донесению приложена копия Ольмюцкого соглашения (Л. 425–427 об.), в которой текст содержит следы ручной редактур. В частности, в § 3b вписано, что Австрия и Пруссия отправят комиссаров в Гольштейн «после предварительных консультаций со своими союзниками».

⁴² Дрезденская конференция открылась 23 декабря 1850 г.

⁴³ Получено в Санкт-Петербурге 27 ноября (10 декабря) 1850 г. фельдьегерем из Варшавы.

⁴⁴ Длительная пауза в движении приводила к трудностям со снабжением армии и росту недовольства среди местного населения.

вопросу, поскольку только они дадут представление об истинных намерениях Пруссии и искренности ее желания достичь дружеского согласия.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 429–430 об.

Документ № 4

К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ – П.К. МЕЙЕНДОРФУ (депеша) № 518. Санкт-Петербург,
29 ноября (11 декабря) 1850 г.⁴⁵

Утром 22 ноября я получил от Вашего превосходительства две экспедиции, датированные 27 (15) и 29 (17) числом того же месяца. Последняя, отправленная из Ольмюца, сообщает о результатах переговоров, которые князь Шварценберг провел в этом городе с господином фон Мантейфелем. Она дошла до меня в тот самый момент, когда императорский кабинет, едва получив информацию, что австрийская декларация от 8/20 ноября была холодно встречена в Берлине⁴⁶, считал себя призванным выполнить предполагаемые решения, о которых он озаботился уведомить Пруссию на случай, если она не откажется от своих несправедливых притязаний⁴⁷. Поэтому Вы, Ваше превосходительство, можете оценить, сколь высокое удовлетворение эти известия должны были вызвать у государя. Акт от 29 ноября, заключенный между министрами Австрии и Пруссии, содержит со стороны венского кабинета уступки, которые превзошли наши ожидания. Это как нельзя лучше свидетельствует об умеренности, которой в этот решающий момент руководствовался в своих намерениях Его императорское и королевско-апостольское величество. Наш августейший государь ценит их тем сильнее, что он счастлив найти в них новое свидетельство благородных чувств, воодушевлявших императора Франца Иосифа.

Донесения барона Будберга от 19 ноября (1 декабря) сообщают нам, что Ольмюцкий протокол был ратифицирован королем Пруссии. В дебатах, возникших по этому вопросу, господин Мантейфель смог, вопреки усилиям могущественной партии, которая, по-видимому, хотела войны любой ценой, доказать пользу сохранения мира и преимущества той позиции, которую министр-президент Австрии очень умело подкрепил своей мудрой снисходительностью. Мы можем только поздравить господина Шварценберга с этим счастливым результатом. Устранив опасность казавшегося неминуемым раскола, который мог пойти лишь на пользу революции, он обеспечил кабинету Пруссии возвращение к политической системе, которая позволит ей вновь занять место среди держав – хранительниц порядка и мира. В то же время примирительные распоряжения венского кабинета дают ему новые и справедливые основания поддержки со стороны императорского кабинета⁴⁸ в объяснениях, которые может повлечь выполнение мер, согласованных в Ольмюце. Среди этих мер взаимное разоружение является первоочередной. По условиям секретной статьи, инициативу в этом вопросе должна была взять на себя Пруссия. Нам не терпится узнать ее решение, потому что открытие министерской конференции в Дрездене должно состояться примерно 3 (15) декабря, а разоружение должно произойти до этого времени.

Что касается голштейнского вопроса, то сотрудничество Пруссии, надо полагать, положит конец трудностям, возникшим из-за противодействия герцога Брауншвейгского

⁴⁵ Помимо отпуска, в деле присутствует черновик (Л. 331–334) со стилистической редактурой и пять копий (Л. 335–336 об., 337–338 об., 339–340 об., 341–342 об., 343–344 об.) без пометок. Перевод указан по отпуску.

⁴⁶ В заявлении от 20 ноября 1850 г. Шварценберг подчеркивал законность союзной интервенции и гарантировал, что она ни в коем случае не направлена против Пруссии и ее союзников и что все их суверенные права будут неукоснительно соблюдены.

⁴⁷ Речь идет о неотправленном официальном письме Николая I королю Пруссии от 21 ноября (3 декабря), в котором в резкой форме говорится о неизбежности войны с Россией в случае сохранения Берлином прежнего курса. См.: АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 111. Л. 319–322.

⁴⁸ Вероятно, Нессельроде ссылается на отправленное в Вену накануне Ольмюцкой встречи предупреждение, что в случае чрезмерных требований к Пруссии Австрия также может лишиться российской поддержки.

проходу федеральных войск⁴⁹. Но, с другой стороны, если учесть симпатию к герцогствам, которая с начала войны против Дании преобладала в берлинском кабинете, а также малое усердие, которое он все это время проявлял к выполнению наложенных на него условий, есть основание опасаться, не повлияют ли те же настроения на шаги, которые нужно предпринять в отношении штатгальтерства⁵⁰. Ваше Превосходительство имели возможность судить об этих наклонностях прусского правительства. С другой стороны, Ваше Превосходительство не игнорирует и ту обеспокоенность, которую императорский кабинет продолжает проявлять в датском вопросе. Поэтому у Вас не может быть недостатка в аргументах, чтобы убедить князя Шварценберга не упускать из виду этот вопрос и, прежде всего, не допустить, чтобы интересы и права законного правителя герцогств еще дольше приносились в жертву тенденциям и теориям, которые так дорого обошлись Пруссии и всей Германии. Поскольку именно датский вопрос вынудил императора прибегнуть к военной риторике в отношении Пруссии, Его Величество твердо решил сохранять эту позицию до тех пор, пока он не будет полностью спокоен в отношении намерений, с которыми берлинский кабинет примет участие в интервенции в Гольштейн.

Я прошу Ваше Превосходительство известить об этом австрийское правительство. Уверенность в поддержке России в случае необходимости позволит ему продвигать выполнение мирного договора со всей необходимой энергией.

Вы можете изложить эту депешу князю Шварценбергу и даже вручить ее ему, если министр-президент выразит Вам желание показать ее императору⁵¹.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 137. Л. 326–330.

Документ № 5

К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ – П.К. МЕЙЕНДОРФУ (шифрованная депеша) № 519⁵².

Санкт-Петербург, 29 ноября (11 декабря) 1850 г.

Моя предыдущая депеша предназначалась для прочтения князю Шварценбергу. Здесь же я сохранил за собой возможность сообщить Вашему Превосходительству, сколь высокой похвалы наш августейший государь удостоил ту важнейшую роль, которую Вы сыграли в исходе переговоров в Ольмюце. Мы не считаем, что ошибаемся, господин барон, приписывая прежде всего Вашему примирительному вмешательству почти неожиданный исход этой встречи. Император не менее одобрил сильный и правдивый слог, который Вы использовали в своем письме господину Нибуру⁵³. Будем надеяться, что содержащиеся в нем полезные советы не пропадут даром.

К важным услугам, которые Ваше Превосходительство только что оказали, я уверен, Вы добавите и другие на новом этапе, в который вступает гольштейнский вопрос благодаря содействию Пруссии в умиротворении этой страны.

⁴⁹ Отказ герцога Брауншвейга 19 ноября пропустить войска бундстага в Гольштейн был официально одобрен Пруссией, что привело к еще большей эскалации кризиса накануне Ольмюца.

⁵⁰ Штатгальтерство – в 1849–1851 гг. временный революционный орган управления Шлезвигом и Гольштейном (с августа 1849 г. – только Гольштейном), созданный по инициативе правительства эрцгерцога Иоганна и состоящий из двух штатгальтеров: В.Г. Безелера и графа Ф. фон Ревентлова, которые противились возвращению княжеств в состав Дании. В январе-феврале 1851 г. был упразднен, передав полномочия австрийскому и прусскому комиссарам.

⁵¹ Последний абзац добавлен карандашом, в черновике он отсутствует.

⁵² В папке документа содержится отпуск (Л. 347–348), черновик (Л. 351–352) и размеченная для шифровки копия (Л. 349–350). На отпуске, несмотря на утверждение Николаем I, имеются правки карандашом, в частности немного изменено начало депешы. Перевод выверен по копии для шифрования как наиболее завершенной.

⁵³ Письмо П.К. Мейендорфа М. Нибуру от 24 (12) ноября 1850 г., не опубликовано. Копию письма см.: АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 136. Л. 387–391 об. В этом письме Мейендорф представил конфликт как результат политики прусского министра Й.М. фон Радовица и предостерегал Пруссию от эскалации пагубной для Германии и Европы войны. То, что речь идет именно об этом письме, подтверждается пометкой на его копии, сделанной Николаем I, и начинающейся со слов: «Ответ Мейендорфа – шедевр».

Не миритесь с тем, чтобы князь Шварценберг пренебрегал этим вопросом ради спасения союзной интервенции в Гессене. Император честно поддерживал Австрию в гессенском вопросе. Но ситуация с Гольштейном теснее затрагивает Россию, и Его Величеству хотелось бы верить, что Его справедливое ожидание увидеть этот вопрос решенным в соответствии с правами Дании, не будет обмануто. Вашему Превосходительству невозможно переоценить значение этого пункта.

АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. 1850. Д. 137. Л. 347–348.

Библиография / References

Долгопольская-Кершнер С.А. Австро-прусская борьба за гегемонию в Германии в 1848–1850 гг. и позиция русского царизма: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956.

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. VIII. Трактаты с Германией. СПб., 1888.

Мухеев М.Г. Германская политика Австрии летом–осенью 1850 года и позиция России // Клио. 2022. № 11 (191). С. 45–57.

Dolgopolskaia-Kershner S.A. Avstro-prusskaia bor'ba za gegemoniiu v Germanii v 1848–1850 gg. i pozitsiia russkogo tsarizma [Austro-Prussian struggle for the leadership in Germany in 1848–1850 and position of the Russian tsarism]: dis. ... kand. ist. nauk. Leningrad, 1956. (In Russ.)

Martens F.F. Sbornie traktatov i konvencij, zaključennykh Rossiei s inostrannymi derzhavami [Collection of treaties and conventions which Russia concluded with foreign powers]. Vol. VIII. Traktaty s Germaniej [Treaties with Germany]. Sankt-Peterburg, 1888. (In Russ.)

Mikheev M.G. Germanskaia politika Avstrii letom-osen'iu 1850 goda i pozitsiia Rossii [Austria's German policy in summer-autumn 1850 and Russia's stance] // Klio. 2022. № 11 (191). S. 45–57. (In Russ.)

Andreas W. Die russische Diplomatie und die Politik Friedrich Wilhelms IV. von Preussen. Berlin, 1927. Aus den Briefen des Grafen Prokesch von Osten k.u.k. österr. Botschafters und Feldzeugmeisters (1849–1855) / Hrsg. von A. Graf Prokesch v. Osten. Wien, 1896.

Frischbier W. “Die Schmach von Olmütz” — Mythos und Wirklichkeit // Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. Bd. 25. Neue Folge. 2015. S. 53–81.

Gerlach L. von. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs, Generals der Infanterie und General-Adjutanten König Friedrich Wilhelms IV. Bd. 1. Berlin, 1891.

Hoffmann J. Russland und die Olmützer Punktation vom 29. November 1850 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1959. Bd. 7. S. 59–71.

Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760–1856. Publié par le comte A. de Nesselrode. T. 10. 1850–1853. Paris, 1911.

Lippert S. Felix Fürst zu Schwarzenberg. Eine politische Biographie. Stuttgart, 1998.

Luchterhandt M. Österreich-Ungarn und die preußische Unionspolitik // Die Erfurter Union und das Erfurter Unionsparlament 1850 / Hrsg. von G. Mai. Köln, 2000.

Peter von Meyendorff. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien / Hrsg. von O. Hoetzsch. Bd. II. Berlin; Leipzig, 1923.

Schulz M. Normen und Praxis. Das Europäische Konzert der Großmächte als Sicherheitsrat 1815–1860. München, 2009.

Sondhaus L. Schwarzenberg, Austria and the German question, 1848–1851 // The International History Review. 1991. Vol. 13. № 1. P. 1–20.

DOI: 10.31857/S0130386424040151

© 2024 г. А.А. САГОМОНЯН

**ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ НОВИКОВ (1826–1903) – ДИПЛОМАТ
«ГОРЧАКОВСКОЙ ШКОЛЫ»**

Сагомонян Александр Артурович – доктор исторических наук, профессор кафедры глобалистики факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: scobochka@mail.ru

Scopus Author ID: 57220933771; ORCID: 0000-0001-9346-5402

Аннотация. Статья посвящена деятельности Евгения Петровича Новикова (1826–1903) – видного отечественного дипломата, сыгравшего заметную роль в период Восточного кризиса 1876–1878 гг. и пользовавшегося особым доверием канцлера А.М. Горчакова. Е.П. Новиков был послом в Османской империи, Греции, Австро-Венгрии в те годы, когда отношения с этими странами были чрезвычайно важны для российской внешней политики. Его биография до сих пор не написана, хотя имя Новикова упоминается во многих монографиях и статьях, посвященных дипломатическим отношениям Российской империи со странами Европы в 1860–1870-х годах. Этим обусловлена новизна и актуальность настоящей работы, которая базируется на широком круге источников – архивных материалах, опубликованных документах, мемуарах коллег Е.П. Новикова и т.д. В ходе исследования были систематизированы многочисленные фрагментарные сведения о его деятельности, имеющиеся в научной литературе. Получивший прекрасное образование в стенах Московского университета, Е.П. Новиков отличался добросовестностью, проницательностью, высокой ответственностью в отстаивании национальных интересов своего отечества. Такие профессионалы высокого класса составляли элиту дипломатического корпуса Российской империи XIX столетия.

Ключевые слова: дипломаты, Россия, Восточный вопрос, Османская империя, Австро-Венгрия, Е.П. Новиков, биографии.

A.A. Sagomonyan

Evgeny Petrovich Novikov (1826–1903) – Diplomat of the Gorchakov School

Alexander Sagomonyan, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: scobochka@mail.ru

Scopus Author ID: 57220933771; ORCID: 0000-0001-9346-5402

Abstract. In the article the author analyses the career of Evgeny Petrovich Novikov (1826–1903), a prominent Russian diplomat who played a significant role during the Great Eastern Crisis of 1876–1878 and enjoyed considerable confidence of Chancellor Alexander Gorchakov. He was ambassador to the Ottoman Empire, Greece, and Austria-Hungary during the years when relations with these countries were extremely important for Russian foreign policy. His biography has not yet been written, although Novikov's name is mentioned in many a monograph and article on important topics of the Russian Empire's foreign policy in the 1860s–1870s. The study draws on archival materials, published papers, and memoirs of Evgeny Novikov's colleagues. Numerous fragmentary pieces of information about him available in the academic literature have been systematised. Having received an excellent education at Moscow University, Evgeny Novikov

distinguished himself by his conscientiousness, shrewdness, and strong sense of responsibility in defence of Russia's national interests. High-class professionals of this kind made up the diplomatic elite of the Russian Empire in the 19th century.

Keywords: diplomats, Russia, Eastern Question, Ottoman Empire, Austria-Hungary, Evgeny Novikov, biographies.

За долгие годы службы Евгений Петрович Новиков возглавлял посольские миссии Российской империи в Афинах, Вене, Стамбуле. А на переднем крае отечественной дипломатии он оказался в период Восточного кризиса 1876–1878 гг. Судьба Новикова сложилась так, что первое свое серьезное назначение в 1856 г. он получил, когда главой Министерства иностранных дел стал выдающийся государственный деятель Александр Михайлович Горчаков (1798–1883), а оставил дипломатическое поприще, когда последний канцлер Российской империи отошел от дел и завершал свой жизненный путь.

В современной историографии фактически отсутствуют исследования, посвященные биографии Е.П. Новикова. Фрагментарные сведения о его дипломатической деятельности содержатся в опубликованных источниках, а также в статьях и монографиях, в которых рассматриваются различные аспекты отечественной внешней политики в 1860–1870-е годы. Исключительно интересные факты и характеристики, касающиеся не только службы Евгения Петровича, но и его личных качеств, содержатся в воспоминаниях его коллег. Остается лишь сожалеть, что сам он не оставил мемуаров. Очевидно, что без анализа его деятельности в статусе посла Российской империи невозможно составить объективное представление об этом периоде отношений России с Османской империей и европейскими странами. Решению данной задачи и посвящена настоящая статья.

Дипломатическая карьера Новикова началась в 1850 г. и продолжалась до 1882 г. Следует отметить, что Евгений Петрович пользовался особым доверием министра иностранных дел, канцлера Российской империи А.М. Горчакова, и со временем это доверие становилось все более глубоким. «Безукоризненно, абсолютно честный, он всегда шел прямыми путями к намеченной цели, и влиять и приспосабливаться было не в его привычках... Высоко и с достоинством держал он знамя России, и честь родины всегда была для него выше личных интересов», – так писал о Новикове сослуживец¹.

Евгений Петрович принадлежал к старинному дворянскому роду (из которого, в частности, происходил известный просветитель XVIII в. Николай Иванович Новиков). Он родился в селе Непецино Коломенского уезда Московской губернии, которым его предки владели с начала XVIII столетия. Несколько поколений Новиковых с любовью обустроили имение – с годами там появились великолепный парк, липовые аллеи, каскадные пруды. В 1806 г. в селе был заложен каменный храм в честь иконы Знамения Божией Матери, который сохранился до наших дней.

Отец будущего дипломата, Петр Александрович Новиков (1797–1876), был состоятельным помещиком, писал стихи и одновременно успешно продвигался по служебной лестнице. Обучаясь на нравственно-политическом отделении Московского университета, он вступил в Общество любителей российской словесности. В 22 года П.А. Новиков начал службу в Московском архиве иностранных дел, но уже вскоре перешел в канцелярию при московском генерал-губернаторе князе Д.В. Голицине. В последующие годы П.А. Новиков занимал различные должности в учреждениях Московского учебного округа, был попечителем Преображенской больницы, почетным опекуном при Московском воспитательном доме. В 1854 г. получил чин тайного советника.

Мать Е.П. Новикова – Антонина Ивановна Долгорукая, представительница знаменитого княжеского рода. П.А. Новиков женился на ней в 1820 г. Будущих супругов объединяли литературные интересы. Считается, что Антонина Ивановна перевела с немецкого роман

¹ Арбузов Н.К. Из воспоминаний о Царьграде. Евгений Петрович Новиков – наш посол в Константинополе // Исторический вестник. 1914. Т. 138. № 12. С. 802.

популярного в те годы драматурга Августа фон Коцебу. Издан он, правда, был за подписью ее отца, князя И.М. Долгорукова². Один за другим у супругов родились шестеро детей, но четверо умерли в младенчестве. Возможно, из-за тяжелых утрат характер Антонины Ивановны стал портиться, что с годами обернулось, по образному выражению одного из современников, настоящим «барским самодурством»³.

Евгений Петрович Новиков, младший из двух братьев, как и его отец, стал студентом историко-филологического факультета Московского университета, который и окончил в 1846 г. 1840-е годы по праву считаются золотой порой в истории университета, прежде всего, как вспоминал однокашник будущего дипломата, благодаря «той оживленной научной деятельности, той разумной трудовой жизни, которая, бесспорно, преобладала тогда» в его стенах. Студенты 1840-х годов «выносили из Московского университета теплое чувство к своей alma mater, всегда с искренней благодарностью и восторгом вспоминали о годах студенчества как о счастливейшем времени своей жизни»⁴.

Именно в это время в университете появилась плеяда блестящих молодых профессоров-гуманитариев с широким научным и социальным кругозором, которые подняли на новый уровень университетскую науку и педагогику. Это Т.Н. Грановский, П.Г. Редкин, Д.Л. Крюков и др. Непременным условием получения профессорского звания становится стажировка кандидатов в лучших европейских университетах.

Е.П. Новиков обучался на основанной в 1835 г. кафедре славистики (истории и литературы славянских наречий). В 1842 г. ее возглавил Осип Максимович Бодянский (1808–1877), в будущем известный историк и филолог, а в то время – молодой ученый, недавно вернувшийся из заграничной научной командировки⁵. Пять лет путешествовал он по восточным землям Пруссии и Австрийской империи, изучил несколько славянских языков, сблизился со многими польскими, чешскими и словацкими деятелями науки и культуры. Особенно теплые отношения сложились у него с чешскими славистами, находившимися тогда в авангарде национального движения. И не случайно его подопечный, Евгений Новиков, выбрал темой своей научной работы гуситское движение XV в., политическая и религиозная деятельность которого считалась важным этапом в истории чешского народа. В своем студенческом сочинении под названием «Православие у чехов», удостоенном золотой медали, он первым в русской историографии обосновал тезис о том, что богословской основой учения Яна Гуса являлось именно православие.

По окончании университета Новиков продолжал разрабатывать эту тему, подготовив обстоятельный труд «Гус и Лютер», который должен был стать его магистерской диссертацией. Однако в 1848 г. Европу охватила волна революций, в Австрийской империи началось Венгерское восстание, в чешских и других славянских землях также происходили волнения. В такой ситуации публикация работы Новикова и ее защита были запрещены Министерством народного просвещения⁶. Молодому слависту пришлось срочно менять тему исследования. В 1849 г. он защитил магистерскую диссертацию «О важнейших особенностях лужицких наречий», которая стала первой российской научной работой, посвященной серболужицкому языку. Даже через сто с лишним лет специалисты рассматривали ее как ценный вклад в славянское языкознание⁷.

² Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: в 6 т.-х. Т. 4. М–П. / гл. ред. П.А. Николаев. М., 1999. С. 337.

³ Исторический вестник. 1915. Т. 141. С. 848.

⁴ Шестаков П.Д. Московский университет в 40-х годах // Русская старина. 1887. Т. 55. № 7–9. С. 641, 643.

⁵ Подробнее см.: Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / отв. ред. Д.А. Марков, В.А. Дьяков. М., 1988. С. 85–88, 93, 112, 123.

⁶ Иванов Ю.Ф. Гуситское движение в русской историографии // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 54.

⁷ См.: Бернштейн С.Б. Русское славяноведение о сербо-лужицких языках // Сербо-лужицкий лингвистический сборник / отв. ред. Л.Э. Калынь. М., 1963. С. 11–12; Славяноведение в... С. 263–264.

После европейских событий 1848–1849 гг. в Российской империи начался период, известный как «мрачное семилетие». Историк Сергей Михайлович Соловьев пророчески заметил тогда: «Нам, русским ученым, достанется за эту революцию». Притеснениям подвергались и русские слависты, научная деятельность которых в предшествующие годы поощрялась государством. Так, О.М. Бодянскому было запрещено преподавать в стенах университета в течение года⁸. Все это привело к решительному повороту в судьбе Новикова⁹. Он ставит крест на академической карьере и уезжает в Петербург, чтобы поступить на дипломатическую службу.

Свой двухтомный труд «Гус и Лютер» (с предисловием О.М. Бодянского) Новиков все-таки сумел издать позже, в 1859 г. В этом исследовании он рассматривал Чехию как место столкновения двух «стихий» — западной (романо-германской, латинской) и восточной (греко-славянской), а гуситское движение — как борьбу православия, «исконно» присущего чехам, с «привнесенным извне» католицизмом. По свидетельству современника, книга встретила одобрение в церковных кругах и получила положительный отклик митрополита Московского Филарета¹⁰. Концепция Новикова получила распространение и в научном сообществе, хотя и подвергалась вполне обоснованной критике¹¹.

В начале своей дипломатической карьеры Новиков отдавал дань литературному творчеству. В 1855–1857 гг. он опубликовал в «Отечественных записках» несколько произведений. В повести «Горбун» он попытался создать образ простого крестьянина, отразить народную жизнь и народную речь. Критики невысоко оценили этот первый литературный опыт Новикова. Следующая повесть, «Поездка в деревню», — это история молодого помещика, далекого от реалий деревенской жизни, который решил провести в унаследованном имении преобразования в прогрессивном духе и потерпел вполне ожидаемое фиаско. Читатели и рецензенты оценили замысел Новикова, однако его исполнение вновь подверглось критике, главным образом за тяжелый вычурный язык и многословие. Последнее опубликованное произведение Евгения Петровича вышло в свет под малоговорящим публике названием «Портретная галерея». Однако удивляет прозорливость автора при выборе темы — «разорение дворянства и переход помещичьих имений в руки новых хозяев, безнравственных дельцов». Произведение было написано «в жанре любовно-авантюрного романа с малоправдоподобным сюжетом»¹².

В 1850 г. Новиков поступает на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел и получает должность младшего помощника столоначальника с чином титулярного советника. Уже в конце того же года он становится старшим помощником, а в 1853 г. — младшим столоначальником департамента¹³. Одним из важнейших направлений

⁸ Следует отметить, что поводом к этому запрету стали не симпатии Бодянского к славянским национальным движениям, а попытка опубликовать в сборнике «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских», редактором которого он являлся, сочинение английского дипломата второй половины XVI в. Джэйлса Флетчера. Это произведение цензура сочла оскорбительным для русского самодержавия.

⁹ *Галамичев А.Н.* Евгений Петрович Новиков — русский историк и дипломат XIX века // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию исторического образования в Саратовском университете / под ред. А.Н. Галамичева. Саратов, 2008. С. 196.

¹⁰ *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. СПб., 1908. С. 6.

¹¹ Профессор Л.П. Лаптева отмечала: «Е.П. Новиков ввел в оборот колоссальное количество неизвестных ранее в России сведений и оказал серьезное влияние на последующее освещение гуситского движения в целом и отношения Гуса с немецкой реформацией в частности. Сочинениями Е.П. Новикова пользовались даже противники его концепции, а сторонники верили ему вообще безоговорочно». См.: *Лаптева Л.П.* Ян Гус и немецкая реформация в освещении русской литературы XIX — начала XX века // Исследования по славяно-германским отношениям / отв. ред. В.Д. Королук. М., 1971. С. 285. О произведении Е.П. Новикова см. подробнее: *Славяноведение* в... С. 145–146.

¹² *Русские писатели...* С. 337.

¹³ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 2427. Л. 2.

деятельности этого отделения МИД являлись дипломатические контакты с Османской империей, основное население балканских провинций которой составляли славянские народы. В рассматриваемый период в отношениях Петербурга и Стамбула назревал конфликт, переросший в 1853 г. в Крымскую войну. Неудивительно, что молодой чиновник приобрел богатый опыт работы на «бурлящей дипломатической кухне». В 1855 г. Новиков был произведен в надворные советники и после окончания войны, в июле 1856 г., получил назначение младшим секретарем миссии в Константинополе¹⁴.

Следует отметить, что 1856 г. стал поворотным в судьбе не только Новикова, но и всей российской (как внешней, так и внутренней) политики. В Париже по итогам Крымской войны был подписан крайне неблагоприятный для Петербурга мирный договор. Важнейшей внешнеполитической задачей Российской империи в данный период становится отмена условий этого договора, касавшихся нейтрализации Черного моря. А.М. Горчаков стремился добиться пересмотра Парижского мира без новых войн и финансовых затрат. Задачи восстановления позиций России на международной арене и «обновления» отношений с прежними противниками были также обусловлены необходимостью обеспечить стабильную основу для проведения внутренних преобразований. Крылатой стала фраза Горчакова из циркулярной депеши, разосланной во все российские дипломатические представительства: «Россия не сердится, Россия сосредотачивается»¹⁵.

В столице Османской империи Новикову предстояло пройти школу практической дипломатии. После окончания Крымской войны и возобновления отношений с Портой в Константинополь была направлена новая миссия. Посланником был назначен опытный дипломат, знаток Востока Аполлинарий Петрович Бутенев (1787–1866), уже бывший на этом посту в период с 1829 по 1843 г. Именно он внес значительный вклад в подготовку заключения выгодного для обеих сторон, в особенности для России, Ункяр-Искелесийского договора 1833 г.¹⁶ В 1856 г. на А.П. Бутенева была возложена миссия восстановления отношений Российской и Османской империй. Он также должен был содействовать развитию торговли в Средиземноморье. Другой задачей дипломата являлось оказание поддержки христианскому населению и православной церкви, но исключительно дипломатическими средствами¹⁷. В подчинение Бутенева и поступил Новиков. Естественно, молодой дипломат выполнял свои обязанности в русле тех задач, которые должна была решать посольская миссия. В 1858 г. он был повышен в чине до старшего секретаря.

В том же году Евгений Петрович женился на Марии Николаевне Титовой (1842–1901), племяннице Владимира Павловича Титова, который возглавлял российскую дипломатическую миссию в Константинополе с 1843 по 1853 г. Здесь у супругов родились сын Сергей и дочь Вера (позже родились еще сын и дочь). В 1860 г., когда Мария Николаевна вместе с супругом, назначенным членом международной комиссии (о ее деятельности будет рассказано ниже), прибывает в Бейрут, она удостоится следующих строк в записках русского писателя Николая Берга: «Боги ничего не могли лучше придумать, как послать русскому обществу Бейрута такую комиссаршу, какою явилась Мария Николаевна Новикова, озарившая Ливан таким блеском, какого он не видывал решительно никогда... Я говорю это совсем не ради патриотизма. Едкие стихи французов по поводу ливанских событий, не пощадившие ровно никого, не нашли ни единого пятнышка на нашем ясном солнце»¹⁸. К сожалению, вскоре, уже по возвращении в Константинополь, с Марией Николаевной

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения / редкол. Е.М. Примаков и др. М., 1998. С. 212–213.

¹⁶ См.: Кудрявцева Е.П. Российский посланник в Турции А.П. Бутенев // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013038640015140-2

¹⁷ В частности, для решения этой задачи Россия расширила сеть своих консульских представительств в Османской империи. См.: История внешней политики России. Вторая половина XIX века / отв. ред. В.М. Хевролина. М., 1997. С. 60–61.

¹⁸ Берг Н. Очерк последних сирийских событий // Библиотека для чтения. 1863. № 10. С. 10.

произошел несчастный случай (падение с лошади), драматически сказавшийся и на ее здоровье, и на характере, и на семейной жизни Новиковых¹⁹.

Что же касается назначения А.П. Бутенева, то он к этому моменту был уже весьма пожилым и не очень здоровым человеком. Он осуществлял общее руководство миссией, оставляя подчиненным решение текущих вопросов. Его правой рукой был молодой, но при этом достаточно опытный дипломат Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1824–1896; министр иностранных дел Российской империи в 1895–1896 гг.), который, как и все коллеги, служил при посольстве с 1856 г. (сначала советником, затем поверенным в делах). В конце 1858 г. А.П. Бутенев вынужден был уехать в Россию из-за ухудшения здоровья. Его пост занял А.Б. Лобанов-Ростовский²⁰. Е.П. Новикова же в 1859 г. повышают «за отличие», назначая советником миссии²¹. Лобанов-Ростовский успел немало сделать на новой должности. В 1862 г. уже в статусе чрезвычайного и полномочного посланника он участвовал в урегулировании конфликта между Османской империей и Черногорией²², а также подписал выгодный для России договор о торговле и мореплавании.

В 1860–1861 гг. Новикову довелось выполнять важную миссию. В качестве российского уполномоченного он вместе с французским, британским, прусским и австрийским представителями участвовал в работе европейской комиссии по урегулированию серьезного кризиса в Османской империи – конфликта между маронитами и друзами, разгоревшегося на территории провинции Сирия²³. Назначение состоялось 10 августа 1860 г. «по Высочайше утвержденному ... докладу Министра иностранных дел»²⁴.

Так называемый сирийский кризис мая-июня 1860 г. представлял собой серию кровавых столкновений между представителями разных конфессиональных групп, разразившихся в Горном Ливане и Дамаске. Эти события имели такой резонанс в Европе, что правительство Османской империи вынуждено было согласиться на вмешательство западных держав, в частности, на создание международной комиссии. Для России участие в работе комиссии стало знаковым событием: это был один из первых эпизодов, когда она, после поражения в Крымской войне, поставившего ее в условия относительной международной изоляции, смогла полноправно выступить в рядах «европейского концерта», хотя, разумеется, не в роли «первой скрипки». Следует отметить, что именно Франция, заинтересованная в «освоении» данного региона, добилась от других европейских государств согласия на отправку в Сирию своего экспедиционного корпуса, а затем и на создание комиссии пяти держав. Инициатива Парижа была поддержана российским правительством. В тот период между двумя странами как раз намечалось политическое сближение²⁵.

Комиссия начала свою работу в Бейруте 5 октября 1860 г. Ее основной задачей являлась выработка нового статута для Горного Ливана, т.е. административного устройства, которое обеспечило бы мир и спокойствие в регионе и предотвратило бы возникновение трагических столкновений в будущем²⁶. Ведущая роль в комиссии принадлежала представителям Великобритании и Франции. Следует отметить, что Лондон традиционно поддерживал

¹⁹ См.: Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 30.

²⁰ См.: Кушнарев И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского (1844–1896 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 32.

²¹ АВПРИ. Ф. 180. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 2427. Л. 8.

²² Хитрова Н.И. Триумф А.М. Горчакова. Отмена нейтрализации Черного моря // Российская дипломатия в портретах / под ред. А.В. Игнатьева. М., 1992. С. 208–220.

²³ Сагомонян А.А. Участие России в международной комиссии 1860–1861 гг. по Сирии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 12 (134). Ч. II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029670-6-1/> (дата обращения: 12.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840029670-6

²⁴ АВПРИ. Ф. 180. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 464. Д. 2427. Л. 8.

²⁵ См.: Панченкова М.Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860–1861 гг. М., 1966.

²⁶ Ozavci O. Dangerous Gifts. Imperialism, Security, and Civil Wars in the Levant, 1798–1864. Oxford, 2021. P. 324.

друзов, в то время как Париж играл роль покровителя маронитов. Россия же в лице своего представителя Е.П. Новикова стремилась защищать права местного православного населения. В то же время французский и российский члены комиссии приветствовали любые репрессивные действия османских властей против друзей, «гонимых христиан»²⁷.

Почти полгода понадобилось «комиссарам», чтобы преодолеть бесчисленные разногласия и выработать предварительный статут для Горного Ливана: ранее разделенный на две области (одна — во главе с другом, другая — маронитом), он становился единым автономным округом под управлением османского чиновника, представлявшего одну из христианских общин региона²⁸. Российский «комиссар» Новиков в этих дебатах пытался играть роль «балансира»: он взвешивал выдвигаемые главными акторами аргументы и присоединялся к тому или иному их предложению, которое отвечало интересам России. Не менее острыми, хотя и не столь продолжительными, были следовавшие затем дискуссии по поводу кандидата на пост губернатора (мутасаррифа) Ливана. Фигурой, которая устроила всех, оказался Дауд-паша. Армянин по происхождению и католик по вероисповеданию, этот уроженец Константинополя, получивший французское и немецкое образование, уже имел опыт работы на серьезных должностях. Окончательно Органический статут для Ливана был утвержден 9 июня 1861 г. в Константинополе в присутствии всех «комиссаров» и послов пяти держав. Этот документ предусматривал создание при правителе совета из представителей конфессиональных общин (маронитов, православных, греко-католиков, друзов, суннитов и шиитов) и создание на территории Ливана шести соответствующих округов. После возвращения комиссии в Бейрут в августе 1861 г. Новиков сообщал, что в местных общинах началась борьба за место в совете. «Многие обращаются ко мне с требованием получить рекомендацию от Дауда-паши. Я всегда отказываюсь от вмешательства»²⁹. Видимо, у российского представителя установились достаточно доверительные отношения с новым правителем Ливана.

В целом итоги деятельности комиссии оказались достаточно успешными, обеспечив мирное развитие региона вплоть до периода Первой мировой войны.

Российский «комиссар» вернулся к месту своей службы в самом конце 1861 г. Ему был пожалован орден Св. Владимира третьей степени.

Вскоре Евгению Петровичу довелось пережить неожиданный карьерный взлет. Когда в марте 1863 г. Лобанов-Ростовский по причинам личного характера уходит в отставку и покидает турецкую столицу, Новиков фактически остается главой миссии в должности и.о. поверенного в делах — вплоть до прибытия из Петербурга графа Николая Павловича Игнатьева в августе 1864 г. Таким образом, Новиков оказался на достаточно высоком и престижном посту во многом по воле случая. Видимо, он и сам понимал, что занимает эту должность лишь временно, ожидая нового назначения. В связи с посольской «чехардой» российская дипломатическая миссия в Константинополе, одном из важнейших центров мировой политики, переживала в рассматриваемый период не лучшие времена. «Записка МИД, составленная в 1864 г., констатировала: влияние России в Турции ослабло, православная церковь теряет свои права и привилегии, руководители миссии не смогли наладить отношения ни с турецкой верхушкой, ни с христианскими общинами»³⁰. Следует, однако, учитывать, что эта записка была составлена уже при новом главе миссии.

На назначении в Константинополь именно Н.П. Игнатьева решительно настаивал А.М. Горчаков, высоко ценивший его способности. Протеже министра иностранных дел был человеком энергичным и инициативным, уже проявившим себя в двух сложнейших

²⁷ Копия рапорта Комиссара Российской империи в Сирии, 11 (23) сентября 1860 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. Ед. хр. 42. Л. 736.

²⁸ Паченкова М.Т. Указ. соч. С. 191–220.

²⁹ Копия депеши г. Новикова из Бейрута, 8/20 июля 1861 г. // АВПРИ. Ф. Консульство в Бейруте 1861–1864. Ед. хр. 112. Оп. 819. Л. 9.

³⁰ Хевролина В.М. Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н.П. Игнатьев (1864–1876 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 36.

дипломатических миссиях – в Средней Азии и в Китае, а также на посту главы Азиатского департамента. Игнатъев должен был вдохнуть новую жизнь в деятельность российского посольства в Османской империи, и это ему, как известно, блестяще удалось. Кстати, на оставляемый им пост главы Азиатского департамента он рекомендовал три кандидатуры, одной из которых был Новиков³¹. Граф Игнатъев получил инструкции действовать на вверенном ему посту с осторожностью, отстаивая российские интересы и защищая права славянских народов, при этом избегая явного покровительства сербскому, болгарскому и румынскому национально-освободительным движениям³². Однако уже в первые месяцы его пребывания на новой должности стало очевидно, что российский дипломат имеет собственные, гораздо более решительные планы на этот счет. Не являлось секретом и то, что Игнатъев не доверял «европейскому концерту».

В том же 1864 г. Новиков был выведен из штата посольской миссии в Константинополе³³, где приобрел бесценный опыт профессиональной деятельности. Известный отечественный дипломат Андрей Николаевич Карцов так отзывался о нем: «Е.П. Новиков воспитывался в Московском университете... научные приемы работы сохранил он и на дипломатической службе. Каждый вопрос он обдумывал и разбирал принципиально, исторически, до мельчайших подробностей. Пунктуален он был до педантичности». В начале карьеры «он, как истый питомец Московской alma mater, заплатил дань увлечения славянами»³⁴. Однако со временем, наблюдая за развитием ситуации на Балканах и анализируя происходившие геополитические изменения в этом регионе, Новиков оставил прежние умозрительные концепции и перешел на позиции «реальной» политики, ориентированной на российские государственные интересы.

В 1865 г. Новикова, который к тому моменту имел уже достаточно высокий дипломатический ранг, направляют чрезвычайным посланником в Грецию. В рассматриваемый период политическая ситуация в этой стране, обретшей свою независимость от Османской империи лишь в 1830 г. при поддержке европейских держав, в том числе России, отличалась нестабильностью. В 1862 г. в Греции произошел государственный переворот, в ходе которого был свергнут правивший страной в течение 30 лет король Оттон I. В следующем году на греческий престол взошел 17-летний датский принц Георг. У прибывшего вскоре в Афины Новикова установились добрые отношения с молодым монархом, который прислушивался к мнению российского дипломата по различным политическим вопросам³⁵. Однако период «русофильства» Георга оказался недолгим. Укрепить межгосударственные отношения России и Греции был призван заключенный в 1867 г. брак «короля эллинов» с дочерью великого князя Константина Николаевича Ольгой. Юную греческую королеву отличали искренняя любовь к России, преданность православию и в то же время стремление жить интересами своей новой родины. Еще с юности значительное влияние на Ольгу Константиновну оказывал Александр Алексеевич Киреев – адъютант великого князя Константина Николаевича, видный славянофил, который долгие годы оставался другом и советником королевы. Интересно, что Е.П. Новикову А.А. Киреев приходился свойственником – старший брат дипломата Иван Петрович был женат на его родной сестре³⁶. Киреев

³¹ Там же. С. 39.

³² См.: *Хевролина В.М.* Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатъева // *Российская дипломатия в портретах.* С. 242.

³³ См. список сотрудников: *Хевролина В.М.* Российское посольство... С. 43. Можно предположить, что Новиков отправился в отпуск на родину.

³⁴ Воспоминания А.Н. Карцова были записаны его племянником, также дипломатом. См.: *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. С. 6–7.

³⁵ См.: *Медоваров М.В.* Генерал А.А. Киреев, королева Ольга и русско-греческие отношения во второй половине XIX – начале XX в. // *Теория и практика общественного развития.* 2013. № 1. С. 217.

³⁶ Проживая в Лондоне и имея знакомства в британских политических кругах, Ольга Алексеевна Киреева-Новикова пропагандировала славянофильские идеи и поддерживала российский внешнеполитический курс. Ее называли «неофициальным послом России».

и Новиков придерживались схожих взглядов на «балканский вопрос»³⁷. Когда у супругов Новиковых в Афинах родилась дочь, которую назвали Ольгой, ее крестной матерью стала греческая королева. В 1868 г. генерал А.А. Киреев посетил Афины, где встретился с монаршей четой и российским послом.

Вскоре после прибытия в Афины Новикова на Крите, который находился под властью Османской империи, вспыхнуло антитурецкое восстание, продолжавшееся с 1866 по 1869 г. «Мать-Греция», с которой мечтали воссоединиться критяне, оказывала повстанцам всестороннюю поддержку, снабжая их продовольствием и оружием, отправляя на остров добровольцев. Россия также выразила солидарность с восставшими, попытавшись организовать демарш европейских держав перед Портой, однако в силу раскола среди участников «европейского концерта» и их стремления избежать усиления российского влияния на Балканах эта попытка оказалась безуспешной. Российское правительство выделило средства на покупку хлеба для жителей острова, в Петербурге и других крупных городах страны начался сбор пожертвований в пользу критских повстанцев. Посланные к берегам острова военные корабли под командованием капитана 1-го ранга Ивана Ивановича Бутакова вывозили беженцев и раненых, даже не всегда имея на это официальные разрешения³⁸. Всего в афинский порт Пирей с мятежного Крита было переправлено 24 тыс. человек. Их успешная эвакуация во многом являлась заслугой Новикова, убеждавшего в необходимости этого шага Горчакова³⁹, придерживавшегося в данном вопросе более осторожной линии поведения.

С самого начала описываемых событий Новиков выражал солидарность с критскими повстанцами. Он регулярно получал сообщения о ситуации на острове от российского консула Спиридона Ивановича Дендрино и от И.И. Бутакова⁴⁰. Сохранились свидетельства о встрече Новикова с одним из предводителей восставших, греческим офицером Паносом Коронесом⁴¹. Жертвуя посольские средства в пользу беженцев, российский дипломат прекрасно понимал, что они будут израсходованы на закупку не только продовольствия, но и оружия. Именно через Новикова король Георг I передавал российскому правительству различные просьбы, касавшиеся помощи восставшим. Так, в августе 1866 г. греческий монарх попросил поддержать их требования в Стамбуле, и Новиков уверенно пообещал оказать в этом свое содействие⁴². Когда в следующем году А.М. Горчаков, убедившись в противодействии европейских держав попыткам Петербурга повлиять на Порту в данном вопросе, решил объявить о невмешательстве России в критскую проблему, посланник высказал несогласие с канцлером: «Я не могу скрывать от Вашего Превосходительства, что политика примирения, которой начала придерживаться Россия в отношении острова Крита, будет осуждена здесь как отступничество и уменьшит наш престиж в Греции»⁴³. Даже когда восстание явно близилось к своему завершению, осенью 1868 г. Новиков безуспешно убеждал руководителей МИД Российской империи в том, что необходимо продолжать помогать критянам, которые уже в скором времени могут быть поддержаны выступлением славянских народов Балканского полуострова⁴⁴. К этому времени Османская империя официально ввела на Крите Органический статут, согласно которому греческое население острова получало ограниченную автономию. Однако восставшие не были удовлетворены данными уступками.

К концу 1868 г. критские повстанцы понесли значительные потери в сражениях с регулярными османскими войсками. В то же время отношения между Афинами и Стамбулом были близки к разрыву. В январе 1869 г. конференция послов великих держав в Париже

³⁷ См.: Медоваров М.В. Указ. соч. С. 217.

³⁸ См.: Виноградов В.Н. Канцлер А.М. Горчаков: триумф в Лондоне и черные дни в Берлине // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 127.

³⁹ См.: Сенкевич И.Г. Россия и критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970. С. 165–167, 196.

⁴⁰ Там же. С. 48, 91–92, 94, 148, 152, 172.

⁴¹ Там же. С. 146.

⁴² Там же. С. 43–44.

⁴³ Цит. по: Там же. С. 141.

⁴⁴ Там же. С. 185–186.

рекомендовала Греции прекратить всяческую поддержку Крита и воздержаться от враждебных действий в отношении Порты. В 1869 г. А.А. Киреев, еще раз посетивший Грецию, с горечью констатировал: «Вопрос критский утоплен в греческой крови и дипломатических чернилах, а вместе с ним утопилось и наше влияние на Грецию. Вопрос этот обнаружил нерасположенность Франции и Англии к Греции, но вместе с тем обнаружил и наше бессилие»⁴⁵. Действительно, в рассматриваемый период Россия еще не была готова к активному политическому и военному противостоянию Османской империи на Балканах. И это понимали многие. Анонимный автор «Писем о Греции в 1865–67 годах», русский путешественник, возможно, дипломат, в заключительных строках своего произведения замечал: «Россия опять накличет на себя вторую и еще, может быть, страшнейшую первую Крымскую войну, если только она сделает хоть один еще шаг вооруженного вмешательства в дела Востока; ... любя своих единоверных, страждущих там братий, покуда можем только сострадать и сочувствовать им в ожидании иных, лучших времен!»⁴⁶ Спустя шесть лет и сам Новиков, уже будучи с 1870 г. дипломатическим представителем Российской империи в Австро-Венгрии, сетовал: «И что же мы получили в результате, кроме неблагодарности со стороны эллинов, которые еще и сегодня ... продолжают возлагать на нас ответственность за неосуществление своих национальных чаяний?»⁴⁷

В начале 1870-х годов произошли события, коренным образом изменившие баланс сил в Европе. Летом 1870 г. началась Франко-прусская война. Сокрушительная победа Пруссии предвещала появление на границах Российской империи мощной державы, отношения с которой фактически предстояло выстраивать с нуля. Российский МИД рассматривал эти перемены в европейской политике прежде всего как шанс осуществить «заветную мечту» – отказаться от нейтрализации Черного моря. Еще до завершения Франко-прусской войны, в октябре 1870 г., Горчаков направил свою знаменитую циркулярную депешу российским дипломатическим представителям при правительствах стран – участниц Парижского трактата. В этом документе Россия заявляла о своих правах на Черном море. Тем самым Петербург пытался решить проблему безопасности южных рубежей и восстановить свой престиж как великой державы.

В 1870 г. Новиков был направлен представлять Российскую империю в Австро-Венгрии, где и пребывал до 1879 г. сначала в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра, а с 1874 г. – чрезвычайного и полномочного посла. Дипломатическая служба в Вене (наряду с Парижем и Лондоном) в данный период считалась очень престижной. К тому же европейские события развивались так, что значение этой миссии во внешней политике Российской империи возрастало с каждым годом.

Начавшееся сближение России с Германией, а затем и с Австро-Венгрией привело к образованию в 1873 г. «Союза трех императоров». Еще в 1871 г., когда новый руководитель внешнеполитического ведомства двуединой монархии Дьюла Андраши выпустил циркулярную ноту, в которой заверял, что Австро-Венгрия не собирается искать случая для расширения собственных границ, Горчаков писал Новикову: «В теории политическая программа, развиваемая Андраши, нам симпатична, и мы не требовали лучшего»⁴⁸. Однако, как известно, именно в этот период Австро-Венгрия стала проявлять все больший интерес к утверждению своего влияния на Балканах, бросая вызов России. И Вена, и Петербург рассчитывали получить поддержку от Германии, а российская дипломатия

⁴⁵ Цит. по: Медоваров М.В. Указ. соч. С. 218.

⁴⁶ С.Н. Письма о Греции в 1865–67 годах. СПб., 1869. С. 212.

⁴⁷ Донесение российского посла в Вене Е.П. Новикова А.Г. Жомини... 22 августа (3 сентября) 1875 г. // Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2008. С. 70.

⁴⁸ Цит. по: Сироткина Е.В. На пути к Союзу трех императоров: австрийско-российские отношения после окончания франко-прусской войны // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2014. № 2. С. 145–150.

надеялась также на коллективные действия «союзников» в защиту христианских народов Османской империи.

В начале 1870-х годов Новиков, как и Горчаков, являлся убежденным сторонником укрепления отношений с Австро-Венгрией. Оно представлялось ему необходимым «как залог полюбовного разрешения затруднений на Балканском полуострове, возникновения которых следовало ожидать каждую минуту»⁴⁹. В Вене у него сложились довольно близкие отношения с Д. Андраши, в котором он видел союзника в мирном разрешении балканской проблемы. Однако к 1875 г. Новиков осознал, что компромисс между двумя государствами на Балканах невозможен. В одном из своих донесений в МИД за этот год он, в частности, писал: «Я с самого начала не строил себе никаких иллюзий относительно конечных целей австро-венгерской политики»⁵⁰.

Одним из крупнейших событий в мировой политике в 1870-е годы стал Восточный кризис, завершившийся Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Новиков оказался напрямую причастен к дипломатическим перипетиям, сопровождавшим развитие кризиса, — если не сказать, что находился в их эпицентре. Начавшееся в 1875 г. антитурецкое восстание в Боснии и Герцеговине вызвало в России опасения, так как обострением ситуации на Балканах могла воспользоваться Австро-Венгрия, которая вынашивала планы аннексии этой территории. Со своей стороны, Новиков сообщал в Петербург об участии в восстании гарибальдийцев и о связях повстанцев с «Омладиной» — сербской «радикальной, социалистической и атеистической организацией». Он настаивал, что России не стоит безоговорочно и в одностороннем порядке (без поддержки со стороны западных держав) поддерживать восстание, поддавшись «очарованию, внушаемому одним лишь именем христиан Турции, дабы не оказаться однажды ... предметом злорадства и подозрений Европы»⁵¹. Подобные оценки являлись в значительной степени преувеличением. И показательно, что, ссылаясь, в частности, на сообщения Новикова, император Александр II призывал «союзников» совместно выступить в роли умиротворителей, чтобы избежать военного вмешательства в конфликт и в то же время добиться от Турции реального улучшения положения славян⁵².

По всей видимости, позиция Новикова была известна не только в правительственных кругах, но и среди его коллег-дипломатов. Он счел необходимым разъяснить ее, «смягчив» некоторые свои взгляды и риторiku, в письме Александру Семеновичу Ионину, российскому консулу в Рагузе (Дубровнике). Новиков, в частности, отмечал: «Я не отрицал, что залогом восстания лежали во внутренних условиях края, в тяжелой доле местных христиан, в невыносимых притеснениях мусульманских властей и помещиков. Но я утверждал ... что, несмотря на эти хронические причины восстания, оно бы не вспыхнуло без внешней подготовки австрийских деятелей славянской идеи и надежды на помощь Австрии и союзных с нею держав». По мнению Новикова, важную роль в организации восстания сыграли также «служители великосербской идеи»⁵³. По оценке современных историков, «Новиков приложил немало усилий, чтобы достигнуть согласия с Австро-Венгрией о выступлении трех держав — “не коллективном, но однородном”» с призывом к мирному разрешению возникшего в Боснии и Герцеговине кризиса⁵⁴.

В это же время в российских правящих кругах все громче заявляли о себе сторонники более активных действий на Балканах. Ярый приверженец и энергичный проводник такой линии, посол в Константинополе Н.П. Игнатьев предложил свой план урегулирования

⁴⁹ Карцов Ю.С. За кулисами дипломатии. С. 9.

⁵⁰ Донесение российского посла... С. 69.

⁵¹ Там же. С. 69–70. На этом довольно обширном документе имеются многочисленные одобрительные пометки А.М. Горчакова и Александра II.

⁵² См.: Письмо Александра II германскому императору Вильгельму I ... 30 августа (11 сентября) 1875 г. // Россия и восстание в Боснии и Герцеговине... С. 95. В этом письме Александр II несколько раз почти дословно цитирует донесение Е.П. Новикова.

⁵³ Письмо Е.П. Новикова А.С. Ионину... 10 (22) ноября 1875 г. Вена // Там же. С. 165.

⁵⁴ История внешней политики России... С. 177.

конфликта: вопреки протестам Германии и Австро-Венгрии, добиться от Порты предоставления Боснии и Герцеговине широкой автономии. Этот план встретил многочисленные возражения, в том числе со стороны Д. Андраши и Е.П. Новикова. Так, Андраши заявлял, что, получив даже некоторую степень политической самостоятельности, Босния и Герцеговина, конфессиональные общины которых имели немало взаимных претензий друг к другу, очень быстро скатились бы к анархии⁵⁵. На данном этапе возобладала умеренная точка зрения. Однако это была лишь дипломатическая победа. Восстание в Боснии продолжалось, в России же развернули бурную деятельность комитеты помощи славянским народам Османской империи. Вскоре на Балканы стали прибывать русские добровольцы. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии было жестоко подавлено Портой. При этом европейские правительства хранили молчание.

В своих донесениях в МИД посол Н.П. Игнатьев, консул в Белграде А.Н. Карцов и другие дипломаты предупреждали о нарастании военных настроений и приготовлений в Сербии и Черногории. В июне 1876 г. оба княжества объявляют Турции войну. События на Балканах вызвали широкий резонанс в российском обществе. Правительство рассматривало варианты военного вмешательства в конфликт. Однако в конечном итоге было принято решение добиваться мирного разрешения возникшего кризиса. Для достижения этой цели было необходимо заручиться поддержкой «союзника» и одновременно главного соперника Российской империи в регионе – Австро-Венгрии. В конце июня 1876 г. в Рейхштадте состоялись переговоры, в которых с российской стороны участвовали император Александр II, А.М. Горчаков и Е.П. Новиков, а с австро-венгерской – император Франц Иосиф и министр иностранных дел Д. Андраши. По итогам этих переговоров были достигнуты секретные устные соглашения. Следует отметить, что в появившихся затем письменных вариантах этих соглашений обнаружились некоторые расхождения⁵⁶. Стороны договорились, что не будут содействовать образованию на Балканах большого славянского государства. На этом настаивала Вена. Впоследствии Андраши, используя данную формулировку, выступил против создания «большой Болгарии». Были также достигнуты соглашения о возможном послевоенном разделе балканских владений Порты (в случае победы Сербии и Черногории или даже краха Османской империи). В частности, провинции Босния и Герцеговина должны были войти в состав Австро-Венгрии, а не Сербии. Россия возвращала себе Южную Бессарабию, утраченную в 1856 г.⁵⁷ Таким образом, разногласия двух держав относительно принадлежности спорных территорий были устранены.

Очевидно, что А.М. Горчаков в этот период всецело доверял Е.П. Новикову как последовательному стороннику политики «европейского единства». При этом важно отметить, что в российских правящих кругах единства по балканскому вопросу не было. Новиков был чрезвычайно доволен результатами рейхштадтской встречи. Он, в частности, отмечал: «Я имел счастье присутствовать при этом исторически достопамятном свидании и удостоверить в полном и искреннем согласии нашего... государя с императором австрийским»⁵⁸. Встреча, безусловно, имела позитивный итог. Однако дальнейшее развитие Восточного кризиса заставляет усомниться в упомянутом «искреннем согласии» двух монархов. Интересно, что в беседе с русским послом, состоявшейся сразу после рейхштадтской встречи, граф Андраши также заявил, что он «счастлив» по поводу принятого решения. Новиков, сообщая об этом Горчакову, писал, что его коллега уточнил позицию Австро-Венгрии по балканскому вопросу: «Всякая аннексия на Востоке... рассматривается австро-венгерским

⁵⁵ См.: *Сироткина Е.В.* Дюла Андраши, Восточный вопрос и развитие австрийско-российских отношений в 70-е годы XIX века // *Славяноведение*. 2018. № 5. С. 9.

⁵⁶ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е.А. Адамова, сост. И.В. Козьменко. М., 1952. С. 144–148.

⁵⁷ См. подробнее: *Золотухин М.Ю.* Русско-австрийские переговоры по политическим и территориальным изменениям на Балканском полуострове на начальном этапе восточного кризиса 1870-х годов // *Преподаватель XXI век*. 2016. № 1. С. 253–261.

⁵⁸ Цит. по: *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. С. 35.

правительством, скорее, как обуза, чем как приобретение; но в Вене и в Пеште еще в меньшей степени могут вытерпеть тот факт, что Сербия будет расширяться путем завоеваний, так как она станет центром притяжения для славян Австрийской монархии на ее адриатическом побережье. В подобном случае австрийцы будут вынуждены этому противостоять — с Россией или без нее»⁵⁹.

Пытаясь оказать давление на Османскую империю, европейские державы договорились о созыве международной конференции в Константинополе, которая открылась в конце ноября 1876 г. Потребовалось немало времени, чтобы согласовать позиции ее участников. Но в этот момент султан Абдул-Хамид II объявил о даровании подданным конституции, которая должна была уравнивать в правах христиан и мусульман. По его мнению, это делало излишним все предложения европейских держав, которые были им отвергнуты. Однако обещания султана остались лишь на бумаге. Жестокие расправы над восставшими в Боснии и Герцеговине продолжались. Война между Россией и Османской империей становилась неизбежной.

В этот период одной из важных задач российской дипломатии становится закрепление договоренности с Австро-Венгрией, гарантирующей нейтралитет последней. Еще до окончания Константинопольской конференции, в январе 1877 г., состоялась встреча представителей двух стран в Будапеште, где после долгих переговоров была подписана тайная конвенция. От Австро-Венгрии свою подпись под ней поставил граф Андраши, а от Российской империи — посол Новиков. Вена обязывалась соблюдать по отношению к Петербургу позицию «доброжелательного нейтралитета» и, «насколько это будет от нее зависеть, парализовать попытки вмешательства или дипломатического посредничества других держав»⁶⁰. Впоследствии также было закреплено соглашение двух стран об отказе от создания большого славянского государства на Балканах.

Заключение Будапештской конвенции ставило Россию в определенную зависимость от намерений своего «союзника». Но, как писал Ю.С. Карцов, «какими бы дефектами соглашение наше с Австро-Венгрией ни отличалось, назначение свое обеспечить тыл нашей армии оно выполнило безусловно»⁶¹.

В апреле 1877 г. Александр II объявляет Османской империи войну. После решающих побед российской армии под Плевной и на перевале Шипка Порты 30 ноября 1877 г. обратилась к европейским державам с просьбой о посредничестве в заключении мира. Через Новикова австро-венгерское правительство передало эту просьбу в Петербург. Посредниками в урегулировании конфликта должны были стать Вена и Берлин: это предотвратило бы непосредственные контакты между воюющими странами. Однако и Германия, и Австро-Венгрия отказались от этой роли, сочтя момент для обращения неподходящим⁶².

В январе 1878 г. Россия и Османская империя подписали соглашение о перемирии в Адрианополе. Однако было очевидно, что решающие дипломатические баталии еще впереди. Так, Андраши заявил Новикову, что ни один министр австро-венгерского правительства не даст согласия на расширение Болгарии к югу от Балканского хребта, а сам он будет сопротивляться подобному решению «любыми средствами». «Даже путем войны?» — спросил Новиков. Андраши повторил: «Любыми»⁶³. Он настаивал, что при выработке условий мира необходимо следовать рейхштадтским и будапештским соглашениям. Однако с момента их заключения военно-политическая обстановка на Балканах принципиально изменилась. В конце января — начале февраля 1878 г. Австро-Венгрия провела

⁵⁹ Донесение Е.П. Новикова А.М. Горчакову... 2 (14) июля 1876 г. // Россия и восстание в Боснии и Герцеговине... С. 299, 300.

⁶⁰ Сборник договоров России... С. 149–155; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX века / отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978. С. 211.

⁶¹ Карцов Ю.С. За кулисами дипломатии. С. 4.

⁶² Восточный вопрос во внешней политике России. С. 220.

⁶³ Цит. по: Виноградов В.Н. Австрия и Россия после 1849 года. О попытках габсбургского орла вознзить когти в земли Балкан // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 53.

мобилизацию войск в Карпатах, объясняя этот шаг стремлением «удержать в определенных границах русские притязания»⁶⁴.

Во время мирных переговоров в Сан-Стефано Горчаков советовал российскому уполномоченному графу Игнатьеву действовать «весьма осмотрительно», не забывая об интересах не только славянских народов, но и Австро-Венгрии. Однако последний намеревался поставить Европу перед свершившимся фактом и заключить договор с Турцией без участия западных держав. Игнатьев даже предлагал захватить Константинополь⁶⁵. Самые радикальные предложения дипломата были отклонены, но все же Александр II подписал Сан-Стефанский договор в марте 1878 г. Европа взорвалась негодованием, и лишь германский канцлер Отто фон Бисмарк занял позицию стороннего наблюдателя, де-факто поддерживая Австро-Венгрию.

Накануне Берлинского конгресса европейских держав, проходившего с июня по сентябрь 1878 г., российское правительство решило провести предварительные сепаратные переговоры с Австро-Венгрией с целью сгладить противоречия между странами и сблизить их позиции. В Вену на помощь Новикову был направлен Игнатьев с письмом от Александра II. Однако ни по одному вопросу согласия добиться не удалось⁶⁶. И причиной послужили не дипломатические просчеты, а жесткая, непоколебимая позиция австро-венгерской стороны, отстаивавшей свои экономические и политические интересы на Балканах, а также обнадеживающие сигналы из Берлина.

На самом Берлинском конгрессе сложился англо-австрийский блок, который при поддержке Бисмарка пункт за пунктом «урезал» российский план переустройства Балкан. Конгресс, однако, при всей противоречивости своих решений, не смог «отменить» значения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. для судеб славянских народов. Этими решениями не была полностью удовлетворена ни одна из сторон. Итоги Берлинского конгресса были крайне негативно восприняты в российском обществе. Александр II также был разочарован, но все же пришел к реалистичному выводу: отечественной дипломатии удалось извлечь из военной победы все, на что можно было надеяться в тех условиях. Солидарен с императором и современный исследователь: «Берлинский трактат, восстановивший внутрибалканский баланс, в конечном счете полнее отвечал долгосрочным интересам России, чем блистательный Сан-Стефанский мир»⁶⁷.

Восточный кризис завершился. Одним из его итогов стало охлаждение отношений между Веной и Петербургом. Новиков еще некоторое время оставался на своем посту, причем поддерживал переписку с Горчаковым, откровенно обсуждая с ним европейскую «повестку дня». Так, в январе 1879 г. российский посол сообщал, что в деятельности международных комиссий, созданных по итогам Берлинского конгресса, Россия фактически оказалась в одиночестве. Новиков, в частности, отмечал: «Я не могу в них обнаружить и следа союза трех империй, в то время как я замечаю почти всюду, что представители Германии и Австро-Венгрии выступают как один человек»⁶⁸. Канцлер ответил большой аналитической запиской: «Центр Европы стремится изолировать две ее окраины, разъединяя Францию и Россию. ... Срединная Европа, втавив нас в войну с целью ослабить нас и сплотившись потом для того, чтобы отнять у нас ее результаты, еще теснее соединяется для утверждения своего преобладания. ... Нечего и говорить, что соглашение “трех императоров” расторгнуто фактическим поведением наших двух союзников в отношении к нам. В настоящее время наша главная задача — закончить ликвидацию прошлого и впредь искать опоры лишь в самих себе»⁶⁹. К таким выводам пришел канцлер Российской империи, глубоко разочарованный в «союзниках» после Берлинского конгресса. К этому времени он уже практически отошел

⁶⁴ Восточный вопрос во внешней политике России. С. 222.

⁶⁵ См.: Там же. С. 223.

⁶⁶ См.: Там же. С. 226–227.

⁶⁷ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М., 2004. С. 350.

⁶⁸ Цит. по: Сказкин С.Д. Конец австро-руско-германского союза. М., 1974. С. 90.

⁶⁹ Там же. С. 90–91.

от дел и даже не был поставлен в известность, когда в сентябре 1879 г. в Берлине начались тайные переговоры о возобновлении «Союза трех императоров».

В декабре 1879 г. трем наиболее важным дипломатическим представителям Российской империи в Европе — П.А. Шувалову в Лондон, А.Б. Лобанову-Ростовскому в Константинополь и Е.П. Новикову в Вену — из Министерства иностранных дел, которым фактически в тот момент руководил Николай Карлович Гирс, был направлен запрос о том, насколько отвечает российским интересам восстановление «Союза трех императоров». Послы были единодушны в том, что подобный союз необходим Петербургу — просто потому, что у него нет выбора⁷⁰.

Тогда же, в декабре 1879 г., Новиков получил чин действительного тайного советника и был назначен чрезвычайным и полномочным послом в Османской империи. В хорошо знакомом Константинополе ему вновь предстояло сменить А.Б. Лобанова-Ростовского, который прослужил там всего полтора года, а теперь отбывал в Лондон. На берега Босфора князь был направлен летом 1878 г. для важной миссии — подписания итогового мирного договора с Османской империей, что и осуществил вполне успешно, преодолев множество препятствий и затруднений⁷¹. В инструкции Лобанову-Ростовскому Горчаков писал: «Нам важно иметь в руках обязательство, непосредственно связывающее Турцию с Россией, независимо от ее обязательств по отношению к Европе, и которое бы нам позволило в случае необходимости потребовать права на то, что у нас оспаривалось до настоящего времени»⁷². Константинопольский договор был подписан 27 января (8 февраля) 1879 г. и начинался статьей, которая гласила: «Отныне между обеими империями будут мир и дружба»⁷³.

Положение нового российского посла в турецкой столице было двойственным. Новиков, безусловно, представлял страну-победительницу. В то же время военные достижения России были отчасти обесценены совместным политическим давлением на Петербург европейских держав, что являлось крайне обнадеживающим моментом для Османской империи. И если к князю Лобанову-Ростовскому султан Абдул-Хамид II испытывал определенную симпатию и даже просил о его назначении, то к новому послу явно не благоволил. Между тем Ю.С. Карцов, служивший тогда в генеральном консульстве в Константинополе, характеризовал Е.П. Новикова в своих воспоминаниях как человека «замечательного трудолюбия, долголетней опытности, обширной эрудиции. По глубине научного образования между нашими дипломатами ... Евгений Петрович не имел себе равного. ... Продолжительная служба в Константинополе, Бейруте, Афинах дала ему случай изучить характер стремления народов Востока, а затем в качестве посла в Вене он имел возможность встретиться и познакомиться с главнейшими руководителями европейской политики»⁷⁴. При этом вопросами экономическими и военными Новиков совсем не интересовался. Его политические взгляды были вполне определенными: «Для него враги России были не англичане и не немцы, а славянофилы и военные, которые толкают Россию в пропасть». И выражал он эти взгляды открыто, «без обиняков», в отличие от многих других дипломатов, которые «продолжали писать об исторических правах России, на которую христианские народы продолжают взирать с надеждой»⁷⁵.

Сотрудник российского посольства Н.К. Арбузов оставил об этом периоде службы Е.П. Новикова более обширные и весьма интересные воспоминания. Главное он подчеркнул в первых же строках своих заметок: «После нашего поражения на Берлинском конгрессе трудно было удерживать зная России на желаемой высоте, но Евгений Петрович, хорошо зная характер турок, сумел бороться с обстоятельствами и заставил их уважать себя и так горячо и беззаветно любимую им Россию. Он был последним из могикан когда-то славных русских дипломатов того времени»⁷⁶.

⁷⁰ См.: Там же. С. 149–151.

⁷¹ См.: Кушнарев И.С. Указ. соч. С. 48–57.

⁷² Канцлер А.М. Горчаков... С. 372.

⁷³ Сборник договоров России... С. 207.

⁷⁴ Карцов Ю. Семь лет на Ближнем Востоке... С. 27.

⁷⁵ Там же. С. 30.

⁷⁶ Арбузов Н.К. Указ. соч. С. 802.

По воспоминаниям Арбузова, Новиков был внимателен и заботлив по отношению к своим подчиненным, выручал их в трудных ситуациях, но в том, что касалось дел службы, был предельно требователен. Так, однажды среди ночи, под проливным дождем он послал своего помощника во дворец к великому визирю, который твердо обещал дать ответ по важному вопросу еще вечером, но не исполнил обещания. Не принять посланца российского дипломата, даже в столь неурочный час, было невозможно. По его возвращении Евгений Петрович (который, конечно, тоже не спал всю ночь) заметил, что «этот сановник в следующий раз будет более пунктуален, ведь он не захочет, чтобы его опять поднимали из теплой постели».

Виртуозное мастерство дипломатической игры и в то же время твердость характера Новикова ярко проявились и в те дни, когда он получил отставку и готовился покинуть Константинополь. Согласно дипломатическому протоколу, должен был состояться прощальный обед отбывающего посла у султана. Абдул-Хамид II решил напоследок «унизить и возможно более оскорбить» Новикова. Два раза он откладывал обед, причем объявлялось об этом в самый последний момент, когда все чины посольства готовились к выходу. Когда в третий раз султан все же вознамерился исполнить договоренность, посланные за русским послом слуги застали его в домашнем халате. «Потрудитесь доложить султану, что, к величайшему моему сожалению, я никак не могу воспользоваться сегодня любезным приглашением Его Величества по случаю расстройства желудка», – заявил им Евгений Петрович. Как отмечает Арбузов, «султану ужасно хотелось лягнуть умирающего льва, и, увлекшись этой идеей, он совершенно забыл, с кем имеет дело».

Обед все же состоялся через несколько дней. Его участники рассыпались во взаимных любезностях. Султан подарил послу на память «золотую табакерку со своим шифром из крупных бриллиантов». На следующий день в посольство были приглашены репортеры всех газет, а наутро «публика узнала, что золотую табакерку, осыпанную бриллиантами, ... посол пожертвовал в пользу русского Николаевского госпиталя в Константинополе. Все это мог проделать только Евгений Петрович Новиков и никто другой», – так завершает Арбузов свои воспоминания⁷⁷.

Новиков отбыл из Константинополя в марте 1882 г., сразу после ухода со своего поста Горчакова. Как человек в высшей степени заслуженный, он был назначен членом Государственного совета. Однако сам дипломат назвал это «сдачей в архив за негодностью». По некоторым свидетельствам, на заседаниях Госсовета Евгений Петрович не появился ни разу. Зимой он обычно проводил за границей, а летом жил в своем имении Непецино. Там же он и был похоронен в 1903 г.

Таким образом, мы проследили жизненный путь достойного представителя классической школы российской дипломатии. Человек прекрасно образованный, проницательный, ответственный, Е.П. Новиков не раз представлял и отстаивал интересы России в периоды узловых коллизий, связанных с Восточным вопросом. В нем соединялись исполнительность, преданность своему «патрону» – А.М. Горчакову, доверие которого он всегда оправдывал, и самостоятельность, инициативность. Взгляды Евгения Петровича претерпели довольно быструю эволюцию – от увлечения панславистскими идеями до твердой убежденности в приоритете национальных интересов России. Подобные профессионалы высокого класса составляли костяк дипломатического корпуса Российской империи в XIX столетии.

Библиография

Арбузов Н.К. Из воспоминаний о Царьграде. Евгений Петрович Новиков – наш посол в Константинополе // Исторический вестник. 1914. Т. 138. № 12. С. 801–837.

Берг Н. Очерк последних сирийских событий // Библиотека для чтения. 1863. № 10. С. 1–26.

Бернштейн С.Б. Русское славяноведение о сербо-лужицких языках // Сербо-лужицкий лингвистический сборник / отв. ред. Л.Э. Калнынь. М., 1963. С. 5–22.

⁷⁷ Там же. С. 835–837.

- Виноградов В.Н.* Австрия и Россия после 1849 года. О попытках габсбургского орла вонзить когти в земли Балкан // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 48–59.
- Виноградов В.Н.* Канцлер А.М. Горчаков: триумф в Лондоне и черные дни в Берлине // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 123–150.
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX века / отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978.
- Галямичев А.Н.* Евгений Петрович Новиков – русский историк и дипломат XIX века // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию исторического образования в Саратовском университете / под ред. А.Н. Галямичева. Саратов, 2008. С. 195–200.
- Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918. М., 2004.
- Золотухин М.Ю.* Русско-австрийские переговоры по политическим и территориальным изменениям на Балканском полуострове на начальном этапе восточного кризиса 1870-х годов // Преподаватель XXI век. 2016. № 1. С. 253–261.
- Иванов Ю.Ф.* Гуситское движение в русской историографии // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 52–63.
- История внешней политики России. Вторая половина XIX века / отв. ред. В.М. Хевролина. М., 1997.
- Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения / редкол. Е.М. Примаков и др. М., 1998.
- Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии. СПб., 1908.
- Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906.
- Кудрявцева Е.П.* Российский посланник в Турции А.П. Бутенев // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013038640015140-2
- Кушнарев И.С.* Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского (1844–1896 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.
- Лаптева Л.П.* Ян Гус и немецкая реформация в освещении русской литературы XIX – начала XX века // Исследования по славяно-германским отношениям / отв. ред. В.Д. Корольюк. М., 1971. С. 282–300.
- Медоваров М.В.* Генерал А.А. Киреев, королева Ольга и русско-греческие отношения во второй половине XIX – начале XX в. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 217–220.
- Панченкова М.Т.* Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860–1861 гг. М., 1966.
- Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878. Документы / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2008.
- Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь: в 6 т-х. Т. 4. М–П. / гл. ред. П.А. Николаев. М., 1999.
- Сагомоян А.А.* Участие России в международной комиссии 1860–1861 гг. по Сирии // Электронный научно-образовательный журнал. История. 2023. Т. 14. Вып. 12 (134). Ч. II. URL: <https://history.jes.su/s207987840029670-6-1/> (дата обращения: 12.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840029670-6
- Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е.А. Адамова, сост. И.В. Козьменко. М., 1952.
- Сенкевич И.Г.* Россия и критское восстание 1866–1869 гг. М., 1970.
- Сироткина Е.В.* Дьюла Андраши, Восточный вопрос и развитие австрийско-российских отношений в 70-е годы XIX века // Славяноведение. 2018. № 5. С. 3–16.
- Сироткина Е.В.* На пути к Союзу трех императоров: австрийско-российские отношения после окончания франко-прусской войны // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2014. № 2. С. 145–150.
- Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974.
- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / отв. ред. Д.А. Марков, В.А. Дьяков. М., 1988.
- С.Н.* Письма о Греции в 1865–67 годах. СПб., 1869.
- Хевролина В.М.* Российское посольство в Константинополе и его руководитель Н.П. Игнатьев (1864–1876 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 36–57.
- Хевролина В.М.* Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатьева // Российская дипломатия в портретах / под ред. А.В. Игнатьева. М., 1992. С. 238–256.
- Хитрова Н.И.* Триумф А.М. Горчакова. Отмена нейтрализации Черного моря // Российская дипломатия в портретах / под ред. А.В. Игнатьева. М., 1992. С. 208–220.
- Шестаков П.Д.* Московский университет в 40-х годах // Русская старина. 1887. Т. 55. № 7–9. С. 641–662.
- Ozavci O.* Dangerous Gifts. Imperialism, Security, and Civil Wars in the Levant, 1798–1864. Oxford, 2021.

References

- Arbuzov N.K.* Iz vospominanii o Tsar'grade. Evgenii Petrovich Novikov – nash posol v Konstantinopole [From the memories of Constantinople. Evgeny Petrovich Novikov – our ambassador in Constantinople] // Istoricheskii vestnik [Historical Bulletin]. 1914. T. 138. № 12. S. 801–837. (In Russ.)
- Berg N.* Ocherk poslednikh siriiskikh sobytii [An essay on the latest Syrian events] // Biblioteka dlia chteniia [Library for Reading]. 1863. № 10. S. 1–26. (In Russ.)
- Bernshtein S.B.* Russkoe slavianovedenie o serbo-luzhitskikh iazykah [Russian slavic studies on the Serbo-Lusatian languages] // Serbo-luzhitskii lingvisticheskii sbornik [Serbo-Lusatian Linguistic Collection] / otv. red. L.E. Kalnyn'. Moskva, 1963. (In Russ.)
- Degoev V.V.* Vneshniaia politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700–1918 [Russian Foreign Policy and International Systems: 1700–1918]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Galiamichev A.N.* Evgenii Petrovich Novikov – russkii istorik i diplomat XIX veka [Evgeny Petrovich Novikov – Russian historian and diplomat of the 19th century] // Istoricheskaiia pamiat' i obshchestvo: epokhi, kul'tury, liudi. Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu istoricheskogo obrazovaniia v Saratovskom universitete [Historical memory and society: epochs, cultures, people. Materials of the scientific conference dedicated to the 90th anniversary of historical education at Saratov University] / pod red. A.N. Galiamicheva. Saratov, 2008. S. 195–200. (In Russ.)
- Istorija vneshnej politiki Rossii. Vtoraja polovina XIX veka* [The History of Russia's Foreign Policy. The Second Half of the 19th Century] / otv. red. V.M. Khevolina. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Ivanov Iu.F.* Gusitskoe dvizhenie v russkoi istoriografii [The Hussite movement in Russian historiography] // Voprosy istorii [Questions of History]. 1973. № 9. S. 52–63. (In Russ.)
- Kancler A.M. Gorchakov: 200 let so dnia rozhdeniia* [Chancellor A.M. Gorchakov: 200 years since his birth] / redkol. E.M. Primakov i dr. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Kartsov Iu.S.* Sem' let na Blizhnem Vostoke. 1879–1886. Vospominaniia politicheskie i lichnye [Seven Years in the Middle East. 1879–1886. Political and Personal Memories]. Sankt-Peterburg, 1906. (In Russ.)
- Karcov Iu.S.* Za kulisami diplomatii [Behind the scenes of diplomacy]. Sankt-Peterburg, 1908. (In Russ.)
- Khevolina V.M.* Rossiiskoe posol'stvo v Konstantinopole i ego rukovoditel' N.P. Ignat'ev (1864–1876 gg.) [The Russian Embassy in Constantinople and Its Chief N.P. Ignat'ev (1864–1876)] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2003. № 6. S. 36–57. (In Russ.)
- Khevolina V.M.* San-Stefano: venets i zavershenie diplomaticheskoi kar'ery N.P. Ignat'eva [San Stefano: the crown and the end of N.P. Ignatiev's diplomatic career] // Rossiiskaia diplomatia v portretakh [Russian Diplomacy in Portraits]. Moskva, 1992. (In Russ.)
- Khitrova N.I.* Triumf A.M. Gorchakova. Otmena neutralizatsii Chernogo moria [The triumph of A.M. Gorchakov. Cancellation of the neutralization of the Black Sea] // Rossiiskaia diplomatia v portretakh [Russian Diplomacy in Portraits]. Moskva, 1992. (In Russ.)
- Kudriavtseva E.P.* Rossiiskii poslannik v Turtsii A.P. Butenev [The Russian Ambassador in Turkey A.P. Butenev] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 83–93. DOI: 10.31857/S013038640015140-2 (In Russ.)
- Kushnarev I.S.* Zhizn' i gosudarstvennaia deiatel'nost' A.B. Lobanova-Rostovskogo (1844–1896 gg.) [The life and state activity of A.B. Lobanov-Rostovsky (1844–1896)]: dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2008. (In Russ.)
- Lapteva L.P.* Ian Gus i nemetskaia reformatsiia v osvoshchenii russkoi literatury XIX – nachala XX veka [Jan Hus and the German Reformation in the coverage of Russian literature of the 19th – early 20th century] // Issledovaniia po slaviano-germanskim otnosheniiam [Studies on Slavic-German Relations] / otv. red. V.D. Koroliuk. Moskva, 1971. (In Russ.)
- Medovarov M.V.* General A.A. Kireev, koroleva Ol'ga i russko-grechskie otnosheniia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [General A.A. Kireev, Queen Olga and Russian-Greek relations in the second half of the 19th – early 20th century] // Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia [Theory and Practice of Social Development]. 2013. № 1. S. 217–220 (In Russ.)
- Panchenkova M.T.* Politika Frantsii na Blizhnem Vostoke i siriiskaia ekspeditsiia 1860–1861 gg. [French Policy in the Middle East and the Syrian Expedition of 1860–1861]. Moskva, 1966. (In Russ.)
- Rossiiia i vosstanie v Bosnii i Gertsegovine. 1875–1878. Dokumenty* [Russia and the Uprising in Bosnia and Herzegovina. 1875–1878. Documents] / otv. red. K.V. Nikiforov. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]: v 6 t.-kh. T. 4. M–P. / gl. red. P.A. Nikolaev. Moskva, 1999. (In Russ.)
- S.N. Pis'ma o Gretsii v 1865–67 godakh* [Letters about Greece in 1865–67]. Sankt-Peterburg, 1869. (In Russ.)
- Sagomonian A.A.* Uchastie Rossii v mezhdunarodnoi komissii 1860–1861 gg. po Sirii [Participation of Russia in the 1860–1861 International Commission on Syria] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T. 14. Vyp. 12 (134).

Ch 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840029670-6-1/> (access date: 12.01.2024). DOI: 10.18254/S207987840029670-6 (In Russ.)

Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 [Collection of Treaties between Russia and Other States. 1856–1917] / pod red. E.A. Adamova, sost. I.V. Koz'menko. Moskva, 1952. (In Russ.)

Senkevich I.G. Rossiia i kritskoe vosstanie 1866–1869 gg. [Russia and the Cretan Revolt of 1866–1869]. Moskva, 1970. (In Russ.)

Shestakov P.D. Moskovskii universitet v 40-kh godakh [Moscow University in the 40s] // Russkaia starina [Russian Antiquity]. 1887. T. 55. № 7–9. S. 641–662. (In Russ.)

Sirotkina E.V. D'jula Andrashi, Vostochnyi vopros i razvitie avstriisko-rossiiskih otnoshenii v 70-e gody XIX veka [The Eastern question and the development of Austrian-Russian relations in the 70s of the 19th century] // Slavianovedenie [Slavonic Studies]. 2018. № 5. S. 3–16. (In Russ.)

Sirotkina E.V. Na puti k Soizu trekh imperatorov: avstriisko-rossiiskie otnosheniia posle okonchaniia franko-prusskoi voiny [On the way to the Treaty of Three Emperors: the Austro-Russian relationship after the end of the Franco-Prussian War] // Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniia RoSMU [Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU]. 2014. № 2. S. 145–150. (In Russ.)

Skazkin S.D. Konets avstro-russko-germanskogo soiuza [The End of the Austro-Russian-Germanic Union]. Moskva, 1974. (In Russ.)

Slavianovedenie v dorevoliutsionnoi Rossii. Izuchenie iuzhnykh i zapadnykh slavian [Slavionic Studies in Pre-Revolutionary Russia. The Study of the Southern and Western Slavs] / otv. red. D.A. Markov, V.A. D'iakov. Moskva, 1988. (In Russ.)

Vinogradov V.N. Avstriia i Rossiia posle 1849 goda. O popytkah gabsburgskogo orla vonzit' kogti v zemli Balkan [Austria and Russia after 1849. About attempts of the Habsburg eagle to stick claws into the lands of the Balkans] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2013. № 5. S. 48–59. (In Russ.)

Vinogradov V.N. Kancler A.M. Gorchakov: triumf v Londone i chernye dni v Berline [Chancellor A.M. Gorchakov: triumph in London and dark days in Berlin] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2003. № 3. S. 123–150. (In Russ.)

Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii. Konets XVIII – nachalo XX veka [The Eastern Question in Russian Foreign Policy. Late 18th – early 20th century] / otv. red. N.S. Kiniapina. Moskva, 1978.

Zolotukhin M.Iu. Russko-avstriiskie peregovory po politicheskim i territorial'nym izmeneniiam na Balkanskom poluostrove na nachal'nom etape vostochnogo krizisa 1870-kh godov [The Russian-Austrian negotiations on the political and territorial alterations on the Balkan Peninsula at the initial stage of the Eastern crisis of the 1870s] // Prepodavatel' XXI vek [Teacher, the 21st century]. 2016. № 1. S. 253–261. (In Russ.)

Ozavci O. Dangerous Gifts. Imperialism, Security, and Civil Wars in the Levant, 1798–1864. Oxford, 2021.

DOI: 10.31857/S0130386424040165

© 2024 г. И.К. Богомолов

НЕЙТРАЛИТЕТ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рец. на книгу: M. Abbenhuis, I. Tames. GLOBAL WAR, GLOBAL CATASTROPHE. NEUTRALS, BELLIGERENTS AND THE TRANSFORMATION OF THE FIRST WORLD WAR. London: Bloomsbury Academic, 2022. 238 p.

Богомолов Игорь Константинович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: bogomolov@inion.ru

Researcher ID: AAI-8746-2020

I.K. Bogomolov

NEUTRALITY DURING THE GREAT WAR

Rec. ad. op.: M. Abbenhuis, I. Tames. GLOBAL WAR, GLOBAL CATASTROPHE. NEUTRALS, BELLIGERENTS AND THE TRANSFORMATION OF THE FIRST WORLD WAR. London: Bloomsbury Academic, 2022. 238 p.

Igor Bogomolov, Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: bogomolov@inion.ru

Researcher ID: AAI-8746-2020

Дискуссии о том, являлась ли Первая мировая война «тотальной», ведутся не одно десятилетие¹. Ныне этот вопрос обретает новое звучание в связи с углубленным изучением регионов Азии и Африки в 1914–1918 гг. Рецензируемая монография М. Аббени и И. Тамеса — хороший пример рассмотрения проблемы «тотальности» Первой мировой в контексте вовлечения в нее большей части населения Земли. Авторы следовали традиционному определению «тотальной войны», данному еще в 1918 г. журналистом Л. Доде, определявшим ее как «расширение борьбы... на сферы политики, экономики, торговли, промышленности, интеллектуальной жизни, права, финансов. Сражаются не только армии, но и традиции, институты, обычаи, законы, умы и, в особенности, банки»². Используя новые источники и исследования последних лет, авторы отмечают, что «лишь немногие люди могли избежать последствий глобальной войны, даже если они жили в нейтральной стране... или вдали от официального военного фронта» (с. 4).

Вопрос о нейтралитете в Великой войне в целом занимает в книге центральное место. При этом Абе-

ни и Тамес не обращаются к традиционной и уже хорошо изученной истории «перетягивания» нейтральных стран на сторону противоборствующих военных блоков. Основное внимание обращено на идеологические, пропагандистские, культурные аспекты соблюдения и нарушения нейтралитета в 1914–1918 гг. Затронуты и набирающие популярность в зарубежной историографии сюжеты о социально-экономическом положении европейских колоний в Азии и Африке.

В первой главе описываются контуры международных отношений «длинного» XIX в. В это столетие державы «охотно использовали... насилие для поддержания порядка на своих территориях и границах, подавления сопротивления и отстаивания своего самопровозглашенного права на власть». В то же время правящая элита избегала конфликтов с соперничающими или соседними странами, понимая, что войны являются «предвестниками экономического спада, народной революции и социальных волнений» (с. 15). Считалось, что только «легитимным» государствам позволено вести войны с целью расширения своих владений. Конфликт между ними должен был соответствовать ожиданиям, включая международное право войны. Любое государственное насилие, осуществлявшееся в целях поддержания порядка в империи, подавления восстания или захвата территории, на

¹ Магадеев И. Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 3–16.

² Цит. по: Там же. С. 4.

которой проживали «нецивилизованные» народы, не подпадали под эти ограничения. Война 1914–1918 гг. устранила многие различия, которые в XIX в. проводились между «межгосударственными войнами и другими формами государственного и негосударственного военного насилия» (с. 24).

Во второй главе рассказывается о том огромном значении, которое современники придавали вторжению Германии в Бельгию и Люксембург в ночь с 3 на 4 августа 1914 г. Поступив таким образом, Германия «добилась того, что идеалу “ограниченной войны”, который лежал в основе европейского баланса сил с 1815 г., был положен конец» (с. 9). Вторжение также похоронило ожидания, что нейтральные страны являются относительно «безопасными» пространствами. Убийства мирных жителей в Бельгии и на севере Франции стали мощным основанием для антигерманской пропаганды, с которой Берлин безуспешно боролся на протяжении всей войны. Роль пропаганды в разжигании ненависти к немцам была признана уже после войны, что в немалой степени способствовало международной разрядке. В частности, отказ от признания правдивыми «Синей книги» 1915 г. и «Белой книги» 1918 г. помог улучшить англо-германские отношения в 1920-х годах (с. 42).

Третья глава посвящена второму ключевому моменту, который придал войне глобальный характер, а именно объявлению Великобританией войны Германии 4 августа 1914 г. Державы (в том числе нейтральные) столкнулись с перспективой того, что в Африке и Азиатско-Тихоокеанском регионе могут открыться новые военные фронты, поскольку вражеские колонии мобилизуют свои имперские силы друг против друга. Таким образом, просто вступив в войну, Англия добилась того, что эта война не стала «кратковременным событием», хотя до конца 1914 г. доминировало представление о скором окончании военных действий решительной победой одной из сторон (с. 46).

В четвертой главе анализируются изменения в стратегии войны после осознания противоборствующими блоками невозможности достижения быстрой победы. После декабря 1914 г. и по мере стабилизации фронтов экономическая война начинала набирать обороты. До того воюющие стороны придерживались положений Лондонской декларации 1909 г. и Гаагской конвенции 1907 г., позволявших нейтральным государствам торговать с воюющими сторонами товарами, не являющимися контрабандой. Начиная с марта 1915 г. противники «все чаще отвергали или пересматривали права нейтралитета и при этом возвращались к принципам неограниченной экономической войны, распространенным в Европе в начале нового времени» (с. 11). Переход к тотальной экономической войне в начале 1915 г. вызвал огромные изменения в структуре торговли, повлияв на уровень жизни населения всех стран. Продовольственная безопасность превратилась в оружие войны, направленное как против воюющих, так и против нейтральных обществ. В результате менялось понимание «справедливой войны» — того, что было разрешено или ожидаемо в поведении противников.

Во многих нейтральных странах развернулись «дебаты о ценности сохранения нейтралитета и о том, какую воюющую сторону поддерживать» (с. 74).

В пятой главе рассматривается применение государствами насилия для достижения военных, стратегических и экономических преимуществ и для обеспечения соблюдения обязательств подчиненным, оккупированным и нейтральным населением. Авторы задаются вопросом, как понятия «лояльность», «идентичность» и «ответственность перед государством» были мобилизованы для оправдания насилия. Распространение идей тотальной войны и необходимость одержать победу практически любой ценой превращали любого, кто помогал военным усилиям противника, в оправданную цель для наблюдения, тюремного заключения и даже уничтожения: «“Варвар”, живущий по соседству, был так же опасен, как и тот, кто пытается убить вас издали» (с. 80). Также в главе кратко характеризуются эксперименты с новыми видами вооружений (отравляющие газы, воздушные бомбардировки и подводные лодки) и «институционализация насилия» на фронтах и в прифронтовых областях (принудительные депортации, интернирование, оккупационные режимы, геноцид).

В шестой главе анализируется влияние мировой войны на социальную структуру и политические настроения обществ. Неспособность воюющих держав добиться стратегического прорыва в 1916 г. «дорого обошлась их способности... управлять своими странами, своими империями и международной обстановкой в целом». Баланс, которого они придерживались в 1914 и 1915 гг., — между поощрением поддержки и лояльности своего населения и принуждением к подчинению, когда эта поддержка перестала быть добровольной, — пошатнулся в 1916 г. Государственное насилие против «нелояльных» групп и сообществ усиливалось по мере того, как ослабевал их энтузиазм по отношению к войне (с. 100). Нейтральные правительства также сталкивались с серьезной оппозицией своей политике военного времени, особенно в условиях дефицита и нормирования продовольствия. 1916 г. «перечеркнул представления XIX в. о нейтралитете как средстве, смягчающем войну между государствами» (с. 110). Нейтралитет государств становился все менее выгодным и все более «морально сомнительным» в глазах не только противоборствующих сторон, но и собственного населения. В качестве примера приводятся не только США, но и Португалия, которая вступила в войну в марте 1916 г., после того как захватила немецкие и австрийские торговые суда в своих территориальных водах и сменила их флаги. Это позволило ей уменьшить дефицит морских перевозок и возобновить торговлю с союзниками, нарушенную германской подводной войной (с. 110).

Седьмая глава посвящена 1917 г., когда мировая война превратилась в «тотальную глобальную трагедию», разрушив социальную и политическую структуру многих воюющих и нейтральных сообществ. Авторы показывают, как «сильный стресс от

непрекращающейся тотальной войны подталкивал как нейтральные, так и воюющие сообщества к политическим беспорядкам и революции». На международном уровне падение монархии в России не только способствовало падению австрийской, османской и германской монархий, но и пошатнуло колониальные империи Великобритании и Франции. Успехи российской революции были вызваны в первую очередь «тревогами и страхами правящих элит и тех, кто заявлял о своей преданности этим элитам». Однако в долгосрочной перспективе установление «потенциально мощного большевистского режима в России подорвало шансы на создание хорошо функционирующей международной системы и возвращение к системе глобальной торговли и капитализма “открытого моря” после войны». Революция 1917 г. ознаменовала «переход к новой эре революционного насилия», и, хотя Первая мировая война «формально закончилась перемирием 11 ноября 1918 г., рост... беспорядков и политической нестабильности определил послевоенный период» (с. 117).

В восьмой главе анализируются причины и последствия вступления США в Первую мировую войну. Этот шаг «ознаменовал окончательный крах международного порядка XIX в., который основывался на готовности и способности отдельных государств заявлять о своем нейтралитете». Соединенные Штаты вступили в войну не только против Германии, но и в поддержку своего видения нового международного порядка. Такое видение отрицало нейтралитет как действенную внешнюю политику» (с. 12). После 2 апреля 1917 г. выбор оставшихся нейтральными государств фактически свелся к двум вариантам: «вступить в войну... либо потерять шанс повлиять на то, как воюющие стороны изменят международную систему по окончании конфликта» (с. 138). Это касалось и самих Соединенных Штатов. Хотя многие американцы признавали, что их нейтралитет по-прежнему являлся экономически выгодным, он мог быть «истолкован как изоляционизм» и, таким образом, не позволил бы США «участвовать в послевоенном переговорном процессе» (с. 141). Вместе с российской революцией вступление Вашингтона в войну стало поводом для смены внешнеполитической парадигмы в оставшихся нейтральных государствах.

В заключительной девятой главе Абеньи и Тамес кратко характеризуют долгосрочные последствия

Первой мировой войны, в частности для системы международных отношений и будущего колониальных империй. После 1918 г. в мировой политике «преобладали идеи независимости, автономии, государственности, самоопределения, избирательного права и расового равенства. Создание Советского Союза в 1922 г. и его основополагающая антикапиталистическая и антиимперская риторика еще больше подорвали легитимность империализма как действенного средства управления» (с. 167–168). В западном мире было «много людей (и правящих элит), которые надеялись на возвращение к привычному довоенному социальному, расовому и политическому порядку». Прославление довоенного прошлого стало «мощным стимулом для восстановления полного имперского контроля и подавления ожиданий перемен». Готовность прибегать к государственному насилию для обеспечения соблюдения законов редко сдерживалась, и в этом смысле военные годы «не принесли избавления от империи или расового неравенства». В целом, Первая мировая война открыла «ящик Пандоры», подорвав, помимо прочего, «принципы глобального и имперского управления, которые позволили великим индустриальным державам процветать в XIX в. По иронии судьбы, те же самые великие державы несли ответственность за разрушения, которые они обрушили на мир» (с. 173).

Рецензируемая монография изобилует множеством фактов экономической, социальной и политической истории, ярко демонстрируя тесную связь между всеми государствами на планете в начале XX в. Большое внимание к странам и регионам Азии и Африки открывает перед читателем более широкую картину международных процессов, хорошо показывает положение не только воюющих, но и нейтральных государств, а также колоний в 1914–1918 гг. Книга, несомненно, будет полезна читателю для большего понимания причин, хода и последствий Первой мировой войны.

Библиография / References

- Магадеев И. Э.* Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 3–16.
Magadeev I. E. Pervaya mirovaia kak total'naia voina [The First World War as a total war] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2014. № 4. S. 3–16. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S0130386424040176

© 2024 г. С.В. Артамошин

НА ПУТИ К УСТАНОВЛЕНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ:
БОЛЬШЕВИКИ И КАЙЗЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ В 1918 году**Рец. на книгу: БЕРЛИНСКАЯ МИССИЯ ПОЛПРЕДА ИОФФЕ 1918 г. Документы / авт.-сост. А.Ю. Ватлин, Л.В. Ланник, Т. Пентер. М.: Политическая энциклопедия, 2023. 623 с.***Артамошин Сергей Викторович — доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия).**E-mail: artamoshinsv@mail.ru**Scopus ID: 57219485534***S.V. Artamoshin**ON THE WAY TO ESTABLISHING DIPLOMATIC RELATIONS: THE BOLSHEVIKS
AND THE KAISER'S GERMANY IN 1918**Rec. ad op.: BERLIN MISSION OF PLENIPOTENTIARY IOFFE 1918. Documents / author is the compiler A.Y. Vatlin, L.V. Lannick, T. Penter. Moscow: Political Encyclopedia, 2023. 623 p.***Sergei Artamoshin, Bryansk State University acad. I.G. Petrovsky (Bryansk, Russia).**E-mail: artamoshinsv@mail.ru**Scopus ID: 57219485534*

История становления советско-германских отношений до сих пор привлекает внимание как историков, так и общественности. Это определяется как ангажированностью истории германско-большевистских контактов 1917–1918 гг., так и существованием исторических мифов вокруг начального периода советской дипломатии. Среди опубликованных в СССР документов об отношениях Советской России и Веймарской республики очень незначительно были представлены документы по истории взаимоотношений большевистской России и кайзеровской Германии. Подготовленный докторами исторических наук А.Ю. Ватлиным и Л.В. Ланником и д-р Т. Пентер сборник документов, освещающий берлинскую миссию советского полпреда А.И. Иоффе в 1918 г., закрывает эту лауну.

Публикация объединяет материалы трех архивов: Политического архива МИД Германии, Архива внешней политики Российской Федерации и Российского государственного архива социально-политической истории. В общей сложности опубликовано 182 документа, затрагивающих советско-германские отношения с апреля по ноябрь 1918 г. Среди телеграмм, писем и записей по Юзу большое значение имеет комплекс политических докладов А.И. Иоффе в НКВД, что дает возможность читателю создать представление о векторах советско-германских отношений и официальной позиции советского полпредства в Берлине.

Следует подчеркнуть, что издание открывает обстоятельное научное введение, написанное А.Ю. Ватлиным и Л.В. Ланником, в котором дается анализ советско-германских отношений в 1918 г. на основе не только публикуемых документов, но и массива научной литературы по данному вопросу. Глубина исследования опирается на системность изучения проблемы, отражены все нюансы позиций стран по ряду вопросов, отмечен и человеческий фактор — симпатии и антипатии участников событий. Фактически можно утверждать, что введение представляет собой всестороннее исследование деятельности А.И. Иоффе в 1918 г. и проблем непростых отношений и конфликта компетенций полпредства и НКВД. На примере работы миссии А.И. Иоффе можно проследить особенности структурных взаимоотношений в рамках НКВД и влияние личностных конфликтов Иоффе и Чичерина на динамику отношений.

Документы прослеживают советско-германские отношения в условиях Брестской системы международных отношений, которая, несмотря на свою кратковременность, характеризовалась определенной устойчивостью. Сборник во многом отражает спектр вопросов, которые представляли интерес для Советской России: выполнение условий Брестского мира, вывод германских войск за линию разграничения, проблема Черноморского флота,

взаимоотношения Германии и антибольшевистских военных формирований на юге России, особенности отношений большевиков с Антантой и проблемой британского десанта в Мурманске, политика большевиков на Кавказе, прежде всего с Баку, отношения с Украиной. Особый интерес вызывают документы, освещающие процесс выработки и согласования Добавочного договора, который представлял для Германии особый интерес.

Составители сборника сгруппировали документы по четырем разделам, каждый из которых отражает поворотные пункты советско-германских отношений. В первом разделе представлены документы, относящиеся к деятельности полпредства с апреля по июль 1918 г., вплоть до убийства германского посла Мирбаха в Москве (32 документа). Второй — отражает деятельность полпредства с июля по конец августа 1918 г., вплоть до заключения Добавочного договора 27 августа 1918 г. (59 документов). Третий раздел затрагивает деятельность полпредства после заключения договора вплоть до разрыва отношений, с конца августа по начало ноября 1918 г. (84 документа). Четвертый раздел связан с отправкой состава советских миссий из Германии в Москву 7—20 ноября 1918 г. (7 документов).

Комплекс представленных документов создает возможность увидеть деятельность советского полпредства по налаживанию отношений с Германией и отстаиванию интересов Советской России. Важно отметить, что А.И. Иоффе стремился постоянно подчеркивать собственное видение ситуации и полагал, что его точка зрения должна восприниматься Москвой как единственно правильная. Это касалось как проблемы возвращения кораблей Черноморского флота в Севастополь, так и особенностей политики большевиков в отношении Баку и Турции. Документы дают возможность составить портрет первого полпреда как личности незаурядной и противоречивой. Иоффе был достаточно сложным человеком, склонным к конфликтам с руководством, самолюбивой и амбициозной личностью, считавший, что находится на острие советской внешней политики, а точнее, является направляющим острием этой политики. Он считал, что берлинская миссия выступает как внешнеполитический центр, к которому стекались все другие направления советской политики. Это позволяло ему считать себя важнейшей персоной, способной противостоять позиции наркома Чичерина, и требовать большей самостоятельности в ведении германских дел. Документы демонстрируют конфликт компетенций и субординации. Несмотря на жесткое вмешательство Ленина в противостояние Чичерина и Иоффе, последний вплоть до конечного дня сохранял фрондирующую позицию.

Существенной новизной обладают документы, имеющие отношение к подготовке Добавочного договора. Они показывают сложный процесс выработки соглашения, до сего дня во многом известного в общем виде, без нюансировки вопросов. Публикация документов дает полную картину противостояния

и разрешения спорных вопросов между Москвой и Берлином. Следует отметить значительную роль Иоффе в заключении Добавочного договора. Усилия полпреда по сглаживанию региональных конфликтов между большевиками и немцами служили не только преодолению недопонимания, но и выработке доверия между странами. Иоффе стремился всячески продемонстрировать германской стороне стремление Советской России следовать условиям Брестского мирного договора, используя его и как средство давления на Германию, например в отношении Турции, что подтверждается многочисленными документами сборника.

Сохранение в литературе представления о советском полпредстве как центре мировой революции нашло свое отражение в опубликованных документах, но с существенным уточнением о степени вовлеченности советского полпредства в революционные дела. Документы свидетельствуют, что революционная деятельность в виде финансирования и координационных встреч действительно осуществлялась полпредством, но эта деятельность носила второстепенный характер. Для Иоффе определяющей была официальная дипломатическая деятельность, что находит подтверждение в его конкретных делах, в то время как присутствующая революционная риторика не превалировала над дипломатической работой. Можно отметить, что деятельность Иоффе является примером двуличности советской дипломатии: стремление развивать двусторонние дипломатические отношения по линии НКВД и поддержка политики мировой революции в тех же странах, нацеленная на свержение государственной власти по линии Коминтерна. Эти метания — отличительная черта советской дипломатии 1920-х годов.

Важной стороной сборника является личный аспект, который влияет на проводимую политику. На страницах сборника документов можно проследить многомесячный конфликт и острую полемику Иоффе и Чичерина, а также критическую позицию Иоффе к Ларину, Бухарину, Радеку. Отношения с последним определялись не только личной неприязнью, но и стремлением отстоять свое доминирующее положение в германских вопросах. Таким образом, документы сборника отражают межпартийные конфликты в руководстве большевистской партии.

Подводя итог, хотелось бы отметить важность и своевременность публикации документов о берлинской миссии Иоффе, которые способствуют системному пониманию всей сложности советско-германских отношений в 1918 г., раскрывают многие малоизвестные сюжеты истории. Следует подчеркнуть высококвалифицированную работу составителей по комментированию документов с тем, чтобы не оставить не проясненными отдельные вопросы. Этот сборник документов, возможно, станет первой ласточкой в серии публикаций о советско-германских отношениях в свете деятельности советских послов.

© 2024 г.

К 70-летию СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА МАЗОВА

In Honour of the 70th Anniversary of SERGEY VASILYEVICH MAZOV

8 августа 2024 г. исполнилось 70 лет главному научному сотруднику Центра африканских исследований в отделе региональных исследований Института всеобщей истории РАН видному отечественному историку-африканисту доктору исторических наук Сергею Васильевичу Мазову.

Сергей Васильевич закончил кафедру африканистики Института стран Азии и Африки МГУ по специальности «история Африки и язык хауса» в 1976 г. и в том же году поступил в очную аспирантуру Института всеобщей истории (ИВИ) РАН. С тех пор его жизнь неразрывно связана институтом, где он прошел путь от младшего до главного научного сотрудника.

В 1980 г. С.В. Мазов защитил кандидатскую диссертацию «Становление и развитие антиколониального движения на Золотом Береге, 1918–1945». В 2003 г. он защитил докторскую диссертацию «Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964».

Научные исследования С.В. Мазова получили признание коллег не только в нашей стране, но и за рубежом. Он автор пяти монографий, одна из которых была издана в США на английском языке: «Парадоксы “образцовой” колонии. Становление колониального общества Ганы. 1900–1957 гг.» (М., 1993), «СССР и Африка. 1918–1960. Документированная история

взаимоотношений» (в соавторстве с А.Б. Давидсоном и Г.В. Цыпкиным. М., 2002), «Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964. Неизвестные страницы истории холодной войны» (М., 2008), *A Distant Front in the Cold War. The USSR in West Africa and the Congo, 1956–1964* (Washington, 2010), «Холодная война в “сердце Африки”. СССР и конголезский кризис, 1960–1964» (М., 2015).

Под редакцией С.В. Мазова вышло множество заметных научных трудов и публикаций документов, среди которых особое место занимает фундаментальная (более 1000 страниц) «Россия и Африка. Документы и материалы, 1961 – начало 1970-х» (М., 2021).

Сергей Васильевич является желанным участником множества научных конференций и семинаров, в том числе международных. Ведущие учебные и научные учреждения страны часто обращаются к нему с просьбами об оппонировании диссертаций. Он много и увлеченно работает в архивах как отечественных, так и зарубежных.

Редколлегия и сотрудники редакции журнала «Новая и новейшая история» поздравляют Сергея Васильевича с юбилеем и желают ему новых успехов и достижений.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта — 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Д.А. Саноян

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати xx.04.2024 г.
Дата выхода в свет: xx.04.2024 г.
Тираж экз.

70•100¹/₁₆•
Зак.

Уч.-изд. л.
Цена свободная

18+

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Исполнитель ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.